

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

ТЕКСТ И ВНЕТЕКСТОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

10 и 11 апреля 2025 года

2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Институт востоковедения Национальной академии наук Азербайджана
имени академика Зия Буниятова, г. Баку, Азербайджан

Белградский университет, г. Белград, Сербия

Ханойский филиал Института русского языка имени А. С. Пушкина, г. Ханой, Вьетнам

ТЕКСТ И ВНЕТЕКСТОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
10–11 апреля 2025 года

Белгород 2025

УДК 81'42:004.8
ББК 81.11+81.2-51
Т 30

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор:

Н.А. Шейфель, кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой второго иностранного языка НИУ «БелГУ»

Члены редколлегии:

*Е.А. Зуева, С.М. Профатилова, Е.С. Яковлева,
Н.В. Фисунова, Е.Ю. Юрина*

Т 30 **Текст и внетекстовая действительность: теоретические и прикладные исследования:** сборник материалов Международной научно-практической конференции (Белгород, 10–11 апреля 2025 г.) / отв. ред. Н.А. Шейфель. – Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. – 252 с. – URL : <http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/65253>. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-9571-3870-9

В сборник вошли статьи участников международной научно-практической конференции, которая прошла 10-11 апреля 2025 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Статьи посвящены широкому кругу проблем исследования текста, в том числе с применением современных технологий и искусственного интеллекта.

Издание адресовано специалистам в области филологии, межкультурной коммуникации, методики преподавания иностранных языков, научным работникам, докторантам, аспирантам, магистрантам, преподавателям, учителям.

Минимальные системные требования

Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.
скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

УДК 81'42:004.8
ББК 81.11+81.2-51

ISBN 978-5-9571-3870-9

© НИУ «БелГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Акиншина И.Б., Слепцова С.В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ВАЖНЫЙ
АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 11

Александрова Л.В.

ЖЕСТЫ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ 16

Афанасьева А.А., Ленец А.В.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ 20

Багана Ж., Шевченко О.Ю.

ОТ СОЦИАЛЬНОГО ТРИГГЕРА К КОМИЧЕСКОМУ ЭФФЕКТУ:
ТЕКСТОВЫЕ И ВНЕТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СТЕНДАП-ДИСКУРСЕ
БИЛЛА БЁРРА 24

Балабаева Ю.Е., Профатилова С.М.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА «ФОНОВОЙ» ЛЕКСИКИ С ДИМИНУТИВНЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ С РУССКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ 30

Буров А.А., Балаганов Д.В.

РОЛЬ АДРЕСАНТА В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КОГНИТИВНОГО
МЕХАНИЗМА ВЫБОРА ВАРИАНТА ПЕРЕВОДА 37

Волошина Т.Г., Богданова М.Д.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАНИФЕСТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НИГЕРИЙСКОЙ
ОНЛАЙН ГАЗЕТЕ “VANGUARD” 44

Григорьева Е.М., Абрамова Д.Э.

АНАЛИЗ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ НЕЙРОСЕТЕВОГО
АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА
THE SUMMER I TURNED PRETTY) 52

Громова А.В.

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ
В СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: РАЗРАБОТКА
МЕТОДИК И ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ ЭКСПЕРТОВ 56

Гунько А.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ
УЧАЩИХСЯ ЧЕРЕЗ УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА 60

Давыдова О.Р.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ
НОВОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 64

Данилова Е.С., Шевченко Е.М.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ОТОБРАЖАЮЩИЕ ПРОЯВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
(НА МАТЕРИАЛЕ СМИ) 68

Евграфова Ю.А.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ВИДЕОТЕКСТОВ АСМР 73

Зуева Е.А., Пересыпкин А.П. ВАРИАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РЕТРОСПЕКЦИЙ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНОЙ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ А. МЕРКЕЛЬ)	78
Игнатова И.Б., Травкин К.С. ТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ЭКОЛОГОВ	86
Инютина Т.С. АУТЕНТИЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ СРЕДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ВУЗЕ	91
Кислицына Е.В., Середина Е.В. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В УРБАНОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЯХ....	95
Королькова С.В. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СМЫСЛОВЫЕ СЛОЖНОСТИ ХИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛИРОВОК В ОБУЧЕНИИ	99
Кочковая И. О. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АУТЕНТИЧНЫХ И ДАПТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ	102
Кузьмина О.В. ВИЗУАЛЬНЫЕ И ВЕРБАЛЬНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ	105
Кузьмичева В.А. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА СМИ В ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИЗДАНИЯХ.....	107
Лазарева Я.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ БЫТА (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....	113
Летунова Т.Ю., Склярова Н.Г. ОБРАЗ БОГАЧА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В РОМАНЕ ИРВИНА ШОУ «ХЛЕБ ПО ВОДАМ»	118
Луханина А.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЛЮЗИЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Т. ПРАТЧЕТТА «КОТ БЕЗ ПРИКРАС».....	122
Луханина А.Н., Шейфель Н.А. ПЕРЕВОД ПРЕЦИЗИОННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАБОТЕ С АУДИОТЕКСТАМИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ	127
Лыщикова Ю.В., Евдокимова О.Н. АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ ОБРАЩЕНИЙ КЛИЕНТОВ МЕТОДАМИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕПУТАЦИОННЫМИ РИСКАМИ МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	131
Меликян А. А., Темирханова А.С. ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЕБ-САЙТОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	137

Миронова Г.В., Шейфель Н.А. ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ МОНАРХОВ РИЧАРДА I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ И РИЧАРДА III)	141
Мирошниченко Л.Н., Водолазская А.П. СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).....	148
Нгатеио Акони Шани Павел СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ КОНГОЛЕЗСКИМ ЯЗЫКАМ.....	155
Олизько Н.С., Юдина К.В. ГИПЕРТЕКСТОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ОТ ПРОСТЫХ СТРУКТУР ДО ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	160
Погодина А. А., Редкозубова Е.А. ТЕМПОРАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ФЛАННЕРИ О'КОННОР «МУДРАЯ КРОВЬ»	168
Пойменова А.С. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АНИМАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЗООМОРФНОГО ОБРАЗА ПЛУТОВСТВА	171
Пристинская Т.М. ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАЦИЙ С АППРОКСИМАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ.....	176
Пупынина Е.В. ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ: НЬЮ-ЙОРК В РОМАНЕ П. ОСТЕРА «CITY OF GLASS»	183
Ревякина Н.П. ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: СЕМИОТИКА, СТРУКТУРА, МЕТОДОЛОГИЯ.....	188
Сопова И.В., Таранова Е. Н. СООТНОШЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА И ВНЕТЕКСТОВОГО КОМПОНЕНТА В УЧЕБНИКЕ.....	195
Степашкина О.И., Максимова А.Н. РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ	199
Стоянович В. ЛЕКСИЧЕСКОЕ СХОДСТВО КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА С СЕРБСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	207
Трунова Е. Г., Ясная А.С. ОСВЕЩЕНИЕ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	212
Трушников П. ТЕКСТОВЫЕ И ВНЕТЕКСТОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СТЕНДАП-КОМЕДИИ.....	217

Филиппова Л.Б., Сущевский Н.К.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ НЕЯЗЫКОВОЙ НАГЛЯДНОСТИ
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКА
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА 9 КЛАССА ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ) 221

Фисунова Н.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
У СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 225

Шеенко И.И.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ..... 229

Юрина Е.Ю.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКИ
РУССКИХ И БРИТАНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК 235

Яковлева Е.С.

ЧЭНЬЮЙ С КОМПОНЕНТОМ, НОМИНИРУЮЩИМ 盾 (ЩИТ) 242

Яцына Н.В., Яценко Ю.Н.

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУЧНОГО И МАШИННОГО
ПЕРЕВОДА РОМАНА У. С. МОЭМА «БРЕМЯ СТРАСТЕЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ»)..... 246

CONTENTS

<i>Akinshina I., Sleptsova S.</i> INTERPRETATION OF LITERARY TEXT AS AN IMPORTANT ASPECT OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE	11
<i>Alexandrova L.</i> GESTURES AS AN INTEGRAL COMPONENT OF NON-VERBAL COMMUNICATION	16
<i>Afanasyeva A., Lenets A.</i> LEGAL TEXT AS AN OBJECT OF LEGAL LINGUISTICS IN RUSSIA AND GERMANY	20
<i>Baghana J., Shevchenko O.</i> FROM SOCIAL TRIGGER TO COMEDIC EFFECT: TEXTUAL AND EXTRATEXTUAL ELEMENTS IN BILL BURR'S STAND-UP DISCOURSE	24
<i>Balabaeva J., Profatilova S.</i> RUSSIAN TRANSLATION FEATURES OF THE "BACKGROUND" VOCABULARY WITH A DIMINUTIVE MEANING BASED ON THE TEXTS OF RUSSIAN CLASSICS	31
<i>Burov A., Balaganov D.</i> THE ADDRESSER'S IMPACT ON THE COGNITIVE MECHANISM OF TRANSLATION OPTION SELECTION	38
<i>Voloshina T., Bogdanova M.</i> LEXICAL MANIFESTATIONS IN NIGERIAN ENGLISH ONLINE NEWSPAPER "VANGUARD"	45
<i>Grigoryeva E., Abramova D.</i> ANALYSIS OF EQUIVALENCE AND ADEQUACY IN AUDIOVISUAL TRANSLATION GENERATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY (A STUDY OF TV SERIES THE SUMMER I TURNED PRETTY)	52
<i>Gromova A.</i> LARGE LINGUISTIC MODELS AS A NEW CHALLENGE IN THE FORENSIC EXPERT EXAMINATION: DEVELOPMENT OF METHODS AND APPROACHES TO EXPERT TRAINING	57
<i>Gunko A.</i> FORMATION OF STUDENTS' SOCIAL AND COMMUNICATIVE SKILLS THROUGH RUSSIAN LANGUAGE LESSONS	61
<i>Davydova O.</i> ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF NEW VOCABULARY IN THE ENGLISH LANGUAGE	64
<i>Danilova E., Shevchenko E.</i> LEXICAL MEANS TO DESCRIBE THE MANIFESTATIONS OF CONTEMPORARY RELIGIOUS EXTREMISM (A CASE STUDY OF MASS MEDIA PUBLICATIONS)	68
<i>Evgrafova Y.</i> THE COMMUNICATIVE ASPECT OF ASMR VIDEOTEXTS	73

Zueva E., Peressypkin A. VARIATIONS OF EMOTIONAL RETROSPECTIONS IN TEXTS OF DIFFERENT GENRES (BASED ON THE MEMORIES OF A. MERKEL)	79
Ignatova I., Travkin K. TEXT IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS-ECOLOGISTS.....	86
Inyutina T. AN AUTHENTIC DIGITAL ENVIRONMENT FOR LEARNING ENGLISH AT THE AGRICULTURAL UNIVERSITY	91
Kislitsyna E., Seredina E. INTERTEXTUALITY IN URBAN NOMINATIONS	95
Korolkova S. LINGUISTIC AND SEMANTIC DIFFICULTIES OF CHEMICAL FORMULATIONS IN TEACHING	99
Kochkovaia I. METHODOLOGICAL POTENTIAL OF AUTHENTIC AND ADAPTED TEXTS IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING FOR STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF LANGUAGE PROFICIENCY	102
Kuzmina O. VISUAL AND VERBAL EUPHEMISMS IN GERMAN-LANGUAGE ADVERTISING	105
Kuzmicheva V. LINGUISTIC FEATURES OF MEDIA DISCOURSE IN GENDER-ORIENTED PUBLICATIONS	108
Lazareva Y. PHRASEOLOGICAL UNITS AS A REFLECTION OF THE SOCIO-CULTURAL FEATURES OF EVERYDAY LIFE (BASED ON THE STANDARD AUSTRIAN GERMAN)	113
Letunova T., Sklyarova N. THE IMAGE OF A RICH MAN AS A REPRESENTATION OF THE CONCEPT “WEALTH” IN IRWIN SHAW'S NOVEL “BREAD UPON THE WATERS”	118
Lukhanina A. THE USAGE OF ALLUSIONS TO CREATE A HUMOROUS EFFECT (BASED ON THE WORK «THE UNADALTERATED CAT» BY T. PRATCHETT	123
Lukhanina A., Sheyfel N. THE TRANSLATION OF PRECISION INFORMATION WHILE WORKING WITH AUDOTEXTS IN EARLY STAGE	128
Lyshchikova J., Evdokimova O. ANALYSIS OF CLIENT TEXT APPEALS BY MACHINE LEARNING METHODS AND REPUTATIONAL RISK MANAGEMENT OF MICROFINANCE ORGANIZATIONS	132
Melikyan A., Temirkhanova A. WEBSITE LOCALIZATION ISSUES AND WAYS TO SOLVE THEM	137
Mironova G., Sheyfel N. ROLE OF LITERATURE IN HISTORICAL FIGURES COMPREHENSION (A CASE STUDY OF RICHARD I THE LION HEART AND RICHARD III).....	142

<i>Miroshnichenko L.N., Vodolazskaya A.</i>	
STRATEGIES OF SPEECH MANIPULATION IN DIPLOMATIC TEXTS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH).....	148
<i>Ngatheyo Akony Chany Pavel</i>	
THE DICTIONARY AS A RESOURCE FOR TEACHING CONGOLESE LANGUAGES.....	155
<i>Olizko N., Yudina K.</i>	
HYPERTEXT FICTION IN DIACHRONIC ASPECT: FROM SIMPLE STRUCTURES TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES	161
<i>Pogodina A., Redkozubova E.</i>	
TEMPORAL MODALITY IN FLANNERY O'CONNOR'S NOVEL "WISE BLOOD"	168
<i>Poimenova A.</i>	
ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE ANIMALISTIC VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE SCOPE OF THE FORMATION OF A ROGUSH ZOOMORPHIC IMAGE.....	172
<i>Pristinskaya T.</i>	
EUPHEMISTIC POTENTIAL OF NOMINATIONS WITH APPROXIMATIVE SEMANTICS	176
<i>Pupynina E.</i>	
CITY NOVEL: NEW YORK IN "CITY OF GLASS" BY P. AUSTER.....	184
<i>Revyakina N.</i>	
URBAN TEXT AS A THEORETICAL PROBLEM: SEMIOTICS, STRUCTURE, METHODOLOGY	188
<i>Sopova I., Taranova E.</i>	
THE RATIO OF THE MAIN TEXT AND THE EXTRA-TEXTUAL COMPONENT IN THE TEXTBOOK	196
<i>Stepashkina O., Maksimova A.</i>	
IMPLEMENTATION OF THE INFLUENCE FUNCTION OF ADVERTISING TEXT AT DIFFERENT LEVELS OF INFLUENCE ON THE CONSUMER: LINGUISTIC ASPECT.....	200
<i>Stojanović V.</i>	
LEXICAL SIMILARITY AS A SEMANTIC DIFFERENCE: THE PROBLEM OF TRANSLATION FROM SERBIAN INTO RUSSIAN	207
<i>Trunova E., Yasnaya A.</i>	
NATURAL DISASTER COVERAGE IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA: LEXICAL ASPECT	212
<i>Trushnikova P.</i>	
THE TEXTUAL AND EXTRA-TEXTUAL DIMENSIONS OF STAND-UP COMEDY.....	217
<i>Filippova L., Sushchevsky N.</i>	
USING NON-LINGUISTIC VISUAL AIDS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING (DRAWING ON THE CASE OF A 9TH GRADE GERMAN TEXTBOOK FOR GENERAL EDUCATION ORGANIZATIONS)	222

<i>Fisunova N.</i>	
CREOLIZED TEXTS AND THEIR ROLE IN COMMUNICATIVE COMPETENCIES FORMATION AMONG STUDENTS OF LINGUISTIC SPECIALTIES.....	226
<i>Sheenko I.</i>	
PRECEDENT TEXTS IN F.I. TYUTCHEV'S WORKS AND THEIR FUNCTIONING IN THE MODERN INFORMATION SPACE	229
<i>Yurina E.</i>	
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ARTISTIC SPECIFICITY OF RUSSIAN AND BRITISH FAIRY TALES	235
<i>Iakovleva E.</i>	
CHENGYU WITH A COMPONENT NOMINATING A SHIELD.....	242
<i>Yatsyna N., Yatsenko Y.</i>	
THE ROLE OF THE TRANSLATOR IN THE PROCESS OF TRANSLATING THE WORK OF FICTION: A CASE STUDY BASED ON MANUAL AND MACHINE TRANSLATIONS OF W. S. MAUGHAM'S NOVEL "OF HUMAN BONDAGE"	246

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

*Акинишина Инна Брониславовна,
кандидат педагогических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: Akinshina@bsuedu.ru*

*Слепцова Светлана Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: sleptsova@bsuedu.ru*

Аннотация: В статье идет речь о проблеме обучения интерпретации художественного текста как необходимой части учебных программ. Дается определение терминам «текст», «анализ текста» и «интерпретация текста». Рассматриваются ключевые компоненты текста: композиция, архитекtonика, типы представления и типы речевой презентации. Анализируются зарубежные исследования по данной проблематике. Предлагается сокращенная схема интерпретации текста при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: текст, анализ текста, интерпретация текста, обучение.

INTERPRETATION OF LITERARY TEXT AS AN IMPORTANT ASPECT OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

*Inna Akinshina,
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Belgorod State University
E-mail: Akinshina@bsuedu.ru*

*Svetlana Sleptsova
PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State University
E-mail: sleptsova@bsuedu.ru*

Abstract: The article deals with the teaching interpretation of literary text. It is a necessary part of the curriculum. The terms “ text ”, “ text analysis ” and “ text interpretation ” are defined. The key components of the text are considered : composition, architectonics, types of presentation and types of speech presentation. Foreign studies on this issue are analyzed. A shorter scheme of text interpretation in teaching a foreign language is proposed.

Key words: text, text analysis, text interpretation, learning.

Во многих образовательных организациях такой аспект как интерпретация текста является неотъемлемой и важной частью учебных программ на заключительном этапе обучения иностранному языку. В научных кругах интерпретация текста рассматривается как связующее звено между литературой и лингвистикой. Посредством интерпретации текста реализуется процесс интеграции отдельных языковых предметов.

При обучении переводчиков интерпретации текста следует соблюдать определенные требования. Важнейшим условием при обучении интерпретации

текста является основательная филологическая подготовка переводчика. Он должен обладать хорошими навыками говорения и уметь использовать базовые теоретические знания по литературе, стилистике, лексикологии, страноведению и т.д. Коммуникативно-эстетическое воздействие текста на обучающихся зависит также от их интеллекта, образования, возраста, эмоциональности, опыта и других субъективных факторов.

Несмотря на то, что анализом ключевых вопросов, связанных с интерпретацией текста, занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты, некоторые вопросы все же остаются дискуссионными и актуальными для исследования.

Одной из важнейших целей интерпретации текста является приобретение теоретических и практических знаний для понимания взаимодействия языковых и стилистических элементов и их коммуникативно-эстетической функции в художественных текстах. Интерпретация текста как теоретический и практико-ориентированный аспект обучения иностранному языку решает следующие задачи: углубление и расширение словарного запаса, совершенствование навыков говорения и письма обучающихся; развитие более глубокого понимания языковых форм выражения и их объяснения; формирование навыков обучающегося распознавать, сравнивать и объяснять индивидуальный стиль каждого автора произведения; рассмотрение текста как литературного произведения в целом, предназначенного для широкого круга читателей, и как учебного материала; развитие эстетической литературной культуры.

Следует различать термины «анализ текста» и «интерпретация текста». Под анализом понимается «всесторонний разбор, рассмотрение» текста (Толковый словарь Ожегова онлайн. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=441>), а под интерпретацией – «понимание, толкование, изъяснение» текста (Галло, 2023: 46). Анализ означает систематическое исследование объекта или ситуации с учетом всех отдельных компонентов или факторов, которые их определяют. В анализе текста сначала получают первоначальное впечатление о содержании, форме и лишь частично о стилистических компонентах текста.

Интерпретация текста направлена на определение взаимодействия содержания, формы и их коммуникативно-эстетической функции в тексте. Лексический и стилистический уровни текста переплетаются и образуют единство. Таким образом возник термин лингвостилистическая интерпретация текста (Kramer, 2016).

В настоящее время в лингвистической литературе нет единого мнения относительно определения понятия «текст». Текст понимается как языковая единица. Как и любая языковая единица, текст имеет два аспекта: содержание и форму. В лингвистике текстом называется любое правильно оформленное, относительно самостоятельное смысловое языковое высказывание. Поскольку предметом интерпретации текста является литературное произведение, к его содержанию и форме добавляется третий компонент: коммуникативный эффект и стилистические выразительные средства, оказывающие экспрессивное и эмоциональное стилистическое воздействие (Глинц, 1962, 1965; Kramer, 2016).

Х. Глинц называет это явление коммуникативно-функциональной основой или коммуникативным характером литературного текста, то есть подчеркивает отношения между автором и читателем. Создавая литературный текст, автор стремится не только передать информацию, но и удовлетворить эстетические и эмоциональные потребности читателя (Глинц, 1962, 1965).

Поэтому литературные произведения выполняют прежде всего коммуникативную функцию, т.е. автор стремится предоставить определенную информацию. В художественном тексте прослеживается сочетание специфического коммуникативного эффекта и эстетико-эмоциональной функции. Поэтому язык художественного текста характеризуется степенью его выразительности и эмоциональности.

Выразительность включает в себя такие понятия, как образность и экспрессивность. Материальной основой выразительности является выбор слов, то есть лексических, языковых средств, к которым относятся тропы, термины, интернационализмы, иноязычные слова, жаргонизмы, диалектизмы, различные словообразования, фразеологизмы, окказионализмы и т.д. С другой стороны, экспрессивность обслуживается различными средствами стилистической выразительности. Взаимодействие лексических и стилистических средств обуславливает выразительность текста.

Эмоциональность – еще один важный компонент художественного текста. Материальную основу составляют следующие лексико-стилистические средства: абстракции, междометия, прозвища, ругательства, уничижительные слова, эмоционально окрашенная лексика, восклицательные предложения, вопросительные предложения, повторы, разговорная лексика и т. д. Взаимодействие экспрессивности и эмоциональности предопределяет стилистическую ценность художественного текста.

Каждый текст имеет определенную внутреннюю и внешнюю структуру, которая включает следующие компоненты: композицию, архитектуру, типы представления и типы речевой презентации. Они определяют аспекты текста, такие как стилистическая окрашенность, экспрессивность, эмоциональность. Композиция текста представляет собой структуру, состоящую из нескольких аспектов: материальную организацию текста, т.е. расположение тематических единиц, сюжетных линий, мотивов, идей, характеристик и т. д.; разделение общей структуры на архитектурные единицы: абзацы, разделы, главы, части, акты, сцены, строфы и т. д.; тип представления: описание, повествование, рассуждение; тип представления речи: авторская речь, речь персонажа, эмпирическая речь (Kramer, 2016).

Взаимодействие этих компонентов приводит к созданию текста. Архитектура в более узком смысле охватывает внешнюю структуру текста, точнее, его формальную организацию. Композиция и архитектура художественного текста образуют единое целое.

Как выше упоминалось, к компонентам текста относится также тип представления, т. е. система языковых средств структурирования текста. Тип представления зависит от того, что именно изображается (объект, состояние, процесс) и как это изображается (объективно, фактически, субъективно,

экспрессивно, эмоционально). Основой классификации типов представления являются, с одной стороны, отношения между говорящим и предметом, а с другой – отношение говорящего к предмету. Рассмотрим типы представления: описание, повествование, и рассуждение.

Основой *описания* является наблюдение за процессами, вещами или людьми. Для описания характерны точность и обобщенность. Описание носит исключительно информационный характер, поэтому оно не является ни экспрессивным, ни эмоциональным. Оно типично для научного стиля, но может также использоваться для определенных целей в художественной литературе.

Художественное описание, основанное на опыте, называется *повествованием*. Основой повествования является точное наблюдение за объектом, но цель совершенно иная: акцент делается на общем впечатлении о настроении и чувствах персонажей. При описании людей и предметов преобладает номинальный стиль. В подчинительной связи глаголы играют зависимую роль. Помимо нейтральных эпитетов используются эмоциональные и оценочные. При описании событий в повествовании важную роль играют времена изъявительного наклонения. В форме повествования автор не только передает информацию, но и стремится запечатлеть событие как повторное переживание и дать читателю возможность принять в нем участие. В этом случае повествование ведется от первого лица, создавая напряженную ситуацию, которая постепенно ослабевает. Иногда вводится второе лицо (воображаемый собеседник), тем самым достигается непосредственный контакт с читателем. Выбор лексики зависит от личности рассказчика. Авторская речь может иметь форму диалога или монолога.

Рассуждение является аргументирующим типом речи, в котором на первом плане представлены отношения обусловленности между членами предметного ряда.

Интуитивное понимание и интерпретация текста не исключают друг друга, так как процесс интерпретации зависит от субъективных особенностей обучающегося и формируется индивидуально. Для интерпретации текстов не существует готовых схем, поскольку художественные произведения разнообразны и уникальны.

Зарубежные лингвисты предлагают два аспекта интерпретации: литературный и лингвистико-стилистический. Для этой цели используются термины макроанализ и микроанализ. Макроанализ охватывает следующие компоненты интерпретации: наиболее важная информация о жизни и творчестве автора; эпоха, в которую был написан текст, или исторический, культурный и политический фон; литературное направление, к которому принадлежит текст; жанр текста; историческая определенность текста (по отношению к другим произведениям автора); авторский стиль и т.д. Макроанализ затрагивает также композицию, архитектонику и отчасти лингвистико-стилистическое оформление текста. Микроанализ опирается на опыт и результаты внимательного чтения текста. При чтении также учитываются: *композиция* текста, которая включает сюжетные линии и их развитие (хронологическое изложение, введение различных временных уровней

и т. д.), мотивы, изображение персонажей; *архитектоника* текста, то есть деление текста на относительно замкнутые части, типы связи между отдельными частями и т. д. (Kramer, 2016).

Зарубежные лингвисты также считают, что вышеперечисленные компоненты художественного текста тесно связаны со стилистической окрашенностью, экспрессивностью и эмоциональностью. Стилистическую окраску можно рассматривать как стилистическую выразительную ценность в рамках функционального стиля, которая определяется его отношением к литературной норме. Экспрессивность обеспечивает способность языковых единиц передавать эмоции и чувства. Она может проявляться через различные языковые средства, такие как метафоры, сравнения и эмоционально окрашенные слова. Эмоциональное содержание выражается на уровне морфологии, лексики, синтаксиса и играет важную роль в определении и характеристике обстановки, персонажей и их взаимоотношений (Kramer, 2016).

Все вышесказанное можно свести к сокращенной схеме интерпретации текста, отдельных фрагментов текста и даже предложений при обучении переводчиков. В обучении использования этой схемы следует задать три вопроса: что говорит автор? (композиция); как автор это говорит? (стиль изложения, речевая подача, стилистическая окраска, экспрессивность, эмоциональность и т. д.); почему автор это говорит? (коммуникативно-стилистический эффект). Предложенная схема поможет обучающимся определить специфические особенности текста и использовать их в качестве отправной точки для его интерпретации.

Список литературы

1. Галло Я. Понимание и интерпретация научного текста: дискурсивно-стилистический аспект // Cross- Cultural Studies: Education and Science. – Volume 8, Issue I, March 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://j-ccses.org/wp-content/uploads/2023/04/5.-Jan-Gallo.pdf> (дата обращения 03.04.2025)
2. Толковый словарь Ожегова онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=441> (дата обращения 03.04.2025)
3. Glinz H. Begriffsentwurf, Experiment und Interpretation und ihre Rolle in verschiedenen Richtungen der Sprachwissenschaft // Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1962. S. 36-41.
4. Glinz H. Grundbegriffe und Methoden inhaltsbezogener Text- und Sprachanalyse (Sprache und Gemeinschaft. Grundlegung. Bd. 3). Düsseldorf: Schwann, 1965. 172 S.
5. Kramer P. Interpretation literarischer Texte. March 24, 2016. URL: <https://silo.tips/download/interpretation-literarischer-texte-2> (дата обращения 28.03.2025)

ЖЕСТЫ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Александрова Лада Васильевна
аспирант

Алтайский государственный
педагогический университет

E-mail: lada.al.vas@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье рассматривается значимость жестов как неотъемлемой составляющей невербального общения. В работе приводится определение к понятию «жест», представлена классификация и специфика жестов. Подчеркивается значение жестов в повседневной жизни. Автор приходит к выводу, что во время разговора, необходимо осознавать смысл разных жестов, так как верная их дифференциация ведет к успешной коммуникации.

Ключевые слова: жест, межкультурная коммуникация, невербальное общение, культура, общество

GESTURES AS AN INTEGRAL COMPONENT OF NON-VERBAL COMMUNICATION

Alexandrova Lada
postgraduate student

Altai State Pedagogical University

E-mail: lada.al.vas@mail.ru

Abstract: The article describes the importance of gestures as an integral component of non-verbal communication. The paper defines the concept of "gesture", presents the classification and specifics of gestures. The importance of gestures in everyday life is emphasized. The author comes to the conclusion that during a conversation, it is necessary to be aware of the meaning of different gestures, because their correct differentiation leads to successful communication.

Keywords: gesture, intercultural communication, non-verbal communication, culture, society

«Тот, кто лжёт на языке слов, выдаёт себя на языке жестов, на которые он не обращает внимания» – цитата немецкого философа Освальда Шпенглера. Действительно, данная фраза характеризует значимость невербальных сигналов, которые часто люди недооценивают в момент общения. Невербальные компоненты могут многое сообщить о собеседнике в процессе диалога. По мнению специалиста по языку тела А. Пиза, с помощью слов передается 7% информации, звуковых средств – 38%, мимики, жестов, позы – 55% (Pease, 2006: 72). Из этого следует, что во время любой беседы стоит учитывать невербальные сигналы.

На сегодняшний день исследованием невербального общения занимаются специалисты разных научных дисциплин, в частности психологи, лингвисты и филологи. Как отмечает доктор психологических наук В.А. Лабунская, невербальное общение – это вид общения, для которого характерно использование невербального поведения и невербальной коммуникации в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия,

формирования образа и понятия о партнѐре, осуществления влияния на другого человека (Лабунская, 1986: 36). С точки зрения лингвиста А.А. Леонтьева, невербальное общение – неречевое общение, которое имеет невербальные компоненты (Леонтьев, 1999: 124). К невербальным компонентам традиционно относятся: жесты, мимика, интонация, поза, взгляд, тактильные прикосновения.

Жест в невербальном общении занимает особое место. Согласно толковому словарю Ожегова, жест представляет собой движение рукой или другое телодвижение, что-нибудь выражающее или сопровождающее речь. Многие ученые, лингвисты и филологи акцентируют внимание в научных трудах именно на жесты. К примеру, в области лексикографии появляются словари, систематизирующие невербальные компоненты коммуникации (Киселева, 2019: 45). Особо выделяются, такие как «Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь» (Акишина, Кано Х, Акишина, 1981), «Словарь языка русских жестов» (Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001), «Словарь языка жестов» (Дмитриева, Клокова, Павлова, 2003), «The Nonverbal Dictionary of Gestures, Signs and Body Language Cues» (Givens, 2006). Следует отметить, что первые научные исследования о жестах возникли в конце XVIII века. В те времена благодаря различным разработкам ученых была представлена дифференциация жестов. Рассмотрим подробнее этот момент.

Австрийско-немецкий биолог И. Эйбл-Эйбесфельдт, австрийский учёный Пол Экман и немецкий психолог Ульям Фризен предположили, что существуют «врожденные жесты». И. Эйбл-Эйбесфельдт определил, что у глухих и слепых детей есть особый навык – улыбаться без какого-либо обучения со стороны взрослых. П. Экман и У. Фризен согласились с этой точкой зрения после изучения работ Ч. Дарвина о мимике. Ученые решили, что у всех людей независимо от нации и культуры существуют врожденные мимические реакции на определенные эмоции.

Следующее утверждение получило название – «генетические жесты». Суть таких жестов заключается в генетической заложенности определённых жестов, которые не подлежат изменениям. Например, чаще всего люди скрещивают руки на груди – правую руку над левой. В обратном случае, индивид испытывает дискомфорт, если речь не идёт о людях с ведущей левой кистью.

Позже появилась мысль о «приобретённых или культурно-обусловленных жестах». Исследователи начали более подробно разбирать специфику невербальных сигналов. Допускались такие расхождения в теории, действительно ли некоторые жесты производятся инстинктивно или на уровне генетики.

Далее для более осмысленного распределения жестов, ученые П. Экман и У. Фризен создали собственную классификацию жестов.

1. Эмблемы. Такое название жесты получили благодаря имеющемуся языковому эквиваленту и точному значению. Данная жестикуляция заменяет какую-либо фразу или слово. Например, жест «ОК» – со значением все хорошо, договорились, нет проблем или жест «палец вверх», смысл которого – отлично, мне нравится.

2. Иллюстративные жесты. Обычно это жесты, которые дополняют сказанную речь и придают больше экспрессии в разговоре. Делятся они на семь

групп: указательные (жест «указательным пальцем»), кинетографические (непроизвольное движение телом), пиктографические (образные картинки), дирижирующие (движение головой или телом), акцентирующие (движение тела в сопровождении с речью), ритмические (похлопывание руками в знак ускорения) и эмблематические движения (поднятый вверх большой палец).

3. Адаптеры. Жесты, демонстрирующие стресс, обман или тревогу. Например, в момент волнения многие крутят в руках ручку.

4. Регуляторы. К ним относятся жесты, которые участвуют в момент выслушивания коммуниканта. Чаще всего это кивание головой или ускоренное моргание.

5. Аффективные жесты. Проявляются неосознанно и не подлежат контролю. Обычно это непроизвольные движения руками и ногами, активная мимика в момент эмоционального негодования или восхищения. По мнению П. Экмана и У. Фризена данные жесты являются общезначимыми.

Исходя из данной классификации складывается мнение, что жесты отличаются разнообразием и очень часто проявляются в нашей повседневной жизни: в кафе, ресторанах и транспорте. Анализируя этот момент, стоит отметить следующие жесты, а также их значение, которые могут выявляться у людей:

- жесты открытости свидетельствуют об искренности и желании говорить откровенно (раскрытые руки и расстегивание пиджака);
- жесты подозрительности и скрытности демонстрируют о недоверии, сомнении в правоте собеседника, о желании что-то утаить и скрыть (потирание лба, висков, подбородка, стремление прикрыть лицо руками);
- жесты и позы защиты являются знаками того, что собеседник чувствует опасность или угрозу (руки, скрещенные на груди, сжимание пальцев в кулак);
- жесты размышления и оценки отражают состояние задумчивости и стремление найти решение проблемы (рука у щеки, пощипывание переносицы);
- жесты неуверенности характеризуют сомнение (почесывание указательным пальцем правой руки под мочкой уха или же боковой части шеи, прикосновение к носу или его легкое потирание);
- жесты и позы, свидетельствующие о нежелании слушать и стремлении закончить беседу (опускание век, потирание уха);
- жесты уверенных в себе людей с чувством превосходства над другими (закладывание рук за спину с захватом запястья, закладывание рук за голову);
- жесты несогласия информируют о наличии разных мнений (собираение ворсинок с пиджака, опускание век);
- жесты готовности сигнализируют о желании закончить разговор или встречу (подача корпуса вперед, при этом обе руки лежат на коленях или держатся за боковые края стула).

Стоит отметить, что не во всех странах жесты имеют одинаковое значение, к примеру в Японии, Индии, в арабских странах жесты приветствия отличаются. Более того, существование определенных жестов в одной культуре не подтверждает реальность таких же жестов в другой. Допустим, в Великобритании часто в ресторанах используют специальный жест, когда хотят

получить от официанта счет. Для этого британцы поднимают руку, соединяют большой палец, указательный и средний, безымянный палец и мизинец при этом сомкнуты и двигают в таком положении кистью руки, словно изображают в воздухе подпись. Описываемый жест очень распространен, так как местные жители не особо любят повышать голос для призыва официанта. В русской культуре такого не наблюдается. Следовательно, дифференциация жестов существует, поэтому находясь за границей стоит учитывать особенности таких невербальных компонентов, как жесты.

Жесты рук – экспрессивный образ и инструмент, несущий послание и обладающий преобразующей способностью (Рыжакова, 2019: 218). В настоящее время количество жестов очень велико. По некоторым данным, насчитывается примерно 700 жестов. Жесты играют необходимую роль в межличностном общении, так как вербальным путем не всегда можно передать те идеи и мысли. Независимо от ситуации нужны невербальные компоненты. Способность слов производить впечатление усиливается благодаря жестам. Кроме того, они придают дополнительный смысл произносимым словам, помогают подчеркнуть некоторые моменты предложения и лучше передать эмоции и переживания говорящего, а также поддерживают хороший контакт со слушателями и сохраняют внимательность (Archer, Akert, 1989: 225).

Влияние жестов упоминается и в развитии словарной базы языков. Предполагается, что использование жеста способствует появлению новой лексики. Некоторые из таких слов считаются сленговыми, а некоторые литературными. Например, общеизвестный жест «ОК». В молодежной среде данный жест является популярным и в то же время существует русская сленговая лексема «ОК».

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время имеется большая разновидность жестов. Каждый жест отличается и в зависимости от ситуации, необходимо понять и распознать его трактовку как в межкультурной коммуникации, так и в межличностной беседе.

Список литературы:

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русс. яз., 1981. 144 с.
2. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Москва, Вена.: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 254 с.
3. Дмитриева Л.И., Клокова Л.Н., Павлова В.В. Словарь языка жестов. Более 1300 словарных статей. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 320 с.
4. Киселева А.В. Языковая репрезентация отрицательных эмоций в невербальном поведении лиц различного социального статуса (на материале англоязычных художественных текстов XX-XI вв.): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2019. 151 с.
5. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. С. 36.

6. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1999. 365 с.
7. Рыжакова С.И. Хаста, мудра, винийога. Жесты рук в индийской культуре: проблемы происхождения и порождения смыслов // Шаги/ Steps. № 4 (5). 2019. С. 216-238.
8. Archer D. and Akert R.M. Issues in Problems of context and criterion in nonverbal communication: a new look at the accuracy issue // Person Perception. 1st Edition. Journal of Nonverbal Behavior, 1989. № 13. Pp. 225-245.
9. Givens D.B. The Nonverbal Dictionary of Gestures, Signs and Body Language Cues. Washington: Center for Nonverbal Studies Press, 2006. 781 p.
10. Pease A. The Definitive Book of Body Language. New York: NY: Bantam, 2006. 380 p.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Афанасьева Алина Александровна
Магистрант 1 курса
Южный федеральный университет
E-mail: aliafa@sfedu.ru
Ленец Анна Викторовна
д-р филол.наук, профессор
Южный федеральный университет
E-mail: annalenets@sfedu.ru

Аннотация: Целью настоящей статьи является определение понятия «юридический текст» в юридической лингвистике в России и Германии с позиции существующих подходов в отечественном и зарубежном языкознании.

Ключевые слова: юридический текст, юридический язык, юрислингвистика, правовая лингвистика

LEGAL TEXT AS AN OBJECT OF LEGAL LINGUISTICS IN RUSSIA AND GERMANY

Afanasyeva Alina Aleksandrovna
1st year Master's degree student
Southern Federal University
E-mail: aliafa@sfedu.ru
Lenets Anna Viktorovna
Grand PhD in Philology, Professor
Southern Federal University
E-mail: annalenets@sfedu.ru

Annotation: the objective of the following research is to define the term “legal text” in Legal Linguistics according to linguistic approaches in Russia and Germany.

Key words: legal text, legal language, jurislinguistics, legal linguistics

Развитие области знаний на стыке лингвистики и права имеет на сегодняшний день особую актуальность. Обращение к ней позволяет решать как практические задачи, например поиск признаков оскорбления личности в

потенциально конфликтном тексте, выявление языковых неточностей в формулировках закона, проведение мониторинга состояния языка в рамках языковой политики государства, так и теоретические, например разработка шкалы инвективности лексики. В России данная область теоретического и практического знания называется юридической лингвистикой (юрлингвистикой, юрислингвистикой). В Германии юридическая лингвистика имеет название *Rechtslinguistik* и трактуется как «правовая лингвистика» (Мушнина, 2004). Центральным объектом исследования в юридической или правовой лингвистике является понятие юридического текста (Мушнина, 2004; Busse, 2004).

Правовая или юридическая лингвистика занимается изучением юридических текстов, их компонентов, а также их применения на практике. Самое общее определение понятию юридического текста приводит О.А. Прохорова, под которым исследовательница понимает текст, содержащий правовую информацию (Прохорова, 1998 цит. по Борисова, 2019: 58-59). Уточняя данную дефиницию, Е. Е. Шпаковская подчёркивает включённость юриста при создании юридического текста для решения определённых профессиональных задач. При этом учёная обращает внимание на наличие у создателей юридических текстов юридического образования (Шпаковская, 2000).

Предпринимаются также попытки определения понятия юридического текста с позиции дискурсивного подхода (Борисова, 2019). В рамках теории дискурса юридическим является любой текст в письменной или устной форме, который функционирует как часть юридического дискурса и отражает его определённую коммуникативную ситуацию, параметры которой обуславливают особенности языка и композиции такого текста (Борисова, 2019: 64).

В работах ряда отечественных исследователей при определении понятия юридического текста вводится ряд характеристик (Голев, 2000; Мушнина, 2004; Шлепнев, 2017; Широбокова, 2019). Так, Л.П. Широбокова трактует данный вид текста как сообщение, которое содержит правовую информацию и имеет форму официального письменного документа, носит модальный характер, включает в себе прагматическую установку и состоит из определённых единств, включающих в себя различные лексической, грамматической и логической связи (Широбокова, 2007 цит. по Борисова, 2019: 59). Приведённая дефиниция юридического текста показывает, что некоторые исследователи склонны определять его как документ. Юридический документ имеет письменную форму, в то время как юридические тексты оформляются как письменно, так и устно. Определение юридического текста через понятие «документ» будет сужать его семантический объём (Борисова, 2019: 64).

В отечественной юрислингвистике ведутся дискуссии о соотношении юридического текста с документом, а также об отнесении некоторых видов текстов к нему (Борисова, 2019; Шлепнев, 2017). Д. Н. Шлепнев отмечает, что юридический текст не следует определять только как юридический документ, т.к. это текст, который имеет определённую типичную форму, а также юридическую силу. Любой юридический текст основывается на понятии

правовой нормы, т. к. он создаётся с целью её реализации или же разъяснения (Шлепнев, 2017: 176). Сам учёный определяет юридические тексты как «тексты разных жанров в различных коммуникативных ситуациях, общим для которых является их институциональное отношение к созданию, реализации и разъяснению права» (Шлепнев, 2017: 175).

Н. Д. Голев подразумевает под юридическими текстами документы и классифицирует их в соответствии со степенью текстовой юридизации. Данная классификация включает в себя четыре степени юридизации текста. Первая степень («высшая») обнаруживается в текстах законов. Ко второй степени («средней») относятся тексты, которые используются при исполнении закона. К ним относят, например, тексты служебной переписки. Третья степень выделяется в текстах, создаваемых неюристами. При этом данные тексты имеют определённое юридическое значение. Самая низкая степень юридизации встречается в текстах, которые попали в сферу юридического функционирования по объективным причинам, например, тексты для лингвистической экспертизы (Голев, 2000).

Очевидно, что в отечественном языкознании предпринимаются попытки определить понятие «юридический текст» с позиции дискурсивного подхода, а также таких аспектов, как наличие у авторов текста юридического образования, степень юридизации естественного языка в тексте. В определение вводятся характеристики данного вида текста. Существуют и попытки определения данного понятия через понятие документа, что ведёт к сужению семантического объёма исследуемого нами понятия.

Перейдём к рассмотрению определения юридического текста в немецкой правовой лингвистике. В немецкой традиции существует несколько понятий для «юридического текста» – *der juristische Text* (Ballansat-Aebi, 2014; Jura-Forum-Lexikon), *der Rechtstext* (Busse, 2004; Steigler-Herms, 2021), *der rechtssprachliche Text* (Steigler-Herms, 2021). Согласно электронному юридическому словарю, «ein juristischer Text ist ein schriftliches Dokument, das Gesetze, Vorschriften, Verträge, Urteile oder andere rechtliche Inhalte darstellt und zur Auslegung, Anwendung oder Durchsetzung von Rechtsnormen dient», что переводится на русский как «это письменный документ, который представляет собой закон, постановление, договор, судебное решение, а также другие тексты юридического содержания, и используется для толкования, применения и соблюдения правовых норм» (перевод наш – А.А.). К юридическим текстам также относят научную юридическую литературу (Jura-Forum-Lexikon).

И. Симоннес определяет юридический текст как практический текст, который связан с предметом права (Simmonæs, 2005). С точки зрения немецкой юриспруденции, это текст, который имеет юридическую силу, даже если он не был создан в институте права. Тексты, подготовленные частными лицами, также могут обладать юридической силой (Ballansat-Aebi, 2014). С позиции немецкой правовой лингвистики, юридический текст – это текст, который был подготовлен его составителем в рамках осуществления своей

профессиональной деятельности, при этом коммуникация происходит в рамках правового института (Engberg, 1993 цит. по Ballansat-Aebi, 2014).

В немецкой правовой лингвистике так же, как и в российской, ведутся дискуссии об отнесении некоторых видов текстов к юридическим. Так, исследователи считают, что не каждый текст, содержащий юридическую тему, можно отнести к юридическим текстам (Ballansat-Aebi, 2014). Опираясь на труды К. Грибель, С. Баллансат-Эби приводит в качестве примера тексты юридической тематики, предназначенные для неюристов. Данные тексты написаны простым языком, чтобы их читатели смогли разобраться в изучаемой теме, при этом сами тексты не имеют юридическую силу (Griebel, 2013 цит. по Ballansat-Aebi, 2014).

Как мы видим, в немецком языкознании также предпринимаются попытки определить понятие «юридический текст» через понятие «документ». Данный вид текста определяется также через понятие «функциональный текст». При лингвистическом определении данного понятия исследователи опираются на институт права (Ballansat-Aebi, 2014).

Таким образом, понятие «юридический текст» в российской и немецкой юрислингвистике является центральным. В российской юрислингвистике под юридическим текстом понимается текст, который относится к институту права и предстаёт как в письменной, так и устной форме. В немецкой правовой лингвистике данный вид текста определяется как текст, который был создан специалистом института права в рамках решения профессиональных задач.

Список литературы

1. Борисова, Л. А. Юридический текст: определения, свойства, типология // Язык, коммуникация и социальная среда. 2019. № 17. С. 57-72.
2. Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8-40.
3. Мушнина, М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 19-32.
4. Шлепнев, Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). С. 174-176.
5. Шпаковская, Е. Е. Нормативный аспект научно-учебного юридического текста: автореферат диссертации. Челябинск, 2000.
6. Ballansat-Aebi, Suzanne. Juristische Texte: Definition, Arten, Merkmale. 2014.
7. Busse, D. Verstehen und Auslegung von Rechtstexten – institutionelle Bedingungen. Berlin/New York. 2004.
8. Simmonæs, I. Das Übersetzen von Rechtstexten: Verstehen und Textanalyse. LSP & Professional Communication Volume 5, Number 5. 2005.
9. Steigler-Herms, Joy. Rechtslinguistik. Rechtslinguistik, in: Thomas Gutmann, Eberhard Ortland, Klaus Stierstorfer (Hgg.), Enzyklopädie Recht und Literatur. 2021.

10. Text in der Rechtswissenschaft: Definition und Bedeutung [электронный ресурс]. URL: <https://www.juraforum.de/lexikon/text> (дата обращения: 27.03.2024)

ОТ СОЦИАЛЬНОГО ТРИГГЕРА К КОМИЧЕСКОМУ ЭФФЕКТУ: ТЕКСТОВЫЕ И ВНЕТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СТЕНДАП-ДИСКУРСЕ БИЛЛА БЁРРА

Багана Жером

док. филол. наук, проф.

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

E-mail: baghana@bsuedu.ru

Шевченко Олег Юрьевич

аспирант 3-го курса

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

E-mail: oleg.shef97@mail.ru

Аннотация: Стендап-комедия является уникальным инструментом анализа социальных процессов через призму юмора. В центре исследования – творчество Билла Бёрра, одного из самых провокационных комиков США, чьи выступления (2014-2025 гг.) отражают ключевые общественные конфликты по типу культуры отмены и кризиса маскулинности. Цель работы – выявить механизмы взаимодействия текстовых элементов (сарказм, гипербола, абсурдизация) и внетекстовых факторов (политические скандалы, гендерные стереотипы, экономическое неравенство) в создании комического эффекта. Методы дискурс- и контент-анализа позволили систематизировать языковые стратегии Билла Бёрра и связать их с социальными триггерами. Результаты демонстрируют, что его юмор отражает культурные противоречия, в которых реальные события трансформируются в абсурдные ситуации для критики общественных проблем.

Ключевые слова: социальный триггер, текстовый элемент, языковые средства, культура отмены, абсурдизация, сарказм.

FROM SOCIAL TRIGGER TO COMEDIC EFFECT: TEXTUAL AND EXTRATEXTUAL ELEMENTS IN BILL BURR'S STAND-UP DISCOURSE

Jerome Baghana

*Doctor of Philological Sciences, Professor
Belgorod State University*

E-mail: baghana@bsuedu.ru

Oleg Shevchenko

*3rd-year postgraduate student
Belgorod State University*

E-mail: oleg.shef97@mail.ru

Abstract: Stand-up comedy serves as a unique tool for analyzing social processes through the lens of humor. The study focuses on the work of Bill Burr, one of the most provocative comedians in the US, whose performances (2014–2025) reflect key societal conflicts such as cancel culture and the crisis of masculinity. The aim of the study is to identify the mechanisms of interaction between textual elements (sarcasm, hyperbole, absurdization) and extratextual factors

(political scandals, gender stereotypes, economic inequality) in creating comedic effects. Using methods of discourse and content analysis, the study systematizes Bill Burr's linguistic strategies and connects them to social triggers. The findings demonstrate that his humor reflects cultural contradictions, where real-life events are transformed into absurd scenarios to critique societal issues.

Keywords: social trigger, textual element, linguistic devices, cancel culture, absurdization, sarcasm.

Стендап-комедия является особой формой культурного высказывания, которая реализуется за счет личного опыта артиста, социальной критики и художественного повествования. В центре всей этой картины находится стендап-комик, использующий язык для преобразования повседневной рутины, конфликтов, противоречий и культурных норм в юмористические высказывания.

Одним из наиболее ярких представителей стендап-комедии США является Билл Бёрр. Он известен своим агрессивным стилем подачи юмора, саркастическими комментариями в адрес современных социальных движений по борьбе за права меньшинств и самоиронией.

Целью данной статьи является выявление и анализ механизмов создания комического эффекта в стендап-дискурсе Билла Бёрра через взаимодействие текстовых (языковых) и внетекстовых (социальных) элементов. Для достижения поставленной цели нужно решить следующие задачи:

- 1) определить основные языковые средства, используемые стендап-комиком для создания комического эффекта;
- 2) определить типы социальных событий и триггеров, которые становятся основой для шуток Билла Бёрра;
- 3) проанализировать взаимосвязь между текстовыми элементами и внетекстовыми факторами.

Актуальность исследования заключается в том, что через стендап-комедию отражаются социальные процессы и культурные изменения, которые в условиях глобализации общества помогают лучше понять специфику социума. В статье рассматриваются стендап-выступления Билла Бёрра за период с 2014 по 2025 гг.: «I'm sorry you feel that way», «Paper tiger», «Live at Red Rocks», «Drop dead years». В работе используются метод дискурс-анализа для изучения текстовых особенностей шуток, а также метод контент-анализа для выявления социальных событий и триггеров, повлиявших на содержания выступлений Билла Бёрра.

Как и у многих стендап-комиков, выступления Билла Бёрра не обходятся без использования риторических вопросов, при помощи которых артист общается с публикой и обращает внимание на происходящие события.

«Who the fuck joins a group? "I'm gonna join a group, that's what I'm gonna do today." Go to meetings. What kind of a fucking loser, right?» (Burr, 2014).

В этом отрывке комик высмеивает негативную сторону популярной тенденции людей в США объединяться в группы по принципу расы, пола, интересов, увлечений и т.п. с целью отстаивания идентичности и защиты прав. В некоторых моментах подобное стремление носило чрезмерный характер.

Примером служит скандал 2014 г., связанный с Джона Хиллом, где актёр во время конфликта с папарацци назвал последнего словом «*faggot*», что в последствии вызвало большую волну обвинений в гомофобии в адрес актёра. После чего ему пришлось принести публичные извинения, так как под угрозой оказалась карьера. Абсурдность данной ситуации заключается в том, что Джона адресовал своё негодование исключительно папарацци, не имея в виду всех остальных представителей сексуальных меньшинств. (Lowry, 2014)

Через риторический вопрос и уничижительную интонацию комик высмеивает стремление людей присоединяться к группам с целью принуждения других к извинениям. Таких людей Билл Бёрр называет «*What kind of a fucking loser*».

Билл Бёрр также подчеркивает абсурдность стремления групп заставлять людей извиняться по любому поводу: «*You gotta apologize. "I'm sorry to people who own Shar Peis. I didn't mean to say that it's an ugly-ass dog"*» (Burr, 2014). Комик доводит ситуацию до абсурда, приводя в пример человека, извиняющегося перед сообществом любителей собак породы шарпей.

Лидирующую позицию по частотному употреблению в комедии Билла Бёрра занимает сарказм. Через него автор показывает абсурдность различных тенденций общества, таких, например, как культура отмены. В выступлении 2019 г., он рассказывал о скандале, случившемся с актёром Брайаном Крэнстоном, который, по мнению общественности, не имел права играть в кино человека, страдающего от тетраплегии, поскольку не является таковым. Билл Бёрр через абсурдные примеры саркастично высмеивает такое мнение.

«*He played a quadriplegic... and people gave him shit... <...>, "Why is there an able-bodied person playing a quadriplegic?" It's like, "It's because it's called acting, you dumb fuck". See, if he was a quadriplegic playing a quadriplegic, that's not acting. That's just fucking laying there, saying shit that someone else wrote*». (Burr, 2019).

В этом отрывке комик насмехается над абсурдностью претензии о том, что в фильмах людей с ограниченными возможностями должны играть такие же люди. Билл Бёрр подчеркивает, что работа актёра заключается именно в перевоплощении «*It's because it's called acting*». Использование выражения «*dumb fuck*» подчеркивает отношение комика к таким возмущающимся. Далее он продолжает развивать эту мысль, фантазируя на тему, что бы отвечал такой актёр на вопрос о подготовке к роли:

«*Well, I dove head-first into the shallow end of a pool when I was 23. I feel like I've been preparing for this role for my whole life*» (Burr, 2019).

Этот отрывок в очередной раз подчеркивает абсурдность обвинений, которые поступали в адрес актёров. Данная шутка отсылает нас к серии скандалов, связанных с актёрами США, когда общественность обвиняла их в том, что они играют роль людей, которыми не являются. Подобный скандал возник с актёром Джейком Джилленхолом, сыгравшего роль Джеффа Баумана в фильме «Сильнее», где по сюжету фильма главный герой в результате взрыва на марафоне 2013 г. в Бостоне потерял обе ноги (Sandwell, 2015).

Одним из основных языковых средств, усиливающих комический эффект, является гипербола. В стендап-выступлениях Билл Бёрр часто использует её для подчеркивания комичности высмеиваемой ситуации. В концерте 2022 г. комик рассказывал, как решил последовать примеру многих американцев и начал отдавать свою старую одежду бездомным. В начале комик говорил о том, что это правильно и от этого его наполняет приятное чувство. Однако, столкнувшись с реальностью, он поменял своё мнение.

«I get out and that smell hits me, I'm like, "What the fuck am I doing? Jesus Christ, these people are animals!" <...> I would equate it to the same feeling <...> if you were on a safari and <...> you see, like, a leopard» (Burr, 2022).

Реальность оказалась таковой, что условия, в которых проживают бездомные, и запах, который можно услышать в тех местах, настолько ужасны, что Билл Бёрр использует выражение *«these people are animals»*. Он сравнивает поездку в место проживания бездомных с поездкой на сафари, где можно не только увидеть леопарда, но и пострадать от него *«you <...> fall out of <...> Range Rover. "Oh, fuck, that's a leopard!"» (Burr, 2022).*

Наряду со всеми перечисленными языковыми средствами Билл Бёрр также использует иронию в своих выступлениях. В концерте 2025 г. комик большое внимание уделял темам отношений между мужчиной и женщиной, семьи и родительства.

«After 20 years, she finally got the saddle on my back. She's petting my neck. I'm like... [horse blows], <...>. Which way do you want me to pull the wagon? Yeah, that's all you gotta do» (Burr, 2025).

В этом отрывке через самоиронию автор высмеивает компромиссы в долгосрочных отношениях и браке. Себя комик описывает как «осёдланного» мужа, усиливая комический эффект, имитируя ржание коня. Билл Бёрр рассказывал, как спустя годы в браке он перестал сопротивляться, по его мнению, глупым и ненужным просьбам и предложениям своей супруги, ради спокойной семейной жизни. Однако в этом блоке комедии он заключает, что *«I am getting along with my wife better than I ever have in the 20 years that I've known her» (Burr, 2025).*

Проанализировав транскрипты выступлений Билла Бёрра за период с 2014 г. по 2025 г., было установлено, что основными языковыми средствами, используемыми комиком, являются: сарказм, ирония, гипербола, абсурдизация и риторические вопросы.

Количественный показатель языковых средств, использованных автором для достижения комического эффекта, составил: сарказм – 42, ирония – 30, гипербола – 28, абсурдизация – 26, риторические вопросы – 22. Для наглядности представим данные показатели в виде таблицы.

С точки зрения социальных событий и триггеров, служащих основой для создания шуток, можно выделить четыре основных блока.

К первому блоку относятся вопросы, касающиеся негативного аспекта движений, направленных на борьбу за права меньшинств и культуру отмены, как это рассмотрено в примере концерта 2014 г.

Таблица 1

Количественный показатель языковых средств, использованных Биллом Бёрром для создания комического эффекта.

Сарказм	42
Ирония	30
Гипербола	28
Абсурдизация	26
Риторические вопросы	22

Вторым блоком выступают вопросы гендерной роли и кризиса маскулинности. Билл Бёрр поднимает темы положения мужчины и женщины в современном обществе, их переживаний, гендерных стереотипов.

«Men drop dead all the fucking time. You're out there on the golf course <...>. Another guy driving at you in a cart, his body just falls out the side. "What happened?" "You know what happened!" He never cried! That's what happened» (Burr, 2025).

В этом монологе комик рассуждает о возрасте мужчин с 49 до 61 года, называя этот период *«drop-dead years»*. Автор считает, что именно в этот промежуток мужчины подвержены риску внезапной смерти от различных заболеваний. По мнению комика, корневой причиной такого развития событий является чрезмерная мужская сдержанность и нежелание показывать эмоции. Главную причину смерти Билл Бёрр объясняет фразой *«He never cried!»*.

Третий блок включает в себя шутки, основанные на политической ситуации в США. Комик часто упоминает и критикует известных политиков и связанных с ними людей в своих монологах.

«Michelle Obama is doing arenas. <...> being a First Lady, that's not a fucking job. Just standing there, smiling and waving. Hey? <...> Look at Obama. When that guy got elected, he looked like he was about 41 years old. When he left office, that guy looked like he was about 73. <...> Look at Michelle. She looks younger now than she did when that dude got elected» (Burr, 2025).

В этом отрывке о Мишель Обаме Билл Бёрр раскрывает несколько тем, а именно, давление публичной жизни политиков, гендерные стереотипы и двойные стандарты восприятия ролей мужчин и женщин. Его шутка строится на контрасте изменения внешности Мишель и Барака Обамы, где последний за время президенства сильно состарился по сравнению со своей женой. Данная шутка составлена в типичном стиле комика, сочетая в себе грубый юмор и социальную сатиру. Билл Бёрр намеренно упрощает роль Первой леди, игнорируя её общественную и благотворительную деятельность. Это делается с целью закрепления в восприятии слушателя мысли о «ненастоящей работе». Слово о том, что Барак Обама выглядит на 73 года после окончания пребывания на посту президента США, являются гиперболой, подчеркивающей уровень сложности работы президентом.

Четвёртый блок характеризуется сильным акцентом на экономическом и социальном неравенстве людей в обществе. Проблематика удручающего уровня жизни бездомных и людей с низким достатком регулярно находит отражение в его выступлениях, как это показано в примере концерта 2022 г.

Стендап-комедия Билла Бёрра является сложным взаимодействием языковых приёмов и социальных реалий, где содержание шуток выступает как реакция на происходящие в обществе события. Проанализировав материалы концертов, можно увидеть корреляцию между текстовыми стратегиями (сарказм, гипербола, риторические вопросы) и внетекстовыми факторами (политические скандалы, вопросы гендера, экономическое положение людей).

Культура отмены и негативный аспект движения за отстаивания прав становятся триггером для сарказма в комедии Билла Бёрра. Через риторические вопросы, он имитирует диалог со членами таких сообществ, либо их сторонникам. Комик использует реальные случаи (скандал с Джона Хиллом) и обобщает их, выделяя абсурдное ядро, высмеивая его за счет использования языковых средств.

При высмеивании гендерных ролей и кризиса маскулинности Билл Бёрр строит свои шутки, основываясь на общеизвестных фактах (высокая смертность у мужчин происходит в период между 49-61 лет) и на культурных стереотипах («мужчины не плачут»). За счет гиперболы «*He never cried!*» достигает комический эффект и позволяет слушателям посмотреть на корень проблемы смерти мужчин с другой стороны.

В контексте политических шуток автор прибегает к гиперболизации высмеиваемых образов. Как в примере про Барака и Мишель Обаму Билл Бёрр противопоставляет сильно постаревшего Барака «*like he was about 73*» и Мишель «*She looks younger now*». Культурным контекстом здесь выступает визуализация политической деятельности, в которой имидж становится важнее содержания. Комик сводит всю многолетнюю работу Мишель Обамы в области здорового питания (DePillis, 2016) до «*smiling and waving*». Это подчеркивает диссонанс между декларируемыми действиями и реальными достижениями человека.

В контексте обсуждения экономического неравенства, сравнивая поездку в палаточный городок, где живут бездомные, с поездкой по сафари, а также за счет озвученного контраста восприятия ожиданий, что передача вещей принесёт приятное чувство, но вместо этого происходит столкновение с реальностью, в которой людей комик сравнивает с «животными». Культурным контекстом здесь выступает рост числа бездомных в США на 25% за период 2020-2022 гг. из-за пандемии и потери работы. (State of Homelessness, 2025) Гипербола «*these people are animals*» является не дегуманизирующим элементом, напротив, она призвана шокировать и обратить внимание на проблему бездомных в США.

Анализ концертов Билла Бёрра показывает, что шутки комика функционируют как отсылки к культуре, где языковые средства, такие как сарказм и гипербола кодируют социальные тренды. Логика построения шуток строится по принципу: от конкретного случая к обобщению и далее к абсурдизации. Самоирония становится смягчающим элементом, позволяющим аудитории смеяться вместе с комиком над своими проблемами.

Таким образом, стендап-комедия Билла Бёрра носит не просто развлекательный характер, а является формой социокультурной аналитики, где текст и контекст взаимосвязаны. Контекст предоставляет автору темы для шуток, а текстовые элементы позволяют комику донести до аудитории необходимость рефлексии.

Список литературы

1. Bill Burr: Drop Dead Years (2025) – Transcript.” Scraps from the Loft [электронный ресурс]. URL: <https://www.scrapsfromtheloft.com/movies/bill-burr-drop-dead-years-transcript/> (дата обращения 06.03.2025).
2. “Bill Burr: I’m Sorry You Feel That Way (2014) – Full Transcript.” Scraps from the Loft [электронный ресурс]. URL: <https://www.scrapsfromtheloft.com/comedy/bill-burr-im-sorry-feel-way-2014-full-transcript/> (дата обращения 06.03.2025).
3. “Bill Burr: Live at Red Rocks (2022) – Transcript.” Scraps from the Loft [электронный ресурс]. URL: <https://www.scrapsfromtheloft.com/comedy/bill-burr-live-at-red-rocks-transcript/> (дата обращения 06.03.2025).
4. “Bill Burr: Paper Tiger (2019) – Transcript.” Scraps from the Loft [электронный ресурс]. URL: <https://www.scrapsfromtheloft.com/comedy/bill-burr-paper-tiger-transcript/> (дата обращения 06.03.2025).
5. DePillis, Lydia. "The Great FLOTUS Food Fight." Politico, 13 Mar. 2016 [электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/agenda/story/2016/03/michelle-obama-healthy-eating-school-lunch-food-policy-000066> (дата обращения 06.03.2025).
6. Sandwell, Ian. "Jake Gyllenhaal Movie Criticised for Disability Casting." Digital Spy, 15 Sept. 2017 [электронный ресурс]. URL: <https://www.digitalspy.com/movies/a838162/jake-gyllenhaal-new-movie-criticism-disability/> (дата обращения 06.03.2025).
7. Lowry, Brian. “Celebrity Apologies: The Good, Bad and Uncomfortable.” CNN, 9 June 2014. [электронный ресурс]. URL: <https://www.edition.cnn.com/2014/06/09/showbiz/celebrity-news-gossip/celebrity-apologies-best-worst-uncomfortable/index.html> (дата обращения 06.03.2025).
8. "State of Homelessness: 2024 Edition." National Alliance to End Homelessness, 19 Mar. 2024 [электронный ресурс]. URL: <https://www.endhomelessness.org/state-of-homelessness> (дата обращения 06.03.2025).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА «ФОНОВОЙ» ЛЕКСИКИ С ДИМИНУТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ С РУССКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Балабаева Юлия Евгеньевна

старший преподаватель

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: balabaeva@bsuedu.ru

Профатилова Светлана Михайловна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: profatilova@bsuedu.ru

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы особенностей использования различных приемов перевода диминутивной лексики с ярко выраженным национально-

культурным компонентом на материале текстов произведений русской классики, проводится анализ приемов перевода данной лексики, подчеркивается необходимость учета лингвокультурологических «фоновых» знаний в качестве определенной переводческой компетенции.

Ключевые слова: «фоновая» лексика, диминутивное значение, национально-культурный компонент значения, приемы перевода диминутивных единиц, сопоставительный анализ.

RUSSIAN TRANSLATION FEATURES OF THE "BACKGROUND" VOCABULARY WITH A DIMINUTIVE MEANING BASED ON THE TEXTS OF RUSSIAN CLASSICS

Balabaeva Julia

Senior lecturer

Belgorod State University

E-mail: balabaeva@bsuedu.ru

Profatilova Svetlana

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: profatilova@bsuedu.ru

Abstract: The article examines the specifics of using various methods of translating diminutive vocabulary with a pronounced national and cultural component based on the texts of Russian classics, analyzes the methods of translating this vocabulary, and emphasizes the need to take into account linguistic and cultural "background" knowledge as a specific translation competence.

Keywords: "background" vocabulary, diminutive meaning, national and cultural component of meaning, methods of translating diminutive units, comparative analysis.

Лексические и фразеологические единицы с так называемым «фоновым значением» являются «культуроносными» единицами языка, выполняющими кумулятивную функцию, осуществляя «связь времен», сохраняя накопленную информацию о материальной и духовной культуре общества, репрезентируя картину мира того или иного социума в его историческом развитии. Они способствуют накоплению информации о материальной и духовной культуре общества, отражают национальную специфику языковой картины мира и являются предметом исследования тесно пересекающихся и взаимно дополняющих друг друга лингвистических дисциплин, таких как психолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, этносоциология, переводоведение и др. (Глушечкая, 2007: 621).

Процессы неологизации, затрагивающие языковой состав того или иного языка непременно затрагивают и изменяют языковой фонд определенной социальной или этнической группы в каждый исторический период, что в свою очередь приводит к изменениям культурной картины мира, перераспределению определённых культурных кодов, переосмыслению лексической нагрузки некоторых реалий, принадлежащих к социокультурной жизни определенного этноса.

Исследования фоновой национально-культурной лексики постепенно уходят на второстепенный план, отдавая предпочтение современным концептуальным лингвистическим разработкам, с чем в конечном итоге сложно согласится, так как именно эти лишь отчасти изученные лексические единицы, зачастую представляют определенные трудности в процессе поиска адекватных переводческих соответствий с необходимостью учета сохранения национального колорита.

Проблема связи языка и языковой картины мира, а также учета дополнительных лингвокультурологических фоновых знаний должна отдельно рассматриваться в качестве определенной переводческой компетенции, т.к. адекватность перевода исходного языка (ИЯ) должна соответствовать переводящему языку (ПЯ).

С середины 60-х гг. XX в. широко распространены приемы транскрипции и калькирования при передаче инокультурных реалий (как исторических, так и современных). Однако в последние десятилетия раздаются критические замечания со стороны многих лингвистов (Ю.Н. Караулова, Г.Д. Томахина, А.Д. Швейцера и др.), поскольку подобные «переводческие» варианты не вызывают адекватных ассоциативно-вербальных реакций и не вписываются в структуру мышления носителей ПЯ, в ее ассоциативно-вербальную сеть, оставаясь на уровне языкового, а не когнитивного сознания (Ю.Н. Караулов). Г.Д. Томахин отмечает, что многие казусы перевода обуславливаются недостаточной прагматической компетентностью переводчика: «В теории и практике перевода вопрос о национальных реалиях представляется в основном как проблема изыскания различных способов перевода их с одного языка на другой, однако до того как перевести, надо *увидеть эту реалию*, понять ее, а для этого необходимы фоновые знания данного языка и культуры» (Томахин, 1996: 131).

Особое место в теории и практике перевода следует выделить трудностям перевода диминутивов с ярко выраженным национально-культурным компонентом значения, поскольку они представляют определенные трудности при переводе. Прежде всего, это историзмы и коллоквиализмы (формы обращения: „матушка“, «батюшка», «батько», «дядюшка»; обиходные доброжелательно-умилительные формы обозначения лиц более высокого статуса и снисходительно-доброжелательные – лиц более низкого статуса и т.п.).

При анализе перевода некоторых диминутивных образований с «фоновым» национально-культурным компонентом в произведениях русских классиков были выявлены следующие приемы перевода данных диминутивных единиц:

а) При переводе иногда используется **калькирование** (перевод корневой лексики и передача диминутивного суффикса), заменяющегося словарным соответствием в ПЯ, однако при этом зачастую утрачивается «лексический фон», национальный колорит и оттенок «высокой уважительности» либо теплоты, фамильярности и т.п.

Приведем примеры:

- Чем, батюшка, откупиться прикажешь? (Тургенев, 2002: 61).

Womit, Väterchen, soll ich loskaufen?“ (Turgenev, 1980: 10).

А ты, батюшка, не гневись: дитятко, видишь, малое, разуму не успело набраться (Тургенев, 2002: 64).

- Väterchen, werde du nicht ungehalten, es ist noch ein Kind, wie du siehst, und hat noch nicht viel Verstand erworben (Turgenev 1980: 12).

„То-то, батко мой, – отвечала она, – не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами“ (Пушкин, 1983: 249).

„So ist's recht, Väterchen, “ antwortete sie, „das Flausenmachen steht dir nicht zu Gesichte; laß mal die Offiziere holen“ (Puschkin, 1937: 63).

Как видим, различие национального колорита слов «батюшка» (русский этнос) и «батко» (украинский этнос) при переводе на немецкий язык утрачивается. Данный прием перевода строится по моделям словообразования, характерным для ПЯ и позволяет носителю ПЯ получить представление о соответствующей номинации, иногда с утратой ярко выраженного национального колорита.

б) Попытка сохранить социально-исторический колорит иногда ведет к «подмене» национального колорита в силу использования **аналогов** ПЯ (**уподобляющий перевод**), состоящий в поиске понятия, которое имеет похожее сходство и позволяет раскрыть суть описываемого явления (Латышев 1988: 106). Например:

С тех пор жил он в своей сибирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина (Пушкин, 1983: 211).

Seitdem lebte er auf seinem Gut im Gouvernement Simbirsk, wo er auch die Demoiselle Awdotja Wasiljewna Ju., die Tochter eines dortigen armen Edelmanns, heiratete (Puschkin, 1937: 3).

Смена национального колорита слова «девица» обусловлена употреблением французского слова Demoiselle, которое используется для обращения к молодой женщине, имеет несколько устаревшее значение.

- Барышня жива, – отвечала Палашка (Пушкин, 1983: 258).

«Das Fräulein lebt», erwiderte Palaschka (Puschkin, 1937: 80).

В данном случае диминутивность не утрачена, однако использование при переводе немецкой реалии «Fräulein» ведет к изменению национального колорита русской реалии «барышня».

Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда не казался мне нужен (Пушкин, 1983: 222).

Saweljitsch brachte die Schatulle mit dem Teegeschrir herein, verlangte Feuer, um den Tee zu bereiten, der uns nie so erwünscht war (Puschkin, 1937: 20-21).

Существительное «погребец» с диминутивным значением, являющееся одновременно историзмом, на немецкий язык передается нейтральным словом. Диминутивность, исторический колорит утрачены (слово погребец произошло от слова погребать, т.е. спрятать, сохранять).

в) В ряде случаев используется **лексико-грамматическая трансформация с утратой диминутивности** (или специфической экспрессии), иногда – аналог:

«Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и прийти к твоей милости» (Пушкин, 1983: 259).

«Gut Herr, aber das Mädchen kann nicht aufstehen und zu deiner Gnaden kommen» (Puschkin, 1937: 80).

Исторический колорит переводчик пытается компенсировать за счет архаизированной грамматической формы «zu deiner Gnaden», однако экспрессия слова «девка» утрачена (на наш взгляд, более удачным был бы перевод посредством лексемы *Mädel*, которая является архаизмом и близка по значению с русской устаревшей лексемой с пренебрежительным оттенком значения).

Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву (Пушкин, 1983: 266).

Ich war sehr begierig, zu erfahren, was mein Wärter Pugatschew hatte schreiben können (Puschkin, 1937: 91).

В русском языке существительным «дядька» передается грубоватая ласковость с оттенком сословной дистанции. При переводе денотативное значение передается, но утрачивается диминутивность и оттенок грубоватой ласковости.

«Батюшки мои!» кричала бедная старушка (Пушкин, 1983: 257).

«Liebe Leute!», – schrie die arme Alte (Puschkin, 1937: 78).

«Ах! Мой батюшка!» (Пушкин, 1983: 235).

«Ach, meine Besten! Was sind das für Geschichten?» (Puschkin, 1937: 42).

Диминутивность национально-культурной номинации «батюшки» в составе речевого клише при переводе утрачивается, но сохраняется экспрессивность оборота.

Он искал глазами палки. – Батюшки! Разбой! Помогите! – кричал Тарантьев. – Захар! Выбрось вон этого негодяя, и чтоб он не смел глаз казать сюда! – закричал Обломов (Гончаров, 1953: 42).

Er suchte mit den Augen nach einem Stock. – Hilfe! Räuber! Hilfe!» schrie Tarantjew. – Sachar! Wirf diesen Schuft hinaus, und er soll sich hier nie mehr blicken lassen! – schrie Oblomow (Gontscharow, 1960: 136).

Как видим, в данном примере перевода, диминутивность также утрачивается и передается восклицанием с призывом к помощи.

Анализ переводов показал, что устаревшие и устаревающие слова в большинстве случаев заменяются современной лексикой и утрачивают оттенок архаичности (исторический колорит), а также лингвострановедческий (лингвокультурологический) оттенок русской старины.

г) Перевод существительных с диминутивными суффиксами посредством «нейтрального» слова с лексическим (понятийным) значением малости (лексико-грамматическая трансформация, нередко сочетающаяся со стилистической трансформацией; утратой или изменением экспрессивно-оценочного значения):

Послушай, мужичок, – сказал я ему, – знаешь ли ты эту сторону? (Пушкин, 1983: 220).

«Höre, Freund», sagte ich zu ihm, „kennst du diese Gegend? (Puschkin, 1937: 18).

Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку (Тургенев, 2002: 64).

Chor kannte die Wirklichkeit, das heißt, er hatte sich sein Leben eingerichtet und Ersparnisse gemacht (Turgenew, 1980: 12).

В огород летал, конопли клевал, швырнула бабушка камушком – да мимо (Пушкин, 1983: 222).

Ich flog über die Gemüsebeete, ich pickte Haferkörner; Großmutter warf einen Stein nach mir und traf mich nicht (Puschkin, 1937: 22).

Это, старинушка, уж не твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет (Пушкин, 1983: 223).

«Das braucht dich nicht zu kümmern, Alter», sagte mein Landstreicher, „ob ihn versaufe oder nicht“ (Puschkin, 1937: 23).

«Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечищи» (Пушкин, 1983: 224).

«Was willst du mit dem Pelz anfangen? Du kriegst ja gar nicht über deine vermaledeiten Schultern!» (Puschkin, 1937: 224).

– А слышь ты, Василиса Егоровна, – отвечал Иван Кузьмич, – я был занят службой: солдатушек учил (Пушкин, 1983: 229).

«Siehst du wohl, Wasilisa Jegorowna», antwortete Iwan Kusmitsch, «der Dienst hielt mich ab, ich musste die Soldaten exerzieren lassen (Puschkin, 1937: 33).

«Что же вы, детушки, стоите?» – закричал Иван Кузьмич (Пушкин, 1983: 255).

«Was steht ihr denn, Kinder?» schrie Iwan Kusmitsch (Puschkin, 1937: 74).

У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове (Пушкин, 1983: 224).
Am Fenster saß eine alte Frau in einer warmen Jacke und einem Tuch auf dem Kopf (Puschkin, 1937: 28).

Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире (Пушкин, 1983: 224).

Sie wickelte Garn auf, das ihr ein einäugiger Mann in Offizeiruniform auf seinen einandergespreizten Händen hielt (Puschkin, 1937: 28).

- Торгуем помаленьку маслишком да дегтишком (Тургенев, 2002: 62).

«Wir handeln wohl ein wenig mit Öl und Teer» (Turgenew, 1980: 11).

А мужичок Софрон его, пожалуй, к себе на двор не пустит (Тургенев, 2002: 75).

Der Bauer Safron aber lässt ihn vielleicht nicht einmal auf seinen Hof (Turgenew, 1880: 20).

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкой, которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою (Пушкин, 1983: 214).

Mutter holte meinen Paß, den sie in ihrer Schatulle mit meinem Taufhemdchen aufbewahrte, und reichte ihn mit zitternder Hand dem Vater (Puschkin, 1937: 8).

Слова «матушка» и «батюшка» заменяются нейтральными словами Mutter и Vater, которые не имеют диминутивной окраски, поэтому происходит потеря национального колорита этих слов. Слово шкатулка передает диминутивность своим лексическим значением и усиливает его суффиксом.

В данных примерах лексемы с диминутивными суффиксами передаются лексемами без суффиксов диминутивной семантики, так как немецкие суффиксальные дериваты изменили бы стилистический колорит фразы,

создавая неверное представление об общей «тональности» повествования и взаимоотношения персонажей.

Анализируя данные примеры, можно сделать вывод, что русский язык имеет большое количество диминутивных образований, что связано с наличием разветвленной системы суффиксов субъективной оценки. Автор дает перевод диминутивных единиц нейтральным словом, так как при переводе решающую роль играет контекст и узус.

Однако следует отметить, что в подобных переводах частично утрачивается русский «колорит», сглаживается общая дружественная, доброжелательная атмосфера коммуникации.

Как видим, сопоставительный анализ показывает, что при переводе существительных с диминутивными суффиксами с русского языка на немецкий наиболее распространенным приемом перевода является калькирование (передача суффиксальных диминутивов аналогичными словообразовательными моделями). Но зачастую, особенно при переводе существительных с диминутивными суффиксами с русского языка на немецкий имеет место лексико-грамматическая трансформация, сочетающаяся с утратой или изменением экспрессивно-оценочного значения.

Перевод посредством лексической или лексико-грамматической трансформации имеет место в силу отсутствия аналогичной словообразовательной модели в языке ПЯ, расхождения языковых норм, узуса.

Многие лексемы русского языка, относящиеся к так называемой «фоновой» лексике с диминутивным значением, являются недостаточно исследованными в плане анализа общности и различий сопоставляемых языков и поиска адекватного перевода с учетом сохранения национальной специфики данных выражений, чему необходимо дополнительно обучать будущих переводчиков и отдельно рассматривать в качестве определенной переводческой компетенции.

Список литературы

1. Глушечкая С.М. Сопоставительный анализ этнокультурных номинаций немецкого и русского языков (на материале тематической группы «мода») // Системное и асистемное в языке и речи: Материалы Международной научной конференции (Иркутск, 10 – 13 сентября 2007 г.) / Под ред. М.Б.Ташлыковой. XI разд. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – С. 621 – 625.
2. Гончаров И.А. Обломов. М.: АСТ, 2018. – 576 с.
3. Латышев Л.К. Перевод: Проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
4. Томахин Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация//Перевод и коммуникация. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 129 – 137.
5. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М.: Московский рабочий, 1983. 378с.
6. Тургенев И.С. Записки охотника (Рассказы). М.: Детская литература, 2002.239с.

7. Gontscharow Iwan. Oblomow. Übers. v. Clara Brauner. Vollständiger, durchgesehener Neusatz mit einer Biographie des Autors bearbeitet und eingerichtet von Michael Holzinger. Zürich: Manesse Verlag, 1960. 763 S.
8. Puschkin A.S. Die Hauptmannstochter (Übertr. von A. Luther)., Engels: Deutscher Staatsverlag, 1937. 72 S.
9. Turgenew I. Aufzeichnungen eines Jägers (Übertr. von Wladimir und Elisabeth Wonsiatsky). Leipzig: Phillip Reclam jun., 1980. 547 S.

РОЛЬ АДРЕСАНТА В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КОГНИТИВНОГО МЕХАНИЗМА ВЫБОРА ВАРИАНТА ПЕРЕВОДА

Буров Александр Александрович

*соискатель на ученую степень
кандидата филологических наук*

Военный университет

им. князя Александра Невского

Министерства обороны

Российской Федерации г. Москва

e-mail: tariverd@yandex.ru

Балаганов Дмитрий Владимирович

доктор филологических наук,

начальник кафедры английского языка (второго),

Военный университет

им. князя Александра Невского

Министерства обороны

Российской Федерации, г. Москва

e-mail: dmitryrus@yandex.ru

Аннотация: В настоящем исследовании предпринята попытка расширить понятие субъектов переводческой деятельности через введение термина «переводческий констеллянт» и сформулировать концепцию их влияния на процесс перевода и когнитивную систему переводчика. Основное внимание уделяется роли адресанта (автора) как ключевого констеллянта, чьи когнитивные, социальные и культурные характеристики определяют функционирование когнитивного механизма выбора варианта перевода. Работа интегрирует антропоцентрический подход и теорию М. Я. Цвиллинга, актуализируя переход от анализа условий к изучению влияния субъектов на перевод.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, переводческая констелляция, переводческий констеллянт, когнитивные механизмы, лингвокультурная адаптация, выбор варианта перевода

THE ADDRESSER'S IMPACT ON THE COGNITIVE MECHANISM OF TRANSLATION OPTION SELECTION

Alexander A. Burov

*Applicant for Candidate of Philological Sciences,
the English (as a Second Language) Department
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow
E-mail: tariverd@yandex.ru*

Dmitry V. Balaganov

*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation
Dr. Sci. (Philol.), Head of the English
(as a Second Language) Department,
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow
e-mail: dmitryrus@yandex.ru*

Abstract: This study seeks to expand the concept of translation subjects by evolving the term «translation constellatory» and formulating a framework of their influence on the translation process and the translator's cognitive system. The focus lies on the role of the addresser (author) as a key constellator, whose cognitive, social, and cultural characteristics shape the functioning of the translation option selection cognitive mechanism. The study integrates an anthropocentric approach with M. Y. Zvilling's theory, highlighting the shift from analyzing contextual conditions to research the subject impact on translation.

Keywords: cognitive linguistics, translation constellation, translation constellator, cognitive mechanisms, lingua-cultural adaptation in translation, translation option selection

Современные исследования перевода демонстрируют устойчивую тенденцию к переосмыслению роли антропоцентрических факторов в формировании переводческих решений. Традиционный фокус на текстуальных параметрах лингвистической эквивалентности смещается в сторону изучения взаимосвязей и комплексного влияния когнитивных, социальных и культурных компонентов на успешность коммуникации. Носителями этих элементов в процессе перевода выступают субъекты, вовлеченные в межкультурное взаимодействие.

Значимость антропоцентрического подхода подтверждается как теоретиками, так и практиками межкультурной коммуникации. В. А. Агафонова и О. А. Симагина в ходе анализа лингвистических работ, различных подходов к построению речи и концепций перевода заключают, что «успешность двуязычной коммуникации определяется не только эквивалентностью перевода, но также зависит и от ряда других факторов. Наиболее значимыми из них являются индивидуально-личностные, культурные и социальные особенности участников общения» (Агафонова, Симагина, 2017: 1). Это положение раскрывает многомерную природу процесса перевода, где лингвистические критерии дополняются экстралингвистическими детерминантами.

Круг участников переводческой деятельности, то есть лиц, влияющих на переводческий процесс, не ограничивается привычными субъектами и выходит за рамки традиционной триады «автор–переводчик–реципиент». Данный фактор проявляется через вовлечение широкого спектра акторов межъязыковой коммуникации – от непосредственных создателей исходного текста (ИТ) до косвенных участников, формирующих институциональные, технологические и социокультурные условия реализации перевода.

Такое изменение исследовательской парадигмы позволяет рассматривать переводческий акт как сложное взаимодействие, где функционирование когнитивного механизма выбора варианта перевода (КМ ВВП) становится результатом согласования множества факторов. Для понимания данного взаимодействия необходимо ответить на вопрос: кто подразумевается под «участниками переводческой деятельности»?

В управленческой теории существует термин «стейкхолдер» (от англ. stakeholder – держатель доли, акционер), означает «отдельное лицо, группа или организация, которые могут влиять на решение, деятельность или результат проекта, быть затронутыми им или ощущать, что они влияют на них» (Project Management Institute, 2013: 30). В рамках некоторого допущения можно представить акт перевода как проект, тогда в качестве его стейкхолдеров могла бы выступить совокупность акторов, заинтересованных или «причастных» к переводу, которые могут быть активно вовлечены в процесс или иметь на него влияние. Прямое применение термина «стейкхолдер» к переводческой деятельности проблематично: стейкхолдер-анализ фокусируется на организационных и экономических аспектах, тогда как в межъязыковой коммуникации ключевыми становятся лингвокультурные и когнитивные факторы.

Воспользуемся подходом управленческой теории к активной роли субъектов и рассмотрим это явление, основываясь на мнении профессиональных лингвистов по данному вопросу.

Для преодоления выявленного ограничения в рамках настоящего исследования предлагается использовать понятие **«переводческого констеллянта»** – динамического субъекта (индивидуального или коллективного), интегрированного в систему взаимосвязанных участников переводческого процесса. Интересы, ресурсы и коммуникативные роли констеллянтов определяют параметры, качество и социокультурную значимость перевода, что делает их агентами, трансформирующими среду межъязыкового взаимодействия.

Теоретической основой для введения термина послужила концепция М. Я. Цвиллинга, рассматривающая перевод преимущественно как систему взаимодействующих пассивных условий – языковых, культурных, коммуникативных (языковые нормы, цели перевода, культурный контекст). Переводческая констелляция по М. Я. Цвиллингу – «конфигурация взаимоотношений между прямыми и косвенными участниками процесса перевода, отражающая влияние их целевых установок на конечный результат» (Цвиллинг, 2007: 127). Понятие констеллянта позволяет актуализировать *активную роль субъектов*, которые не просто существуют в рамках этих

условий, но и модифицируют их. При этом констеллянт выступает как связующее звено между средой (констелляцией) и функционированием когнитивных механизмов переводчика.

Критерии выделения переводческих констеллянтов включают:

динамичность их влияния, которое варьируется в зависимости от этапа перевода: на стадии пре-переводческой экспертизы доминируют заказчик и автор, тогда как в процессе пост-переводческой адаптации ключевыми становятся редакторы и конечные реципиенты;

иерархию ролей, в которая прямые констеллянты – автор, переводчик и заказчик, формируют ядро процесса, тогда как косвенные, включая искусственный интеллект или регуляторные органы, задают рамки через алгоритмы или законодательство, выступая в роли «нематериальных акторов»;

конфликт интерпретаций, возникающий из-за противоречия интересов: например, требование заказчика сократить сроки перевода может вступать в противоречие с необходимостью сохранить культурные маркеры текста, что вынуждает переводчика искать компромиссные решения.

К традиционно выделяемым *основным* субъектам переводческой деятельности – адресанту (автору), адресату (читателю, слушателю) и, собственно, самому переводчику следует добавить *второстепенных* акторов, оказывающих косвенное или опосредованное влияние на перевод. К ним можно отнести представителей профессионального сообщества (преподаватели перевода, студенты-переводчики, критики и редакторы перевода), институциональных игроков (специалисты-аналитики, работающие с материалами на иностранном языке, заказчики перевода, клиенты, СМИ, издательства, регуляторные органы и др.), а также технологических акторов (специалисты по обучению больших языковых моделей (large language model, LLM) и разметке данных результатов работы этих моделей, аналитики больших данных), чья вовлеченность в мир лингвистики возрастает с каждым днем. Иначе – любые возможные потребители результатов перевода в виде семиотической, аудио- и аудиовизуальной информации на переводной язык (ПЯ). Таким образом, в зависимости от коммуникативной ситуации перевода констеллянтами перевода выступают все, кто непосредственно участвует в создании текста перевода (ТП), сталкивается с необходимостью его анализа или использует его в своих личных и профессиональных целях.

Констеллянты перевода оказывают многоаспектное влияние на функционирование когнитивной системы переводчика, которое проявляется прежде всего в выполняемых переводческих трансформациях (преобразованиях, «с помощью которых переводчик осуществляет переход от единиц оригинала к коммуникативно-равноценным единицам ПЯ при невозможности использования регулярных соответствий» (Надеждина, Юдина, 2015: 3), которые напрямую влияют на результат, то есть конечную форму ТП.

Адресант (автор, в том числе в своей коллективной форме) – создатель исходного речевого произведения выступает как первоначальный субъект перевода, в котором в иноязычной форме вербализуются его мысли и идеи.

Проанализируем характеристики и качества данного субъекта, основываясь на некоторых элементах психолингвистической программы речепорождения, раскрытой в учебном пособии И. Н. Горелова и К. Ф. Седова «Основы психолингвистики» (Горелов, Седов, 2010: 69-70), а также выделим их потенциальное воздействие на функционирование КМ ВВП в сознании переводчика.

Первым элементом вышеуказанной программы выступает *мотив*. На его первичность по отношению к речевому высказыванию указывал Л. С. Выготский. Это иницирующий механизм, причина создания и отправки сообщения (Выготский, 1999: 22-23). Являясь движущей силой любого высказывания, именно мотив запускает инициацию речи и определяет ее будущую форму и содержание. «Он же становится последней инстанцией в обратном процессе – процессе восприятия и понимания высказывания, ибо мы понимаем не речь, и даже не мысль, а то, ради чего высказывает наш собеседник ту или иную мысль, т. е. мотив речи» (Горелов, Седов, 2010: 60-64). В своей деятельности переводчик руководствуется пониманием авторского мотива, как внутреннего элемента ИТ, который находит свое отражение, пусть и не всегда в очевидной форме, в ходе перевода, в том числе при выборе языковых средств на ПЯ.

Мотив формирует в языковом сознании автора *коммуникативное намерение*, то есть «готовность к речепорождению, к коммуникативным действиям» (Горелов, Седов, 2010: 64). Создавая предпосылки к дальнейшей коммуникации, автор задает настрой или тональность (нейтральная, ироничная, агрессивная, дружелюбная и др.), определяет модальность (центрированная, кооперативная, конфликтная) будущего высказывания. Кроме того, наряду с открытой иллокуцией, отражающей очевидную коммуникативную цель говорящего, речевое произведение может иметь скрытую интенцию автора (Карасик, 1991: 131-132), не имеющую явного выражения, а подразумевающуюся «между строк». Целостный смысл текста напрямую связан с мотивами речи и целью, которую преследует автор высказывания. Отсутствие понимания интенции адресанта может привести к некорректной работе КМ ВВП переводчика.

Важность роли адресанта для процесса перевода обусловлена тем, что автор – не некая абстрактная фигура вне времени, пространства и социума. Он является носителем собственной когнитивной сферы, обладает определенным набором индивидуально-личностных и психологических особенностей, испытывает разное отношение к предмету речевого высказывания (даже без личного присутствия в ситуации общения, как это происходит, например, в процессе письменного перевода). Сообщение автора разворачивается в рамках выбранного им *речевого жанра* – «вербального оформления типичных ситуаций социального взаимодействия людей» (Горелов, Седов, 2010: 162). Исходя из его условий формируется замысел – происходит смысловое (семантическое) наполнение высказывания, а затем и перекодировка смысла конкретными языковыми средствами в соответствии с синтаксическими нормами и грамматическими правилами ИЯ. Например, предложение

«Результаты исследования подтверждают необходимость реформы» в научной статье может быть переведено на английский как «*The research findings confirm the need for reform*» (дословно) или «*Study results highlight the urgency of changes*» (акцент на срочности). Переводчик выбирает первый вариант, если приоритетом является точность, или второй – для передачи эмоционального воздействия на целевую аудиторию, заложенную автором. В публицистическом тексте та же фраза может быть адаптирована как «*Study results back calls for change*», что отражает менее строгий регистр.

Данные процессы обуславливают наличие такого аспекта, как *социально-культурное обрамление* коммуникативной ситуации текста, которая является самостоятельным фактором функционирования КМ ВВП и представляет собой «комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направляемом адресату» (Формановская, 2002: 254). Автор формирует социально-культурное обрамление речевого произведения исходя из объема и содержания своей когнитивной сферы. Например, слово «дача» может быть переведено на английский несколькими способами в зависимости от культурологического контекста: 1) «summer house» – если автор акцентирует сезонный характер использования дачи для отдыха; 2) «country cottage» – если важно подчеркнуть скромность и уют загородного жилья; 3) «dacha» – если автор стремится сохранить связанный с социальными традициями уникальный культурный концепт. Вместе с тем использование последнего варианта требует дополнительного переводческого пояснения. Таким образом, учитывая авторскую интенцию, переводчик вырабатывает переводческое решение, которое балансирует между буквализмом и адаптацией.

Ученые отмечают, что состав используемой автором при формировании высказывания когнитивной сферы неоднороден. По мнению Л. М. Босовой, когнитосфера включает как «индивидуальные знания и представления», так и «групповые, связанные с принадлежностью человека к различным социальным группам» (Босова, 2002: 22). В свою очередь В. В. Красных выделяет понятие «ядра когнитивных пространств» (национального и коллективного), присущих многокультурным социумам (Красных, 1998: 46). Это свидетельствует о том, что речевое произведение отражает не только индивидуальное когнитивное пространство автора, но и весь спектр когнитивных пространств социальных групп, членом которых он является. Например, слово «*предохранитель*» может быть переведено как «*short-circuit protection device*» (эквивалентный термин в техническом руководстве) или «*device to prevent electrical overload*» (упрощенное понятие в бытовом контексте). Переводчик учитывает данные обстоятельства при выборе между терминологической строгостью и доступностью восприятия.

Социальный статус отправителя (официальное лицо, друг, эксперт и т.д.), а также *характер взаимоотношений* с получателем, а в некоторых случаях – переводчиком, определяют соответствующий уровень формальности, профессиональной ориентированности ИТ. В юридическом документе русское «*надлежащим образом уполномоченное лицо*» может быть переведено как «*duly*

authorized representative» (терминологическая точность) или «*properly authorized person*» (менее формальный вариант). Первый вариант предпочтителен в официальном контексте, второй – в ситуациях, где требуется упрощение языка без потери смысла. В бытовом диалоге фраза «Здесь нужно подписать» допускает перевод «*You need to sign here*» (нейтральность) или «*Could you please put your signature here?*» (акцент автора на вежливость). Выбор зависит от коммуникативного намерения автора: передать прямое указание или смягчить просьбу.

При этом роль переводчика может варьироваться от игнорирования автором (при создании текстов, изначально не предназначенных для перевода) и учета (при разработке текстов выступлений и речей, перевод которых предполагается последовательным или синхронным способом) до непосредственного участия в акте коммуникации (при последовательном переводе в ситуации неформального общения). При наличии в тексте специфических представлений и отсылок к идиофонной культуре, переводчик вынужден осуществить их адаптацию на язык перевода. При этом необходимо понять, что хотел донести автор – адекватно уяснить его интенцию, не допустить искажения оригинала, сохранить авторский замысел в ходе переводческих трансформаций. В таких случаях выбор соответствующих языковых средств осуществляется с учетом обозначенных выше особенностей.

В ходе перевода внутренние установки ИТ, заложенные в него адресантом, должны быть интерпретированы в сознании переводчика, трансформированы и доставлены адресату через ПЯ, что напрямую влияет на процесс перевода, определяет форму и содержание переводного текста. Адекватная передача авторского смысла путем актуализации структурно-смысловых связей ИТ и соотносимых с ними ментальных содержаний есть ни что иное, как основная цель переводческих решений, в основе которых лежит функционирование КМ ВВП.

Использование термина «переводческий констеллянт» позволяет подчеркнуть специфику переводческой деятельности, интегрировать антропоцентрический подход и концепцию переводческой констелляции Цвиллинга, сместив фокус с условий на влияние субъектов, а также объяснить, как когнитивный механизм выбора варианта перевода адаптируется под давлением внешних и внутренних факторов. Когнитивная сфера адресанта, как ключевого констеллянта, формирует параметры исходного текста, что определяет функционирование когнитивного механизма выбора варианта перевода. Понимание переводчиком авторского мотива, интенции и культурного контекста становится основой для адекватной передачи смысла без искажений и с сохранением коммуникативной цели оригинала.

Список литературы

1. Агафонова В.А., Симагина О.А. Фактор адресата в переводе // Огарёв-online. Саранск: ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», 2017. т. 5. №14. [Электронный ресурс]. URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/283161> (дата обращения: 29.03.2025).

2. Босова Л.М. Когнитивные основы перевода как вида межкультурной коммуникации // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М.: МГЛУ, 2002. №5. С. 15-27.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2010. 320 с.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик; Академия наук СССР, Институт языкознания, Волгоградский государственный педагогический институт им. А. С. Серафимовича. М.: б.и., 1991. 388 с. – Режим доступа: по подписке. [Электронный ресурс]. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=52957> (дата обращения: 29.03.2025).
6. Красных В.В. Виртуальная реальность и реальная виртуальность (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
7. Переводческие трансформации и приемы перевода. Методические указания к практическому курсу профессионально ориентированного перевода для студентов, обучающихся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». / Составители: Надеждина Н.Г., Юдина О.А. / рецензент: к.п.н. Г.К. Крюкова. Н.Новгород: ННГАСУ, 2015. 28 с.
8. Формановская А.В. Культура общения и речевой этикет. М.: Рус. яз., 2002. 160 с.
9. Цвиллинг М.Я. Тетради переводчика // Научно-теоретический сборник. Вып. 26. Под ред. И.И. Халеевой. М.: МГЛУ, 2007. с. 123-130.
10. A guide to the project management body of knowledge (PMBOK guide), 5th ed., Newtown Square: Project Management Institute, Inc., 2013. 616 p.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАНИФЕСТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НИГЕРИЙСКОЙ ОНЛАЙН ГАЗЕТЕ “VANGUARD”

***Волошина Татьяна Геннадьевна**
доктор филол. наук, профессор
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

***Богданова Марина Дмитриевна**
аспирант 1-го курса
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

E-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru

Аннотация: Представляя собой средство глобальной коммуникации, английский язык является языком мировых СМИ. Англоязычное нигерийское медиапространство представляет собой медиадискурс, сочетающий письменные тексты и видеоматериалы. К уникальным особенностям англоязычного нигерийского медиадискурса относятся ограниченный перечень рубрик, незначительный объем публикаций, сопровождение письменных текстов и видеороликов этнически-маркированными аудио- и видеоматериалами, высокая степень нативизации английского языка. Для англоязычных нигерийских СМИ характерны отклонения от британского английского языка и

американского варианта английского языка на уровне лексики, что продиктовано доминирующим влиянием автохтонных языков. Лексические манифестации в англоязычном нигерийском медиадискурсе на примере онлайн газеты “Vanguard” проявляются в форме функционирования высокочастотных аббревиатур и адаптированных к местным лингвокультурам фразеологизмов; а также в виде использования малочастотных заимствований из французского языка.

Ключевые слова: англоязычный нигерийский медиадискурс, нативизация, британский английский язык, нигерийский вариант английского языка, лексические манифестации

LEXICAL MANIFESTATIONS IN NIGERIAN ENGLISH ONLINE NEWSPAPER “VANGUARD”

Voloshina Tatiana Gennadievna

Doctor of Philological Sciences, Professor

Belgorod National Research University

E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

Bogdanova Marina Dmitrievna

1st year postgraduate student

Belgorod National Research University

E-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru

Abstract: Representing a means of global communication, English is the language of the world's media. Nigerian English media space is a media discourse combining written texts and video materials. The unique features of Nigerian English media discourse include a limited list of headings, a small volume of publications, the accompaniment of written texts and videos with ethnically labelled audio and video materials, and a high degree of English. Nigerian English media is characterized by deviations from British English and American English at the lexical level, which is dictated by the dominant influence of autochthonous languages. Lexical manifestations in Nigerian English media discourse on the example of the online newspaper “Vanguard” reveal in the form of high-frequency abbreviations and phraseological units adapted to local linguistic cultures; and low-frequency borrowings from French.

Kew words: Nigerian English media discourse, nativization, British English, Nigerian English, lexical manifestations

Вопросы контактного взаимодействия не теряют актуальности в исследованиях междисциплинарного профиля (Волошина, 2020). Английский язык, обладая статусом глобальной коммуникации, является средством передачи информации в СМИ (Волошина, 2024). В настоящей статье анализу подлежит специфика англоязычного нигерийского медиaprостранства, которая отражает реалии современного состояния такого варианта английского языка как нигерийский. Целью исследования является выявление лексических манифестаций в онлайн газете “Vanguard”, формирующей англоязычный нигерийский медиадискурс. Под медиадискурсом мы понимаем сопряжение письменных текстов статей и видеоматериалов, прилагаемых к некоторым публикациям. Материалом исследования послужили тексты публикаций и видеоматериалы в онлайн газете “Vanguard” за 2025 год.

Англоязычная нигерийская онлайн газета “Vanguard” представляет собой ежедневное издание, освещающее актуальное состояние событий как внутри

страны, так и за рубежом (Богданова, 2024). Англоязычный нигерийский медиадискурс на примере онлайн газеты “Vanguard” обладает специфическими свойствами по сравнению с британским медиадискурсом: 1) в состав анализируемой газеты входят такие рубрики как “Home”, “News”, “Politics”, “Metro”, “Business”, “Sport”, что приблизительно на треть меньше по количеству рубрик в британских ежедневных онлайн газетах; 2) объем публикаций (количество предложений) в англоязычной нигерийской онлайн газете “Vanguard” приблизительно на треть меньше по сравнению со среднестатистической статьей в британских онлайн газетах; 3) высокая степень визуального сопроводительного материала, репрезентирующего этнически-маркированные элементы; 4) нативизации английского языка, продиктованная доминирующим влиянием автохтонных языков.

В нашем исследовании ключевое внимание уделяется такому явлению как лексические манифестации, под которыми понимаются приобретенные новые лексические признаки английского языка в результате сопряженного взаимодействия с нигерийскими языками и культурами (Волошина, Мустафаева, Бочарова, 2024). На основе метода количественного анализа в онлайн газете “Vanguard” были установлены наиболее и наименее продуктивные типы лексических манифестаций. Установлено, что к наиболее продуктивным принадлежат аббревиатуры (71%) и фразеологизмы (22%), в ранг малопродуктивных типов лексических манифестаций относятся заимствования (7%).

Аббревиатуры как типы лексических манифестаций в англоязычной нигерийской онлайн газете “Vanguard”

В ходе анализа аббревиатур, функционирующих в онлайн газете “Vanguard”, нами были выявлены следующие типы: экономические (45 %), политические (25 %), медицинские (16 %) аббревиатуры, а также те, которые репрезентируют специфику работы СМИ (8 %) и обозначают человека, сыгравшего важную роль в жизнедеятельности нигерийцев (6 %).

Экономические аббревиатуры в онлайн газете “Vanguard”

(1) “We are extremely frustrated that one year after our last demand as a forum, requesting the payment of over N100 billion owed our members in bridging and NTA claims by the NMDPRA, the management has deliberately ignored our request, even after making clear promises to pay us” (IPMAN threatens shutdown over N100bn bridging debt, URL). – Мы крайне разочарованы тем, что спустя год после нашего последнего требования в качестве форума о выплате Регуляторным органом в нефтяном и газовом секторе более 100 миллиардов долларов, причитающихся нашим членам согласно Мониторингу сетевого трафика, руководство намеренно проигнорировало наш запрос, даже после того, как дало четкие обещания осуществить все выплаты.

В этом примере мы наблюдаем функционирование двух аббревиатур: NMDPRA – Nigerian Midstream and Downstream Petroleum Regulatory Authority – Регуляторный орган в нефтяном и газовом секторе и NTA – Network Traffic Analysis – мониторинг сетевого трафика.

(2) “At that meeting, **NARTO** listed **IPMAN**’s bridging claims as part of their demands before the strike was called off. In the presence of the National Security Adviser, Mal. Nuhu Ribadu, and the **DG DSS**, Mr. Adeola Ajayi, assured us that payments would be made within 40 days. However, months have passed, and there is still no hope of receiving our payments” (IPMAN threatens shutdown over N100bn bridging debt, URL) – На той встрече Национальная ассоциация владельцев дорожного транспорта перечислила промежуточные требования Независимой ассоциации маркетологов нефтяной отрасли Нигерии как часть своих требований до отмены забастовки. В присутствии советника по национальной безопасности Мэла. Нуху Рибадугу и генерального директора господин Адеола Аджайи заверили нас, что платежи будут произведены в течение 40 дней. Однако прошли месяцы, а надежды на получение наших платежей по-прежнему нет.

Рассматриваемый пример включает в свой состав три аббревиатуры: **NARTO** – National Association of Road Transport Owners – Национальная ассоциация владельцев дорожного транспорта; **IPMAN** – Independent Petroleum Marketers Association of Nigeria – Независимая ассоциация маркетологов нефтяной отрасли Нигерии; **DG DSS** – Data Governance Decision Support System – Система управления данными, осуществляющая контроль по оптимизации кадров, процессы для достижения эффективных и устойчивых результатов.

(3) “Our party is vindicated with this exercise of our earlier apprehension that **OSIEC** can never conduct any meaningful election since its chairman, Hashim Abioye is a card-carrying member of PDP and serves Adeleke as Special Adviser Legal matters and served as PDP caretaker Secretary” (Hit-and-run driver kills 12-year-old student in Lagos, injures sibling, URL). – Наша партия подтверждает наши прежние опасения, что Независимая избирательная комиссия штата Осуна никогда не сможет провести значимые выборы, поскольку ее председатель Хашим Абиойе является членом комиссии по передаче данных и служит Аделеке в качестве специального советника по правовым вопросам, а также исполняет обязанности временного секретаря.

Третий пример включает в свой состав аббревиатуры **PDP** – Packet Data Protocol – протокол передачи данных; **OSIEC** – Osun State Independent Electoral Commission – Независимая избирательная комиссия штата Осуна.

Политические аббревиатуры в онлайн газете “Vanguard”

(4) “The **NDLEA** has intensified efforts to apprehend drug traffickers and dismantle drug cartels” (South-West, South-South lead in illicit drug use in Nigeria-NDLEA, URL). – Федеральное правоохранительное агентство Нигерии при Федеральном министерстве юстиции активизировало усилия по задержанию наркоторговцев и ликвидации наркокартелей.

В этом примере функционирует аббревиатура **NDLEA** – National Drug Law Enforcement Agency – Федеральное правоохранительное агентство Нигерии при Федеральном министерстве юстиции, которому поручено пресекать выращивание, переработку, производство, продажу, экспорт и незаконный оборот сильнодействующих наркотиков.

Медицинские аббревиатуры в онлайн газете “Vanguard”

(5) “Experts believe that fears of a new pandemic are unfounded, noting that HMPV has occurred commonly since it was first reported in 2001, and it is not classified as a notifiable disease like COVID-19 or influenza. However, HMPV still poses risks to public health, especially for the identified vulnerable groups” (Bracing up for HMPV threat, URL). – Эксперты считают, что опасения по поводу новой пандемии являются необоснованными, отмечая, что особый респираторный вирус часто встречается с тех пор, как о нем впервые сообщили в 2001 году, и он не классифицируется как заболевание, подлежащее регистрации, как COVID-19 или грипп. Однако этот вирус по-прежнему представляет опасность для общественного здравоохранения, особенно для выявленных уязвимых групп.

В приведенном примере функционирует аббревиатура HMPV – Human metapneumo virus – респираторный вирус, который поражает нос, горло и лёгкие.

Аббревиатуры, репрезентирующие СМИ

(6) “The academy’s Public Relations Officer, Maj. Muhammad Maidawa, announced in a statement issued to NAN on Tuesday in Kaduna” (NDA warns residents ahead of shooting exercise in Kaduna, URL). – Представитель по связям с общественностью, генерал-майор Мухаммад Maidawa, сообщил о заявлении Информационного агентства Нигерии во вторник в Кадуну.

В этом примере содержится аббревиатура NAN – News Agency of Nigeria – Информационное агентство Нигерии.

Аббревиатуры, репрезентирующие известных нигерийцев

(7) “IBB, who explained why the country had five coups between 1966 and 1985, added that military governments had more development projects than civilian governments” (Why Nigeria suffered 5 military coups – IBB. 2025. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/why-nigeria-suffered-5-military-coups-ibb/>). – Генерал Ибрагим Бадамаси Бабангида, который объяснил, почему в период с 1966 по 1985 год в стране произошло пять государственных переворотов, добавил, что у военных правительств было больше проектов в области развития, чем у гражданских правительств.

Приведенный пример содержит в своем составе аббревиатуру IBB – General Ibrahim Badamasi Babangida – Генерал Ибрагим Бадамаси Бабангида.

Фразеологизмы как типы лексических манифестаций в англоязычной нигерийской онлайн газете “Vanguard”

В текстах онлайн газеты “Vanguard” были выявлены как исконно английские фразеологизмы (25 %), так и адаптированные к реалиям нигерийских языков и культур фразеологизмы (75 %).

Примеры:

(8) “The Yoruba group is just **crying wolf** where there is none because we explained all these in our statement of Thursday, 26th December 2024” (CAN, PFN, MURIC differ over Sharia in South West, URL). – Группа йоруба – просто обманщики, мы уже объяснили это в заявлении от четверга, 26 декабря 2024 года.

В приведенном примере функционирует английский фразеологизм *crying wolf* – обманывать кого-то.

(9) “But this is a deliberate attempt **to create tension** because, in reality, nobody is planning to inaugurate a Shari’a court. What is being planned in Oyo town is a Shari’a panel” (CAN, PFN, MURIC differ over Sharia in South West, URL). – Но это – преднамеренная попытка создать напряженность, потому что на самом деле никто не планирует открывать шариатский суд. В городе Ойо планируется создать шариатскую коллегию.

В этом примере содержится английский фразеологизм *to create tension* – создавать напряжение.

(10) “Other reliefs she sought include: ‘A declaration that the words ‘it is a bottled anger by the Kogi lawmaker, who knows nothing about legislative rules. She thinks being a lawmaker is all about **pancaking her face** and wearing transparent outfits to the chambers,’ used and written by the 3rd defendant at the prompting of the 1st and 2nd defendants, is defamatory and intended to cause public opprobrium and disaffection towards the Claimant by members of the public” (Defamation: Sen Natasha slams N100.3bn suit on Akpabio, URL). – Другие послабления, которых она добивалась, включают в себя “заявление о том, что слова – это сдерживаемый гнев законодателя Когги, который ничего не знает о законодательных нормах”. Она считает, что быть законодателем – “носить яркий макияж и ходить в прозрачных нарядах в зал заседаний”, говорится в заявлении, которое было использовано и написано третьим лицом по указанию первого и второго ответчиков, является клеветническим и направлено на то, чтобы вызвать общественное осуждение и недовольство по отношению к истцу со стороны представителей общественности.

В приведенном примере содержится фразеологизм нигерийского варианта английского языка *pancaking one’s face* – наносить макияж.

(11) “It was just eye service” [Immigration arrests 376 illegal immigrants in Ogun. 2025, URL]. – Я должен был контролировать их каждый шаг.

В то время как в американском варианте английского языка фразеологизм *Eye service* имеет значение *офтальмологический осмотр*, в Библии это словосочетание использовалось для обозначения “службы, оказываемой на словах, а не на деле” (Волошина, Глебова, 2024). В современном нигерийском варианте английского языка этот фразеологизм употребляется в значении *обслуживание, выполняемое только под наблюдением работодателя*.

(12) “According to her, ‘we are still in shock over the untoward incident involving four female students who are our friends who were kidnapped on campus last night which is simply unacceptable. We must **shine our eyes** and face the reality!’” (4 female varsity students kidnapped on campus, URL). – По ее словам, “мы все еще в шоке от неприятного инцидента с четырьмя студентками, нашими подругами, которые были похищены в кампусе прошлой ночью, что просто неприемлемо. Мы должны быть осторожными и смотреть правде в глаза!”.

Фразеологизм *Shine your eyes* – будь осторожен типичен исключительно для нигерийского варианта английского языка.

(13) “I didn’t pay for consultation. During the consultation via a video call, my doctor said I would look definitely better with a nose job. I asked a lot of questions

*about my fears and insecurities. But **all went k-leg**, said Zicsaloma*” (Nose surgery: ‘I didn’t pay for the procedure’ – Comedian Zicsaloma. 2025. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/nose-surgery-i-didnt-pay-for-the-procedure-comedian-zicsaloma/>). – *Я не платила за консультацию. Во время консультации по видеосвязи мой врач сказал, что с пластикой носа я буду выглядеть определенно лучше. Я задавала много вопросов о своих страхах и неуверенности в себе. Но все пошло не так как надо, сказала Зиксалома.*

Лексема *K-leg* в нигерийском варианте английского языка имеет значение *деформация коленного сустава*, фразеологизм *Go K-leg* – *пойти не так как надо* характерен исключительно для нигерийского варианта английского языка (Волошина, Глебова, Маркелова, 2024).

Заимствования как типы лексических манифестаций в англоязычной нигерийской онлайн газете “Vanguard”

В текстах и видеоматериалах исследуемой онлайн газеты были выявлены заимствования из французского языка, например:

(14) *“Her spirited attempt to protest the change which was said to have been caused by defection of opposition lawmakers to the ruling party, led the Senate President to order the **Aide-de-camp** to march her out of the legislative chamber, an action that elicited varied reactions from Nigerians”* (Defamation: Sen Natasha slams N100.3bn suit on Akpabio, URL). – *Ее энергичная попытка выразить протест против изменений, которые, как утверждалось, были вызваны переходом оппозиционных законодателей на сторону правящей партии, привела к тому, что председатель Сената приказал адъютанту вывести ее из законодательной палаты, что вызвало различную реакцию нигерийцев.*

В этом примере функционирует заимствованная из французского языка лексическая единица *Aide-de-camp* – *адъютант*.

Заимствования из французского языка в нигерийский вариант английского языка продиктованы необходимостью экономического сотрудничества с соседними странами, в которых французский язык обладает официальным статусом.

Таким образом, английский язык, функционируя в новых этносоциокультурных условиях, приобретает новые признаки. Англоязычный нигерийский медиадискурс на примере онлайн газеты “Vanguard” обладает рядом уникальных свойств по сравнению с британским медиадискурсом, что выражается в ограниченном наборе рубрик и объеме публикации, а также нативизации английского языка, что продиктовано интерференцией со стороны местных языков. Являясь средством коммуникации в англоязычных нигерийских СМИ, английский язык трансформируется в виде манифестаций, в том числе и на уровне лексики. Наиболее частотными для онлайн газеты “Vanguard” являются такие типы лексических манифестаций как аббревиатуры и фразеологизмы; заимствования являются наименее частотными.

Список литературы

1. Богданова М.Д. К вопросу становления нигерийского варианта английского языка на примере британской и нигерийской прессы // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 4. DOI: 10.18454/RULB.2024.52.24.

2. Волошина Т.Г. Английский язык в Африке: Лингвокультурологический аспект. Москва: Флинта, 2020. 188 с.
3. Волошина Т.Г. Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 15–24.
4. Волошина Т.Г., Мустафаева А.А., Бочарова Э.А. Лексические и грамматические особенности английского языка в Африке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14. № 1. С. 57-64.
5. Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Пиджинизация как лингвокультурный феномен (на примере африканской лингвокультуры) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 2. С. 183–189.
6. Волошина Т.Г., Глебова Я.А., Маркелова О.В. Особенности пиджинизации языка в условиях межъязыкового взаимодействия // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 4. С. 105–117.
7. Bracing up for HMPV threat // Vanguard [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/01/bracing-up-for-hmpv-threat/> (дата обращения: 01.03.2025).
8. CAN, PFN, MURIC differ over Sharia in South West // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/can-pfn-muric-differ-over-sharia-in-south-west/b> (дата обращения: 01.03.2025).
9. Defamation: Sen Natasha slams N100.3bn suit on Akpabio // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/defamation-sen-natasha-slams-n100-3bn-suit-on-akpabio/> (дата обращения: 01.03.2025).
10. IPMAN threatens shutdown over N100bn bridging debt // Vanguard: URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/ipman-threatens-shutdown-over-n100bn-bridging-debt/> (дата обращения: 01.03.2025).
11. Hit-and-run driver kills 12-year-old student in Lagos, injures sibling // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/hit-and-run-driver-kills-12-year-old-student-in-lagos-injures-sibling/> (дата обращения: 01.03.2025).
12. Immigration arrests 376 illegal immigrants in Ogun // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/immigration-arrests-376-illegal-immigrants-in-ogun/> (дата обращения: 01.03.2025).
13. NDA warns residents ahead of shooting exercise in Kaduna // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/nda-warns-residents-ahead-of-shooting-exercise-in-kaduna/> (дата обращения: 01.03.2025).
14. Nose surgery: ‘I didn’t pay for the procedure’ – Comedian Zicsaloma // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/nose-surgery-i-didnt-pay-for-the-procedure-comedian-zicsaloma/> (дата обращения: 01.03.2025).
15. South-West, South-South lead in illicit drug use in Nigeria-NDLEA // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/south-west-south-south-lead-in-illicit-drug-use-in-nigeria-ndlea> (дата обращения: 01.03.2025).

16. 4 female varsity students kidnapped on campus // Vanguard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanguardngr.com/2025/02/4-female-varsity-students-kidnapped-on-campus/> (дата обращения: 01.03.2025).

АНАЛИЗ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ НЕЙРОСЕТЕВОГО АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА THE SUMMER I TURNED PRETTY)

Григорьева Екатерина Михайловна

канд. филол. наук, доцент

Ивановский государственный университет

E-Mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Абрамова Дарья Эдуардовна

Магистрант

Ивановский государственный университет

E-Mail: abramova03032002@yandex.ru

Аннотация: Данное исследование посвящено использованию искусственного интеллекта в аудиовизуальном переводе фрагментов сериала *The Summer I Turned Pretty*. По данным сайта *Timeweb* в топ-3 популярных тем среди пользователей в России вошли юмор, кино и сериалы, а также музыка. В свою очередь, видеоконтент нуждается в переводе и локализации. В работе особое внимание уделяется критериям эквивалентности и адекватности, определяя, насколько удачно искусственный интеллект передает языковые единицы, культурные контексты, эмоциональные нюансы и характерные черты персонажей.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, адекватный перевод, эквивалентный перевод, искусственный интеллект, закадровое озвучивание.

ANALYSIS OF EQUIVALENCE AND ADEQUACY IN AUDIOVISUAL TRANSLATION GENERATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY (A STUDY OF TV SERIES THE SUMMER I TURNED PRETTY)

Ekaterina Grigoryeva

PhD in Philology, Associate Professor

Ivanovo State University

E-Mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Daria Abramova

1-year student

Ivanovo State University

E-Mail: abramova03032002@yandex.ru

Abstract: This study is dedicated to the use of artificial intelligence in the audiovisual translation of segments from the series *The Summer I Turned Pretty*. According to data from the *Timeweb* website the top three popular topics among users in Russia include humor, movies and TV series, and music. In turn, video content requires translation and localization. The study pays particular attention to the criteria of equivalence and adequacy, determining how successfully artificial intelligence conveys linguistic units, cultural contexts, emotional nuances, and character traits.

Key words: audiovisual translation, adequate translation, equivalent translation, artificial intelligence, voice-over.

В мире, где границы между странами стираются, а культуры переплетаются, перевод становится ключевым инструментом для понимания и взаимодействия между людьми. В области переводоведения большое значение придается оценке качества переводов. Адекватность и эквивалентность – это два основных показателя, которые позволяют дать исчерпывающую оценку переведенного текста. Вопросами данной тематики занимались как отечественные (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, В.Г. Гак и др.), так и зарубежные ученые (Дж. Кэтфорд, Ю. Найда, К. Райс, Г. Вермеер).

В рамках данного исследования мы будем руководствоваться трудами отечественного лингвиста В. Н. Комиссарова.

Прежде всего, необходимо дать определение двум основным понятиям, используемым в нашей работе: **адекватный перевод** и **эквивалентный перевод**.

По мнению В.Н. Комиссарова, *«адекватный перевод – это перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса переводящего языка (далее ПЯ), соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно признанной конвенциональной норме перевода»*.

Он также предложил свой вариант определения **эквивалентного перевода**. Под переводческой эквивалентностью лингвист понимал *близость смысла текста оригинала и текста перевода*.

Согласно определениям, представленным выше, адекватность перевода приравнивается к его эквивалентности на любом из уровней.

В.Н. Комиссаров выделяет пять типов эквивалентности:

1. Эквивалентность на уровне цели коммуникации;
2. Эквивалентность на уровне описания ситуации;
3. Эквивалентность на уровне сообщения;
4. Эквивалентность на уровне структуры высказывания;
5. Эквивалентность на уровне языкового знака. (Комиссаров, 1990: 3)

Данная информация представляет собой основу для такой научной области, как переводоведение. Многие переводчики и преподаватели опираются на труды В. Н. Комиссарова. Однако в современном мире, где преобладает аудиовизуальный контент, мы считаем необходимым пересмотреть традиционные подходы.

Развитие технологий искусственного интеллекта в России оказывает существенное влияние на сферу перевода, позволяя использовать в работе машинный перевод.

Цель нашей работы – проверить на практике, может ли искусственный интеллект обеспечить качественный перевод. В качестве основных критериев оценки перевода были выбраны **эквивалентность** и **адекватность**.

В качестве материала нами был выбран американский романтический драматический телесериал о взрослении «То лето, когда я похорошела» (англ. *The Summer I Turned Pretty*). Во время работы производился отбор информации

(реплик сериала), их перевод с помощью ChatGPT модели 4o, а также сравнение с переводом, выполненным переводчиками компании *Coldfilm*, которая специализируется на профессиональной и любительской озвучке.

В сериале «То лето, когда я похорошела» описывается история Изабеллы (Белли) Конклин, которая проводит каждое лето в доме на берегу моря в компании маминой подруги и ее двух сыновей Конрада и Джеремайя. Сериал сосредоточен на сложных отношениях между Белли, Джеремайя и Конрадом. Любовный треугольник, тайны и взросление Белли в обстановке летних каникул, наполненных романтикой, дружбой и трудностями.

Важно уточнить, что мы осуществляем перевод под закадровое озвучивание, поэтому мы так или иначе будем обращать внимание на такой аспект, как соответствие тайм-кодам.

По определению А. В. Козуляева, «**закадровое озвучивание/перевод (войсовер)** – это вид перевода, при котором исходная звуковая дорожка не заменяется, а приглушается, но остается слышной». (Козуляев, 2015: 2).

Для большей наглядности и возможности сравнения нами было принято решение изложить практическую часть нашего исследования в виде таблицы со следующими названиями колонок: персонаж, тайм-код, оригинал текста, перевод компании *Coldfilm*, перевод ChatGPT 4o (<https://chatgpt.chatapp.com>).

Таблица 1

Фрагмент 1

Персонаж	Тайм-код	Оригинал текста	Перевод компании <i>Coldfilm</i>	Перевод ChatGPT 4o
Конрад	03.46-03.53	And this isn't looking good either, man. I mean, it just keeps going and going. The whole goddamn thing is infected, and I didn't notice. It's everywhere, and I didn't notice!	И здесь все тоже плохо. Гниль все не заканчивается, вся доска заражена, а я и не заметил. Гниль повсюду. Я не заметил.	И это тоже не очень хорошо, чувак. Я имею в виду, оно просто продолжается и продолжается. Вся эта чертова вещь заражена, а я и не заметил. Это повсюду, а я не заметил!

На наш взгляд, этот пример является весьма наглядным. Во-первых, нейросети не удалось уложиться в тайм-код. Во-вторых, переводчики компании *ColdFilm* использовали такие переводческие приемы, как опущение, перефразирование и конкретизация. ChatGPT не смог выполнить поставленную задачу, зрителю может быть непонятно выражение «*чертова вещь*», т.к. в кадре находится лицо главного героя. В данном случае мы наблюдаем соответствие на уровне языковых знаков (5-й тип эквивалентности). На наш взгляд, перевод выглядит безликим и совершенно не подходит для кинопроката.

Перейдем к следующему случаю:

Таблица 2

Фрагмент 2

Конрад	06.22-06.24	Finding out would crush her. It would ruin everything.	Это убило бы ее, все испортило бы.	Узнать об этом раздавит ее. Это разрушит все.
--------	-------------	---	--	---

В сцене происходит разговор между главным героем Конрадом Фишером и Кливлендом Кастильо, который всегда стремился помочь юноше советом. Молодые люди обсуждают заболевание матери Конрада, Сюзанны, которая тщательно скрывает, что у нее диагностирован рак последней стадии. Узнав об этом случайно, Конрад замкнулся в себе. Ему трудно смириться с этой новостью, но он продолжает делать вид, что ничего не произошло. Переводчики компании *ColdFilm*, на наш взгляд, отлично справились с переводом данной реплики, а вот искусственному интеллекту не удалось декодировать смысл, заложенный в словах.

Данный пример опять демонстрирует эквивалентность пятого типа. Все слова переведены последовательно, без использования переводческих трансформаций.

Рассмотрим следующий пример:

Таблица 3

Фрагмент 3

Тэйлор	24.55-24.58	Put a finger down if you've ever made out with Jeremiah Fisher.	Опустите палец, если вы целовались с Джеремайей Фишер.	Загните палец, если вы когда- нибудь целовались с Джеремайей Фишером.
Николь	25.05-25.07	Belly, we want all the tea.	Белли, рассказывай все подробности.	Белли, мы хотим все подробности.

На наш взгляд, перевод реплики Тэйлор, выполненный ChatGPT, является весьма успешным. «*Загни палец, если...*» – достаточно популярная игра среди подростков, что сразу отсылает нас, как зрителей, к правилам игры. Что касается высказываний Николь, то перевод, выполненный с использованием нейросетевых технологий, нельзя назвать адекватным. Мы полагаем, что искусственный интеллект не смог корректно справиться с задачей с точки зрения грамматики. «*Хотим узнать*» или «*хотим все в подробностях/деталях*», по нашему мнению, являются более подходящими вариантами.

В контексте обеспечения адекватности и эквивалентности перевода можно констатировать, что нейросеть успешно выполнила поставленную задачу. Несмотря на последовательный перевод языковых единиц, ChatGPT корректно передал идиоматическое выражение «*all the tea*».

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент искусственный интеллект не способен обеспечить эквивалентность и адекватность перевода. Нейросети осуществляют перевод текста

последовательно, пословно. Такой метод не может быть применен для перевода аудиовизуальных произведений, поскольку задача переводчика – вызвать у зрителя реакцию, заложенную сценаристом.

Мы должны переводить не слова, а сцены. В отличие от человека, нейросеть не может считывать эмоции с экрана, для нее это текст в отрыве от видео.

Список литературы

1. Исследование: популярные виды и формы контента в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://timeweb.com/ru/community/articles/dzen-i-human-nature-opredelili-populyarnye-vidy-i-formy-kontenta> (дата обращения 05.02.2025)
2. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. N 3(13). С. 3–24.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 09.02.2025).

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ В СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: РАЗРАБОТКА МЕТОДИК И ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ ЭКСПЕРТОВ

Громова Анастасия Викторовна

*канд. филол. наук, заместитель начальника
Экспертно-криминалистического центра МВД России,
руководитель научно-исследовательской лаборатории
по изучению методов компьютерной лингвистики
Экспертно-криминалистического центра МВД России
E-mail: gromova_85@mail.ru*

Аннотация: Развитие современных больших языковых моделей и их возможностей по генерации текстов актуализирует появление новых задач при производстве судебных экспертиз, объектом которых является текст. Указанное обстоятельство требует разработки соответствующих методических подходов к анализу текста, а также формирования новых компетенций у экспертов в условиях стремительного развития возможностей этих моделей по генерации текстов. В статье рассматриваются проблемы разработки подобных методических рекомендаций с учетом специфики русскоязычных текстов с учетом мирового опыта исследования проблемы детекции сгенерированных текстов.

Ключевые слова: большие языковые модели, автороведческая экспертиза, генерация текстов, нейросетевые технологии, практикум, лингвистические признаки генерации текстов.

LARGE LINGUISTIC MODELS AS A NEW CHALLENGE IN THE FORENSIC EXPERT EXAMINATION: DEVELOPMENT OF METHODS AND APPROACHES TO EXPERT TRAINING

Anastasia Viktorovna Gromova

*PhD in Philology, Deputy Head
of the Forensic Science Center
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Head of the research laboratory
for studying methods of computer Linguistics
of the Forensic Science Center
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: gromova_85@mail.ru*

Abstract: The development of modern large language models and their text generation functions actualizes the emergence of new tasks in the production of forensic examinations, the object of which is text. This requires the development of appropriate methodological approaches to text analysis, as well as the formation of new competencies in experts in the context of the rapid development of the capabilities of these models for text generation. The article examines the problems of developing such methodological recommendations taking into account the specifics of Russian-language texts, taking into account world experience in studying the problem of detecting generated texts.

Key words: large language models, authorial expertise, text generation, neural network technologies, practicum, linguistic features of text generation.

Интенсивное развитие современных нейросетевых технологий, аналитики больших данных привело к созданию больших языковых моделей (далее также – БЯМ), которые всё более качественно имитируют человекоподобное общение (Litvinova, 2024).

Функциональное предназначение виртуальных помощников изначально сводилось к выполнению примитивных действий – напоминание, бронирование, подборка нужной информации и др. Однако с развитием технологий их возможности существенно расширились, а продуцируемые на основе алгоритмов тексты стали «очеловеченнее» и неотличимее от сообщений реальных людей (Jakesch, 2023).

Генеративные инструменты, основанные на работе больших языковых моделей, в настоящее время являются общедоступными и не требуют специальной подготовки для их применения. В связи с этим их возможности могут использоваться при совершении преступлений в цифровой среде для маскировки индивидуализирующих признаков автора текста. Исследованием текстов, с помощью которых совершаются преступления, занимается автороведческая экспертиза. В системе МВД России она входит в перечень экспертиз, которые могут проводиться в экспертно-криминалистических подразделениях. В работе Литвиновой Т.А. и Громовой А.В. еще в 2019 году обозначалась угроза имитации и маскировки признаков авторского текста с использованием автоматизированных средств (Литвинова, 2019).

Экспертно-криминалистический центр МВД России как головное экспертное учреждение, ответственное за научно-методическое обеспечение

экспертов территориальных органов системы МВД России, на протяжении последних лет ведет научную работу по выявлению и систематизации признаков сгенерированных текстов. Так, в 2020 г. было проведено научное исследование, посвященное вопросу определения экспертом-автороведем признаков искусственной генерации текстов на этапе определения пригодности объектов для проведения автороведческого исследования (О выявлении признаков..., 2020).

Совершенствование машинных алгоритмов, вовлеченность специалистов для коррекции их работы обуславливает необходимость изучения сгенерированной речи, ее отличия от естественных текстов. В связи с этим нами в 2024 году анализировались возможности выявления признаков компиляции и/или генерации текстов лингвистическими методами анализа (Возможности выявления признаков..., 2024). В рамках выполнения данной работы осуществлялся обзор актуальных научных источников на русском и английском языках. В частности, подробно анализировались новейшие работы, посвященные лингвистическим характеристикам сгенерированных текстов (Muñoz-Ortiz, 2024; Reinhart et al. 2024)). Проведенный обзор показал, что, несмотря на ряд теоретических и практических работ, вопросы выявления признаков генерации русскоязычного текста **лингвистическими методами (выделено нами – Авт.)** анализа подробно не освещены, особенно в сравнении с английским языком. Так, в работе Р.Е. Тельпова и С.В. Ларциной описываются некоторые различия естественных и сгенерированных текстов в количественном аспекте (Тельпов, 2023). Анализировались тексты, созданные с использованием только одной БЯМ – GPT-3 в жанре эссе. Были рассмотрены такие признаки, как частотность слова и лексическое разнообразие, и обнаружены отдельные различия в частотности отдельных слов в сгенерированных и естественных текстах. Был сделан вывод о более низком лексическом разнообразии сгенерированных текстов. Отметим, что данное наблюдение было сделано и для текстов на английском языке (Muñoz-Ortiz, 2024; Reinhart et al. 2024). Н.Д. Мальцевым применительно к сфере журналистики и медиакommunikации проанализированы отдельные структурные и коммуникативные характеристики текстов, порожденных с использованием генеративного ИИ, на примере трех сервисов (Мальцев, 2024). Однако типологические лингвистические признаки сгенерированных текстов на русском языке (как жанро-специфичные, так и относящиеся к текстам разных жанров) на разных языковых уровнях для текущего уровня состояния развития БЯМ системно не описаны, в отличие от английского языка (см. приведенные выше ссылки).

Помимо формирования криминалистических методик по выявлению признаков сгенерированных текстов важной задачей является эффективное и быстрое обучение экспертов для работы с такими объектами. В целях развития у экспертов-автороведов новых компетенций при работе с текстовыми объектами, сгенерированными с помощью ИИ, в 2025 году ЭКЦ МВД России инициировано проведение всероссийского практикума по направлению автороведческой экспертизы. Формат практикума впервые был реализован нами в 2024 году по компьютерной и фоноскопической экспертизам. Для их производства эксперту необходимо иметь не только фундаментальные знания в

области технических наук, но и в условиях динамичного развития компьютерных и речевых технологий систематически совершенствовать свои навыки (Казьмин, 2025: 20). Это позволило в масштабе всей страны одновременно выработать у сотрудников новые компетенции и навыки с опорой на самообразование, а также выявить проблемные зоны для учета при их дальнейшем обучении.

Аналогичный подход реализован нами для формирования навыков исследования экспертами-автороведами сгенерированных текстов. С применением современных чат-ботов (включая новейший «DeepSeeK») сгенерированы учебные объекты, а также подготовлены естественные тексты. Каждый из специалистов получил задание – определить, какой из текстов является естественным, а какой сгенерированным, и привести систему признаков, на основании которых принималось решение. При этом для доказывания своего вывода допускалось проведение экспериментов и использование любого доступного инструментария. При предварительном рассмотрении результатов отмечается высокий процент некорректных ответов, с наличием ошибок при определении текстов как сгенерированных, так и естественных, что коррелирует с данными, полученными ранее для англоязычных текстов (Jakesch, 2023).

Кроме того, наблюдаются пробелы в осведомленности экспертов о современных инструментах анализа текста, тактике проведения экспериментов с использованием программ по генерации текстов.

В ходе проведения практикума впервые проведено сравнительное исследование лингвистических признаков сгенерированных текстов на русском языке, их систематизация и сравнение с признаками, выделенными в том числе в соответствующих работах на материале английского языка. Отмечены общие признаки, отличающие сгенерированную речь, а также признаки, характерные для русскоязычных текстов.

На основе анализа полученных результатов будут подготовлены рекомендации для экспертов, включающие систему признаков сгенерированной речи и алгоритм действий при производстве автороведческих экспертиз по таким объектам, в том числе рекомендации по проведению экспериментальных исследований с использованием доступных инструментов.

Таким образом, результаты практикума как нового формата оперативного обучения специалистов будут использованы при подготовке соответствующих экспертных методик и внесут вклад в накопление новых научных знаний о признаках сгенерированных текстов на русском языке.

Список литературы

1. Литвинова Т.А., Громова А.В. Компьютерные технологий в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 77-88.
2. О выявлении признаков искусственной генерации текстов на этапе определения пригодности объектов для проведения автороведческого

- исследования: Информационное письмо / А.В. Громова [и др.] // ЭКЦ МВД России. Москва, 2020. 37 с.
3. Возможности выявления признаков компиляции и/или генерации текстов лингвистическими методами анализа: научный доклад / А.В. Громова, [и др.] // ЭКЦ МВД России. Москва, 2024. 64 с.
4. Тельпов Р.Е., Ларцина С.В. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 47–65.
5. Мальцев Н.Д. Структурные и филологические особенности текстовых генеративных нейронных сетей // Неофилология. 2024. Т. 10, № 2. С. 452-464.
6. Казьмин В.В. Новые подходы к повышению квалификации специалистов, занимающихся производством экспертиз по противодействию киберпреступлениям // Профессионал: практический альманах МВД России. 2025. № 1. С. 20–21.
7. Jakesch M., Hancock J. T., & Naaman M. Human heuristics for AI-generated language are flawed // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120, № 11. P. 32.
8. Litvinova T. A., Mikros, G. K., Dekhnich, O. V. Writing in the Era of Large Language Models: A Bibliometric Analysis of Research Field // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2024. Vol. 10, № 4. P. 5 – 16.
9. Muñoz-Ortiz A., Gómez-Rodríguez C., Vilares D. Contrasting Linguistic Patterns in Human and LLM-Generated News Text // Artificial Intelligence Review. 2024. Vol. 57, № 9. P. 28.
10. Do LLMs write like humans? Variation in grammatical and rhetorical styles / A. Reinhart [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2025. Vol. 122, № 8. P. 29.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ ЧЕРЕЗ УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Гуныко Алена Николаевна,
учитель русского языка и литературы,
педагог-модератор, КГУ «Школа-гимназия №1»
ГУ «Отдел образования по Саркандскому району
Управления образования области Жетысу»,
Республика Казахстан
E-mail: Sarkand_kol@mail.ru*

Аннотация: статья посвящена исследованию влияния уроков русского языка на формирование ключевых навыков общения и взаимодействия в современном образовательном процессе. Автор рассматривает урок как уникальную площадку для развития у учащихся не только лингвистических компетенций, но и способности эффективно выражать свои мысли, работать в команде и находить общий язык с окружающими. В статье анализируются современные педагогические подходы, такие как игровые технологии, дискуссионные форматы и проектная деятельность, которые способствуют развитию критического мышления, эмпатии и социальной адаптации учащихся. Особое внимание

уделяется значению русского языка как средства межкультурного общения и его роли в становлении личности школьника.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, социальные навыки, русский язык, уроки русского языка, школьное образование, межличностное общение, развитие речи, социальная адаптация, критическое мышление, толерантность, культура речи, проектная деятельность, анализ текста, эмпатия, воспитание личности.

FORMATION OF STUDENTS' SOCIAL AND COMMUNICATIVE SKILLS THROUGH RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

*Alyona Gunko,
teacher of Russian language and
literature, teacher-moderator, KSU
“School-Gymnasium No.1” of the State Institution
“Education Department of Sarkan District
of the Department of Education of Zhetysay Region”,
Republic of Kazakhstan.
E-mail: Sarkand_kol@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the study of the influence of Russian language lessons on the formation of key skills of communication and interaction in the modern educational process. The author considers the lesson as a unique platform for developing in students not only linguistic competencies, but also the ability to effectively express their thoughts, work in a team and find a common language with others. The article analyzes modern pedagogical approaches, such as game technologies, discussion formats and project activities, which contribute to the development of critical thinking, empathy and social adaptation of students. Special attention is paid to the importance of the Russian language as a means of intercultural communication and its role in the formation of schoolchildren's personality.

Key words: communicative skills, social skills, Russian language, Russian language lessons, school education, interpersonal communication, speech development, social adaptation, critical thinking, tolerance, speech culture, project activities, text analysis, empathy, personality education.

В современном обществе успешная социализация личности и ее адаптация к динамичным условиям жизни во многом зависят от уровня развития социальных и коммуникативных навыков. Эти умения становятся неотъемлемой частью профессиональной компетентности, личного роста и эффективного взаимодействия в коллективе. Одной из ключевых задач современной школы является воспитание разносторонне развитой личности, способной выражать свои мысли, вести диалог, находить общий язык с разными людьми и решать конфликтные ситуации.

Русский язык, как предмет школьного обучения, играет важнейшую роль в формировании таких навыков. Уроки русского языка предоставляют широкие возможности для развития речи, совершенствования коммуникативных умений, а также формирования социальной компетенции учащихся. Это достигается через изучение структуры языка, освоение различных видов текстов и работу над культурой речи.

В данной статье рассматривается роль урока русского языка в развитии социальных и коммуникативных навыков учащихся. Особое внимание

уделяется методам и приемам, которые помогают сделать образовательный процесс более продуктивным и актуальным для современных учеников. Также поднимается вопрос о необходимости интеграции социальных задач в содержание уроков русского языка, что способствует формированию у школьников не только знаний, но и навыков, применимых в реальной жизни.

В эпоху стремительного развития информационных технологий и глобализации умение эффективно общаться становится одной из ключевых компетенций человека. Школа как основное звено в системе образования должна не только передавать знания, но и формировать навыки, необходимые для успешного взаимодействия в обществе. Одной из важнейших задач урока русского языка является развитие коммуникативных навыков, которые становятся фундаментом для личностного и профессионального успеха учащихся.

Русский язык – это не только предмет изучения, но и инструмент общения, позволяющий человеку выражать свои мысли, убеждения и эмоции. Уроки русского языка предоставляют уникальную возможность для тренировки разнообразных коммуникативных умений. Это не только грамотное письмо и устная речь, но и навыки аргументированного спора, активного слушания и взаимодействия с аудиторией. Осваивая язык, ученики учатся строить диалог, вести переговоры и понимать точку зрения собеседника.

Коммуникативные навыки формируются через различные формы работы на уроках. Анализ художественных текстов развивает умение понимать скрытые смыслы, работать с подтекстом и интерпретировать авторскую мысль. Сочинения и эссе помогают школьникам формулировать собственное мнение и выражать его в письменной форме. Дискуссии, ролевые игры и проектная деятельность способствуют развитию навыков взаимодействия в коллективе и уверенного выражения своих идей.

Однако важно понимать, что коммуникативные навыки – это не только техника владения словом, но и способность к эмпатии, уважению и пониманию других. Через изучение произведений русской литературы, размышления над судьбами героев и анализ моральных дилемм учащиеся учатся воспринимать мир через призму культурных и нравственных ценностей. Таким образом, уроки русского языка становятся не только образовательным, но и воспитательным пространством.

Коммуникативные навыки, сформированные на уроках русского языка, выходят за рамки учебного кабинета. Они становятся инструментом, с помощью которого учащиеся взаимодействуют с миром, добиваются своих целей и строят отношения. Важно, чтобы школа помогала детям осознать ценность языка как средства не только общения, но и самовыражения, мостика между разными людьми и культурами.

В конечном итоге, формирование коммуникативных навыков на уроках русского языка – это вклад в развитие гармоничной личности, способной уверенно чувствовать себя в современном обществе. Это не только цель учебного процесса, но и важная задача образования в целом.

Изучение языка тесно связано с культурными и социальными аспектами общения. Уроки русского языка включают анализ художественных текстов, которые раскрывают темы человеческих взаимоотношений, морального выбора и социальных норм. Такой подход помогает ученикам понимать нюансы социальных ролей и учит эмпатии, что важно для взаимодействия с окружающими.

На уроках русского языка часто организуются групповые обсуждения, проектные работы и презентации, что развивает навыки работы в команде. В таких форматах ученики учатся распределять задачи, слушать друг друга и строить взаимное понимание, что является основой для построения конструктивных социальных взаимодействий.

Анализ художественных, публицистических и других текстов способствует умению формулировать аргументы и строить доказательную базу. Важный элемент уроков русского языка – это разбор сочинений и эссе, которые помогают учащимся выстраивать связные и обоснованные аргументы, а также вырабатывать навыки критического мышления.

Изучая литературные произведения и обсуждая социальные вопросы, учащиеся учатся понимать и уважать различные точки зрения, что является ключевым аспектом социальной компетентности. Это формирует у школьников основы толерантности, уважения к многообразию мнений и культуры общения.

Знания и навыки, полученные на уроках русского языка, помогают ученикам успешно адаптироваться в социальной среде, будь то профессиональные коммуникации, личные отношения или участие в общественной жизни. Умение грамотно излагать свои мысли и взаимодействовать с другими является необходимым навыком для достижения успеха в современной социальной и профессиональной среде.

Уроки русского языка играют значительную роль в развитии у школьников социальных и коммуникативных навыков. Современный подход к обучению предполагает не только знание правил языка, но и активное использование языка в социальных взаимодействиях. Это помогает формировать гармоничных, уверенных и адаптированных к жизни в обществе личностей.

Список литературы

1. Бим, И. Л. Русский язык как предмет и социальная ценность. М.: Просвещение, 2000.
2. Волкова, И. А.. Методика преподавания русского языка в школе: теория и практика. М.: Наука, 2014.
3. Гудкова, Е. А. Языковая культура и коммуникативные способности школьников. М.: Академия, 2008.
4. Никулина, Т. В. Роль языка в формировании социальной компетенции школьников. М.: Просвещение, 2011
5. Петрова, Н. В. Развитие речевой личности учащихся в процессе обучения русскому языку. М.: Ранхигс, 2013.
6. Шмидт К.В. Коммуникативная культура школьников: новые подходы в преподавании русского языка. М.: ИД Высшая школа, 2010.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Давыдова Ольга Романовна
преподаватель СПО
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный лесотехнический
университет имени Г. Ф. Морозова»
E-mail: olgaromanovnadav@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются примеры образования новой лексики в рамках современного английского языка, появившейся в результате влияния социальных сетей. Приводится классификация новых английских слов, используемых в интернет-дискурсе и повседневной речи. Выделены примеры сетевых аббревиатур, сленговой лексики, неологизмов. В примерах указаны исходные значения слов и их значения, приобретенные в контексте социальных сетей. В заключении, согласно результатам исследования, сформулированы выводы.

Ключевые слова: социальные сети, интернет-дискурс, сленг, сленговая лексика, аббревиатура, неологизм.

ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF NEW VOCABULARY IN THE ENGLISH LANGUAGE

Olga Davydova
teacher of secondary professional education
Voronezh State University
of Forestry and Technologies
named after G.F.Morozov
E-mail: olgaromanovnadav@gmail.com

Abstract: The article examines examples of the formation of new vocabulary within the modern English language, which appeared as a result of the influence of social networks on the language. A classification of new English words used in Internet discourse and everyday speech is given. Examples of network abbreviations, slang vocabulary, neologisms are highlighted. The examples indicate the original meanings of words and their meanings acquired in the context of social networks. In conclusion, according to the results of the study, conclusions are formulated.

Keywords: social networks, Internet discourse, slang, slang vocabulary, abbreviation, neologism.

Современный мир характеризуется стремительным развитием информационных технологий, социальные сети в человеческом социуме занимают центральное место. Они не только предоставляют платформу для коммуникации виртуальных собеседников между собой и обмена информацией, но и оказывают существенное влияние на культуру и язык.

Данная научная статья посвящена анализу влияния социальных сетей на формирование новой лексики в английском языке.

Целью работы является выявление и систематизация основных тенденций в развитии языка под воздействием сетевого общения, а также анализ

конкретных примеров новообразований, появившихся благодаря распространению социальных сетей.

Изучение влияния интернета и, в частности, социальных сетей на русский язык получило широкое освещение в отечественной лингвистике. Работы таких современных отечественных исследователей, например, как Е.А. Подгорная, Е.В. Горина, М.С. Рыжков, посвящены анализу особенностей сетевого дискурса, формированию интернет-сленга и влиянию глобальной сети на языковую норму.

Так, Е.А. Подгорная выделяет подростковые чаты в социальных сетях подростками как отдельную жанровую разновидность компьютерного дискурса, указывая на лингвистические особенности коммуникации в молодежной сетевой среде (Подгорная, 2010: 1).

Согласно мнению Е.В. Гориной, глобальный интернет-дискурс состоит из большого количества субдискурсов, каждый из которых является, в свою очередь, средством языкового преобразования и воздействия на другие сетевые дискурсы и субдискурсы (Горина, 2016: 25–26).

М.С. Рыжков выделяет лексические новообразования, возникшие в английском языке под влиянием сети Интернет, на таких уровнях языка, как фонетика, лексика, синтаксис, словообразование, подчеркивая, что большую роль в данном процессе играет прием *людемы* (языковой игры) (Рыжков, 2009: 11).

Л.В. Дудникова и М.С. Медведева, изучая язык интернет-коммуникаций, указывают на наличие в нем таких средств языковых трансформаций, как сокращения (аббревиатуры), слова-паразиты (на лексическом уровне), эллиптичность высказываний (на синтаксическом уровне) (Дудникова, Медведева, 2022: 203–205).

В соответствии с точкой зрения Е.Н. Галичкиной, современный интернет-дискурс отличается на разных уровнях такими особенностями, как наличие разнообразных компьютерных жанров, а также утратой рамок между дозволенным и недозволенным» (Галичкина, 2001: 40).

При этом следует отметить, что исследований, непосредственно посвященных влиянию социальных сетей на формирование новой лексики в английском языке, в отечественной литературе представлено значительно меньше. Многие исследования рассматривают интернет-сленг в целом, не выделяя языковую специфику именно в рамках социальных сетей.

Несмотря на это, ряд работ затрагивает общие тенденции, применимые и к английскому языку. В частности, отмечается влияние англицизмов на формирование новых слов и выражений в английском интернет-сленге, что позволяет использовать методологию отечественных исследователей для анализа влияния социальных сетей на английский язык.

В настоящем исследовании применяются методы лингвистического анализа, включающие в себя:

- 1) Контент-анализ: изучение текстового контента социальных сетей (Twitter, Facebook, TikTok) с целью выявления новых лексических единиц в английском языке и их контекстного употребления.

- 2) Сопоставительный анализ: сравнение новых слов и выражений с традиционной лексикой английского языка для выявления изменений в значении и стилистической окраске.

В настоящее время социальные сети выступают в качестве мощного катализатора языковых изменений, под влиянием которых сформировался значимый пласт новой лексики, отражающей специфику сетевого общения, интернет-культуры и социальных трендов. Рассмотрим ниже примеры новой лексики, отобранной с помощью метода сплошной выборки из указанных выше социальных сетей.

I. Сокращения и аббревиатуры. Одним из самых распространенных способов формирования новой лексики в социальных сетях является использование сокращений и аббревиатур. Это связано с необходимостью экономии времени и символов в онлайн-общении.

Примеры:

1. LOL (laughing out loud – громко смеюсь);
2. OMG (Oh my God – О, Боже мой!);
3. TBH (to be honest – честно говоря);
4. BRB (be right back – скоро вернусь);
5. IMO (in my opinion – по моему мнению);
6. FYI (for your information – к вашему сведению).

Эти аббревиатуры, которые изначально использовались в чатах и SMS-сообщениях, в настоящее время прочно вошли в лексикон англоязычных пользователей социальных сетей и стали частью повседневной речи.

II. Неологизмы, образованные путем словосложения и деривации. Социальные сети способствуют активному словообразованию, в том числе путем сложения основ и аффиксации.

Примеры:

1. to unfriend (удалить из друзей – образовано от глагола friend с помощью добавления префикса un-);
2. hashtag (хэштег – образовано от существительного hash (значок #) и tag (метка));
3. selfie (селфи – фотография самого себя);
4. photobomb. Данный неологизм сформирован с помощью словосложения: photo (фото) + bomb (бомба), имеет значение: испортить фотографию, неожиданно попав в кадр;
5. instagrammable – прилагательное-неологизм; образовано с помощью добавления к слову Instagram суффикса английского прилагательного (m) -able; красивая локация, достойная того, чтобы ее поместить в Инстаграм;
6. to friend – исходное значение – подружиться, стать друзьями; значение в контексте социальных сетей – стать другом, подписчиком пользователя в социальной сети;
7. to follow – исходное значение – следовать, идти за кем-либо; значение в контексте социальных сетей – подписаться на чью-либо страницу в социальной сети;
8. wall – исходное значение – стена (дома, сооружения); значение в контексте социальных сетей – новостная лента в социальных сетях;
9. to like – исходное значение – нравиться, любить; значение как неологизма – поставить лайк (отметку «нравится») в социальных сетях.
10. to tweet – твитнуть (то есть послать сообщение в сети Twitter);

11. to ban – исходное значение – изгонять, отправлять в ссылку; значение как неологизма – забанить (в социальной сети заблокировать пользователю возможность отправлять сообщения конкретному виртуальному собеседнику).

Эти слова отражают новые реалии, возникшие в связи с развитием социальных сетей, получившие быстрое распространение и фиксированность в языке.

III. Сленговые выражения. Социальные сети являются «питательной» средой для формирования сленга. Сленговые выражения часто используются для выражения эмоций, оценки ситуаций или обозначения принадлежности к определенной группе.

Примеры:

1. to slay – исходное значение – убить; значение в контексте социальных сетей – выглядеть потрясающе, быть успешным;

2. basic – исходное значение – базовый, начальный; значение в контексте социальных сетей – обычный, неинтересный;

3. woke – глагол в форме Past Indefinite, а также причастие прошедшего времени, исходное значение – проснувшийся; значение в контексте социальных сетей – сознательный, осведомленный о социальных проблемах;

4. tea – исходное значение – чай; значение в контексте социальных сетей – сплетни.

Сленговые выражения часто быстро устаревают, но некоторые из них закрепляются в английском языке, становясь частью общеупотребительной лексики.

Помимо формирования новой лексики, социальные сети оказывают влияние на грамматику и синтаксис английского языка. В сетевом общении часто используются неполные предложения, упрощенные грамматические конструкции, пропуск артиклей и другие отклонения от языковой нормы. Эти явления связаны с необходимостью быстрого обмена информацией и неформальным характером общения. Однако, влияние этих изменений на официальный язык пока остается дискуссионным.

Социальные сети оказывают существенное влияние на формирование новой лексики в английском языке, становясь источником новых слов, выражений и значений, отражающих специфику сетевого общения, интернет-культуры и социальных трендов.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование сокращений, аббревиатур, неологизмов и сленговых выражений является характерной чертой современного английского языка в рамках социальных сетей.

Список литературы

1. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках. Астрахань: АГУ им В.Н. Татищева, 2001. 212 с.

2. Горина Е.В. Конституирующие признаки дискурса Интернета. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. 55 с.

3. Дудникова Л.В., Медведева М.С. Лингвистические особенности англоязычной интернет-коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 202–206.

4. Подгорная Е.А. Влияние интернет-коммуникации на формирование образов языкового сознания подростка. Кемерово: КГУ, 2010. 25 с.

5. Рыжков М.С. Людемы интернет-дискурса: русский и английский языковые сегменты // Вестник ВГУ. 2009. № 2. С. 115–118.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ОТОБРАЖАЮЩИЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ СМИ)

Данилова Елена Сергеевна

канд.филол.наук, доцент

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

Elena_danilova@bsuedu.ru

Шевченко Елена Михайловна

канд.филол.наук, доцент

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

shevchenko_em@bsuedu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются лексические средства английского языка, эксплицирующие современные проявления религиозного экстремизма. Материалом для исследования послужили тексты средств массовой информации. Исследование позволяет выделить две семантические группы лексем. Первая группа представлена лексемами, обозначающими правовые меры воздействия, ко второй группе отнесены выражения угрозы либо насилия. Анализ языковых средств, описывающих сущность и проявления религиозного экстремизма, требует учета макроконтекста и представляет интерес с позиции междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: лексема, языковые средства, СМИ, контекст, религиозный экстремизм

LEXICAL MEANS TO DESCRIBE THE MANIFESTATIONS OF CONTEMPORARY RELIGIOUS EXTREMISM (A CASE STUDY OF MASS MEDIA PUBLICATIONS)

Elena S. Danilova

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

Elena_danilova@bsuedu.ru

Elena M. Shevchenko

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

Shevchenko_em@bsuedu.ru

Abstract: The article is focused on linguistic means explicating contemporary manifestations of religious extremism. Mass media texts published in English were used for

contextual analysis. The study revealed two semantic groups of lexemes, the first one containing words denoting legal measures, and the second one represented with expressions denoting threat or violence. A macro-context should be taken into consideration for a proper analysis of linguistic means describing the essence and manifestations of religious extremism. The topic is of interest in terms of inter-disciplinary research.

Keywords: lexeme, linguistic means, mass media, context, religious extremism

Современные средства массовой информации оперативно освещают происходящие в мире события. При этом публикации зачастую содержат не только информативный компонент, но и оценочный. Как информационная, так и оценочная функция текстов СМИ реализуется при помощи языковых средств, то есть, лексики, определенных синтаксических конструкций, стилистических приемов. Данное исследование направлено на выявление лексических средств, которые описывают проявления религиозного экстремизма в англоязычных новостных текстах. При этом за основу взяты теоретические положения российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованием языка СМИ (Алеевская, 2015) и понятия экстремизма (Ералиев, 2022, Wibisono et al., 2019). Источниками фактического материала послужили статьи издания The New York Times (2021, 2025).

Как отмечает А.О. Алеевская, “сегодня язык средств массовой информации ... стал одним из наиболее ярких показателей перемен (Алеевская, 2015). Подчеркивается, что “острыми и актуальными становятся такие аспекты как язык СМИ и культура, язык СМИ и политика, идеология, язык СМИ и религия” (Алеевская, 2015). На основе актуальных публикаций в англоязычных новостных источниках были отобраны языковые средства, отображающие проявления религиозного экстремизма. Контексты были выбраны для анализа исключительно по лингвистическим соображениям; авторы ни в какой степени не ставят целью преуменьшить значимость какого-либо вероисповедания.

Прежде всего, обратимся к понятию религиозного экстремизма. Так, в трактовке Ш. Ералиева, религиозный экстремизм – это “использование насилия во имя религии” (Ералиев, 2022). Однако подходы к определению и оценке проявлений экстремизма неоднозначны. В частности, С. Вибисоно и др. отмечают необходимость “рассматривать религиозный экстремизм в нескольких измерениях и быть открытыми идее о том, что не каждая форма религиозного экстремизма связана со стремлением достичь цели при помощи насилия” (Wibisono et al., 2019). С. Вибисоно и соавторы подчеркивают “исключительное многообразие религиозных групп и различные способы проявления религии (или даже религиозного экстремизма)”, указывая, что попытка поделить религии на “хорошие” и “плохие”, или даже “одномерная и дихотомическая категоризация религиозности с подразделением на умеренную и радикальную несправедлива и приводит к упрощенному пониманию, согласно которому религиозный экстремизм часто считается единственным источником насилия и терроризма (Wibisono, 2019).

Руководство “Новое определение экстремизма (2024)”, выпущенное Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, отмечает, что “большая часть экстремистских материалов и действия

не нарушает закон и не относится к терроризму или угрозе национальной безопасности” (The New Definition, 2024).

Таким образом, понятие и проявления религиозного экстремизма требуют всестороннего междисциплинарного анализа.

В проанализированных англоязычных контекстах были выбраны лексические средства, отображающие проявления религиозного экстремизма на общественно-политическом и бытовом уровнях. Представляется возможным выделить две семантические группы. В первую входят лексемы, отображающие политические шаги или юридические меры. Наиболее типичными здесь являются выражения запрета и ограничения прав. Подобная ситуация отображена в нижеприведенном контексте, где глагол *to deprive* использован для обозначения лишения женщин основных свобод:

Afghanistan has become an extreme ethno-religious state, depriving women of the most basic liberties (Mashal, 2025).

В следующем предложении запрет выражен при помощи модального глагола *can*:

In the political vacuum that has emerged after the overthrow of Bangladesh's authoritarian leader, religious fundamentalists in one town declared that young women could no longer play soccer (Mashal, 2025).

Правовое воздействие может также выражаться глаголом *to enforce*, который обозначает требование соблюдения норм или правил:

The Islamist leaders are insisting that Bangladesh erect an “Islamic government” that ... enforces “modesty” – vague concepts that in other places have given way to vigilantism or theocratic rule (Mashal, 2025).

Вторая группа лексем, эксплицирующих религиозный экстремизм, содержит выражения угрозы, причинения вреда или призывы к насилию, которые представлены глаголами *to threaten*, *to harass*, *to kill*, *to beat*, существительными *execution*, *death penalty*, *hatred* и др. Рассмотрим примеры контекстов из англоязычных публикаций, описывающих подобные ситуации. Так, в следующем контексте можно выделить два уровня насилия, описанного языковыми средствами: во-первых, по отношению к женщине, нарушившей требования, предписывающие покрывать голову, и во-вторых, применение силы по отношению к правоохранительным органам:

Religious fundamentalists... forced the police to free a man who harrassed a woman for not covering her hair in public (Mashal, 2025)

Угроза применения насилия выражается также существительными *death penalty*, *execution*. При этом описание образа действия – *carry out with their own hands* – указывает на насильственный, неправовой характер воздействия, и следовательно, позволяет отнести ситуацию ко второй из выделенных в данном исследовании семантических групп, то есть, к группе, обозначающей физическое воздействие или призывы к насилию:

Demonstrators at a rally in Dhaka, the capital, warned that if the government did not give the death penalty to anyone who disrespected Islam, they would carry out executions with their own hands (Yasir, 2021).

В изученных контекстах призывы к насилию выражаются также глаголами *to arm (oneself)*, *to kill*:

The crowded auditorium, where right-wing Hindu monks called for other Hindus to arm themselves and kill Muslims, included influential religious leaders with close ties to Prime Minister Narendra Modi's governing party, and even some members of the party (Yasir, 2021).

Следующий контекст описывает противостояние фундаментальных индуистов и мусульманской части населения Индии. В частности, в статье содержится указание как на средства правового воздействия – *to threaten with prosecution*, так и физической расправы: глаголы *to beat*, *to snatch smth away*. Проявление экстремизма со стороны фундаментальных индуистов эксплицируется таким оборотом как *to preach violence*:

Right-wing Hindu nationalists have preached violence online for years, but the violence has recently spilled onto the streets. Muslim fruit sellers have been beaten and their earnings snatched away after being accused of luring Hindu women into marriage to convert them. Muslim activists have been threatened with prosecution under an antiterrorism law that has been scrutinized by courts (Yasir, 2021).

Как отмечено в начале работы, вопрос религиозного экстремизма требует междисциплинарного исследования. В этом отношении представляет интерес геополитический аспект, а также социальные или политические группы, преследующие политику экстремизма. Что касается геополитического аспекта, анализ современных публикаций СМИ позволяет выявить религиозный экстремизм со стороны представителей различных конфессий, в частности, радикальных исламистов, индуистов и буддистов:

In Pakistan, Islamist extremists have exerted their will through violence for years. In India, an entrenched Hindu right wing has undermined the country's traditions of secular democracy. Myanmar is gripped by Buddhist extremists overseeing a campaign of ethnic cleansing (Mashal, 2025).

Это поддерживает заявленную в начале работы позицию авторов о том, что исследование не ставит целью выделить какую-либо отдельную конфессию либо преподнести ее в негативном свете.

Что касается второго аспекта, то есть, групп, которые представлены в изученных материалах как экстремистские, можно отметить, что таковые обозначаются при помощи лексемы *extremists*, а также выражений *hard-liners*, *religious fundamentalists*, *right-wing activists*. Так, выражение *hard-liner* определяется в Кембриджском словаре как (“сторонник жесткого курса, особенно в политике” (someone, especially in politics, who is very severe) (Cambridge Dictionary, 2025). Примером использования данного выражения в СМИ может служить следующий заголовок:

As Bangladesh Reinvents Itself, Islamist Hard-Liners See an Opening (Yasir, 2021).

Аналогичное значение в изученных контекстах имеют выражения *right-wing activists* и *right-wing nationalists*, например:

Hundreds of right-wing Hindu activists and monks rose in unison at a conference this week to take an oath: They would turn India, constitutionally a secular republic, into a Hindu nation, even if doing so required dying and killing (Yasir, 2021).

Важно отметить, что значение религиозного экстремизма присуще указанным лексемам именно в рассматриваемых контекстах и не распространяется на другие ситуации, в которых выражение *right-wing* обозначает крайние правые взгляды на какие-либо иные вопросы.

Проведенное исследование англоязычных публикаций СМИ, посвященных вопросам религиозного экстремизма, позволяет сделать вывод о возможности выделения как минимум двух семантических групп, содержащих лексемы, обозначающие проявления крайне правых религиозных взглядов: группы выражений правовых либо политических мер и группы, содержащей лексемы со значением угрозы или насилия. При этом учет экстралингвистической ситуации, знание расстановки сил, позволяет верно идентифицировать коннотацию лексем, в том числе тех, которые обозначают проявления религиозного экстремизма.

Список литературы

1. Алеевская А.О. Язык СМИ как индикатор социальных перемен. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск №3(17), 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-kak-indikator-sotsialnyh-peremen> (дата обращения: 29.03.2025).
2. Cambridge Dictionary, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 30.03.2025).
3. Eraliev Sh. Religious Extremism. In: International Conflict and Security Law. T.M.C. Asser Press, 2022. Pp.1161-1179. ISBN: 978-94-6265-515-7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.soclaw.lu.se/en/sherzod-eraliev/publication/e56703d6-d9c3-48ce-95a8-c615b1b732aa> (дата обращения: 28.03.2025).
4. Mashal, M., Hasnat, S. As Bangladesh Reinvents Itself, Islamist Hard-Liners See an Opening. The New York Times, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2025/04/01/world/asia/bangladesh-islam.html> (дата обращения: 30.03.2025).
5. New Definition of Extremism (2024). Guidance. Government.UK., 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/new-definition-of-extremism-2024/new-definition-of-extremism-2024> (дата обращения 22.03.2025).
6. Wibisono, S., Louis, W. R., & Jetten, J. A multidimensional analysis of religious extremism. *Frontiers in Psychology*, 10, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2019-74993-001> (дата обращения: 29.03.2025).
7. Yasir S. As Hindu Extremists Call for Killing of Muslims, India's Leaders Keep Silent. The New York Times, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/24/world/asia/hindu-extremists-india-muslims.html> (дата обращения: 27.03.2025).

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ВИДЕОТЕКСТОВ АСМР

Евграфова Юлия Александровна

док. филол. н., доцент

*Национальный исследовательский
университет «МЭИ»*

Email: yu.evgrafova@mail.ru

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию видеотекстов, созданных для инициации автономной сенсорной меридиональной реакции (АСМР). Рассматривается их коммуникативная структура и её отличительные особенности. Материалом исследования выступили 100 коротких видеотекстов shorts и 10 длинных видеотекстов с хэштегами #АСМР, #ASMR на видеохостинге RuTube (общая длительность ~400 минут). В ходе исследования было обнаружено, что в основе АСМР-видеотекста лежит коммуникативная ситуация неканонического типа, характеризующаяся асинхронностью. Отличительные особенности его коммуникативной структуры обусловлены погружённостью во внетекстовую реальность и контекст, на основе которого создаётся видеотекст АСМР.

Ключевые слова: видеотекст, АСМР, триггер, мультисенсорный, коммуникативная структура текста, дискурс

THE COMMUNICATIVE ASPECT OF ASMR VIDEOTEXTS

Yulia A. Evgrafova

Dr. of Philol. Sc., associate professor,

National Research University

«Moscow Power Engineering Institute»

Email: yu.evgrafova@mail.ru

Abstract: This paper is aimed at the study of video texts created to initiate autonomous sensory meridional response (ASMR). Their communicative structure and its distinctive features are considered. The material of the study is 100 short video texts and 10 long video texts with hashtags #ASMR, #ASMR on video hosting RuTube (total duration ~400 minutes). The study revealed that the ASMR video text is based on a non-canonical communicative situation characterized by asynchrony. The distinctive features of its communicative structure are conditioned by immersion in the extra-textual reality and context, on the basis of which the ASMR videotext is created.

Keywords: videotext, ASMR, trigger, multisensory, communicative structure of the text, discourse

Автономная сенсорная меридиональная реакция описывается учёными как приятное, покалывающее, успокаивающее ощущение, которое некоторые люди испытывают в ответ на определенные аудиовизуальные триггеры, такие как шепот и осторожные движения рук. АСМР – это надежный и физиологически обоснованный опыт, который может иметь терапевтические преимущества для психического и физического здоровья (Engelbregt et al., 2022; Lin, Kondo, 2024; Lochte et al., 2018; Swart et al., 2022).

Самым доступным «средством», которое может вызвать реакцию АСМР, является специально созданный видеотекст, в котором всё действие строится вокруг извлечения звуков из предметов, произведения шумов, шёпота, основной целью которых является расслабление зрителя. АСМР-видеотексты

обладают рядом отличительных особенностей, обусловленных внетекстовой реальностью, и нуждаются в научном осмыслении и описании, что обуславливает **актуальность** их изучения.

В данной работе ставится **цель** рассмотреть коммуникативную структуру АСМР-видеотекстов. Объект исследования составляет коммуникативная структура АСМР-видеотекстов, а предмет исследования – её отличительные особенности. Настоящее исследование – качественное, построенное на интеграции **методов** описания, интерпретации, анализа, синтеза, контекстуального анализа и функционально-прагматического.

В качестве **материала** исследования методом сплошной выборки были отобраны 100 коротких видеотекстов shorts (общей длительностью ~100 минут) и 10 длинных видеотекстов (общей длительностью ~300 минут) с хэштегами #АСМР, #ASMR на видеохостинге RuTube. Для демонстрации результатов проведённого исследования будут использоваться следующие 10 коротких видеотекстов shorts Rutube с хэштегами #АСМР, #ASMR (см. Табл. 1).

Таблица 1

№ п/п	Название текста
1	Следуй моим инструкциям! #асмр #asmr // ASMR KittyKlaw. Электронный ресурс. URL: https://rutube.ru/video/person/23485088/ (дата обращения: 14.02.2025)
2	АСМР ГИГАНТСКИЙ ВИНОГРАД МУСКАТ 🍇 ASMR eating/mukbang #асмр #asmr // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/f38a6f0685a48d4829301ac7f9f1435c (дата обращения: 05.02.2025)
3	АСМР ОКУЛИСТ: Быстрый Тест Цветовосприятия (Уровень: Сложный) #асмр #asmrdetected #asmr #асмрдоктор // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/fbe7dc0b04642ac88d9c68e775620dd6 (дата обращения: 05.02.2025)
4	АСМР Быстрый Неврологический Осмотр // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/40659bc2b68460bcb3fee04c5b0d60df/ (дата обращения: 28.02.2025)
5	АСМР Быстрый Медосмотр В Школьном Медпункте // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/ec98b799cf2f9a362f118fb565705094 (дата обращения: 11.02.2025)
6	АСМР ВРАЧ уберет соринку из глаза #асмр #шепот #асмрдлясна // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/52dae6de9cf27b1946888a9f63349ae2/?r=wd (дата обращения: 06.02.2025)
7	АСМР МЕДСЕСТРА сделает ПРИВИВКУ ASMR Doctor #асмрдлясна #shorts #асмрролеваяигра #asmr #асмрврач // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/e33aa64128c03bf7c45a1ba73cef3036/ (дата обращения: 28.02.2025)
8	Асмр визуальные триггеры ? Звуки ? Asmr Triggers ? // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/0682608e51dfc27ec796fa520da2f735/ (дата обращения: 06.02.2025)
9	АСМР БЫСТРАЯ СТРИЖКА за 1 минуту #shorts #асмр #asmr #asmrdetected // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/83fda074ceb728191d1fbcd84a8d2638 (дата обращения: 11.02.2025)
10	Асмр бровки 😊 // RuTube. [сайт]. URL: https://rutube.ru/shorts/1da891737f6e13d5243a43b4030eb824 (дата обращения: 11.02.2025)

Видеотексты (1-10), приведённые в таблице 1, являются типичными для АСМР: в них демонстрируется АСМР-сеанс (в случае с shorts – его отрывки) с

применением различных аудиовизуальных триггеров с целью вызвать у зрителя физиологическую реакцию расслабления и мурашек. Участниками являются условно двое – *ведущий / говорящий* и *зритель / слушающий*. Все тексты выстроены на мысленном диалоге говорящего с воображаемым «собеседником».

Контекст просмотра АСМР-видео – это коммуникативная ситуация неканонического типа, характеризующаяся асинхронностью, т.е., во-первых, у говорящего отсутствует синхронный адресат, во-вторых, у говорящего и слушающего, нет единства места и поля зрения (говорящий смотрит в экран камеры, слушающий – в экран устройства), в-третьих, слушающий не может реагировать на обращения, отвечать на вопросы и т.п. говорящего так, чтобы это был «живой» диалог, т.е. АСМР-видеотексты выстроены на мысленном диалоге. С точки зрения коммуникативного процесса в АСМР-видеотекстах обнаруживается позиция адресанта, специфика темы, правила «диалога» с воображаемым адресатом и индивидуальные особенности речи адресанта. Применение схемы анализа текста, предложенной Т.Н. Ушаковой (Ушакова, Павлова, Зачесова, 1989; Ушакова, 2005) позволяет выделить следующую коммуникативную структуру видеотекстов АСМР (см. табл. 2) .

Таблица 2

1. Основные элементы внешней структуры общения			
Цель	а) ближайшая, непосредственно выражаемая говорящим;	<i>Интеллектуальная:</i> - поддержка - разъяснение - критика - инструктаж - донесение информации - выяснение деталей - и т.п. <i>Межличностная:</i> - эмоциональная поддержка	
	б) долговременная цель	<i>Альтероцентричная:</i> - мурашки - расслабление - избавление от стресса - засыпание <i>Эгоцентричная:</i> - намерение заявить о себе как об АСМРтисте - утвердить свой статус АСМРтиста	
Характеристики процесса говорения		а) количество включений в разговор	Определяется автором в зависимости от контекста
		б) продолжительность участия в разговоре	
Обратная реакция	ближайшая		Отсутствует
	отсроченная		Комментарий к публикации
2. Характер взаимоотношений партнеров в общении			
Статусно-ситуативная роль говорящего		- учитель - медсестра / врач - подруга / друг - работник сферы услуг	
Величина дистанции		Сокращена	

3. Обобщенные характеристики речевого общения	
Общий тон коммуникации	- дружелюбный - панибратский - наставнический
Особые приметы адресанта	<i>Положительные</i> - мягкость - дружелюбность - забота - опрятность и т.п. <i>Отрицательные</i> - резкость - грубость и т.п.

Как видно из таблицы 2, в АСМР-видеотекстах обнаруживаются все три основных компонента коммуникативной структуры текста: 1) внешняя структура общения, 2) взаимоотношения партнеров в общении, 3) речевое общение как таковое.

Внешнюю структуру общения составляет цель общения, характеристики процесса говорения и обратная реакция. Мотивационная составляющая видеотекста определяется темой, вокруг которой выстраивается АСМР-сеанс. Так, ближайшая, непосредственно выражаемая говорящим цель может быть *интеллектуальной*, как, например, в (1) – это инструктаж и разъяснение действий, в (2) – это донесение информации о новом сорте винограда и дальнейшее разъяснение, в (3)-(10) – это инструктаж и выяснение деталей о здоровье «собеседника», так и *межличностной*, связанной с установлением отношений, а именно поддержать «собеседника».

Как правило, во время АСМР-сеанса, запечатленного на видео, ведущий побуждает мысленного собеседника к действию, как, например, в (5): *Вот, держи градусник... Держи крепко, чтобы не выпал... Открой рот, скажи А-а-а*, что одновременно выступает и «побуждением к действию» в данной конкретной ситуации воображаемого общения, и психофизиологическим воздействием, направленным на вызов реакции мурашек и расслабления. Таким образом выражается целевой подтекст, направленный на адресата – альтероцентричный. Помимо этого, в АСМР-видеотекстах присутствует и эгоцентричная долговременная цель, которую преследует адресант как автор контента – заявление о себе как об АСМРтисте, утверждение своего статуса АСМРтиста, расширение круга подписчиков.

Мысленный диалог с «собеседником» в рамках АСМР-сеанса, представленного в формате видеотекста, характерен тем, что он, во-первых, ситуативен и может быть понят только в контексте конструируемой ситуации, во-вторых, зависит от неязыковых средств – визуальных и аудиальных невербальных триггеров, включённых в АСМР-сеанс, в-третьих, отсутствием непосредственной обратной связи, в-четвёртых, спланированностью. Акт коммуникации замыкается на адресате, он управляет диалогом, «собеседник» же только подстраивается под предложенные обстоятельства. Причём, это характерно как для сюжетных, так и для несюжетных АСМР-видеотекстов. В

первом случае адресату предлагают стать активным «собеседником», включившись в разыгрываемый диалог и погрузившись в контекст, во втором случае – стать пассивным участником АСМР-сеанса. Таким образом, АСМР-видеотекст – это сценарий, заранее спланированное и продуманное «совместное» с адресатом речетворчество. Обратная связь с адресатом возможна только отсроченная – в формате комментариев к публикации, где зрители сообщают, при желании, автору контента понравился им или нет опубликованный АСМР-сеанс.

Репертуар статусно-ситуативных ролей говорящего в АСМР-сеансах определяется контекстом и ограничивается следующими ролями: учитель, медсестра / врач (например, 1, 3-7), подруга / друг (например, 2, 9), работник сферы услуг (10). В каждом АСМР-видеотексте проявлена позиция адресанта как актёра-ведущего по отношению к участнику АСМР-сеанса: демократичность (как в 2, 9), авторитетность (как в 1), забота (как в 3-8) и так далее, в зависимости от задуманного контекста. Величина дистанции между участниками мысленного диалога всегда сокращена, что выражено визуально – крупным планом, прикосновениями ведущего к зрителю через экран.

Проведённое исследование позволило прийти к следующим **выводам**:

Как уже говорилось выше, в основе АСМР-видеотекста лежит коммуникативная ситуация неканонического типа, характеризующаяся асинхронностью. Перечислим **отличительные особенности** его **коммуникативной структуры**:

1. Наличие ближайшей и долговременной целей. Непосредственной межличностной целью всегда выступает эмоциональная поддержка. Долговременная цель альтероцентрична – нацелена на адресата и его расслабление.
2. Процесс говорения определяется контекстом, заранее избранным автором видео.
3. Обратная реакция может быть только отсроченной в силу асинхронности коммуникации.
4. Статусно-ситуативные роли говорящего зависят от заранее выбранного контекста.
5. Дистанция между коммуникантами сокращена.
6. Общий тон коммуникации позитивный.
7. Среди особых примет адресанта выделяются как положительные, так и отрицательные черты (с целью привлечения внимания и выделения контента из общей массы).

В заключение, хотелось бы подчеркнуть, что структура видеотекстов АСМР, в том числе и коммуникативная, обусловлена их погружённостью во внетекстовую реальность. Она, во-первых, формирует контекст, в котором создаются видеотексты АСМР, как бессюжетные, так и сюжетные, и, во-вторых, напрямую воздействует на восприятие зрителей. Внетекстовая реальность включает широкий спектр факторов, учитывающийся при написании сценария видеотекста: культурные, исторические, социальные, а также технологические аспекты (используемые микрофон и видеокамера,

качество изображения и звука, интерьер, фон, типы триггеров, длительность их воздействия, сочетание крупных и дальних планов и т.п.).

Список литературы

1. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А. Речь человека в общении. М.: Наука, 1989. 191 с.;
2. Ушакова Т.Н. Структуры языка и организация речевого процесса // Язык, сознание, культура / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.: Эйдос, 2005. 400 с.
3. Engelbregt H.J., Brinkman K., van Geest C.C.E., Irmischer M., Deijen J.B. The effects of autonomous sensory meridian response (ASMR) on mood, attention, heart rate, skin conductance and EEG in healthy young adults. *Exp Brain Res.* 2022 Jun;240(6):1727-1742. doi: 10.1007/s00221-022-06377-9.
4. Lin I. F., Kondo H. M. Brain circuits in autonomous sensory meridian response and related phenomena // *Philosophical Transactions of the Royal Society B.* 2024. Vol. 379. №. 1908. P. 20230252. doi.org/10.1098/rstb.2023.0252
5. Lochte B.C., Guillory S.A., Richard C.A.H., Kelley W.M. An fMRI investigation of the neural correlates underlying the autonomous sensory meridian response (ASMR) // *Bioimpacts.* 2018. Vol.8(4). P. 295-304.
6. Swart T.R. Banissy M.J., Hein T.P., Bruña R., Pereda E., Bhattacharya J. ASMR amplifies low frequency and reduces high frequency oscillations. 2022. Vol. 149. P. 85-100.

ВАРИАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РЕТРОСПЕКЦИЙ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНОЙ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ А. МЕРКЕЛЬ)

Зуева Елена Анатольевна

канд.филол.наук. доцент,

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: zueva@bsuedu.ru

Пересыпкин Андрей Петрович

канд.филол.наук. доцент,

Воронежский государственный университет

инженерных технологий

E-mail: peressypkin@vsuet.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса вариативности реализации эмоций воспоминаний немецкого политика А. Меркель в текстах различной жанровой принадлежности. Эмотивность в тексте может реализовываться эксплицитно через слованоминации эмоций – эмотивы и имплицитно через синтаксические средства оформления эмоциональной информации. Важным аспектом эмотивности текста являются также цели и условия коммуникации.

Ключевые слова: эмоция, эмоции воспоминаний, эксплицитная эмотивность, имплицитная эмотивность, эмотив

VARIATIONS OF EMOTIONAL RETROSPECTIONS IN TEXTS OF DIFFERENT GENRES (BASED ON THE MEMORIES OF A. MERKEL)

Elena Zueva

*PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University*

E-mail: zueva@bsuedu.ru

Andrej Peressypkin

*PhD in Philology, Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies*

E-mail: peressypkin@vsuet.ru

Abstract: The article examines the variability of the emotions realization in A. Merkel's memories in texts of various genres. Emotivity in a text can be realized explicitly through emotion-nominating words emotives and implicitly through syntactic means of formatting emotional information. The goals and conditions of communication are also an important aspect of the emotivity of the text.

Key words: emotion, emotion of memories, explicit emotivity, implicit emotivity, emotive

Эмоциональность текста является основой его адекватного восприятия читателем. Лишённые эмоциональности тексты воспринимаются на интуитивном уровне как безжизненные, бесцветные, созданные искусственно.

Известный немецкий политик современности, бывший федеральный канцлер ФРГ Ангела Меркель в силу своей политической активности всегда находилась в центре внимания учёных, занимающихся в том числе исследованиями в области филологии. Её высказывания, интервью и официальные выступления не раз становились предметом изучения лингвистов (Киянова К.А., 2019, Цветкова Е.Б., 2013). Предпринимались также попытки описания языковой личности А. Меркель (Цаголова В.А., 2012).

Многие исследователи сходятся во мнении, что речи известного немецкого политика политика скупы на эмоции. Сама Ангела Меркель объяснила это следующим образом: «Weil das Amt erfordert, dass man kein Mitleid erheischt oder besondere biografische Erfahrungen thematisiert. Man hätte mir vielleicht Befangenheit vorgeworfen. Ich war Kanzlerin aller Deutschen, natürlich die ostdeutsche Kanzlerin aller Deutschen, und habe mich dabei um ein hohes Maß an Sachlichkeit bemüht» (URL: <https://www.buero-bundestkanzlerin-ad.de/aktuelles/interview-rnd/>). – «Должность требует не проявлять излишнего сострадания и не обсуждать какие-либо особенные факты из собственной биографии. Меня вероятно можно было бы упрекнуть в чёрствости. Но я была канцлером всей немецкой нации, прежде всего восточногерманским канцлером всей немецкой нации и при этом старалась оставаться объективной» (перевод автора).

Ключевым понятием исследования эмоциональной составляющей текста является его эмотивность, под которой понимается некое эмоциональное состояние индивида, переработанное сознанием с помощью языковых сигналов и вызывающее эмоциональную реакцию у субъекта отображения (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-emotivnosti-kak-lingvisticheskoe-ponyatie-i-osnovnye-podhody-k-ee-izucheniyu>), т.е. эмотивность – это

эмоциональность в языковом преломлении. На уровне текста эмотивность может проявляться эксплицитно путем использования слов-номинаций эмоций – эмотивов, и имплицитно. В случае с эксплицитным проявлением эмотивности человек осознанно демонстрирует свои эмоции окружающим, поскольку по мнению В.И. Шаховского, «эмотивное значение не существует в чистом виде, а сочетает в себе эмоциональные и интеллектуальные компоненты» (Шаховский, 1983: 9). Основная функция репрезентации эмоций отводится эмотивам, к которым относятся любые лексемы, используемые в речи для описания эмоционального состояния говорящего.

Имплицитная эмотивность наиболее ярко проявляется в так называемых спонтанных текстах, т.е. политическом дискурсе или интервью, и проявляется в виде различных синтаксических средств оформления эмоциональной информации таких как паузы, повторы, обрывки фраз, а также использования междометий, модальных слов и пр. Помимо них существует множество других синтаксических конструкций, которые эксплицитно или имплицитно выражают эмоции, в числе которых – «инфинитивные и номинативные модели, фразеологизованные схемы, готовые синтаксические нечленимые высказывания и т.п. Вот они-то априори пропитаны эмоциональными коннотациями» (Норман, цит. по Чжу, 2023: 55).

Объектом данного исследования являются эмоции воспоминаний, связанных со значимыми событиями в жизни исследуемой личности. Для Ангелы Меркель таким значимым моментом в жизни стали события в Чехословакии 1968 года, вошедшие в историю как Пражская весна и изменившие вектор политического и общественного развития Европы. По мнению некоторых политиков, культурная революция в Европе, толчком для которой стали пражские события, сделали возможным спустя десятилетия приход к власти на должность федерального канцлера первой в истории Германии женщины – Ангелы Меркель. «Ich bin fest überzeugt, ohne all diese Gedankenanstöße wäre Angela Merkel nicht Kanzlerin geworden» – sagte Radunski, ehemals Bundesgeschäftsführer des Ring Christlich-Demokratischer Studenten (RCDS) und später Bundesgeschäftsführer der CDU und Senator in Berlin» ([URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/studentenproteste-ohne-die-68er-waere-merkel-nicht-100.html](https://www.deutschlandfunkkultur.de/studentenproteste-ohne-die-68er-waere-merkel-nicht-100.html)).- «Я абсолютно уверен, что без всех тех событий, заставивших нас переосмыслить происходящее, Ангела Меркель не стала бы канцлером» – сообщает Радунски, бывший руководитель Объединения студентов-христианских демократов, в последствии Федеральный секретарь ХДС и сенатор (перевод автора)».

События в Чехословакии 1968 года стали важным этапом становления политических взглядов А. Меркель: «All dies verfolgte die Vierzehnjährige nun schon mit einem erheblich wacheren politischen Bewusstsein als sieben Jahre zuvor den Mauerbau» (Bollmann, 2021: 38). – «За этими событиями 14-летняя девочка наблюдала со значительно более чётким политическим сознанием чем 7 лет назад за строительством Берлинской стены» (перевод автора). В своих интервью и официальных выступлениях политик неоднократно обращалась к воспоминаниям о тех событиях. Это было одним из немногих событий из ее биографии, в воспоминаниях о которых А. Меркель неизменно проявляла эмоции.

Из воспоминаний А. Меркель известно, что лето 1968 года она с семьей провела на отдыхе в Чехословакии и стала свидетелем происходивших там событий. При этом описание, интерпретация и оценка данных событий, а, следовательно, и эмотивность, варьируется в зависимости от года выступления и жанрового типа текста.

Так, в одном из своих самых ранних интервью в качестве политика, которое, будучи на посту федерального министра, Ангела Меркель дала известному журналисту и дипломату Гюнтеру Гаусу в 1991 году, она очень осторожна в оценке описываемых событий: «Mein Vater war ... in den 60-er Jahren der, wer schon eine Kooperation irgendwo versucht hat. ... Und dann, nach 1968 eigentlich, einmal stieß er bitter enttäuscht ..., weil er der Meinung war, dass das, was in der DDR passierte, nicht Sozialismus war. ... und die würde ich ihm heute nicht absprechen. Jedenfalls zum Glauben an eine gerechte, an eine gerechtere Welt-Nein, gerechtere will ich nicht sagen, an eine Welt, in der so was wie Sozialismus wahr werden könnte. ... Ich brauche das nicht, nein, ich habe da eine andere Anschauung dazu» (URL: <https://gloria.tv/post/9hB1Yat7mEwi1ehUPacEfbV9H>).

В данном высказывании эмотивность на эксплицитном уровне представлена незначительно в виде эмотива «enttäuscht», снабжённого эпитетом «bitter» для придания высказыванию большей образности, а, следовательно, большего эмоционального воздействия на слушателя. Однако речь изобилует синтаксическими конструкциями, которые имплицитно выражают эмоции говорящего. К ним относится анафора «an eine gerechte, an eine gerechtere Welt», а также «Nein, gerechtere will ich nicht sagen». Кроме того, в речи политика появляются необоснованные паузы и самоисправления. Все это указывает на достаточно сильные переживания А. Меркель, которые она пытается скрыть за эмоционально нейтральной лексикой.

В более поздний период своей политической карьеры в качестве федерального канцлера Германии А. Меркель неоднократно возвращалась к воспоминаниям о том непростом периоде своего детства. В приветственной речи на открытии памятных мероприятий в 2008 году, приуроченных к 40-й годовщине пражских событий, А. Меркель так описывала свои детские воспоминания: «Ich war 1968 14 Jahre alt. ... Ich erinnere mich noch sehr gut an die Diskussionen mit den Kindern und den Erwachsenen. Meine Eltern entschieden sich, uns Kinder zwei Tage im Riesengebirge zu lassen und nach Prag zu fahren, weil die Bewegungen dort einfach so unglaublich waren – der Hauch der Freiheit, das Verteilen von Zeitungen» (URL: <https://www.bundesregierung.de/bregde/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-795514>). Данный текст сложно отнести к определённому жанру, так как он содержит наряду с общепринятой политической оценкой также личные воспоминания и интерпретацию описываемых событий, так что его по формальным признакам можно отнести к публицистическому жанру, а не к политическому дискурсу. В силу своего двойственного назначения текст мало эмоционален, но тем не менее интересен с точки зрения оценки способов передачи эмотивности. В исследуемом отрывке текста отсутствуют эмотивы, что говорит о нулевой эксплицитной эмотивности данных воспоминаний.

Имплицитно эмоции говорящего передаются при помощи фразеологизма «der Rauch der Freiheit», а также на уровне синтаксиса использованием уточняющей конструкции с градацией для создания эффекта наряженного ожидания, придания экспрессивности.

В том же году в интервью газете *Süddeutsche Zeitung Magazin* А. Меркель более эмоционально рассказывает о событиях того лета: «Was ich noch sehr gut in Erinnerung habe, ist die wirklich tief greifende Aufbruchstimmung in der Tschechoslowakei. ... Da wurde jeden Tag darüber gesprochen, was in Prag los war. Die Kinder waren aufgeregt. Die Jugendlichen waren aufgeregt. Die Erwachsenen waren aufgeregt. Dann führen meine Eltern zwei Tage nach Prag. Ich wäre zu gern mitgekommen, weil das alles so spannend sein sollte. Dort auf dem Wenzelsplatz, ganz offene Gespräche und sogar Westzeitungen sollte es zu kaufen geben» (URL: <https://www.sueddeutsche.de/magazin/heft/2008/9>). В данном высказывании наряду с эксплицитной эмотивностью, представленной эмотивами «tief greifend» «Aufbruchstimmung», «zu gern», «spannend», представлена имплицитная эмотивность в форме таких стилистических приёмов как параллелизмы и парцелляция. Это придаёт высказыванию динамику, показывает возбуждение и воодушевление говорящего, вскрывая его истинные чувства.

И, хотя оба текста относятся к одному жанру и временному периоду, их эмотивность сильно отличается, что можно объяснить форматом выступления, целевой аудиторией и, как следствие, различными коммуникативными установками говорящего. Следовательно, степень эмотивности зависит в большей степени от целевой аудитории и цели высказывания и в меньшей степени от жанровой принадлежности текста.

В мемуарах, опубликованных в 2024 году А. Меркель также не обошла вниманием такое значительное событие, как Пражская весна 1968 года: «Im August 1968 führen meine Eltern mit uns Kindern in die Tschechoslowakei in den Urlaub. ... Der Sohn unserer Gastgeber war ungefähr so alt wie ich damals. ... Draußen auf der Wiese vor dem Haus versuchte er mir mit wenigen Worten sowie Händen und Füßen deutlich zu machen, wie stolz er auf die Veränderungen im Land war, Vater und Sohn unserer Gastgeberfamilie zeigten sich in unseren Gesprächen zutiefst davon überzeugt, dass sich die Entwicklung ihres Landes nie mehr zurückdrehen lassen würde. Das beeindruckte und berührte mich sehr. ... Vollkommen beseelt kehrten meine Mutter und mein Vater aus Prag zurück. Sie hatten eine Atmosphäre des Aufbruchs und der Hoffnung erlebt, ...» (Merkel, 2024:53-54). Но то ли с течением времени воспоминания от тех далёких событиях померкли, то ли само событие не виделось больше как решающее в политической карьере политика, но описанные в мемуарах воспоминания воспринимаются читателем как менее эмоционально окрашенные. И, хотя в тексте присутствует значительное количество эмотивов «stolz», «zutiefst überzeugt», «beeindruckte», «berührte», «beseelt», «Aufbruch», «Hoffnung», они относятся в большей степени к нейтральному фону лексики и не создают яркой, эмоционально напряженной картины. Однако здесь впервые при описании пражских событий появляется ирония «mit wenigen Worten sowie Händen und

Füßen deutlich machen», что опять же указывает на переосмысление значимости описываемых событий.

Гораздо более эмоционально А. Меркель описывает последующие за Пражской весной события, а именно подавление советскими войсками восстания в Чехословакии. В своей официальной речи, посвященной 40-летию пражских событий, А. Меркель так описывает свои чувства от этой новости: «Umso ernüchternder und verheerender war es dann für mich als 14-Jährige, als ... eines Morgens ... von den sowjetischen Truppen die Rede war, die in die Tschechoslowakei einmarschiert waren. Für uns als damalige Ostdeutsche war es ein unglaublich beklemmendes Gefühl, zu hören, dass wieder einmal Deutsche dabei geholfen hatten, dass Soldaten in die Tschechoslowakei einmarschierten. Schon als Kind habe ich mich damals, so kann man es sagen, dafür geschämt» (URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-795514>). А. Меркель описывает охватившие ее чувства глубокого сожаления и разочарования, используя разнообразные эмотивы в комбинации с эмоционально окрашенными эпитетами и частицами «Umso ernüchternder und verheerender», «ein unglaublich beklemmendes Gefühl» для усиления эмоционального воздействия на реципиента и создания образа растерянной, страдающей от чувства стыда 14-летней девочки. Кроме того А. Меркель имплицитно проводит параллели с вторжением немецких войск в Чехию во время Второй мировой войны «wieder einmal Deutsche dabei geholfen hatten» с целью показать нежелание немецкого народа вновь стать виновниками военной катастрофы в Европе. Все эти средства скорее служат цели создать положительный образ немецкого народа, глубоко переживавшего и всячески поддерживавшего чешский народ, а не показать истинные эмоции говорящего, связанные с воспоминаниями о трагических событиях прошлого, что полностью соответствует задачам такого рода текста.

В интервью газете *Süddeutsche Zeitung Magazine* А. Меркель прибегает к другому средству создания реалистичной картины происходящего. Она использует настоящее время глагола для создания контраста планов выражения. Таким образом создаётся эффект присутствия в момент описываемых событий: «Und ich sehe mich noch an jenem Morgen in der Küche stehen, als aus ihrem kleinen Radio die Nachricht kam: Russische Truppen sind in Prag einmarschiert» (URL: <https://www.sueddeutsche.de/magazin/heft/2008/9>). Передавая свои чувства в связи с описываемыми событиями политик использует наряду с прямой номинацией эмоций посредством эмотивов, также другие эксплицитные средства – эпитеты с гиперболизированной отрицательной оценочностью «furchtbar traurig», «in wirklicher Tiefschlag, hammerhart», усилительные частицы «sehr geschämt», «absolut nicht gerechnet», что создаёт общее впечатление полного неприятия происходящей ситуации со стороны говорящего: «Das war ein wirklicher Tiefschlag, hammerhart. Und dazu waren es noch Truppen gewesen, die aus der DDR in die Tschechoslowakei einmarschiert sind. Ich habe mich gegenüber den Tschechen dafür sehr geschämt. Mit so etwas hatte ich absolut nicht

gerechnet. Ich war furchtbar traurig» (URL: <https://www.sueddeutsche.de/magazin/heft/2008/9>).

В мемуарах Ангелы Меркель более сдержана в оценке событий: «Ich hörte, dass in der Nacht Panzer aus vier Staaten des Warschauer Pakts in Prag ... eingerückt waren. ... Noch heute habe ich vor Augen, an welcher Stelle in der Küche das Radio meiner Großmutter stand. Den Schlag in die Magengrube, den mir diese Nachricht versetzte, fühle ich ebenfalls noch heute. Mit meinen vierzehn Jahren lernte ich, dass es im Leben wenig Schlimmeres gibt als zerstörte Hoffnung» (Merkel, 2024: 53). Собственно эмотивы в данном фрагменте текста отсутствуют, т.е. эксплицитная эмотивность данного фрагмента нулевая. На имплицитном уровне эмотивность представлена фразеологическими оборотами «Schlag in die Magengrube» и «zerstörte Hoffnung», а на синтаксическом уровне – параллелизмом «Noch heute habe ...» и «fühle ich ebenfalls noch heute». Данная синтаксическая конструкция призвана сделать воспоминания более живыми и заставить читателя посмотреть на описываемые события глазами автора, затравить его сопереживать.

Как показывают проанализированные примеры, эмотивность текста непосредственно связана с его жанровой принадлежностью. В спонтанных текстах, таких как политический дискурс и интервью, эмотивность проявляется более ярко как на эксплицитном так и на имплицитном уровнях. В текстах мемуарного жанра эмотивность более низкая. Это объясняется линейностью спонтанных текстов, наличием возможных коммуникативных неудач. При создании мемуарных текстов автор имеет возможность тщательно обдумать и взвесить каждое слово, чтобы добиться желаемого эмоционального отклика реципиента, но это нивелирует возможность появления в таких текстах некоторых имплицитных средств передачи эмотивности, которые как раз и раскрывают истинные эмоции автора высказывания.

Однако, в рамках одного и того же жанра тексты, посвящённые одной тематике, могут отличаться по эмоциональной насыщенности. Важную роль в реализации эмотивности играет ситуация, в которой происходит порождение текста, целевая аудитория и коммуникативная задача отправителя сообщения. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что для эмотивности текста важным аспектом является не только и не столько его жанровая принадлежность, сколько цели и условия коммуникации.

Список литературы

1. Барышникова Г.В., Дубинина И.И. Лексические средства декодирования имплицитно выраженных эмоций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 76-79.

2. Киянова К. А. Коммуникативно-речевая структура публичной политической речи : на материале выступлений Ангелы Меркель : автореферат дис. ... кандидата : 10.02.04 / Киянова Карина Артуровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. Москва, 2019. 26 с.

3. Ульянова М.А. Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению // Актуальные вопросы современной науки. 2011. №18 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-emotivnosti-kak-lingvisticheskoe-ponyatie-i-osnovnye-podhody-k-ee-izucheniyu> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Цаголова В.А. Лингвокультурный портрет женщины-политика (на примере федерального канцлера Германии Ангелы Меркель) // Современные проблемы науки и образования. 2012. №6 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7790> (дата обращения: 01.04.2025).
5. Цветкова Е.Б. Языковая специфика текстов политических речей Ангелы Меркель // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 2. С. 153-160.
6. Чжу Юньпин. Категория эмотивности в персоноориентированном сетевом дискурсе: когнитивно-коммуникативный и стилистический аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2023. 238 с.
7. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие к спецкурсу. Волгоград: Изд. ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. 96 с.
8. Bollmann R. Angela Merkel Die Kanzlerin und ihre Zeit Biografie. Verlag C.H.Beck oHG, München. 2021. 800 S.
9. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel auf der Tschechisch-Slowakischen Gedenkveranstaltung «40 Jahre Prager Frühling» am 25. Juni 2008 in Berlin // Bulletin der Bundesregierung. Nr. 75-3. 28. Juni 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-795514> (дата обращения: 01.04.2025).
10. Günter Gaus im Gespräch mit Angela Merkel [Электронный ресурс]. URL: <https://gloria.tv/post/9hB1Yat7mEwi1ehUPacEfbV9H> (дата обращения: 02.04.2025).
11. Jetzt bin ich frei. Interview der Bundeskanzlerin a. D. // RedaktionsNetzwerk Deutschland (RND). 08.06.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buero-bundeskanzlerin-ad.de/aktuelles/interview-rnd/> (дата обращения: 02.04.2025).
12. Merkel A. Freiheit. Erinnerungen 1954 – 2021. Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln. 2024. 898 S.
13. Ohne die 68er wäre Merkel nicht Kanzlerin geworden // Deutschlandfunk Kultur. 11.04.2028 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/studentenproteste-ohne-die-68er-waere-merkel-nicht-100.html> (дата обращения: 02.04.2025).
14. Und es war Sommer // Süddeutsche Zeitung Magazin. Heft 9. 29. Februar 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sueddeutsche.de/magazin/heft/2008/9> (дата обращения: 01.04.2025).

ТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ЭКОЛОГОВ

Игнатова Ирина Борисовна

д.п.н., профессор

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: ignatova@bsuedu.ru

Травкин Кирилл Сергеевич

ассистент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: travkin_k@bsuedu.ru

Аннотация: Статья посвящена роли текста в обучении русскому языку иностранных студентов-экологов. Авторы обосновывают необходимость интеграции профессионального контекста в процесс изучения языка, выделяя текст как основную учебную единицу. Рассматриваются лингвистические и методические аспекты текста, включая его структурно-семантические особенности и функции в речевой деятельности. Особое внимание уделяется экологическому дискурсу, который служит базой для формирования профессионально-коммуникативных компетенций студентов. В статье подчёркивается важность работы над текстами различных функционально-семантических стилей и жанров, а также их роль в развитии навыков восприятия, понимания и порождения высказываний. Авторы делают вывод, что использование текстов способствует эффективному освоению профессионально значимого материала и формированию коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: РКИ, текст, экологический дискурс, функционально-семантические стили речи, жанры речи, экотекст.

TEXT IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS-ECOLOGISTS

Ignatova I.

Grand PhD in Pedagogy, Professor

Belgorod State University

E-mail: ignatova@bsuedu.ru

Travkin K.

Assistant Professor

Belgorod State University

E-mail: travkin_k@bsuedu.ru

Abstract: The article is devoted to the role of text in teaching Russian to foreign students-ecologists. The authors substantiate the necessity of integrating professional context into the language learning process, singling out text as the main teaching unit. Linguistic and methodological aspects of the text are considered, including its structural and semantic features and functions in speech activity. Special attention is paid to the ecological discourse, which serves as a basis for the formation of professional-communicative competences of students. The article emphasises the importance of working on texts of different functional-semantic styles and genres, as well as their role in the development of skills of perception, understanding and generation of statements. The authors conclude that the use of texts contributes to the effective mastering of professionally relevant material and the formation of communicative competence.

Keywords: Russian as a foreign language, text, ecological discourse, functional-semantic speech styles, speech genres, ecotext.

На современном этапе развития лингвометодики устоялось мнение о том, что обучение русскому языку иностранных студентов не может быть полностью изолировано от профессионального контекста. Данный тезис сопряжён с формированием, развитием и совершенствованием у обучающихся специальных знаний, навыков и умений в рамках непрерывного получения ими профессиональной квалификации. Следовательно, можно говорить о фундаментальной цели, заключающейся в научении иностранных студентов-экологов правилам и закономерностям текстообразования (Игнатова, Травкин, 2025: 341). В связи с этим, считаем необходимым выделить в коммуникативно-деятельностном подходе профессионально-коммуникативную стратегию обучения русскому языку иностранных студентов-экологов, основной учебной единицей которой является текст.

Анализ лингвистической и методической литературы (А.В. Бондарко, Т.М. Дридзе, И.А. Зимняя, Г.В. Колшанский, Г.А. Золотова и др.) демонстрирует текст с точки зрения многомерного и многопланового явления. Выделим некоторые из них.

Особый интерес представляет определение текста З.Я. Тураевой как «упорядоченного множества предложений, объединённых различными типами лексической, логической и грамматической связи, способного передавать определённым образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» (Тураева, 1986: 11). В данном ключе текст выступает в качестве статической структуры, а значит, что определение З.Я. Тураевой не учитывает устно-речевые жанры речи, но его строгость и системность сделала его эталоном для филологических исследований письменных текстов. Отметим, что этот подход остаётся актуальным в современной лингвистике текста, особенно при анализе нарративов и академических произведений.

Однако, суждение Г.В. Колшанского, определяющее текст как основную коммуникативную единицу в процессе общения (Колшанский, 2007: 32), т.е. динамическую структуру, стало общепризнанным среди методистов, поскольку на уровне текста как основной учебной единицы обучения иноязычной речевой деятельности можно проследить уровень сформированности необходимых компетенций, формирующих коммуникативную компетентность.

Мы, опираясь на точку зрения Г.В. Колшанского, вслед за И.А. Зимней, рассматриваем текст как продукт говорения, т.е. речевой деятельности (Зимняя, 1985: 83).

Развивая идеи И.А. Зимней, Т.В. Матвеева расширяет концептуальный аппарат текста, который рассматривается как продукт речевой деятельности, определяемый «конкретной целью или психологической установкой» автора. Это формирует «сложное речевое единство, где все элементы, включая сложные синтаксические структуры, предложения и лексические единицы, объединены общей идеей и эмоциональной нагрузкой». Существенные характеристики данного единства, такие как текстовые категории, создают коммуникативную систему, в которой одни категории играют ключевую роль, а другие выполняют вспомогательные функции, дополняя общую структуру (Матвеева, 2002: 353).

Основополагающей категорией текста, как правило, выступает тема, «пронизывающая» всё содержание, обеспечивая его когезию и выполняя функцию смыслового центра. Тема отражает авторский замысел и воплощает основную идею, выраженную в форме тезиса. Её развитие в тексте происходит в соответствии с авторской концепцией и определяется категорией композиции, которая играет важную роль в формировании содержательной структуры текста (Россихина, 2013: 85).

Коммуникативные умения обучающихся основываются на способности воспринимать, понимать и создавать целостные текстовые высказывания. Это позволяет сделать значимый лингвометодический вывод: конечная цель обучения заключается в формировании умений по восприятию и созданию текстов на русском языке. С точки зрения лингвометодики, текст выступает как основная единица обучения речевой деятельности во всех её проявлениях (говорение, слушание, письмо, чтение), поскольку «коммуникативная компетенция формируется именно на уровне текста» (Фигуровский, 1961: 136).

В процессе работы над текстом иностранные студенты-экологи осознают мотивы речевой деятельности, овладевают правилами функционирования грамматических и синтаксических структур и употребления лексических единиц, сопряжённых с определённым функционально-семантическим стилем речи, а также видят конечную цель в выражении собственных изречений и мыслей ясно, точно, уместно и грамматически правильно.

Исходя из вышесказанного, считаем целесообразным сопровождать профессионально-коммуникативную стратегию обучения русскому языку иностранных студентов-экологов учебным текстом (письменной и устной форме), заключённым в контекст экологического дискурса и функционально-семантических стилей речи и способствующего решению лингвометодических задач, которые возникают в процессе усвоения профессионального коммуникативно-значимого материала (Игнатова, Травкин, 2024).

Под экологическим дискурсом мы понимаем информационное пространство, в котором существуют экологические тексты и реализуется коммуникация во всех её формах на экологическую тематику (Травкин, 2024: 63-64).

С первых этапов изучения русского языка иностранные студенты-экологи сталкиваются с текстами, относящимися к различным функционально-семантическим стилям и жанрам. Включение определённых жанров в учебный процесс, соответствующих функционально-семантическим стилям речи, должно основываться на уровне подготовки обучающихся, а также на степени сформированности их языковой, лингвистической, профессиональной и коммуникативной компетенций, коррелирующих данному этапу обучения (см. таблицу 1).

Основное внимание при изучении функционально-семантических стилей и их жанров уделяется рецептивным видам речевой деятельности, что обусловлено строгим соблюдением литературных норм на всех уровнях языковой структуры в текстах. Это связано с тем, что в процессе обучения русскому языку тексты, предназначенные для аудирования и чтения, выполняют функцию языковой модели, через которую обучающиеся осваивают

систему языка. После знакомства с правильно организованной языковой моделью студенты получают возможность самостоятельно создавать текстовые высказывания, а также грамматически и синтаксически корректно интерпретировать информацию.

Таблица 1

Жанры экологического текста

Уровень обучения	Компетенции	Вводимый жанр экотекста
Элементарный уровень (ТЭУ)	1) способность читать, воспринимать и понимать короткие тексты бытового уровня; 2) определять тему текста; 3) конструирование подобных текстов в письменной и устной форме; 4) выход в простую речь (простейший диалог).	- городские вывески; - простейшая реклама; - простейшее объявление; - ценники, этикетки; - учебное расписание; - туристические маршруты; - простейшие заметки в интернете - комиксы; - и т.п.
Базовый уровень (ТБУ)	1) способность читать, воспринимать и понимать тексты с более сложной синтаксической структурой бытового уровня; 2) определять тему и тип речи более сложного по содержанию текста; 3) вычленять главную мысль в тексте; 4) конструирование подобных текстов в письменной и устной форме; 5) выход в речь (диалог).	- тексты по типу речи: повествование, описание, рассуждение; - адаптированные рассказ, сказка, стихотворение; - адаптированные репортаж, хроника, заметка, подкаст; - прогноз погоды; - информативные комиксы; - эссе; - и т.п.
Первый сертификационный уровень (ТРКИ-1)	1) способность читать, воспринимать, понимать и порождать тексты со сложной структурой и содержанием; 2) определять тему, тип и стиль речи более сложного по содержанию текста; 3) вычленять главную и второстепенную мысль в тексте; 4) интерпретировать информацию; 5) составлять назывной и вопросный планы по тексту; 6) обсуждать предложенную тематику (монолог, диалог) в соответствии с речевым этикетом.	- тексты по стилю речи: художественный, научный, публицистический, официально-деловой; - газетные и журнальные статьи; -научно-популярные статьи; - рекламные объявления; - расписание, программа, афиша мероприятий; - алгоритмы и инструкции; - реферирование; - аннотация; - и т.п.
Второй сертификационный уровень (ТРКИ-2)	1) способность читать, воспринимать, понимать, анализировать и порождать тексты со сложной синтаксической структурой; 2) определять тему, тип и стиль речи сложного по содержанию текста;	- поучительные тексты; - аргументативные и информативные тексты; - оценочные тексты; - статистические тексты; - аналитические тексты; - интервью, репортажи,

	3) углубление знаний и чёткое определение функционально-семантических стилей речи; 4) составлять тезисный план по тексту; 5) свободно излагать мысли по заданной тематике.	подкасты; - деловые письма, постановления, законы, акты и т.п.; - научные статьи; - публичные выступления и речи; - и т.п.
Третий сертификационный уровень (ТРКИ-3) и Четвёртый сертификационный уровень (ТРКИ-4)	1) способность читать, воспринимать, понимать, анализировать неадаптированные тексты; 2) определять тему, тип и стиль речи неадаптированного текста; 3) извлекать необходимую информацию из неадаптированного текста; 4) интерпретировать полученную информацию; 5) свободно изъясняться на любые темы.	- научные монографии; - диссертационные исследования; - сложные поэтические произведения; - философские трактаты; - и т.п.

Таким образом, опора на учебный текст в обучении иностранных студентов-экологов профессиональному коммуникативно-значимому материалу является обоснованной и целесообразной, поскольку ориентация на высказывания-тексты позволяет погружаться обучающимся в коммуникативные ситуации, где они не только изучают лингвистические структуры, но и изучают лексику и терминологию, связанную с экологическим дискурсом. Следовательно, введение текстов в любой их форме, виде и формате на занятия по русскому языку представляет собой актуальную профессионально-коммуникативную стратегию обучения.

Список литературы

1. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
2. Игнатова И.Б., Травкин К.С. Профессионально-коммуникативное обучение русскому языку студентов-экологов // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148) [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.148.135> (дата обращения: 30.03.2025).
3. Игнатова И.Б., Травкин К.С. Стратегия обучения по усвоению профессионального коммуникативно значимого материала иностранными студентами-экологами на этапе их подготовки к выходу в первую профессиональную иносоциокультурную среду // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. № 3. С. 340-347.
4. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2007. 177 с.
5. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта; Наука, 2003. 432 с.
6. Россихина Г.Н. Лингвистическое понятие текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 9. С. 83-87.

7. Травкин К.С. Позиции русского языка в экологическом дискурсе // Роль и место русского языка в современном мире. 2024. № 16. С. 62-66.

8. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 129 с.

9. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с.

АУТЕНТИЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ СРЕДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ВУЗЕ

Инютина Татьяна Сергеевна

канд. педагогических наук

Белгородский государственный

аграрный университет им. В.Я. Горина

E-mail: tess20032003@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием информационно-коммуникативной компетентности в ходе образовательного процесса в сельскохозяйственном вузе. В качестве примера использовано изучение иностранного языка (английского). Автор предлагает реализацию процесса развития вышеуказанной компетентности через использование аутентичной электронной среды. Основная идея заключается в том, что данный процесс происходит эффективнее всего в реальных, а не искусственных, условиях. Другими словами, предлагается использовать аутентичные электронные ресурсы – такие как настоящие сайты, онлайн-публикации, видеоматериалы на английском языке, предназначенные для носителей языка, а не адаптированные для изучения

Ключевые слова: информационно-коммуникативная компетентность, аутентичная среда, электронная среда, английский язык, сельскохозяйственный университет.

AN AUTHENTIC DIGITAL ENVIRONMENT FOR LEARNING ENGLISH AT THE AGRICULTURAL UNIVERSITY

Inyutina Tatyana Sergeevna

PhD in Pedagogy

Belgorod State Agricultural University

named after V.Y. Gorin

E-mail: tess20032003@list.ru

Abstract: The article discusses issues related to the development of information and communication competence during the educational process at an agricultural university. Learning a foreign language (English) is used as an example. The author suggests the implementation of the process of developing the above-mentioned competence through the use of an authentic electronic environment. The basic idea is that this process is most effective in real, rather than artificial, conditions. In other words, it is proposed to use authentic electronic resources such as real websites, online publications, and videos in English intended for native speakers, rather than adapted for learning.

Keywords: information and communication competence, authentic environment, electronic environment, English language, agricultural university.

В настоящее время образовательная среда претерпевает изменения, диктующая педагогам новые, более высокие требования к ним как к

профессионалам. Современный педагог должен владеть различными навыками, одним из наиболее важных из них является высокий уровень информационно-коммуникативной компетентности (ИКК). Данная компетентность предполагает наличие не столько технических и технологических умений и навыков, сколько интеграцию технологических, информационных и коммуникативных умений и навыков. Наличие высокого уровня информационно-коммуникативной компетентности говорит о том, что педагог способен эффективно использовать образовательные интернет-ресурсы, рационально применять их в своей профессиональной деятельности, модернизировать для достижения поставленных образовательных задач.

В данном случае следует говорить не столько о владении компьютерными технологиями, сколько о том, насколько педагог понимает их возможности и ограничения, умеет критически оценивать и отбирать полученную им информацию из различных источников. Кроме того, немаловажным является умение преподавателя адаптировать и использовать для решения конкретных педагогических задач. Уже недостаточно просто создать презентацию или и электронные учебные материалы, но и уметь организовать онлайн коммуникацию, вести дискуссии на различных онлайн платформах, использовать интерактивные методы и способы взаимодействия как в обучающих, так и в воспитательных целях.

Следует отметить, что информационно-коммуникативной компетентностью должны владеть не только педагоги, но и обучающиеся. Наличие высокого уровня данной компетентности будет способствовать реализации эффективного взаимодействия в аутентичной электронной среде. Для этого необходимо наличие организационно-педагогических условий, которые включают в себя не только доступ к необходимым информационным технологиям, но и соответствующее дидактическое сопровождение.

Одним из таких условий является учет профессиональной направленности преподаваемых дисциплин. Это означает, что дидактическое сопровождение образовательных программ должно быть разработано с учетом специфики каждого предмета. Например, подготовка ветеринарного врача будет включать в себя навыки работы с иноязычными источниками в данном направлении.

Таким образом, развитие информационно-коммуникативной компетентности играет важную роль в современной системе образования. Еще раз следует подчеркнуть, что информационно-коммуникативная компетентность – это не просто владение информационными технологиями, а развитие целого комплекса навыков и навыков. При разработке дидактического сопровождения данного процесса необходимо учитывать специфику различных направлений подготовки студентов. В ходе реализации разработанного дидактического сопровождения развития информационно-коммуникативной компетентности следует проводить целенаправленную работу по развитию критического мышления, а также умений и навыков самостоятельно использовать интернет-ресурсы в образовательных целях.

Рассмотрим это на примере преподавания иностранного языка в сельскохозяйственном вузе. Например, для студентов среднего профессионального образования полезным будет использование в работе информации с англоязычного сайта, посвященному конкурсу Worldskills (<https://worldskills.org>). WorldSkills является международным общественным движением, основная миссия которого – создавать условия для людей, которые хотят профессиональной самореализации.

Как известно, WorldSkills включает в себя проведение соревнований, через которые формируются и развиваются сообщества: через взаимодействие между участниками соревнований и экспертами, а также общение конкурсантов между собой на соревновательной площадке. Именно этот эффект главным образом приносит изменения в систему СПО и ДПО России.

В процессе работы с иноязычным сайтом данного движения могут выполняться различные задания. Например, вместо обычного перевода, студентам предлагается: сделать обзор разделов сайта, с кратким описанием их содержимого; выбрать какую-то новость и высказать свое мнение; сравнить развитие данного движения в России и в других странах на основе информации, представленной на сайте и т.д.

Кроме того, существуют иноязычные сайты сельскохозяйственной направленности. Например, Farming UK (<https://www.farminguk.com>), Modern agriculture magazine (<https://modernagriculture.ca>) и др.

Рассмотрим на их примере, каким образом можно проводить работу по формированию и развитию информационно-коммуникативной компетентности обучающихся. Работу с подобными сайтами можно проводить со студентами разного уровня системы образования, как среднего профессионального, так и бакалавриата и специалитета.

Сайт Farming UK (<https://www.farminguk.com>) представлен следующими разделами: Home, News, Featured, Shows, Directory, Magazines, Farm Shops, Courses, Property, Jobs, Advertise.

Например, в разделе Magazines размещены электронные версии английских изданий сельскохозяйственного направления (Digital Editions FarmingUK Magazine), которые можно полистать как обычный журнал. Обучающиеся при работе с материалом из данных изданий знакомятся не только с последними новостями в сельскохозяйственной отрасли Великобритании, а еще и получают практику в использовании современного английского языка. Так, при чтении интервью можно узнать о том, какие грамматические конструкции используются в разговорной речи, общепринятые современные сокращения, жаргонизмы и пр.

Другой ресурс Modern agriculture magazine (<https://modernagriculture.ca>) также предлагает ознакомиться с материалами сельскохозяйственного направления. Помимо текстовой информации на сайте представлены видеофайлы, которые созданы как авторами данного сайта, так и сайтов-партнеров, например, National Geographic. Студентам будет полезно воспринимать на слух речь носителей языка, особенно в профессиональных целях.

Таким образом, изучение английского языка в сельскохозяйственном вузе имеет свои особенности. Использование таких аутентичных материалов как реальные тексты, видео, аудио и пр. с официальных сайтов, созданных носителями языка не для учебных целей, положительно влияет на уровень развития информационно-коммуникативной компетентности студентов, т.к. они знакомятся с живой, современной английской речью, используемой в профессиональной сфере сельского хозяйства. Это также полезно и для преподавателей, т.к. им необходимо поддерживать и развивать не только уровень своей информационно-коммуникативной компетентности, но и знания иностранного языка. Результатом такого подхода является то, что качество подготовки специалистов в аграрной отрасли повышается, поскольку они овладевают не только теоретическими знаниями, но и практическим применением языка в реальных ситуациях.

Список литературы

1. Гунченко, А. П. Роль иностранных языков в аграрном образовании / А.П. Гунченко, И. В. Свищева // Горинские чтения. Инновационные решения для АПК : Материалы Международной студенческой научной конференции, Майский, 24–25 февраля 2021 года. Том 3 – Майский: Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, 2021 С. 294. EDN KNJYJS.

2. Инютина, Т. С. Дидактическое сопровождение развития информационно-коммуникативной компетентности педагогических работников / Т. С. Инютина // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 17, № 4. С. 16-23. – DOI 10.21209/2658-7114-2022-17-4-16-23. EDN MEYQMI.

3. Свищева, И. В. Особенности обучения переводу текстов сельскохозяйственной тематики / И. В. Свищева // Достижения и перспективы в сфере производства и переработки сельскохозяйственной продукции : Материалы второй национальной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Я. Горина, пос. Майский, 28 января 2022 года. – пос. Майский: Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, 2022. С. 146-148. EDNIKEUIE.

4. Парникова, Т. В. Эффективность использования знаний иностранного языка специалистами аграрной отрасли / Т. В. Парникова // Вызовы и инновационные решения в аграрной науке : Материалы XXVII Международной научно-производственной конференции, Майский, 12 апреля 2023 года. Том 1. Майский: Белгородский ГАУ имени В.Я. Горина, 2023. С. 345-346.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В УРБАНОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЯХ

Кислицына Елена Владимировна
Белгородский государственный национальный
Исследовательский университет
E-mail: enesterova@bsuedu.ru
Середина Екатерина Викторовна
канд. филол. наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: seredina@bsuedu.ru

Аннотация: статья посвящена именам собственным, которые рассматриваются как отдельный вид текста. Современные исследования показывают, что любой оним в самой сжатой форме может служить источником весьма разнообразной информацией. В основе многих имен собственных лежит интертекстуальность, свойство одного текста включать множество других в виде ссылок, цитат, аллюзий и т.д. Процесс интертекстуализации продемонстрирован на примере урбанонимов, одной из самых подвижных групп онимов, обозначающих быстро часто меняющееся внутригородское пространство.

Ключевые слова: интертекстуальность, текст, урбанонимы, онимы, имя собственное.

INTERTEXTUALITY IN URBAN NOMINATIONS

Kislitsyna Elena
Belgorod State National
Research University
E-mail: enesterova@bsuedu.ru
Seredina Ekaterina
PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National
Research University
E-mail: seredina@bsuedu.ru

Abstract: the article is devoted to proper names, which are considered as a separate type of text. Modern research shows that any onym in its most compressed form can serve as a source of very diverse information. Many proper names are based on intertextuality, the property of one text to include many others in the form of references, quotations, allusions, etc. The process of intertextualization is demonstrated using the example of urbanonyms, one of the most mobile groups of onyms, denoting a rapidly changing inner-city space.

Key words: intertextuality, text, urbanonym, onyms, proper name.

В современной филологической науке исследования имен собственных или онимов базируется не только на анализе принципов номинаций, структурных и лексико-семантических параметров. Оним представляется не только как статичная языковая единица, но и как активный элемент коммуникации, источник лингвокультурологической информации, поэтому не менее важным становится определение его дискурсивной роли и интертекстуальной обусловленности.

«Имена собственные представляют собой особый пласт лексики, в котором заключены особенности естественного языка – специфика его

семантики, структуры, его связей с сознанием и культурой народа. Имена собственные, как и другие полнозначные лексические и фразеологические единицы, выполняют разные функции в языке: номинативную, идентифицирующую, коммуникативную, дейктическую, оценочную, фатическую» (Опарина, 2021: 16). Однако данное определение скорее трактует имя собственное вне коммуникационных процессов, в то время как на самом деле его семантика может включать ряд элементов, раскрывающихся именно в процессе коммуникации, например, прецедентность, эмоциональность, оценочность, экстралингвистическая информация. С этой позиции оним рассматривается как определенный вид текста, весьма сжатого, но способного выполнять коммуникативную, информационную и другие функции.

Ономастические исследования представляют имя собственное как свернутый текст, текст-примитив и микротекст.

Горбаневский М.В. в своей работе «Русская городская топонимия» на примере топонимов рассматривает имя собственное как свернутый текст, актуализация или развертывание которого происходит в конкретной коммуникационной ситуации.

Основная цель данного исследования заключается в рассмотрении элементов интертекстуальности в урбанонимических номинациях.

«Оним рассматривается как единица, представляющая собой свернутый текст, который при определенных условиях может быть развернут и, кроме того, возможны и обратные процессы – свертывание дискурса до минимального набора лексических единиц (одного слова или словосочетания). При описании дискурсивного поля онима были выделены четыре значимых компонента – номинатор (автор наименования -Н), оним (созданное им название объекта – О), реципиент (воспринимающий субъект -Р) и дискурс-текст (Д), связанный с онимом» (Позднякова, 2021: 245).

Согласно концепции Н.В. Васильевой, имя собственное представляет собой микротекст, который актуализирует денотативную, коннотативную, ассоциативную информацию в сознании участника коммуникации благодаря уже имеющимся фоновым знаниям. Аппелятивы, или имена нарицательные, в окружении которых находится оним, способствуют актуализации дополнительных знаний (Васильева, 2005).

Несмотря на отсутствие единой теории, имя собственное все же считается одним из видов текста, особая природа которого заключается в эксплицитной и имплицитной трансляции исторической, социальной, географической и культурной информации. Этот текст представляет собой слово или словосочетание, включенное в коммуникационную ситуацию и, исходя из некоторых условий, например, универсальных и частных пресуппозиций, раскрывающее заложенные смыслы.

В исследовательской литературе в качестве онимов-текстов приводятся разные группы имен-собственных, которые могут обладать глубокой смысловой насыщенностью – антропонимы, мифонимы, библионимы, топонимы и другие.

Среди всех имен собственных, в частности, топонимов, урбанонимы представляют информацию о многих аспектах жизни города, его истории,

культуре. Урбанонимические номинации отражают хранят политические, исторические и экономические изменения, что представляет интерес для их изучения не только со стороны истории или культурологии, но и лингвистики. Данная подгруппа топонимов – яркий пример проприальной интертекстуализации, процесса создания нового текста, сознательно или не сознательно отсылающего к другому, ранее созданному. Урбанонимы в таком случае можно считать гипертекстами, т.е. вторичными, построенными на основе гипотекстов, первичных основ.

В данной статье предпринята попытка представить классификацию урбанонимов с интертекстуальными элементами на примере названий пабов Канады. В основу классификации положены исследования А.М. Мезенко и М.В. Горбаневского. Анализ названий показывает, что интертекстуальность показывает связь номинации с географическим местом:

- названия географических объектов: **Kettle River Brewing Co** (заведение находится в Британской Колумбии, провинции Канады, так же как и река Kettle), **Lake of the Woods Hotel** (в названии заимствовано имя собственное озера, находящегося на границе Канады и США), **Niagara Oast House Brewers Brewing** (река Ниагара и пивоварня, заимствующая это имя собственное, находятся не далеко друг от друга в городе Niagara-on-the-Lake, провинция Онтарио).

- названия негеографических объектов, находящиеся в непосредственной близости к называемому заведению, например, большие и малые населенные пункты, улицы, парки, графства, районы, парки и т.д.: **Cumberland Brewing**, в самом названии имеется отсылка к адресу – Камберленд, Британская Колумбия, Канада; **Bellwoods Brewery** можно найти в Bellwood Trinity, так называется район в центральной части Торонто; **Sorrentino's Century Park** находится не далеко от станции Century Park в Эдмонтоне, Альберта, Канада.; The **Kingston Brewing Company** находится в городе Kingston, провинция Онтарио, Канада.

- названия объектов в независимости от расстояния и расположения относительно называемого внутригородского объекта, например, **Battery Park Beer Bar & Eatery** (Battery park – зона отдыха на южной оконечности острова Манхэттен в Нью-Йорке, в то время как паб находится в Дартмуте, Новая Шотландия, Канада); **Bellwoods Brewery** можно найти в Bellwood Trinity, так называется район в центральной части Торонто; Home Block at **Cedar Creek Estate Winery** – заведение, являющееся частью Cedar Creek Estate Winery, винодельне в Келоуне, Британская Колумбия, Канада, и соответственно, расположенное там же.

Также следует упомянуть, что согласно второму принципу номинации проприальная интертекстуализация вовлекает в процесс создания урбанонимов и самого человека, его личность и разнообразные аспекты его жизни и жизнедеятельности. В этом случае, можно говорить о том, что в качестве гипотекстов могут служить:

- имена собственные владельцев (**Bruce Wine Bar**, **Clifford Brewing Company**, **Phillips Tasting Room**), имена прославленных людей (**Wayne Gretzky Estates** (Wayne Gretzky – канадский хоккеист), **Hemingway's Restaurant and Bar** (Эрнест Хемингуэй – американский писатель и журналист, лауреат

Нобелевской премии по литературе 1954 года и Пулитцеровской премии 1953 года), **Sherlock Holmes Pub Downtown** – всемирно известный литературный персонаж, частный детектив;

- исторически важные события, места, даты, например, **The 1812 Tavern**. Англо-американская война 1812-1815 гг. или «Войны 1812 года», как она известна в Канаде. В 1812 году страна оказалась втянутой в англо-американскую войну, и будучи колонией Великобритании, американцы несколько раз вторгались на ее территорию);

- мифологические герои, например, **Persephone Brewery Company**, в древнегреческой мифологии владычица преисподней, богиня плодородия и царства мёртвых, дочь Деметры и Зевса, супруга Аида); **Callisto**, что в переводе значит «прекраснейшая», персонаж из древнегреческой мифологии, дочь царя Аркадии Ликаона).

Несомненно, урбанонимы являются группой имен собственных, в основе названий которых можно найти огромное разнообразие лексических единиц, разнообразных как по форме, так и по значению. Однако, проведенный анализ урбанонимов показывает, что интертекстуальность служит весьма широко используемым и достаточно простым способом образования новых онимов. Имена собственные, в основе которых лежат процессы интертекстуализации, часто содержат исторические, культурные и ассоциативные связи, которые отражают ключевые этапы формирования городской среды, сохраняют память о значимых исторических событиях и личностях, фиксируют изменения в социальной и культурной жизни общества.

Интертекстуальность в урбанонимических номинациях позволяет выявить, как названия городских объектов взаимодействуют с другими текстами и культурными знаками, создавая сложную сеть смысловых связей. Это взаимодействие способствует генерации новых смыслов и передаче культурной традиции через использование урбанонимов в различных коммуникативных ситуациях.

Список литературы

1. Васильева Н.В. Собственное имя в тексте: интегративный подход. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени доктора филол. наук. Москва, 2005.
2. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Общество любителей российской словесности, 1996. 304 с.
3. Кислицына Е.В. Лингвокультурологические особенности английских урбанонимов (на материале названий пабов Канады). Белгород: НИУ БелГУ, 2025.
4. Максимов, В. О. Русский фамильный антропоним как свернутый текст и его лексикографическое описание / В. О. Максимов // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2015. № 4. С. 83–89.
5. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов СССР (белорусский язык) / БГУ им. В. И. Ленина. Минск, 1991. 35 с. Текст.

[Электронный ресурс]. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/24284> (дата обращения: 07.04.2025).

6. Михайлюкова, Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. ... дис. .канд. филол. наук / Н. В. Михайлюкова. – Владивосток, 2013. – 27 с.

7. Опарина Е. О. Имена собственные // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2021. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-1> (дата обращения: 07.04.2025).

8. Позднякова Е. Ю. Дискурсивный эксперимент как способ актуализации дискурса онима // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 5. С. 155–166. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14> (дата обращения 01.04.2025).

9. Яковенко Т.И. Оним как средство передачи имплицитной информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Выпуск 11-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20162653/fulltext> (дата обращения: 01.04.2025).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СМЫСЛОВЫЕ СЛОЖНОСТИ ХИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛИРОВОК В ОБУЧЕНИИ

Королькова Светлана Викторовна

кандидат технических наук, доцент

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

E-mail: korolkova@bsuedu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию лингвистических и смысловых сложностей химических формулировок, которые могут существенно затруднять процесс обучения студентов в области химии. Химическая терминология и символика представляют собой одну из главных проблем, мешающих пониманию предмета, особенно для обучающихся подготовительного отделения. В статье рассматриваются примеры трудных терминов и формул, а также возникающие смысловые сложности, связанные с концептуальным мышлением.

Ключевые слова: лингвистические сложности, смысловые сложности, химическая терминология, процесс обучения, концептуальное мышление, преподаватель, визуализация процессов, студенты.

LINGUISTIC AND SEMANTIC DIFFICULTIES OF CHEMICAL FORMULATIONS IN TEACHING

Korolkova Svetlana

PhD in Technical Sciences, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: korolkova@bsuedu.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the linguistic and semantic complexities of chemical formulations, which can significantly complicate the process of teaching students in the field

of chemistry. Chemical terminology and symbolism are one of the main problems that hinder the understanding of the subject, especially for beginners. The article discusses examples of difficult terms and formulas, as well as emerging semantic difficulties associated with conceptual abstract thinking.

Keywords: linguistic difficulties, semantic difficulties, chemical terminology, learning process, conceptual thinking, teacher, visualization of processes, students.

Химия является увлекательной и точной наукой, с непростым языком, который включает не только термины, но и специальные схемы, такие как химические формулы и уравнения. Химические формулировки, кажущиеся простыми для опытных химиков, представляют собой значительные лингвистические и смысловые сложности для иностранных слушателей подготовительного отделения, особенно на начальных этапах обучения. Лингвистические и смысловые сложности специализированной терминологии оказывают влияние на процесс обучения и понимания предмета. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты языковых сложностей и их влияние на образовательный процесс на довузовском этапе обучения.

Одной из основных лингвистических сложностей является использование специализированной терминологии. Часто такие химические термины, как «моль», «молярная масса», «гидроксид», «оксид», «реакция нейтрализации» являются непонятными для студентов подготовительного отделения, поскольку они еще не обладают достаточным уровнем подготовки в области химии.

Вдобавок, язык химии – это формулы вещества и уравнения химических реакций. Формулу H_2O можно легко интерпретировать как «вода», однако для понимания ее структуры, физических и химических свойств, а также значения требуется более глубокое знание предмета. Из уравнения реакции можно получить информацию о химическом процессе и его параметрах. Научиться расшифровывать эту информацию – важная задача изучения курса общей и неорганической химии (Королёв, 2021, с. 5). Отсюда следует, что обучающиеся должны уметь пользоваться словарями, учить новые слова и их значение.

Смысловые сложности возникают также из-за необходимости связывать термины с информационными моделями. Например, понимание, того что в химии «реакция» – это изменение веществ, требует от обучающихся умения мыслить абстрактно. Это может быть довольно сложно для студентов, которые привыкли к наглядным методам обучения.

Кроме этого, многие химические термины имеют несколько значений. Важно начинать объяснение терминов с простых примеров, визуализировать химические процессы с помощью моделей и интерактивных материалов. Также полезно использовать контекстное обучение (Баркалова, 2021: 8), связывая химию с повседневной жизнью. Например, объяснение химических реакций таких как реакция Майера, гидролиз, ферментация, происходящих при приготовлении пищи, может сделать обучение интересным и понятным. Более того, это поможет развитию критического мышления у обучающихся. В том числе, имеет большое значение обучение слушателей самостоятельному поиску информации, проверки ее достоверности и выступлению с сообщениями.

Не менее главным фактором является создание благоприятной образовательной среды, в которой обучающиеся не боятся задавать вопросы и

высказывать свои сомнения. Преподаватели должны быть готовы отвечать на каверзные вопросы студентов, объяснять сложные термины по несколько раз, используя разные подходы и примеры. Очень важно предоставлять слушателям возможность практиковаться в решении химических задач и выполнении лабораторных работ, чтобы закрепить полученные знания.

Преподаватель играет ключевую роль в преодолении лингвистических и смысловых сложностей, с которыми сталкиваются учащиеся при изучении химии. Он должен понимать трудности слушателей и поддерживать их. Построение позитивной и дружелюбной атмосферы в аудитории поможет обучающимся быть активными на уроке, чувствовать себя комфортно, задавая вопросы и высказывая свои предположения, не боясь быть осмеянными или осужденными (Азиев, 1985: 76). Квалифицированный преподаватель не только обладает глубокими знаниями предмета, но и способен адаптировать свой материал к потребностям обучающихся разного уровня владения русским языком. Очень важно быть внимательным к трудностям, с которыми сталкиваются слушатели, и готовым предоставить им дополнительную поддержку и разъяснения.

Кроме того, преподаватель должен на уроках использовать разнообразные методы и приемы обучения, чтобы сделать материал более понятным и интересным для обучающихся. Это может включать использование визуальных средств, таких как диаграммы, графики и анимации, а также проведение лабораторных работ, которые позволяют студентам применять полученные знания на практике (Борисевич, 2018: 18). В настоящее время существуют разные варианты компьютерных симуляций, например, в виртуальных лабораториях студенты могут проводить эксперименты, которые невозможны в аудиторных условиях. Не стоит забывать об интерактивных моделях, визуализирующих молекулы в пространстве, о различных видеолекциях, интерактивных учебниках и онлайн-форумах, которые предоставляют обучающимся кафедры доступ к дополнительной информации и поддержке. Для стимуляции обучающихся подготовительного отделения можно использовать соревновательный метод, подход «победителя» во время занятий. Так у студентов появляется мотивация к изучению химии на иностранном языке.

Список литературы

1. Королев Д.А., Кривошапкин П.В., Учебно-методическое пособие по курсам общей, неорганической и физической химии. СПб: Университет ИТМО, 2021. 102 с.
2. Методы контекстного обучения студентов: методическое пособие / Баркалова, Е. В. Еремин, М. Б. Кабанова, С. И. Коряченко, Р. М. Кравченко, Ю. В. Мо розова, Л. А. Чернышева ; под общ. ред. Ю. В. Морозовой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 59 с.
3. Азиев А.Ф. Особенности взаимоотношений между преподавателями и студентами. // Этнопсихологические проблемы развития личности, Баку, 1985. С. 75 -83.

4. Волкова, Е. Н. Проблемный подход к изучению курса органической химии в средней школе: диссертация кандидата педагогических наук: 13.00.02. Ленинград, 1982. 202 с.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АУТЕНТИЧНЫХ И АДАптиРОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

Кочковая Ирина Олеговна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

E-mail: IOKochkovaya@pushkin.institute

Аннотация: данная статья посвящена месту аутентичных и адаптированных произведений в обучении языкам, в том числе русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: текст, содержание, аутентичный, пособие.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF AUTHENTIC AND ADAPTED TEXTS IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING FOR STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF LANGUAGE PROFICIENCY

Irina Kochkovaia

Pushkin State Institute of Russian Language

E-mail: IOKochkovaya@pushkin.institute

Abstract: This article is devoted to the place of authentic and adapted works in language teaching, including Russian as a foreign language.

Keywords: text, content, authentic, manual.

Одной из основных задач обучения русскому языку как иностранному является полноценное овладение содержанием обучения: знаниями о системе языка, всеми видами речевой деятельности и т.д. Е.И. Пассов к содержанию обучения также и различные тексты – учебные, адаптированные и аутентичные, – с которыми знакомятся студенты (Пассов, 2010). К каждому уровню владения языком предъявляются определенные требования. Они касаются в том числе и чтения текстов. Так, например, на начальном этапе обучающиеся знакомятся с объявлениями, заголовками, постепенно переходя к коротким текстам из газет и журналов, адаптированным художественным и публицистическим, официально-деловым и научным текстам и, наконец, неадаптированным произведениям любых жанров. Отсюда следует, что умение читать аутентичные тексты разной степени сложности – одна из целей обучения РКИ.

Ряд ученых рассматривают тексты также как и средство обучения РКИ. С их помощью происходит всестороннее овладение содержанием обучения:

- теоретическим языковым материалом;
- всеми видами речевой деятельности;
- культуроведческим материалом о России.

В основном это происходит на основе учебных текстов – упражнений и специально созданных текстов, которые студенты читают на уроках. Однако, безусловно, обучение РКИ не ограничивается освоением текстов, специально созданных педагогами. Например, обучение чтению происходит также на материале публицистических, художественных или научных текстов. Они могут быть аутентичными или адаптированными, то есть измененными в соответствии с потребностями конкретного обучающегося. Под адаптацией ученые понимают «упрощение, приспособление, облегчение или усложнение текста в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся» (Ионова, 2006: 11), «упрощение, приспособление, облегчение или усложнение текста в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся» (Ионова, 2006: 51).

Безусловно, адекватное восприятие русскоязычных аутентичных текстов – та цель, к которой стремятся студенты. Однако среди ученых существуют разные точки зрения. Некоторые считают более удобным и эффективным на начальном этапе использование адаптированной литературы. Данный подход нашел отклик среди преподавателей иностранных языков, о чем свидетельствует возросший спрос на создание таких учебных материалов. В качестве примеров изданий, разрабатывающих адаптированную литературу, можно привести:

- английские – такие как «Oxford bookworms library», «Macmillan»;
- немецкие – «Hueber»;
- российские – «Златоуст», «Русский язык. Курсы».

Данные издательства предлагают обучающимся художественные тексты для разных уровней владения языками – от элементарного до высокого, постепенно расширяя словарный запас и снижая степень адаптации.

Однако существуют учебные пособия по чтению, включающие в состав уроков аутентичные художественные тексты.

Пособия Н.В. Кулибиной «Написано женщинами» (Кулибина, 2004), «Читаем стихи русских поэтов» (Кулибина, 1999). Уроки в этих пособиях построены на основе поэтических и прозаических произведений русских писателей с предтекстовыми и послетекстовыми упражнениями. Основная задача этих пособий – развить навык вдумчивого чтения, научиться понимать и интерпретировать художественный текст и пробудить интерес к русской литературе.

Е.Н. Мохань и И.Ю. Самойлова «Русский язык как иностранный. Работа с художественным текстом» (Мохань, 2015). Это пособие включает различные русскоязычные произведения различных периодов – от фольклорных текстов до литературы XX-XXI веков. Каждый раздел пособия дополняется биографической справкой об авторах, упражнениями, комментариями и вопросами на проверку понимания текста.

Эти учебные пособия предназначены для обучающихся, владеющих русским языком на среднем и продвинутом уровнях. Более того, они содержат специальную терминологию, которые изучают студенты-филологи. Однако также существует точка зрения, что аутентичные тексты – инструмент обучения, который подходит всем студентам, в том числе и начинающим.

Так, например, мы можем увидеть фрагменты аутентичных текстов в учебнике «Дорога в Россию». Уже в первой части учебного комплекса появляются четверостишия из песни «Вернисаж» (Антонова и др., 2002: 114) и из стихотворения Е.А. Евтушенко «Книжная выставка» (Антонова и др., 2002: 281). В учебнике же базового уровня в разделе «Для тех, кто любит стихи» урока 4 присутствуют отрывки произведений А.А. Ахматовой (Антонова и др., 2001: 124).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы о роли текстов в обучении русскому языку как иностранному.

1. Тексты – это составная часть содержания обучения. В данном контексте под текстами мы подразумеваем все письменные и устные произведения, как воспринимаемые, так и порождаемые обучающимися в процессе изучения языка.

2. Умение интерпретировать и самостоятельно создавать аутентичный русскоязычный текст – одна из целей обучения РКИ.

3. Текст – один из инструментов обучения иностранным языкам. Прежде чем научиться производить и понимать аутентичный текст, студент работает сначала с учебными текстами, которые постепенно дополняются адаптированными, а в последствии и аутентичными.

Хотя как инструмент обучения адаптированный текст представляется более легким для использования, особенно на начальном этапе, в некоторых современных учебниках по РКИ фрагменты аутентичных произведений разных стилей и жанров вводятся уже с элементарного уровня.

Список литературы

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). Санкт-Петербург: Златоуст, 2022. 344 с.
2. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). Санкт-Петербург: Златоуст, 2021. 256 с.
3. Ионова С. В. Принципы интердискурсивной адаптации текстов. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета». Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. С. 50-59.
4. Кулибина Н.В. Написано женщинами: Пособие по чтению для изучающих рус. яз. как иностр. / Н.В. Кулибина. Москва: Рус. яз., 2004. 270 с.
5. Кулибина Н.В. Читаем стихи русских поэтов: Пособие по обучению чтению художеств. лит. / Н.В. Кулибина. – 2-е изд., испр. СПб.: Златоуст, 1999. 96 с.
6. Мохань Е.Н. Русский язык как иностранный. Работа с художественным текстом: учеб. пособие / Е.Н. Мохань, И.Ю. Самойлова. Минск: РИВШ, 2015. 168 с.
7. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.

ВИЗУАЛЬНЫЕ И ВЕРБАЛЬНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Кузьмина Оксана Владимировна

канд. филол. наук, доцент

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

E-mail: kusmina@bsuedu.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимодействие и взаимовлияние визуальных и вербальных эвфемизмов, представленных на немецкоязычных рекламных плакатах, дается определение понятий «реклама», «эвфемизм».

Ключевые слова: вербальные эвфемизмы, визуальные эвфемизмы, рекламный плакат.

VISUAL AND VERBAL EUPHEMISMS IN GERMAN-LANGUAGE ADVERTISING

Oksana Kuzmina

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: kusmina@bsuedu.ru

Abstract: The article examines the interaction and mutual influence of visual and verbal euphemisms presented on German-language advertising posters, defines the concepts of "advertising", "euphemism".

Keywords: verbal euphemisms, visual euphemisms, advertising poster.

Сегодня невозможно представить современную жизнь без рекламы, она сопровождает нас повсюду: на телевидении, радио, в интернете, на рекламных плакатах и вывесках, и неудивительно, что реклама стала объектом и предметом исследования экономистов, историков, социологов, психологов, дизайнеров, лингвистов. Благодаря ей появился целый ряд новых профессий: криэйтор, трейд-маркетинг менеджер, бренд-менеджер, медиа-дизайнер, таргетолог и др. Для регулирования рынка рекламы был принят Федеральный закон «О рекламе», определяющий рекламу как «реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» (Федеральный закон «О рекламе» статья 3 пункт 1).

В современных словарях и научных работах как отечественных, так и зарубежных ученых можно найти достаточное количество определений рекламы, имеющих определенные различия в зависимости от фокуса исследования. Приведем некоторые из них, релевантные для нашей работы. «Реклама – это своеобразная стенограмма диалога особого вида: сложное взаимоотношение созданного рекламного текста и создаваемого контекста, воздействующего, информирующего, манипулирующего» (Зирка, 2010: 234).

«Реклама в лингвистике: вид речевой деятельности, целью которой является регуляция спроса и предложения на товары и услуги. современная реклама – это отрасль индустрии, занимающаяся производством особой текстовой продукции (часто поликодовой, т.е. использующей не только язык (вербальный код), но и музыку, изобразительные средства, пластику), ее размещением в СМИ, исследованием ее эффективности» (Матвеева, 2003: 274-275). Таким образом, в сферу рекламы попадают не только привычные нам товары, но и «продукты, призванные решать некоторые “пикантные” проблемы» (Паршин, Кесслер, 2012:48). В связи с этим в рекламных текстах широко используются вербальные эвфемизмы, эмоционально нейтральные слова и выражения, заменяющие неприличные, грубые или нетактичные. О.С. Ахманова определяет эвфемизм как слово или выражение, суть которого заключается в косвенном, завуалированном, вежливом, смягчающем обозначении объекта (Ахманова, 2004: 14). В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецов дает следующее определение эвфемизма: «Слово или выражение, используемое вместо другого, которое по какой-либо причине неудобно или нежелательно произносить (по причине его табуированности, традиционного неиспользования или грубости, оскорблений, невежливости и т.д.)» (Кузнецов, 1998: 5).

Термин «визуальный эвфемизм» вошел в лингвистический вокабуляр сравнительно недавно и прочно занял нишу в рекламном бизнесе, вуалируя рекламу определенных товаров, связанных с физиологическими процессами и состояниями человека, отношениями между полами, определенными частями тела человека, болезнями, смертью и т.д., особенно это касается рекламных плакатов, представляющих собой вербально-визуальное единство.

Проанализируем ниже представленный рекламный плакат, размещенный в Берлинском метро и вызвавший бурное обсуждение в социальных сетях, т.к. провокационные маркетинговые кампании всегда привлекают внимание.

Это реклама похоронного бюро Bergemann & Sohn, Тема смерти в нашем обществе является на данный момент в большей степени табуированной, однако похоронные бюро, являющиеся в Германии в основном семейным бизнесом, также нуждаются в рекламе. С этой целью был размещен рекламный плакат на стене в метро напротив пассажирской платформы, таким образом,

между платформой, где стоят люди в ожидании поезда, и плакатом пролегает железная дорога. Слоган данной рекламы звучит как *Kommen Sie doch näher.* – *Подойдите же ближе.* Однако, сделав шаг в направлении к плакату, можно стать клиентом рекламируемого похоронного бюро. И хотя на плакате присутствует только название похоронного бюро и его контактные данные, нет визуального образа, вуалирующего смерть, размещение рекламного плаката в данном месте является визуальным эвфемизмом, т.к. если бы плакат был размещен в каком-либо другом месте, он не произвел бы такого впечатления на потребителя. С одной стороны, плакат выполняет информативную функцию, рекламируя услуги, а с другой стороны мы можем констатировать предупреждающую функцию: рекламный плакат призывает людей быть осторожными и внимательными рядом с железнодорожными путями.

Среди наиболее распространенных приемов при создании как вербальных, так и визуальных эвфемизмов на рекламных плакатах являются использование метафор, сравнения, причинно-следственной связи, олицетворения и др.

В заключении следует отметить, что научных исследований по использованию визуальных эвфемизмов в рекламе на сегодняшний день явно недостаточно, а рекламируемых товаров табуированной сферы становится все больше, поэтому представителям рекламного бизнеса приходится искать креативные пути для создания оригинальной и в тоже время не выходящей за рамки принятых в обществе социальных и этических норм рекламы.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. – Изд. 2-е испр. М.: Книжн. Дом «Либроком», 2010. 256 с.
3. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта, 2003. – 416 с.
4. Паршин П.Б., Кесслер Е.В., Вербальные и визуальные эвфемизмы в рекламной коммуникации // Реклама. Теория и практика. 2012. № 1. С. 48-63.
5. Федеральный закон от 13 марта 2006 года N 38-ФЗ "О рекламе".
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА СМИ В ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИЗДАНИЯХ

Кузьмичева Вита Анатольевна
канд. филол. наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
E-mail: vkuzmicheva@bsuedu.ru

Аннотация: данная статья написана в русле современных представлений гендерной лингвистики, занимающейся изучением стереотипных представлений о «мужском» и

«женском» в разных единицах языка, и посвящена изучению различных лингвистических средств выражения гендера в англоязычных журналах о моде. Журнальные тексты такого рода представляют собой набор языковых средств, в которых закодирована направленность на определенный гендерный стереотип.

Ключевые слова: дискурс, гендерно-ориентированный медиатекст, аффективная лексика, гендерный адресат

LINGUISTIC FEATURES OF MEDIA DISCOURSE IN GENDER-ORIENTED PUBLICATIONS

Vita A. Kuzmicheva

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State

National Research University

E-mail: vkuzmicheva@bsuedu.ru

Abstract: this article is written in line with modern concepts of gender linguistics, which studies stereotypical concepts of “male” and “female” in different units of language, and is devoted to the study of various linguistic means of expressing gender in the English-language fashion magazines. Journal texts of such kind are a set of linguistic tools that encode a focus on a specific gender stereotype.

Key words: discourse, gender-oriented media text, affective vocabulary, gender addressee.

Unlike the traditional definition of text in linguistics, text in the field of communication goes beyond the actual verbal level. Mass communication adds a new dimension to the traditional understanding of text. In contrast to the linear interpretation of the text, the text in mass communication acquires the features of volume and layering due to the combination of the verbal part of the text with the media properties of a particular media. For example, text on television is deployed both at the verbal level and at the level of a video sequence and/or musical accompaniment; radio text combines verbal text and audio effects; press texts contain graphic design in addition to verbal means.

In other words, the verbal and media components of the text are closely interrelated and form a kind of integrity, which is the essence of the concept of "media text". At the same time, for an adequate perception of a media text, it is not enough to understand only its literal meaning, resulting from the combination of linguistic units. It is also important to know the extralinguistic components – the communicative background, i.e. what is behind the verbal component of the media text. In relation to mass media, the communicative background is understood primarily as "the totality of the conditions and features of the production, distribution and perception of a media text, in other words, everything that stands behind its verbal part" (Avakova, 2018: 36).

Currently, the existence of men's and women's magazines gives us the opportunity to talk about the functioning of discourse in gender-oriented publications, and media coverage of the interests of female and male audiences – about the development of discourse in gender-oriented media texts. In this article, this kind of discourse is understood as "a generally accepted type of speech behavior of a

subject(s) in the field of mass media, determined by socio-historical conditions, as well as established stereotypes of the organization and interpretation of texts as components that make up and reflect its specifics" (Kardumyan, 2011: 22).

Among the linguistic features of mass discourse-media includes both style-forming features (stable and cliched expressions, journalistic cliches, metaphors, epithets, allusions) and features caused by social changes in society (borrowings, colloquial vocabulary, jargonisms, the destruction of linguistic norms and following linguistic fashion) (Smeyukha, 2010).

Thus, the work of the media environment contributes to the evolution of gender media discourse.

The factors that are the distinctive characteristics of the discourse of women's magazines are:

1. Targeting a female audience, providing information reflecting the interests of women, contributing to the modeling of gender positions needed in society.

2. The number of women's periodicals contributes to the dissemination of gender-based media discourse on a mass level.

3. The object of media discourse is a woman.

4. The discourse reflects family and household, social and household pictures, in which the main place is given to family and personal relationships.

5. Reflection of the processes of mass culture.

6. The prevalence of topics such as fashion, style, cosmetics, beauty, family, cooking, parenting, etc., i.e. thematic aspects associated with "typically feminine pursuits."

7. The creation of media images with specified ideological attitudes (the predominance of appearance in the image), the formation of behavioral models, mental categories (focus on improving appearance, creating interpersonal, family relationships).

8. Reflection of the specifics of the verbal behavior of the female audience (Kaygorodova, 2009: 223-228).

The media sphere not only reflects the gender situation in society and leads to the creation of gender images that are symbolic, but also helps them spread among female and male readership, which undoubtedly leads to the definition and consolidation of gender norms, rules and images. The construction of the image and its semantic content demonstrate dependence on the type of periodical. An image is a form of reflection of an object in an individual's mind. Mass women's publications broadcast several images, differentiated taking into account the natural functions of a woman (mother, wife), social responsibilities (housewife, working woman) (Harris, 2002).

A special feature of the formation of the image of a woman in mass women's magazines is the interaction of the press with advertising communication. Modern women's publications actively present the external parameters of the female image, attributes that complement the "fashionable" image, and also show the connection between the ideals of the female audience and the possession of specific goods and services (Harris, 2002).

The use of gender stereotypes contributes not only to the formation of certain social images, but also helps to consolidate norms of behavior and moral values (Azghikhina, 2000: 261-273).

Ladies, your wardrobes are about to be liberated. This season, clothing takes a boundary-breaking unisex turn, as Miuccia Prada – fittingly dressed in a baggy, men’s-style sweater – declared backstage: “I think to people, not to gender” (Vogue UK, 2015: 134).

A healthy lifestyle is another mandatory topic of the women's glossy magazine.

Find a moment of contemplation every day, even if just for a few minutes. Whether it’s attending a yoga session, taking a walk in the park without your phone, or dedicating five minutes of your commute to closing your eyes, focusing on an internal point in your chest, slowing your breath and stilling the mind, any amount of inward focus will help to keep you centred and balanced; make it a priority (Vogue UK, 2015: 254).

In the texts of women's media, along with affective adjectives, other parts of speech are often used that emphasize the emotionality of statements. For example, such as verbs and nouns.

A woman who has inspired me in this way over the past year is my friend Emma Freud (Elle UK, 2015:107).

“I love passing along my tips on beauty and fashion, and I really adore creative-directing shoots...” (Harper's Bazaar USA, 2015: 180).

My addiction is my current favorites: fit and flare pair from Frame (Elle UK, 2015: 173).

My addiction is my current favorites: perfectly fitting, flared jeans from Frame.

The authors and heroes of magazine articles influence readers through affective vocabulary. This technique has quite a strong effect on the female audience, as women are more likely to express their emotions than men.

Intensity is an expression of emotions, and only one that is associated with the materialization of emotions and emotionality. Language as a "practical real consciousness" cannot but express, along with concepts and judgments, various types of emotions (Karazhaev, 1992: 16).

Intensity in linguistics has not yet acquired a clear status: it is attributed to a particular manifestation of the categories of quantity, evaluation, expressivity (Turansky, 1990: 173). Intensifiers are the most diverse definitions of nouns and verbs, but all researchers agree that intensity manifests itself at different language levels: phonetic (intonation), lexical, grammatical (morphological and syntactic).

We found the most intensifiers in story articles, advice articles, and interviews.

Anyone who knows me knows how much I love bluebells, but truthfully, any arrangement, done right, can brighten my day (Harper's Bazaar USA, 2015, 144).

“I wear pretty much the same clothes all the time”, – she adds, yet her ensembles never look anything short of original (Elle UK, 2015: 194).

All these examples were taken from various interviews in which the characters share stories from personal experience, while they actively express their emotional attitude to what they're talking about. This technique forces the reader to experience events together with the hero of the column and share his feelings and emotions.

Thus, it can be concluded that intensifiers enhance the emotional component of the text, thereby attracting the attention of a female audience, since women are more inclined to express their feelings.

In addition, complex words can consist of words from different parts of speech: (Plag, 2003: 135-155).

- Noun (N) + noun (N) +ed: feather-brained, beetle-headed
- Adjective (Adj)+ adjective (Adj): extra-large, purple-brown
- Noun (N)+adjective (Adj): chocolate-black, color-sensitive care
- Verb (V)+ adjective (Adj): quick-dry product, easy-open cap
- Adverb (Adv)+noun (N)+ed: military-based, far-sighted

An analysis of texts in the women's glossy press has shown that complex units are widely used in this type of publication.

The full look opts for a floor-grazing skirt or sweetened lilac mac (Vogue UK, 2015: 59).

A roll-neck sweater will add librarian charm, but go it bare-legged and with over-the-knee boots to transport from scholarly to sexy (Vogue UK, 2015: 71).

In these examples, composites relate to the field of fashion, which corresponds to the theme of women's fashion magazines. They concern the "female spheres". However, the authors of articles often use composites that are not related to fashion.

In conducting this study, we noted that the "female" language is more characterized by an accurate color designation. It is extremely difficult for men to distinguish between shades of colors, they prefer to describe the color scheme using familiar "traditional" colors.

The authors of articles in women's fashion magazines, along with the "traditional" colors (red, green, black, and white), use more detailed color designations when describing clothing and accessories. The use of "accurate" colors is usually associated with the material that reveals the main fashion trends, or with the hero's intention to focus on the color of the garment.

It's the perfect nude-pink color with total coverage (Harper's Bazaar USA, 2015:184).

I love the colours; a beautiful baby-blue mink cropped jacket with dark green lapels is a favourite (Vogue UK, 2015: 101).

Composites are an important text-forming element, so they have been singled out as a separate parameter. When using composites, there is no clearly expressed gender correlation. Complex words that describe the fashionable sphere are most suitable for characterizing the manifestation of the female gender. However, there are fashion articles written by men who also use composites.

Of course, the presence of composites in the text demonstrates the language's ability to form new words. Complex words formed by vocabulary make the text more interesting and emotional. Moreover, composites can reduce the number of printed characters, which makes the text more compact. Finally, the formation of new compound words is a way of addressing the reader.

A thematic analysis of mass-market women's magazines shows that popular women's publications not only replicate gender stereotypes, the use of which helps:

- to determine the relationship of gender groups in society,
- to characterize the behavior patterns of female and male audiences,
- to classify the audience into certain groups with their characteristic role attitudes (the modern female audience is segmented into a number of groups: a woman-mother, woman-wife, business woman, etc.),

to reflect the transformation of stereotypes caused by socio-economic transformations in society (Mitina, 2000).

Thus, it can be concluded that terminology and lexical units related to "fashionable" topics are means of expressing gender, since they reflect the interests of the female segment.

The gender addressee is one of the fundamental factors in the process of forming a typological model of a women's magazine. It influences the organization of such criteria of the typological model of a women's magazine as functional and target orientation, internal structure, genre component, etc. At the same time, women's periodicals have an impact on the audience, which is reflected in the change, coordination of behavioral, mental characteristics of the reader segment. Influence on the audience is carried out through the formation, approval, replication of female images, interests, ideals, norms of behavior (Smeyukha, 2012: 318). Modern women's magazines strive to activate a woman's behavior, help achieve the ideals of beauty, inner harmony, and teach the organization of everyday life; publications are aimed at strengthening the family, and the authors actively use gender stereotypes to help shape and popularize behavioral patterns.

References

1. Avakova E.R., Martirosyan N.M. K voprosu o sootnoshenii ponyatij tekst – mediatekst – diskurs – mediadiskurs // Web of Scholar, 2018.
2. Kardumyan M.S. Yazykovaya specifika analiticheskoy raznovidnosti diskursa mass-media: na materiale statej na russkom i anglijskom yazykah: av- toref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Stavropol', 2011. 22 s.
3. Smeyuha V.V. Osobennosti razvitiya glyancevyh zhenskikh zhurnalov. Yuzhnyj federal'nyj universitet, 2010. С. 209 – 214.
4. Kajgorodova M.E. Eksperimental'noe issledovanie genderospecifichnosti konceptov «zhenskij zhurnal», «muzhskoj zhurnal» // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena, 2009. №119. S. 223-228.
5. Harris R. Psihologiya massovyh kommunikacij. S.-P., M., 2002. 553с.
6. Azhghina N. Gendernye stereotipy v sovremennyh mass-media // Gendernye issledovaniya, 2000. №5. S. 261 – 273.
7. Karazhaev Yu.D. Vozniknovenie i stanovlenie yazykovoj ekspressii // Problemy ekspressivnoj stilistiki. Sb. nauchn. st. pod red. T.G. Hazagerova. Rostov, vypusk 2, 1992. S. 14-18.
8. Turanskij I.I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v anglijskom yazyke. M.: Vysshaya shkola, 1990. 173 s.
9. Vashunin V.S. Substantivnye slozhnye slova v nemeckom yazyke. M.: Vyssh. shk., 1990. 158 S.
10. Mitina O.V., Petrenko, V.F. Krosskul'turnoe issledovanie stereotipov zhenskogo povedeniya (v Rossii i SShA) // Voprosy psihologii, 2000. №1. S. 204 – 216.
11. Smeyuha V.V. Processy identifikacii i zhenskaya pressa: Monografiya. Rostov-na-Donu: Rostizdat. 2012. 318 s.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ БЫТА (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Лазарева Яна Владимировна

старший преподаватель

кафедры второго иностранного языка

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: lazareva_ya@bsuedu.ru

Аннотация: В работе внимание уделяется специфике фразеологических единиц, репрезентирующих быт австрийской лингвокультуры. Доказано, что вербализация устойчивых сочетаний слов, по средствам которых отражается сложившаяся система национально-культурных ценностей, сохранилась в современном австрийском варианте немецкого языка.

Ключевые слова: австрийская лингвокультура, фразеологическая единица, домашний очаг, жилище, уют

PHRASEOLOGICAL UNITS AS A REFLECTION OF THE SOCIO-CULTURAL FEATURES OF EVERYDAY LIFE (BASED ON THE STANDARD AUSTRIAN GERMAN)

Lazareva Yana Vladimirovna

Senior Theacher

Department of Second Foreign Language

Belgorod State National

Research University

E-mail: lazareva_ya@bsuedu.ru

Abstract: The research work deals with the specific features of idioms representing the way of life in Austrian linguistic culture. It is proved that the verbalization of set expressions and idioms is the reflection of national and cultural values character. Elements of national identity in form of idioms are still the part of modern Austrian German.

Keywords: Austrian linguistic culture, idioms, home, house, coziness.

Фразеологический фонд языка представляет собой не случайный набор высказываний, а систему, выработанную веками, основанную на правилах, ценностях, нормах нравственности и которая находит своё отражение чаще всего в оценках и суждениях обыденного мышления человека, принадлежавшего к определенной культуре.

В. М. Савицкий отмечает, что «в динамическом аспекте культура предстаёт как комплекс образцов предметно-практической и интеллектуально-духовной деятельности, который формируется в процессе исторического развития этноса. Эти образы, регламентирующие поведение людей, под определенный углом зрения видятся как системы правил, которые не имеют биологически наследуемой природы, а передаются в поколениях через научение и подражание < ... > Природные гены образуют биологический код, а «культурные гены» – культурный код» (Савицкий, 2016:57-58).

Зарубежные исследователи отмечают, что культура не может развиваться без культурных ценностей. Они являются именно тем продуктом языковой среды, который воплощает в себе этнокультурное наследие народа. «Culture refers to the customs, practices, languages, values and world views that define social groups such as those based on nationality, ethnicity, region or common interests. Cultural identity is important for people's sense of self and how they relate to others» (Kaul, 2013) (Культура относится к обычаям, практикам, языкам, ценностям и мировоззрениям, которые определяют социальные группы, такие как основанные на национальности, этнической принадлежности, регионе или общих интересах. Культурная идентичность важна для самоощущения людей и того, как они относятся к другим).

Культурные ценности находят отражение в семиотических формах: ритуалы, обряды, этикет и т.д., а интеллектуально-духовная сторона культуры вбирает в себя образные высказывания, стереотипы, которые характерны для большинства людей в их повседневной жизни.

Где культура, там и знаковая деятельность. Система символов – это и есть культурные коды. Согласно Н. Ф. Алефиренко «код культуры есть «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» (Алефиренко, 2020:159).

Венгерский лингвист Золтан Кёвечеш (Zoltan Kövecses) в своих трудах уделяет внимание ценностному содержанию культурных смыслов, кодируемых в языке как совокупности знаков, облачаемых культурной семантикой: «Language, on this view, consists of a set of linguistic signs, that is, pairings of form and meaning (which can range from simple morphemes to complex syntactic constructions). Learning a language means the learning of such linguistic signs. Thus, language can be regarded as a repository of meanings stored in the form of linguistic signs shared by members of a culture» (Kövecses, 2010) (Язык, с этой точки зрения, состоит из набора языковых знаков, то есть пар формы и значения (которые могут варьироваться от простых морфем до сложных синтаксических конструкций). Изучение языка означает изучение таких языковых знаков. Таким образом, язык можно рассматривать как хранилище значений, в форме языковых знаков, разделяемых членами культуры).

Труды многих современных отечественных лингвистов (Д. О. Добровольский, М. Л. Ковшова, Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенко и др.) построены на понимании важности культурного контекста в формировании и понимании устойчивых выражений. Ученые особое внимание фокусируют на том, как фразеологические единицы (далее ФЕ) отражают национальную культуру, ценности и мировоззрение языкового сообщества.

Язык – это не просто орудие коммуникации и познания, а культурный код нации. ФЕ относятся к *сигнификаторам* культуры, посредством которых, в некоторой степени, происходит кодирование и трансляция культуры. По мнению М. Л. Ковшовой, «вместе с пониманием фразеологизма как знака языка происходит работа слушающего в области культуры, куда проводником служит образ фразеологизма, его слова-компоненты, воспринимающие как код, который следует разгадать» (Ковшова, 2016:155). Исследователь, отмечает,

«что культурную коннотацию фразеологизма помогает разгадать «лингвокультурологический комментарий», который несёт в себе познавательно-содержательную функцию, «основанную на минимальном, не требующем специального освоения, объеме культурных и языковых знаний – *обычная часть комментария*, и предполагающую квалифицированное описание фразеологизма, осуществляемое с опорой на научные исследования в области языка и культуры – *глубокая часть комментария*» (там же:160-161).

В идиоматике каждого языка существуют межкультурные сходства и различия, в которой хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям и к другим народам. Понимание социокультурного содержания того или иного устойчивого сочетания слов занимает центральное место в этнолингвистике.

В нашей работе представлена фразеологическая оценка, иллюстрирующая ценностно-смысловое пространство (т.е. лингвокультурологическое) австрийского корпуса языка, к которому относятся *HEIM (РОДНОЙ ДОМ)*, *HAUS (ЖИЛИЩЕ)*, *GEMÜTLICHKEIT(УЮТ)*.

Хотелось бы отметить, что специальных сборников и толковых словарей, подобных немецким справочникам не существует. При отборе практического материала мы опирались на лексикографические источники разного типа (J.Ebner. 2009, H. Fussy 2003, R. Sedlaczek 2004, J. Thiele 2009 и др.) и электронные интернет-ресурсы (www.dictionaty.ostria.index.htm , <https://www.duden.de/woerterbuch>, <https://www.dwds.de/> и др.).

Обращаясь к материалу немецкого языка, мы выявили, что традиционному представлению образа *жилища* соответствуют лексемы *das Heim* и *das Haus*. Приведём несколько толкований, соответствующих лексеме *das Heim* из лексикографического источника словаря серии Duden:

1) *jemandes Wohnung, Zuhause (unter dem Aspekt von Geborgenheit, angenehmer Häuslichkeit)* (чья-л. жильё, домашний очаг, чувство защищённости, домашний уют); 2) *öffentliche Einrichtung, die der Unterbringung von Erholungsuchenden dient* (общественное учреждение, предназначенное для размещения лиц, желающих отдохнуть); 3) *Haus für Veranstaltungen, Zusammenkünfte eines Klubs oder Verein* (помещение, служащее для мероприятий, встреч людей, объединённых общими взглядами или интересами) (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Heim>). Следовательно, лексема *das Heim* отражает положительную коннотацию, признаки домашнего очага, уюта и чувства защищённости при помощи объяснения (*unter dem Aspekt von Geborgenheit, angenehmer Häuslichkeit*).

Согласно этому же источнику, лексеме *das Haus* соответствуют следующие толкования:

1) *Gebäude, das Menschen zum Wohnen dient* (здание, служащее местом проживания людей); 2) *Gebäude, das zu einem bestimmten Zweck errichtet wurde* (здание построенное для определенной цели); 3) *Familie* (семья); 4) *Ein Gebäude, in dem viele Menschen arbeiten, eine Veranstaltung besuchen* (здание, где много людей работают, посещают одно мероприятия); 5) *Person, Mensch* (человек, личность) (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Haus>). Мы замечаем,

что в толкованиях лексемы *das Haus* не прослеживается ни положительная, ни отрицательная коннотация, за исключением *das Haus* в толковании *Person, Mensch* (человек, личность), которому соответствует переносное значение в устойчивом выражении «*ein fideles Haus (ein gut gelaunter, fröhlicher Mensch)*» (весельчак) (<https://www.duden.de/rechtschreibung/fidel>).

Говоря об австрийской системе ценностей, понятию «отчий дом» соответствует лексема *das Heim*. Производная от неё *das Daheim*, также может выражаться наречием «*daheim*» в значении «*zu Hause*» (быть дома). Автор австрийского словаря серии Duden Якоб Эбнер подчёркивает, что лексема *daheim* приобретает значение дома «как Родины»: «*daheim ist österr. (und südd., schweiz.) das hauptsächlich gebrauchte Wort a) für «zu Hause»; b) für «in der Heimat»* (Ebner, 2009: 90).

Лексема *Daheim/zuhause* (Zuhause) в мировоззрении австрийцев имеет важную аксиологическую ценность, об этом свидетельствуют следующие пословицы и поговорки:

«*Daheim ist daheim, sagte ein Sprichwort*» (Дом есть дом, гласит поговорка);

«*Daheim ist daheim. Auswärts ist auswärts*» (Дом есть дом. Чужбина есть чужбина);

«*Trautes Heim, Glück allein*» (Мой дом – моя крепость);

«*Gut gebunden ist halb zu Hause*» (Хорошее начало – полдела откачало);

«*Besser zu Haus ein Ranft Brot als in der Fremde eine ganze Kuh*» (Свой хлеб слаще чужого калача) (Ефименко, 2018: 44);

«*Zuhause soll es «doch am schönsten sein», sagt ein Sprichwort*» (досл. поговорка гласит: «Дома должно быть всё самое красивое»).

Устойчивое выражение *ganz aus dem Häus(e)l (sein)*, что означает «быть очень возбужденным, потерять голову (от радости, от гнева)» (*in freudiger Erregung*) *außer sich sein*; *aus dem Häuschen sein*) (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Haeuschen>) повсеместно используется в австрийском узусе, как в разговорной речи, так и в средствах массовой информации.

Например:

- *Anna (spricht am Telefon): Super, Frau Lindner. Das sind gute Nachrichten. Ich freue mich für sie... Auf Wiederhören.* (Анна (говорит по телефону): Отлично, мисс Линднер. Это хорошие новости. Я рад за нее... До свидания.
- *Thomas: War das die Nachbarin?* (Томас: Это была соседка?)
- *Anna: Ja, sie hat angerufen und gesagt, dass ihre Katze wieder zuhause ist. Frau Lindner sucht sie schon seit einer Woche. Sie war wirklich glücklich!* (Анна: Да, она позвонила и сказала, что ее кот вернулся домой. Мисс Линднер искала его неделю. Она была очень счастлива!)
- *Thomas: Frau Linder ist aus dem Häuschen, weil die Katze wieder “im Häuschen” ist?!* (Томас: Миссис Линднер на седьмом небе от счастья, потому что кот вернулся домой?!)
- *Anna: J... ja, Thomas.* (Анна: Да... да, Томас) (<https://deutsch-mit-anna.de/lektion/redewendung-aus-dem-haeuschen-sein/#:~:text=Beispiele,ich%20habe%20die%20Stelle%20bekommen>).

Следующие примеры взяты из выжимок газет:

Zürich war total aus dem Häuschen, als der britische Premierminister die Stadt besuchte und an der Universität seine berühmte Rede hielt. (Neue Zürcher Zeitung, 16.09.2016) (Жители Цюриха были в *полном восторге*, когда премьер-министр Великобритании посетил их город и произнес свою знаменитую речь в университете).

Dieses und kommendes Jahr werden Sie wie schon 2012 die Tage vor Weihnachten so tun müssen, als seien Sie ganz aus dem Häuschen, weil der neue Hobbit-Film in die Kinos kommt – der Film, mit dem Sie doch längst schon abgeschlossen haben (Süddeutsche Zeitung, 12.12.2013). (В этом и следующем году, как и в 2012 году, вам придется вести себя так, как будто *вы в восторге* от предрождественских дней, потому что в кинотеатрах появится новый фильм «Хоббит» – фильм, который вы уже давно смотрели).

Австрийцы с приятным расположением духа ассоциируют посещение кофейн. Жители австрийской столицы обожают посидеть в кофейне за чашечкой кофе в непринуждённой обстановке. «Когда австрийцу хорошо, он говорит: *«Das ist ein Kaffeehaus für mich! Hier fühle ich mich gut, hier gefällt es mir»* (Ефименко, 2018: 46) (Здесь мне нравится, здесь я чувствую себя хорошо!)). Венские кофейни задают особый ритм для повседневной жизни австрийцев, где каждый стремиться к безмятежности и спокойствию. *«Wo es Bohnen (Kaffee) gibt, ist mein Vaterland!»* (Там, где кофейные зёрна, там моя родина!).

Итак, проведенный лингвокультурологический анализ материала показал, что вербальная интерпретация ценностного содержания культурных смыслов, связанных с жильём и уютом австрийского мировидения имеет свою специфику и индивидуальный неповторимый облик.

Список литературы

1. Алефиренко Н.В. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 288с.
2. Ефименко, Е.А. Национальная специфика вербализации концепта «Heim» в австрийском художественном дискурсе / Е.А. Ефименко // Материалы XV Березенских чтений. – Москва: ИНИОН РАН, 2018. – С. 40-49.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456с.
4. Савицкий В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. С.55 – 62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62
4. Ebner, J. Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch / J. Ebner. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2010. – 480 S.
5. Kaul, V. Linguistic Diversity and Cultural Identity. Research J. Humanities and Social Sciences. 4(4): October-December, 2013, S.550-571.
6. Kövecses, Z. Metaphor, language, and culture. D.E.L.T.A. 2010; 26 (SPE): S.739-757 DOI:10.1590/S0102-44502010000300017
7. [Электронный ресурс]. <https://deutsch-mit-anna.de/lektion/redewendung-aus-dem-haueschen->

sein/#:~:text=Beispiele,ich%20habe%20die%20Stelle%20bekommen (дата обращения: 16.03.2025)

8. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung> (дата обращения: 20.03.2025)

9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 23.03.2025)

ОБРАЗ БОГАЧА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В РОМАНЕ ИРВИНА ШОУ «ХЛЕБ ПО ВОДАМ»

Летунова Таисия Юрьевна

*магистрант 2-го курса,
Южный федеральный университет, Институт
филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
ttaya49@mail.ru*

СклярOVA Наталья Геннадиевна

*проф., д-р филол. наук
Южный федеральный университет, Институт
филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
nsklyarova@sfedu.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается отражение идеи «американской мечты» в романе Ирвина Шоу «Хлеб по водам» через образ богача, репрезентирующий концепт «богатство», который может быть отнесен к ключевым концептам данного произведения. Ирвин Шоу при помощи стилистических средств (ирония, сарказм, синтаксический параллелизм) и отдельных лексем (имен собственных, контекстуальных синонимов) создает образ мужчины средних лет, происходящего из состоятельной семьи и наследующего профессию отца, которого можно считать воплощением успеха в обществе. Однако писатель приходит к выводу, что система, в которой вынуждены существовать богатые, имеет пагубное влияние на их жизнь, отчего богатство не приносит счастье, а ведет к разрушению и смерти.

Ключевые слова: Ирвин Шоу, богатство, концепт, американская литература, американская мечта

THE IMAGE OF A RICH MAN AS A REPRESENTATION OF THE CONCEPT “WEALTH” IN IRWIN SHAW'S NOVEL “BREAD UPON THE WATERS”

Taisia Letunova

*2nd year student of the Master's course,
Southern Federal University, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
ttaya49@mail.ru*

Natalya Sklyarova

*Ph.D. of philology, professor of theory
and practice of the English language dept.
Southern Federal University, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication
nsklyarova@sfedu.ru*

Abstract: This article examines the reflection of the idea of the American dream in Irwin Shaw's novel “Bread on the Waters” through the image of a rich man, representing the concept

“wealth”, which can be attributed to the key concepts of the book. Irwin Shaw uses stylistic means (irony, sarcasm, syntactic parallelism) and individual lexemes (proper names, contextual synonyms) to create the image of a middle-aged man who comes from a wealthy family and inherits his father’s profession and who can be considered the embodiment of success in society. However, the writer comes to the conclusion that the system in which the rich are forced to exist has a detrimental effect on their lives, which is why wealth does not bring happiness, but leads to destruction and death.

Key words: Irwin Shaw, wealth, concept, American literature, American dream.

Американская традиция реализма начала свое существование еще в XIX веке, когда в обществе появилась потребность подчеркивать социальные противоречия, вызванные утопичностью американской мечты, и находить способы их разрешения (Жалилова, 2018). Ирвин Шоу, будучи одним из представителей данного направления, снискал широкую популярность среди массового читателя, которого и сейчас волнуют проблемы, поднимаемые писателем в произведениях.

Творчество И. Шоу носит преимущественно социальный характер: автора волнует судьба простого американца и сложности, с которыми он сталкивается в повседневной жизни (Щеголькова, 2012). В своих романах он описывает разрыв между социальными классами, показывая невозможность перехода из одной группы в другую, при этом уделяя немало внимания богатству, его двойственной природе, состоящей, с одной стороны, в материальной свободе, граничащей со вседозволенностью, а с другой – в абсолютном одиночестве и бесконечной борьбе с конкурентами за место в существующей системе. Данной теме и посвящен роман «Хлеб по водам», где богатство выступает в качестве одного из главных концептов.

Художественный концепт включает в себя ассоциативный ряд, мотивы, символы, образы, отражающие исторические, социальные, политические события, происходящие вне художественного текста. Данный ассоциативный ряд может принадлежать, как сообществу людей (страна, нация, город, отдельные группы), так и самому автору, который в таком случае является так называемым «концептоносителем» (Лихачев, 1993: 5).

Богатство в американской культуре считается частью «американской мечты», которая приняла форму национального мифа об избранности американского народа. Исследователи считают, что данная идея приобрела широкую популярность благодаря романам Горацио Алджера (Голенпольский, [html](#)), который описал общество, где все имеют равные возможности и где любой человек способен стать успешным, несмотря на его происхождение, возраст и вид деятельности. Успех в «американской мечте» понимается не только как социальный статус, но и как материальное благосостояние, выступающее в качестве инструмента для достижения первого.

Богатство в понимании И. Шоу не есть высшее зло: оно может приносить счастье, но в конечном итоге, человек всегда страдает, несмотря на свои первоначальные интенции. Данная идея раскрыта в романе «*Хлеб по водам*» (“Bread Upon the Waters”), чье название представляет собой библейскую аллюзию: «*Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его*» (Еккл: 11: 1-1). В центре повествования находится

семья Стрэнд, представители среднего класса, которые по случайности спасают неизвестного мужчину от нападения в парке. Незнакомец оказывается **Расселом Хэйзеном**, состоятельным юристом с Уолл-стрит. Персонаж становится близким другом семьи, и начинает принимать активное участие в жизни всех героев, радикально меняя их жизнь иногда в лучшую сторону, иногда – наоборот. Он искренне хочет быть полезным, но не замечает, что, вклиниваясь в привычный ритм жизни, заставляет Стрэндов отдаляться друг от друга. Постепенно материальное вытесняет духовное. Сын вливается в мир шоу-бизнеса и заводит интрижку с замужней женщиной, репутация младшей дочери страдает из-за слухов, отношения Лесли и Аллена, родителей, также проходят через череду испытаний.

Образ Рассела Хейзена можно считать воплощением идеи «американской мечты». Его портретную характеристику дает главный герой романа **Аллен Стрэнд**, учитель истории в общеобразовательной школе, отец семейства, который про себя замечает: *He's **exactly** your age* (Shaw, 2013: 21). Наречие “*exactly*” в данном случае подчеркивает одинаковый возраст персонажей. Далее Стрэнд использует прилагательное “*big*”: *He was a **big** man...* (Shaw, 2013: 21), что указывает на рост или телосложение юриста, но одновременно с этим автор намекает на его положение в обществе. Главный герой, которого можно считать антиподом Хейзена, неосознанно сравнивает мужчину с собой, подчеркивая их сходства во внешности: *He was a man, Strand guessed, of about his **own** age and almost **as tall*** (Shaw, 2013: 22).

Для описания одежды автор использует наречия, чтобы подчеркнуть приятный внешний вид, а также плеоназм, чтобы намеренно усилить блеск обуви, подчеркнуть ее неношенность и показать реакцию человека среднего класса на дорогой предмет гардероба: *His eyes, though, were clear and bright and he was **neatly dressed in a beautifully fitting dark gray suit**, his shoes **glittering in a mahogany shine*** (Shaw, 2013: 41). В следующем предложении Аллен иронизирует над тем, что богачи постоянно носят деловые костюмы: *Although he had said country clothes, he was dressed in a dark suit and a white shirt, tight around the collar, and a sober tie, **making Strand wonder what Hazen would wear to a funeral*** (Shaw, 2013: 151). Нельзя сказать, что Стрэнд сохраняет отношения с Хэйзеном ради собственной выгоды, но в самом начале романа такая дружба кажется герою странной, он стесняется принимать подарки, не понимает мотивацию нового знакомого, так как между ними существует слишком большая социальная дистанция.

Отдельное внимание уделено родословной персонажа: он потомственный юрист из обеспеченной семьи, о чем с сарказмом говорит сам, заявляя, что у него не было выбора, поскольку такую жизнь ему навязал отец, которого он называет святым: *In the footsteps of my **sainted** father* (Shaw, 2013: 33). Рассказывая биографию героя, Ирвин Шоу использует различные имена собственные, которые создают образ богатого, успешного человека: *The usual...**Yale, Harvard Law School** <...> the largest law firms in **Wall Street** <...> on the **National Olympic Committee** and belongs to a lot of clubs, including the*

Racquet and Century and Union Club...Married to a Social Register lady (Shaw, 2013: 33, 40).

Для описания статуса Рассела Хейзена и ему подобных людей автор использует отдельные контекстные синонимы: *He had decided that Hazen was an **important** man, more from his manner than from anything he had said <...> And a rebuke, too, to the vengeful, **powerful** man in the great duplex apartment on Fifth Avenue <...> friend of mine...who happens to be an **influential** man <...> a **busy** man like Hazen* (Shaw, 2013: 31, 291, 51, 56).

Весь роман И. Шоу строит на противопоставлении Хэйзена и Стрэнда: первый, лишенный духовного богатства, мечтает о любящей семье и теплых отношениях внутри нее, второй жаждет материального достатка и свободы, которую дают деньги. Когда Стрэнд вынужден переживать из-за оплаты счета за телефонные разговоры с женой, писатель использует синтаксический параллелизм и вспомогательный глагол *did*, чтобы показать, что героя заботят не деньги как таковые, а возможности, которые они дают: ***He did not envy Hazen his house on the beach, his marvelous paintings, his freedom to travel and dine in great restaurants, but he did envy him the unthinking way he could pick up a telephone and have long conversations with people in California, England, France, whomever and wherever*** (Shaw, 2013: 327). В то время как Хейзен в своем прощальном письме при помощи метафор показывает, что жизнь в Америке подобна грязной игре, а самые счастливые люди – те, кто не знает о существовании этого соревнования и кто не принимает в нем участие: *As I look back at it now **I knew how to play too many games** – legal, corporate, legislative, philanthropic – the sleazy, profitable **American gamut**. One of the things that endeared you and Leslie to me most was that **you were not entrants in the competition**. It wasn't that you were above it all. It was as though you didn't realize its existence* (Shaw, 2013: 367).

В конце романа Хэйзен теряет силы бороться за место в системе. Герой устает от бесконечных войн с конкурентами, от истерик жены, отказывающейся давать развод, ему надоедает политическая гонка и постоянный контроль извне. Он добровольно выходит из этой игры: в последний раз набирается сил, выступает с заявлением на телевидении, в котором обличает пороки американского общества. Однако юрист понимает, что его речь подобна борьбе с ветряными мельницами. Родившийся и выросший внутри этой системы, он также осознает, что будет нежизнеспособен вне ее, поэтому кончает жизнь самоубийством, завещав значительную часть своего состояния Стрэндам.

После смерти Хэйзена, казалось разлад в семье должен остановиться, что и происходит по сюжету. Последняя глава представлена в виде дневниковых записей Аллена. Внешне события показывают, что герои живут счастливо и все-таки благодаря участию богатого друга их жизнь изменилась в большей степени в лучшую сторону, однако в словах Стрэнда чувствуется горечь о том, что никогда их семья уже не будет такой, как до вмешательства Хэйзена, даже несмотря на то, что последний был порядочным человеком.

Таким образом, И. Шоу, будучи представителем американского реализма, в своем творчестве отражает проблемы, характерные для американского

общества. В особенности писателя волнует разрыв, существующий между классами, от которого страдают все социальные группы. В романе «Хлеб по водам» автор критикует идею американской мечты. Через образ богача, реализованный различными лексическими и стилистическими средствами, раскрывается концепт «богатство», являющийся одним из главных в концептосфере произведения.

Список литературы

1. Голенпольский Т. Г., Шестаков В. П. Американская трагедия [Электронный ресурс]: URL: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/golenpolski-shestakov.html> (дата обращения: 23.03.2025)
2. Жалилова Л. Ж. Специфика американской литературы XX века // Теория и практика современной науки. 2018. №3. С. 198–203.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. М.: Изд-во РАН, 1993. 287 с.
4. Щеголькова А. О. Тема «двух братьев» в романе Ирвина Шоу «Богач, бедняк» // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2012. № 2. С. 95–99.
5. Экклезиаст, глава 11, 1-1 // Книги Ветхого Завета. Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Eccl.9&r> (дата обращения: 23.03.2025).
6. Shaw I. Bread upon the Waters. New York. Open Road Integrated Media, 2013. 395 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЛЮЗИЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Т. ПРАТЧЕТТА «КОТ БЕЗ ПРИКРАС»

Луханина Анна Николаевна
старший преподаватель
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
E-mail: lukhanina@bsuedu.ru

Аннотация: В статье рассматривается аллюзия как стилистический прием, используемый для создания юмористического эффекта, а также семантическая и структурная классификация аллюзий. В нашей работе мы рассматриваем функциональную сторону аллюзии с целью создания юмористического эффекта на примере произведения Т. Пратчетта «Кот без прикрас». В данном произведении автор стремится передать простые, зачастую банальные вещи, связанные с заведением кошки в качестве домашнего питомца посредством использования аллюзий на серьезные источники литературы, произведения искусства или даже научный эксперимент, создавая при этом парадоксальный эффект, ведущий в дальнейшем к возникновению юмористического эффекта.

Ключевые слова: аллюзии, классификация аллюзий, юмористический эффект.

**THE USAGE OF ALLUSIONS TO CREATE A HUMOROUS EFFECT
(BASED ON THE WORK «THE UNADALTERATED CAT»
BY T. PRATCHETT**

Anna Lukhanina
senior lecturer
Belgorod State University
E-mail: lukhanina@bsuedu.ru

Abstract: The article is devoted to an allusion as a kind of stylistic device used to create a humorous effect as well as semantic and structural classification of allusions. In our work we study the function of allusions with a purpose of a humorous effect creation based on the work «The unadulterated cat» by T. Pratchett. In this piece of work the author tries to convey simple things relating to having a cat as a pet by using allusions referring to serious sources. Thus the author creates a paradoxical effect leading to humour.

Keywords: allusions, classifications of allusions, a humorous effect.

В данном исследовании мы рассмотрим аллюзию как стилистический прием, использование которого используется для создания юмористического эффекта на примере произведения Т. Пратчетта «Кот без прикрас».

Стилистический приём аллюзии получил своё название только в XVI веке, хотя он уже встречается в произведениях средневековых авторов. Рассматривая этимологию термина «аллюзия», следует отметить, что он берет свое начало от латинского глагола «alludere» («ludere» – «играть», «шутить», а также «намекать»). Французский постструктуралист Ю. Кристева относил аллюзию к понятию интертекстуальности. И.В. Арнольд, которая также рассматривала понятие интертекстуальности в своих исследованиях, дает следующее определение аллюзии: «Аллюзия – это включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» (Арнольд, 2019: 215). Определение И.В. Арнольд демонстрирует связь между понятиями «интертекстуальность» и «аллюзия».

В рамках стилистического подхода И.Р. Гальперин определяет аллюзию в качестве «косвенного указания на какой-либо исторический, географический, литературный, мифологический или библейский факт» (Гальперин, 2007: 58).

Аллюзии являются украшением текста, делают его многоуровневым, экспрессивным и остроумным. При помощи аллюзий автор создает собственный уникальный стиль. Аллюзии можно классифицировать, опираясь на следующие критерии: источник аллюзии, степень известности аллюзии, наличие или отсутствие национальной окраски.

М.Д. Тухарели предлагает семантическую классификацию аллюзий: антропонимы, библейские, мифологические, литературные, исторические и прочие реалии, отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации, реминисценции.

С точки зрения структуры аллюзия может быть словом, сочетанием слов, а также более крупными словесными образованиями. М. Д Тухарели выделяет аллюзии – сверхфразовые единства, абзацы, строфы, прозаические строфы, главы, наконец, целые художественные произведения.

В данной работе мы рассмотрим функциональную сторону аллюзии, а точнее использование аллюзий для создания юмористического эффекта на примере юмористического произведения Т. Пратчетта «Кот без прикрас». Это произведение впервые было опубликовано на английском языке в 1989 году в Великобритании. Книга представляет собой мини-энциклопедию от имени вымышленного «Движения в защиту настоящих котов». В юмористической форме автор представляет преимущества «настоящих», то есть беспородных, родившихся и выросших на улице котов.

Для создания комического эффекта Т. Пратчетт прибегает к использованию аллюзий, чтобы подчеркнуть важность и превосходство беспородных котов над домашними породистыми кошками.

«It doesn't belong to the previous occupants, none of the neighbours recognize it, but it seems perfectly at home. Why? It is very probably a *Schrodinger Cat*» (Pratchett, 2002: 15). – «Это не кот бывших хозяев, и соседи его никогда не видели, и, тем не менее, он чувствует себя хозяином в вашем доме. Почему? Может быть, это *шрёдингеровский кот*».

В данном примере автор ссылается на известный научный эксперимент, который называется кот Шредингера, проведённый Эрвином Шредингером, одним из основателей квантовой механики. Суть эксперимента заключается в помещении кота в коробку, в которой находится счётчик Гейгера с очень небольшим количеством радиоактивного вещества. При распаде атома запускается специальный механизм, который разобьёт колбу с синильной кислотой, и кот погибнет. Если же распада не произойдёт, то кот останется в коробке. Согласно результатам данного эксперимента, кот находится в двух состояниях – он одновременно и жив, и мёртв. Это и есть известный парадокс кота Шредингера. Используя данную, так называемую научную аллюзию на парадоксальный эксперимент, автор имеет в виду якобы парадоксальное и уникальное появление котов, которые часто появляются, словно ниоткуда и легко приспосабливаются к окружающим условиям и привыкают к людям, мгновенно считая их своими хозяевами. К тому же отсылка на серьёзный научный эксперимент придает произведению якобы серьёзный и возвышенный тон, превращая, таким образом, главного повествователя, коим является кот, в ученого, образованного кота, который приводит очень серьёзные научно обоснованные аргументы и призывает людей завести именно «настоящего», непородистого кота.

«Or perhaps there is now a Lorry cat undreamed of by *T. S. Eliot*» (Pratchett, 2002: 18). Возможно, также существует кот, путешествующий на грузовике, о котором *Т. С. Элиот* и не мечтать не мог.

В этом примере мы встречаем литературную аллюзию на американского и британского поэта и драматурга Элиота Томаса Стернза, представителя направления модернизма. Он является автором цикла «Старый Опоссум, или Практическое котоведение», а также стихотворений, положенных в основу мюзикла «Кошки» Э. Ллойда Уэббера. Автор использует данную аллюзию ввиду написания автором произведений о кошках, а также придает значимости своему произведению, ссылаясь на авторитетных авторов, которые уже

написали труды по данному вопросу. Именно серьезность представленных фактов создают комический эффект, создавая такой прием как парадокс, когда вопрос выбора кота в качестве домашнего питомца рассматривается как одно из важнейших и судьбоносных решений, которое предстоит принять каждому человеку.

«The Egyptians had a cat-headed goddess called *Bast*» (Pratchett, 2002: 21). В Древнем Египте поклонялись богине *Баст* с головой кошки. Жители Древнего Египта поклонялись богине Бастет или Баст, которую считали покровительницей кошек, любви, красоты, домашнего очага и плодородия. Она являлась защитницей семьи и дома, а также считалась всевидящей, поэтому входила в стражу бога Ра. В данном случае мы встречаем мифологическую аллюзию, которая знакомит читателей с историей кошек, а также подчеркивает ту важность и значимость, которую имели кошки в Древнем Египте и почитались как священные животные.

«Cat looks up, gives mildly dirty look, turns and walks slowly up garden, lifting each paw one at a time and giving it a shake, like *C. Chaplin*» (Pratchett, 2002: 28). Кот бросает взгляд, злобно смотрит и уходит в сад, поднимая и отряхивая лапу подобно *Ч. Чаплину*.

В данном отрывке мы видим пример аллюзии на кинематограф, где речь идет о знаменитом британском и американском актёре Чарли Чаплине, который является универсальным мастером кино. Чарли Чаплин знаменит своей шаркающей походкой, благодаря которой он создал образ бродяги. Помимо, создания забавного сходства необычной походки, данная аллюзия подчеркивает тот факт, что кошки – независимые и артистичные создания и порой ведут себя как настоящие актеры, обладающие способностью демонстрировать свое презрение, или наоборот, свою привязанность к людям.

«It is important to avoid the third stage, which basically consists of Man, Beast and Medicine locked in dynamic struggle and ought to be sculpted rather than described (as in *Rodin's* «Man Giving Pill to Cat»)» (Pratchett, 2002: 34). Очень важно избежать третьего этапа, который состоит из Человека, Кота и Лекарства, заключающегося в страшной борьбе и который можно воссоздать только в скульптуре (например, в творении *Родена* «Человек, пытающийся дать таблетку коту»).

В данном случае автор использует аллюзию, связанную с искусством, точнее скульптурой, где речь идет о французском скульпторе Франсуа Родене, который достиг мастерства в передаче художественными средствами движения и эмоционального состояния своих героев и в изображении человеческого тела. Любой человек, даже не знакомый с искусством, хотя бы раз в жизни видел его шедевры – скульптуры «Мыслитель» и «Поцелуй». Автор ссылается на великого скульптора и его монументальные произведения, подчеркивая сложность процесса лечения кошачьего семейства, достойного того, чтобы быть запечатленным в скульптуре известного творца. Комизм ситуации создается за счет сравнения процесса лечения кошек с монументальной скульптурой, посвященной этой теме как одной из самых важных в жизни

любого владельца кошки и передающей все страдания и мучения, как человека, так и кота, проходящих через это «тяжелейшее» испытание.

«If *Romulus and Remus* had been reared by a cat instead of a wolf, Rome would be a different place today» (Pratchett, 2002: 41). Если бы кошка, а не волчица, воспитала *Ромула и Рема*, мы бы знали совсем другой Рим.

Согласно легенде, Ромул и Рем были детьми от весталки и бога Марса. Во младенчестве они были брошены в реку Тибр. Их подобрала волчица, которая заменила им мать, и, когда они выросли, они основали новый город. Данный пример относится к исторической аллюзии, которая знакомит читателей с историей основания вечного города Рима, и автор в очередной раз в юмористической форме демонстрирует значимость и исключительную важность кошек, которые способны оказывать влияние не только на конкретный город или страну, но и на все человечество в целом.

«Offside is a cat game similar to *Zen* archery, in that it is not what is actually done but the style in which it is achieved that really matters» (Pratchett, 2002: 48). Кошачья игра «Посторонний наблюдатель» напоминает стрельбу из лука в стиле *Дзен*: важна не победа, а участие: манера, стиль и способ.

«Дзен» – это понятие, пришедшее из буддизма, которое означает «состояние созерцания» или медитации. Человек в состоянии медитации испытывает ощущение полного покоя, отрешения от остального мира. В современном лексиконе понятие «дзен» означает состояние абсолютного покоя, отрешенности от суеты и повседневной рутины. Используя данную аллюзию, которую можно классифицировать как религиозную аллюзию, автор в очередной раз демонстрирует истинную природу кошек. Кошки – создания, которые большую часть времени находятся в состоянии спокойствия и отрешенности от всего сущего, зачастую они не обращают никакого внимания на то, что происходит вокруг. Они умело игнорируют своих хозяев, других домашних животных, демонстрируя свое высокомерие и превосходство. Кошки являются своего рода показателем гармонии и баланса, к которому должен стремиться мир и человечество.

«These are the cats that you normally see, or rather, you normally hear behind fridges, in those dead little areas behind kitchens to range units, in locked garages and, in one case known to us, inside the walls (dreadful *Edgar Allan Poe* visions led to a hole being knocked into the cavity a little way from the noise, which of course caused the cat – definitely a Real cat – to retreat further from the noise; it came out 24 hours later, dragged by the scent of a plate of food)» (Pratchett, 2002: 56). – Бывают случаи, когда коты находят (чаще всего они там шумят) за холодильниками и кухонными шкафами, в закрытых гаражах или, как одного нам знакомого кота, в стене (представляя себе все ужасы в стиле *Эдгара Алана По*, хозяева, конечно, бросились ломать стену в том месте, откуда доносилось мяуканье, но мяуканье стихло, так как коту не понравился шум; спустя сутки он вылез сам на запах еды).

В этом примере автор снова прибегает к литературной аллюзии, упоминая американского писателя Эдгара Алана По, который являлся представителем романтизма в жанре детектива. Автор сравнивает ужас, который охватывает хозяев, когда они слышат практически потустороннее мяуканье в стене, ссылаясь

на один из самых известных мистических рассказов По «Чёрный кот» («The black cat»), который полон ужаса и тайны. Благодаря этой аллюзии автор еще раз напоминает нам о таинственности этих животных, в которых кроется загадка, которую еще предстоит разгадать человеку. Эта аллюзия также намекает на уникальность кошачьих существ, которые умеют сочетать в себе несочетаемое: быть одновременно, милыми, пушистыми, нежными созданиями, которые скрывают в себе некую тайну, обладают независимым нравом, и в тоже время, способны покорить сердце любого человека.

В заключении, рассмотрев примеры использования аллюзий в произведении «Кот без прикрас», можно сделать вывод о том, что автор прибегнул к аллюзиям, которые можно классифицировать как: научная, литературная, мифологическая, историческая, кинематографическая, художественная и религиозная. Такое разнообразие аллюзий прослеживает цель автора написание энциклопедии, в которой автор создал образ кота-повествователя, который крайне серьезно, приводя довольно серьезные аргументы, ссылаясь при помощи аллюзий на научные эксперименты, литературные источники, мифы и легенды, стремится убедить читателя в превосходстве и преимуществе заведения настоящего, непородистого, дворового кота. Именно с помощью использования аллюзий автор создает контраст, соединяет простые вещи со сложными вещами; подобный контраст, парадокс и создает комический эффект.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ФЛИНТА, 2019. 448 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Ком Книга, 2007 – 144 с.
3. Тухарели М. Д. Аллюзия в системе художественного произведения: дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984 – 167 с.
4. Pratchett T. The Unadulterated Cat. London: Orion Publishing Group, 2002. 160 p.

ПЕРЕВОД ПРЕЦИЗИОННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАБОТЕ С АУДИОТЕКСТАМИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Луханина Анна Николаевна

старший преподаватель

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: lukhanina@bsuedu.ru

Шейфель Наталья Анатольевна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: sheifel@bsuedu.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема перевода прецизионной информации при работе с аудиотекстами. Авторы выделяют виды прецизионной информации, основные

сложности при переводе числительных, имен собственных и географических названий, а также приводятся примеры упражнений, направленных на преодоление трудностей, возникающих при переводе прецизионной информации при работе с аудиотекстами на начальном этапе.

Ключевые слова: прецизионная информация, аудирование, числительные, имена собственные, географические названия.

PRECISION INFORMATION TRANSLATION WHILE WORKING WITH AUDIOS AT AN EARLY STAGE

Anna Lukhanina

senior lecturer

Belgorod State University

E-mail: lukhanina@bsuedu.ru

Natalia Sheyfel

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: sheifel@bsuedu.ru

Abstract: The article analyses and discusses the problem of precision information translation while working with audios. The authors describe types of precision information, basic difficulties while translating numerals, proper names and geographical names. They suggest exercises focused on overcoming the difficulties while translating audios with precision information at an early stage.

Keywords: precision information, audition, numerals, proper names, geographical names.

Прецизионная информация является наиболее сложной при работе с переводом аудиотекста, в то же время она может являться ключевой информацией всего смыслового отрывка. Прецизионная информация включает в себя цифры, даты, проценты, имена собственные, должности, показатели. Эта информация не вызывает ассоциаций и даже мнемонические техники не помогают в запоминании подобной информации, она быстро стирается из памяти при восприятии и последующем воспроизведении цельного текста. По определению Р.К. Миньяр-Белоручева, прецизионная информация или прецизионные слова – это «общеупотребительные (в отличие от терминов), однозначные и точные в употреблении слова, не вызывающие конкретных ассоциаций и не создающие для памяти конкретных опор» (Миньяр-Белоручев, 1999: 51).

В процессе устного перевода аудиотекста опущение и тем более искажение прецизионной информации является недопустимым, т.к. она несет основную смысловую нагрузку и требует использования приемов переводческой записи.

При работе с прецизионной информацией необходимо учитывать контекст, также свою роль играет языковая догадка. В данном случае нужно регулярно расширять свои знания в различных сферах, таких как экономика, политика, дипломатия.

При получении прецизионной информации из аудиотекстов необходимо выделять прецизионные слова для анализа и прорабатывать их: составлять

список имен политиков, ученых, географических названий, названий международных организаций и регулярно повторять их. В этом случае подобная информация займет конкретное место в памяти переводчика и в процессе перевода он сможет легко ее извлекать и воспроизводить.

В нашей работе мы рассмотрим базовые упражнения и приемы, способствующие запоминанию прецизионной информации, приобретению навыков перевода такой информации и доведения их до автоматизма.

Прежде всего, стоит отметить, что крайне сложно работать с именами числительными, которые представлены в виде номеров, дат, процентов, сумм и т.д. Для отработки такой информации можно прибегнуть к следующим упражнениям, которые являются отличным способом для запоминания числительных, а также способствуют тренировки памяти в целом. Примером могут служить следующие упражнения:

Переведите в быстром темпе двухзначные числа с голоса преподавателя с английского языка на русский язык: 46, 15, 98, 25, 37, 12, 87, 45.

Следующим этапом является усложнение данного упражнения: переведите в быстром темпе двухзначные числа с голоса преподавателя с английского языка на русский язык, при этом прибавляя или отнимая 1: 50, 33, 65, 91, 13, 15.

Переведите в быстром темпе с голоса преподавателя даты с русского языка на английский язык (после перевода ответьте на вопрос, с какими событиями связаны эти даты): 1147, 1945, 1991, 1011, 1812.

Еще одним упражнением для отработки навыков является перевод аудиотекста, содержащего следующую прецизионную информацию, включающую в себя суммы, даты, время, дроби, проценты: *fifty-four and a half; four thousand and seventy-six; nine point three percent; two thousand and ten; four thousand, three hundred and seventy-five dollars; the twelfth of April two thousand and thirteen; one million three hundred thousand euros; 6:00 am; seven and three quarters; the twenty-first of May; six point two percent; the nineteen twenties.*

Более сложным упражнением при работе с именами числительными является перевод комбинированной информации, которая помимо имен числительных содержит имена существительные: *1,250 passengers; 3,203 students of the university; the tax of 13 percent; 45 per cent of GDP.*

Одним из видов прецизионной информации являются имена собственные, названия торговых брэндов, организаций, географические названия. Для работы с подобной информацией будут эффективны упражнения, направленные одновременно на формирование навыков перевода как имен собственных, так и географических названий. Примером может служить следующее упражнение: преподаватель произносит предложение на английском языке, содержащее имя собственное, название города, а также название профессии, один студент повторяет это предложение, а другой студент переводит это предложение на русский язык: *Elizabeth Watson lives in Munich. She is a financial adviser; Helen Richardson lives in Naples. She is a postgraduate student; James Attwood lives in Geneva. He is an IT-manager; Hans Niemann lives in Cologne. He is a landscape architect.*

Следующим упражнением, направленным на отработку навыков при переводе прецизионной информации может служить комбинированное задание, включающее в себя номера телефонов, имена собственные, названия месяцев и дней недели, названия городов, стран и национальностей. Это упражнение является эффективным за счет чередования прецизионной информации, таким образом, обучающиеся учатся переключать свое внимание с имен числительных на имена собственные и географические названия и наоборот. Например: прослушайте аудиотекст, содержащий прецизионную информацию, запишите и затем переведите эту информацию на русский язык: *September 14. 1998; Japanese; March, Friday; Addis-Ababa; Thomas, tel : (8-823) 225-17-26; Somalia; Chinese; 456 003 200 067; Riyadh.*

Также следует отметить, что помимо прецизионной информации, перечисленной выше, особую трудность представляют названия достопримечательностей. В этом случае, необходимо обращать внимание студентов на постоянное увеличение объема фоновых знаний, знакомство со страноведческой информацией, культурой и историей стран. Для формирования навыков перевода названий достопримечательностей будет эффективным использование следующих упражнений.

Студенты слушают аудиотекст, в котором содержатся названия достопримечательностей: *Lancaster Gate; Piccadilly Circus; Kew Gardens; Leicester Square; Edgware Road; Hyde Park Corner; Charing Cross; Queensbury.* После первого прослушивания преподаватель делает паузу после каждого названия, и учащиеся повторяют вслух название достопримечательности, после прослушивания названий во второй раз учащиеся переводят названия на английский язык.

При работе с прецизионной информацией следует также уделить особое внимание названию международных организаций, перевод которых может представлять наибольшую трудность при переводе, например, публицистических аудиотекстов. В этом случае наиболее продуктивным будет следующее упражнение. Студентам предлагается список международных организаций, они выполняют перевод с листа названий международных организаций с английского языка на русский язык: *International Monetary Fund – Международный валютный фонд; United Nations Organization – Организация Объединенных Наций; World Trade Organization – Всемирная торговая организация; World Health Organization – Всемирная организация здравоохранения.* На следующем этапе задание заключается в прослушивании аудиотекста, состоящего из названий этих же организаций, но только в аудиотексте последовательность названий изменена. Студенты слушают аудиотекст и снова переводят названия организаций с английского языка на русский язык с опорой на письменный текст. В процессе третьего этапа работы над этим упражнением учащиеся снова слушают названия организаций и переводят их с английского языка на русский язык, но уже без опоры на письменный текст.

В заключении следует отметить, что перевод прецизионной информации представляет наивысшую трудность при переводе аудиотекстов, так как

подобная информация содержит имена числительные, имена собственные и географические названия, названия должностей и достопримечательностей. Прецизионная информация очень сложно запоминается при восприятии на слух и последующем воспроизведении на другом языке. Именно по этой причине при переводе аудиотекстов на начальном этапе следует уделять особое внимание упражнениям, направленным на формирование навыков перевода прецизионной информации. На начальном уровне эти упражнения представляют собой перевод имен числительных, дат, дней недели, имен собственных и т.д. с голоса преподавателя, затем прослушивания аудиозаписи с голосом носителя языка. На втором этапе упражнения представляют более сложную комбинацию, состоящую из чередования дат, дней недели, имен собственных и географических названий и т.д. Для работы с более сложной прецизионной информацией, как например, названия международных организаций, будут крайне эффективными упражнения с опорой на письменный текст.

Таким образом, при формировании навыков перевода аудиотекстов, содержащих прецизионную информацию, следует обращать внимание на постепенное усложнение упражнений, которое способствуют успешному формированию и последующему закреплению переводческих навыков.

Список литературы

1. Безрукова Н.Н., Заюкова Е.В. 15 уроков устного перевода (английский язык): учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2022. 178 с.
2. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.

АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ ОБРАЩЕНИЙ КЛИЕНТОВ МЕТОДАМИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕПУТАЦИОННЫМИ РИСКАМИ МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Лыщикова Юлия Владимировна

канд. эконом. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: lyshchikova@bsuedu.ru

Евдокимова Оксана Николаевна

Магистрант 1-го курса

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: 1839487@bsuedu.ru

Аннотация: В данной работе рассматриваются механизмы возникновения репутационных рисков и предлагается применение методов машинного обучения в автоматизации анализа текстовых обращений клиентов с целью их раннего выявления, минимизации, снижения эмоционального напряжения и ускорения взаимодействия с заемщиками. Отзывы клиентов в социальных сетях напрямую влияют на репутационные риски, прибыль микрофинансовых организаций, размер клиентской базы, качество кредитного портфеля из-за большой конкуренции, высокой ключевой ставки, желания граждан получить высококлассный сервис и качественное обслуживание. Лингвистическая аналитика текстов человеком в режиме реального времени усложняется ежедневно растущим

количеством мест, где посетители могут оставить обращение, экспоненциально возрастающим количеством клиентов, психологическим недовольством длительного ожидания ответа и нежеланием общаться с чат-ботом для чего предлагается передать рутинную часть работы технологиям анализа больших данных.

Ключевые слова: текстовые обращения, лингвистический анализ, машинное обучение, репутационные риски, микрофинансовые организации, цифровая экономика

ANALYSIS OF CLIENT TEXT APPEALS BY MACHINE LEARNING METHODS AND REPUTATIONAL RISK MANAGEMENT OF MICROFINANCE ORGANIZATIONS

Julia Lyshchikova

PhD in Economy, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: lyshchikova@bsuedu.ru

Oksana Evdokimova

1-year master's student

Belgorod State University

E-mail: 1839487@bsuedu.ru

Abstract: This paper examines the mechanisms of reputational risks and proposes the use of machine learning methods in automating the analysis of customer text messages in order to identify them early, minimize them, reduce emotional stress and speed up interaction with borrowers. Customer reviews in social networks directly affect reputational risks, the profit of microfinance organizations, the size of the customer base, the quality of the loan portfolio due to high competition, a high key rate, the desire of citizens to receive high-quality service and quality service. Linguistic analysis of texts by a person in real time is complicated by the daily growing number of places where visitors can leave a message, an exponentially increasing number of clients, psychological dissatisfaction with the long wait for a response and the reluctance to communicate with a chatbot, for which it is proposed to transfer the routine part of the work to big data analysis technologies.

Keywords: textual appeals, linguistic analysis, machine learning, reputational risks, microfinance organizations, digital economy.

Микрофинансовые организации (далее – МФО) можно отнести к одной из самых значимых составляющих финансовой системы в экономике многих стран. Они кредитуют различные категории клиентов и выдают займы на необходимые потребительские нужды граждан, которыми сейчас не интересуются банки. Обычно эти люди живут в отдаленных районах, где нет отделений банков или они испытывают определенные сложности в одобрении кредитной заявки в традиционных банках.

В условиях цифровой трансформации экономики эти фирмы сталкиваются с повышенным вниманием со стороны общества, посетителей социальных сетей, журналистов, лидеров общественных мнений, регулирующих органов и клиентов, в том числе в связи с повышением ключевой ставки, трудностями выплат по графику, сложностью одобрения кредита и международными санкциями. Репутация МФО – это один из ведущих аспектов доверия среди клиентов, особенно когда речь идет о кредитовании на небольшие суммы или микрозаймах, что напрямую связано с дальнейшей траекторией развития предприятия и возможностью приумножать бизнес.

Репутационные риски становятся ключевым фактором устойчивости МФО, которые могут негативно сказаться на имидже компании, её клиентской базе и финансовых показателях, так как негативное отношение к бренду способно привести к большому оттоку клиентов, снижению инвестиций и ужесточению государственного регулирования. В статье «Подходы к классификации рисков в предпринимательстве» Лыщикова Ю.В. и Гончарук Н.С. отмечают: «Любой риск связан с необходимостью выбора из нескольких вариантов, то есть с необходимостью принятия решения». (Лыщикова, 2020: 128)

Сегодня, благодаря активному развитию технологий анализа больших данных и методов машинного обучения, появляется замечательная возможность прогнозирования и управления этими рисками на основе лингвистической аналитики письменных отзывов клиентов в режиме реального времени. Важно не только быстро реагировать на жалобы и обращения граждан, но и понимать эмоциональную окраску сообщения, предвосхищать желаемый клиентский результат, подбирать лучшую парадигму словесных ответов, наращивая кредитный портфель, улучшая сервис и тем самым увеличивая прибыль.

Для решения задачи этой задачи по каждому отзыву в устаревающем методе работы требуется несколько сотрудников: лингвист, профессионально оценивающий языковую составляющую жалобы, финансовый работник, способный ответить на претензии клиентов, сотрудник кол-центра, непосредственно отвечающий написавшему и их руководство. Это всегда было очень долго, дорого и неэффективно, что в эпоху современного ускорения времени не отвечает желаниям бизнеса.

Кузнецов Т.А. считает: «Многие предприятия реализуют анализ текстовых отзывов в ручном режиме, что приводит к увеличению времени решения задачи и вероятности возникновения ошибки, поскольку человек не способен обрабатывать большое количество информации с постоянным уровнем эффективности». (Кузнецов, 2022: 1)

Современные технологии позволяют автоматизировать процесс обработки большого объема текстовых данных, поступающих от клиентов через различные каналы связи: звонки, электронные письма, обращения через форму обратной связи, официальные сайты, социальные сети, мессенджеры, форумы и чат-боты. Методы машинного обучения, обученные на качественных данных, помогают извлечь ценные признаки из собранных обращений и предсказывать возможные репутационные угрозы.

Автоматизированный анализ текстовых обращений требует филолога только на первом этапе работы для классификации стоп-слов, спам-обращений и эмоционально-негативно окрашенных фраз; аналитика, собирающего все признаки в одну базу данных и специалиста по большим данным, строящего гипотезы и доказывающего продуктивность результата. При этом основой качественных ответов и реалистичных прогнозов модели машинного обучения будет служить труд лингвиста – это зависит от того, насколько изящно ему удастся проанализировать исходный текст. Ему предстоит заниматься стеммингом (выделить корень слова), составить словарь нецензурных

выражений, определить наиболее часто встречающиеся словосочетания, выписать типичные ошибки пользователей в словарных словах, понять темпоритм обращений, удалить междометия и произвести разметку собранной базы данных на классы, потому что недостатки в данных для обучения приводят к плохой работе модели.

Одна из основных проблем пессимистичных отзывов в социальных сетях о работе МФО заключается в высоких процентах по займам, что часто вызывает недовольство клиентов и создает негативный общественный резонанс. Большая переплата и немаленький срок кредита зачастую связаны с высокими рисками невозврата займов, что всегда воспринимается клиентами крайне отрицательно. Для решения этой задачи нужно не только грамотно настроить автоматизированный мониторинг социальных сетей, чем занимается дата-инженер, правильно определить негативные отзывы, где проявляется талант филолога, но и оперативно реагировать на них, снижая градус отрицательного влияния отзыва.

С помощью традиционных алгоритмов классификации, таких как случайный лес, метод опорных векторов, наивный байесовский классификатор можно автоматически определять тональность текстовых обращений, разделяя их на положительные, нейтральные и отрицательные отзывы. Это позволяет быстро выявлять источники недовольства клиентов, принимать эффективные управленческие решения и оперативно реагировать на критические замечания.

Для реализации этой задачи в данном исследовании авторами была собрана и проанализирована база данных отзывов о некоторых казахстанских МФО, выложенных в открытом доступе различных социальных сетей. Для преобразования слов в математическую матрицу использовались две языковые модели: Word2Vec и TF-IDF, для определения эмоциональной окраски проводилось обучение на трех перечисленных выше классификаторах. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Значение меры F-1 для каждого класса анализа текста обращений

Модель	Классификатор	Класс		
		Положительный	Отрицательный	Нейтральный
Word2Vec	Случайный лес	0.85	0.61	0.59
	Наивный Байес	0.78	0.67	0.54
	Метод опорных векторов	0.86	0.63	0.51
TF-IDF	Случайный лес	0.89	0.65	0.53
	Наивный Байес	0.83	0.69	0.57
	Метод опорных векторов	0.81	0.62	0.55

Использование грамотно-выстроенных моделей эмоциональной оценки текста помогает в автоматическом режиме определить тон обращения с большой долей вероятности, так модель, представленная в этой работе, имеет правильность определения отзыва от 50 до почти 90 процентов, что помогает работе филолога, но не заменяет его функции. Для создания и тонкой настройки алгоритмов машинного обучения обязательно необходимо

привлечение профессионального лингвиста-эксперта хотя бы на начальном этапе, чтобы понимать общее настроение клиентов относительно продуктов и услуг данной фирмы.

Некоторые МФО используют агрессивную рекламу, обещая быстрые деньги без проверки кредитной истории. Это привлекает людей, находящихся в сложных жизненных ситуациях, но может привести к ситуации, когда заемщики оказываются неспособны вернуть долг, что усиливает разгромные отзывы и жалобы. Здесь рекомендуется регулярно обновлять параметры мониторинга, использовать разнообразные источники данных, чтобы не упустить критически важные замечания и иметь более полное представление о портрете клиента.

Если клиенты сталкиваются с проблемами возврата займа, это часто перерастает в критические конфликтные ситуации, включая судебные споры и разбирательства с коллекторами. Такое развитие событий несет значительные репутационные потери для МФО. Решение этой задачи состоит в более тонком обучении нейронной сети на разнообразном наборе данных для повышения точности, качества и автоматизации ответа, чтобы дать клиентам своевременные и правдивые ответы, подстраивающиеся под эмоциональное состояние заемщика в данный момент.

Многочисленные нарушения законодательства, сокрытие условий договора, неэтичное ведение бизнеса, злоупотребление доверием клиента, слабый менеджмент, навязывание дополнительных услуг, низкоквалифицированные сотрудники и другие недобросовестные действия напрямую ведут к жалобам и судебным искам, которые тут же подхватываются и тиражируются СМИ и социальными сетями. Для недопущения таких уничтожающих деловую репутацию ситуаций нужно использовать в методах машинного обучения обработки естественного языка конкретные и понятные ключевые слова не только для людей, но и для алгоритмов с целью повышения точности, потому что неспецифические ключевые слова всегда приводят к ложноположительным и ложноотрицательным ответам.

Технологии анализа больших данных позволяют находить повторения в обращениях клиентов, даже если они не ярко выражены и исправлять ошибки менеджмента или процессов, которые сами по себе кажутся незначительными, но в совокупности указывают на системные проблемы. Кластеризация текстов помогает сгруппировать обращения клиентов по темам, таким как, качество услуг, скорость обработки заявок, условия кредитования, что позволяет оперативно реагировать на ключевые проблемные области.

Модели машинного обучения могут прогнозировать вероятность возникновения репутационных угроз, потерю клиентов, мошеннические схемы, интернет-атаки, закрытие бизнеса на основе исторических данных. Это включает оценку вероятности массовых отрицательных отзывов, судебных исков, клеветы, недобросовестности конкурентов, проплаченных постов в социальных сетях, вбросов, искажения фактов или распространения негативной информации.

Хотя для официального ответа на обращения граждан по закону есть 30 дней (Федеральный закон, 2006: 1), раньше считалось нормой получение

отклика в социальных сетях 72 часа, затем время сократилось до одних суток, а сейчас клиент готов ожидать ответ максимум 20 минут.

В условиях современности традиционная форма анализа текста лингвистом или языковедом требует значительных изменений из-за повсеместного внедрения искусственного интеллекта, развития технологий работы с большими данными и алгоритмов машинного обучения для эффективного обслуживания клиентов, снижения репутационных рисков, повышения прибыли и качественного роста кредитного портфеля микрофинансовых организаций. При этом филологам не стоит бояться внедрять в свою работу по аналитике текстовых обращений различных форм новых алгоритмов, а продолжать развивать себя творчески и интеллектуально, потому что человеческий труд всегда будет нужен, особенно с ростом технологий. Как замечает Лыщикова Ю.В.: «мощным сдерживающим фактором негативных последствий цифровизации и внедрения искусственного интеллекта, таких как снижение спроса на рабочую силу и уменьшение размера заработной платы, является создание новых, более трудоемких задач, которые требуют привлечения большего количества людей для выполнения работы, связанной с интеллектуальными и креативными видами деятельности». (Лыщикова, 2020: 83)

Так же алгоритмы машинного обучения могут быть непрозрачными, что усложняет их интерпретацию, но не для профессионала – лингвиста. Ему будут необходимы некоторые инструменты визуализации данных, помогающие понять выводы моделей, уловить взаимосвязь предложений, имеющих различное значение в зависимости от контекста, который сложно учесть в автоматизированных системах.

Необходимо использовать автоматизированные инструменты управления рабочими процессами, оптимизировать анализ обратной связи, ускорить процесс реагирования на обращения, повысить точность результатов модели классификатора, сочетать методы обработки естественного языка машинными средствами и профессионализм эксперта – знатока русского языка.

Цифровизация экономики помогает МФО быстро анализировать обращения граждан и более эффективно управлять репутационными рисками МФО, сокращая издержки за счёт оперативного реагирования на жалобы, инвестируя в качественное обучение и тестирование моделей, разрабатывая гибкие системы обратной связи, создавая многоуровневую систему мониторинга, увеличивая доверие клиентов, улучшая качество обслуживания и умножая уровень удовлетворённости заемщиков, оптимизируя взаимодействие с регуляторами, проактивно мониторя проблемы, повышая конкурентоспособность.

Список литературы

1. Кузнецов Т.А. Создание системы автоматической классификации текстовых отзывов на русском языке с помощью машинного обучения. Политехнический молодежный журнал, 2022, № 05(70). [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2541-8009-2022-05-794> (дата обращения: 12.03.2025).

2. Лыщикова, Ю. В. Подходы к классификации рисков в предпринимательстве / Ю. В. Лыщикова, Н. С. Гончарук // Научный взгляд в будущее. 2020. Т. 1, № 16. С. 128-131. DOI 10.30888/2415-7538.2020-16-01-043.
3. Лыщикова, Ю. В. Тенденции развития и доминантные характеристики человеческого капитала в условиях цифровой трансформации экономики / Ю. В. Лыщикова // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12(89). С. 82-87. DOI 10.24158/per.2020.12.12.
4. Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Кремль. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23764> (дата обращения: 12.03.2025).

ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЕБ-САЙТОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Меликян Ануш Александровна

канд. филол. наук, доцент

Донской государственный технический университет

E-mail: anushmelikyan@mail.ru

Темирханова Анна Сергеевна

студентка 4-го курса

Донской государственный технический университет

E-mail: nuta.temirkhanova@gmail.com

Аннотация: Локализация является новым и ещё недостаточно изученным направлением лингвистических исследований, в связи с чем возникает потребность в более глубоком изучении её теоретических и прикладных аспектов. Целью данной работы является анализ наиболее распространённых проблем, возникающих при локализации веб-сайтов, и разработка рекомендаций по их преодолению. Основными методами исследования стали изучение и анализ имеющейся научной литературы по данной теме, обобщение и анализ собственного опыта автора исследования по локализации веб-сайта, а также количественный и лингвокультурологический анализ поликодового текста. Автор классифицирует проблемы локализации веб-сайтов на технические, лингвистические и культурологические, а также приводит характеристику и примеры каждого типа трудностей. В итоге сформулированы общие выводы о проблемах при локализации веб-сайтов и возможных путях их решения.

Ключевые слова: локализация веб-сайтов, межкультурная коммуникация, мультимодальный текст, адаптация текста, культурологические проблемы перевода

WEBSITE LOCALIZATION ISSUES AND WAYS TO SOLVE THEM

Anush Melikyan

PhD in Philology, Associate Professor

Don State Technical University

E-mail: anushmelikyan@mail.ru

Temirkhanova Anna

4-year student

Don State Technical University

E-mail: nuta.temirkhanova@gmail.com

Abstract: Localization is a new and still insufficiently studied area of linguistic research, and therefore there is a need for a deeper study of its theoretical and applied aspects. The purpose of this work is to analyze the most common problems that arise during website localization and to

develop recommendations for overcoming them. The main research methods were the study and analysis of the available scientific literature on this topic, generalization and analysis of the author's own experience in website localization, as well as quantitative and linguocultural analysis of the polycode text. The author classifies the problems of website localization into technical, linguistic, and cultural, and provides characteristics and examples of each type of difficulty. As a result, general conclusions are formulated about the problems in website localization and possible ways to solve them.

Keywords: localization of websites, intercultural communication, multimodal text, text adaptation, cultural problems of translation.

Эффективное решение задач экономической, образовательной, культурной и иных видов деятельности в современную информационную эпоху зачастую требует перевода программных продуктов, мобильных приложений, веб-сайтов и иных цифровых материалов на другой язык и их адаптации к реалиям другого государства, его культуры, традиций и особенностей. Такой тип деятельности получил в науке и практике название «лингвистическая локализация». В России проблемами лингвистической локализации занимаются такие исследователи, как А.М. Батчаева, А.Б. Епифанова, О.В. Зинкевич, А.Н. Легенько, А.С. Пырсигов, Д.К. Саяхова, Е.П. Соснина, Е.В. Чистова, Е.В. Шевченко, В.Г. Якунина и некоторые другие авторы. Однако локализация является молодой и слабо изученной отраслью лингвистики, к настоящему времени наблюдается недостаток научных исследований, посвящённых техническим, культурологическим и лингвистическим проблемам при локализации продуктов информационно-коммуникационных технологий, а также изучению способов решения указанных проблем. Вышесказанное определяет актуальность данной работы, целью которой является краткий анализ проблем локализации веб-сайтов на примере сайта «Аграрный Донбасс», а также предложение рекомендаций по преодолению сложностей, возникающих в ходе локализации информационных продуктов.

При определении понятия локализации можно согласиться с дефиницией Д.К. Саяховой, которая определила данный процесс как «профессиональный перевод, техническая и лингвокультурная адаптация к культуре-реципиенту» (Саяхова, 2021: 7). Локализация предполагает учёт культурологических, лингвистических, исторических, психологических, мировоззренческих особенностей целевой аудитории информационного продукта. В.Г. Якунина и Е.В. Шевченко указывают на то, что хотя «перевод является неотъемлемой составляющей локализации» (Якунина, Шевченко, 2017: 17), однако локализация не сводится непосредственно к эквивалентному переводу. Данный процесс должен учитывать различия в стандартном объёме фоновых знаний целевой аудитории, адаптировать коннотацию тех или иных лингвистических и экстралингвистических явлений (например, символику цвета, наличие стереотипных представлений, религиозные и поведенческие нормы аудитории-реципиента и многое другое). Е.В. Чистова рассматривает локализацию как производственный процесс, тесно связанный с научной сферой межкультурной коммуникации и имеющий своим объектом мультимодальный текст (Чистова, 2020: 163). По мнению автора, данный вид языкового посредничества должен

учитывать не только культурную специфику той или иной страны, но и разнообразные юридические и стилистические аспекты, визуальные и музыкальные коды, символику, заложенную в поликодовых материалах, а также особенности рынков и маркетинговых стратегий продвижения того или иного продукта.

Локализация веб-сайтов является специфической отраслью межкультурной локализации, поскольку подразумевает прагматическую адаптацию мультимедийного материала, чаще всего характеризующегося деловой стилистикой. При локализации веб-сайтов переводчик неизбежно сталкивается с рядом специфических проблем, а также должен следовать определённой технологии. Так, А.М. Батчаева указывает, что первым этапом локализации веб-сайта должна стать его «интернационализация» (Батчаева, 2023: 140), то есть исключение тех элементов информации, которые могут быть понятными только пользователям из отдельной страны либо культуры. Это может быть культурно-специфическая терминология, культурно-исторический бэкграунд (отсылки к тем или иным личностям, региональным событиям и т.д.), цитаты и афоризмы местных деятелей либо литературных и кинематографических персонажей, и тому подобное. Должны быть оставлены только общеизвестные либо нейтральные данные, которые впоследствии адаптируются к восприятию целевой аудитории. О.В. Зинкевич отмечает, что в процессе локализации необходимо трансформировать как структуру, так и содержание исходного объекта таким образом, чтобы итоговый текст не искажал изначального смысла и при этом соответствовал культурным, юридическим, экономическим, лингвистическим особенностям целевой среды (Зинкевич, 2018: 135). Таким образом, в современных научных исследованиях локализация веб-сайтов представляется продуктом междисциплинарной деятельности, выходящей за рамки передачи семантического соответствия оригинального поликодового текста.

При локализации веб-сайтов переводчики часто сталкиваются с разноплановыми проблемами, требующими нестандартных подходов к решению и глубокого знания различных аспектов, связанных со сферой функционирования локализуемого продукта. Основные проблемы локализации веб-сайтов можно подразделить на технические, лингвистические и культурологические. Охарактеризуем кратко каждую группу.

Технические проблемы связаны прежде всего с разработкой и оформлением самого цифрового продукта и его пользовательского интерфейса. Наиболее распространённые сложности в данной сфере зависят от направления и объёма печатного текста, корректного отображения различных символов и шрифтов (что особенно актуально для языков с иероглифической письменностью), оптимизация локализуемого продукта для использования в десктопной и мобильной версиях, а также с учётом различных устройств, браузеров, типичных для конкретного региона компьютерных и мобильных программ и иных технических особенностей. Для решения указанных проблем могут быть использованы специфические программные решения, специально созданные для локализации цифрового контента, а также могут быть

привлечены технические специалисты в информационной сфере – разработчики, тестировщики, дизайнеры, которые помогут сделать информационный продукт доступным и удобным для конечного пользователя.

Лингвистические проблемы локализации могут включать в себя недостаточное понимание контекста при переводе, отличия в переводе терминологической лексики, отсутствие учёта необходимости использования окончаний в зависимости от числа, лица, падежа, спряжения и т.д., использование артиклей / счётных слов, наличие безэквивалентных лексических единиц, различие устоявшихся форм языковых клише, отсутствие стандартизированных вариантов перевода специфической терминологии. Решение данных проблем в значительной степени зависит от лингвистической компетентности переводчика, его способности учитывать все возможные способы использования тех или иных слов и выражений, владение способами перевода терминологической лексики, имён собственных, идиом и иных устойчивых выражений в обоих используемых при локализации языковых системах. Эффективным способом минимизации лингвистических проблем может быть работа в тандеме либо в команде, в которой будут присутствовать носители обоих языков.

Культурологические проблемы локализации обусловлены существенной вариативностью восприятия мультимедийной информации целевой аудиторией в зависимости от множества уникальных особенностей менталитета, национальной психологии, религии, истории, культурно-этнических и иных аспектов. Сюда могут входить проблемы, связанные с выбором цветового решения интерфейса, дизайна кодовых символов и графических элементов, учёт интонации голоса диктора, формата написания официальных данных (даты, адреса и т.д.), различия в обращениях, учёт уважительной стилистики речи, наличие тех или иных ассоциаций и созвучий, и т.д. Решение такого рода проблем сопряжено с глубоким погружением переводчика в культуру страны-реципиента, уровнем его «насмотренности», уважением к тонкостям культуры, истории и религии конкретной страны, владением многочисленными нюансами восприятия и понимания мультимедийной информации целевой аудиторией. В данном случае также могут быть привлечены эксперты в сфере кросс-культурного взаимодействия и тестировщики из числа носителей целевой культуры для окончательной проверки и устранения возможных ошибок при локализации веб-сайта.

В процессе локализации сайта государственной компании «Аграрный Донбасс» для англоязычных пользователей мы столкнулись с рядом трудностей, относящихся ко всем трём перечисленным выше категориям, а именно: перевод терминологической и безэквивалентной лексики, необходимость использования грамматических и синтаксических трансформаций при переводе текста, адаптация систем измерения, необходимость использования приёмов транслитерации, существенные отличия в объёме текста (как в печатном, так и в аудио-формате), блокировка доступа к сайту некоторыми серверами, различия в формате стандартизированного написания определённых элементов деловой информации (например,

юридического адреса). При решении технических, лингвистических и культурологических проблем локализации веб-сайта «Аграрный Донбасс» автор работы опирался не только на собственные переводческие навыки, лингвокультурные и экстралингвистические знания, но также и привлекал помощь узких специалистов в технической сфере. Хотелось бы отметить, что при работе по локализации веб-сайта в команде важно чётко и грамотно распределять обязанности и сферы деятельности, а также иметь высокую мотивацию и заинтересованность в конечном результате.

Таким образом, среди наиболее значимых проблем локализации веб-сайтов можно выделить технические, лингвистические и культурологические трудности. Способы решения указанных проблем носят комплексный характер и подразумевают активные усилия переводчика по эффективному применению имеющихся у него знаний, навыков и компетенций, а также командную работу с профильными специалистами для решения отдельных трудностей и максимизации полученного результата.

Список литературы

1. Батчаева А.М. Понятие локализации и чем она отличается от перевода // Вестник науки. 2023. Том 2. № 9 (66). С. 137-140.
2. Зинкевич О.В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 135-137.
3. Саяхова Д.К. Языковая локализация видеоигр: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2021. 192 с.
4. Чистова Е.В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида переводческой деятельности // Культура и текст. 2020. № 3 (42). С. 161-175.
5. Якунина В.Г., Шевченко Е.В. Лингвоиндустрия: локализация и перевод // Наука без границ. 2017. № 6 (11). С. 16-20.

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ МОНАРХОВ РИЧАРДА I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ И РИЧАРДА III)

Миронова Галина Владимировна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: mironova_g@bsuedu.ru

Шейфель Наталья Анатольевна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

Исследовательский университет

E-mail: sheifel@bsuedu.ru

Аннотация: В настоящей публикации авторы раскрывают, насколько литературный образ, продублированный в многочисленных художественных произведениях, влияет на

восприятие реальной исторической личности. Авторы проводят сравнительный анализ описания исторических персоналий в исторических исследованиях и в литературных художественных произведениях. В качестве примера в статье проанализированы образы двух монархов династии Плантагенетов – Ричард I Львиное Сердце и Ричард III. Ричард I Львиное Сердце предстает в образе романтического красавца короля-воина, заботящегося о своем народе, в произведении В. Скотта «Айвенго». Король Ричард III изображается в исторической трагедии У. Шекспира «Король Ричард III» жестоким узурпатором и беспринципным преступником, при этом нравственное уродство связано с физическим. Авторы сравнивают литературное изображение реальных исторических персонажей с их описанием и восприятием историками и современниками.

Ключевые слова: Ричард I Львиное Сердце, Ричард III, литературный образ, историческая личность, художественная литература, исторические произведения

ROLE OF LITERATURE IN HISTORICAL FIGURES COMPREHENSION (A CASE STUDY OF RICHARD I THE LION HEART AND RICHARD III)

Galina Mironova

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: mironova_g@bsuedu.ru

Natalia Sheyfel

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: sheifel@bsuedu.ru

Abstract: This article represents an important topic to study because in modern society the literary image, duplicated in numerous works of fiction, affects the comprehension of a real historical person. The authors compare historical researches and descriptions with literary works of art. As an example, the article analyzes the images of two Plantagenet monarchs, Richard I the Lion Heart and Richard III. Richard I the Lion Heart appears as a handsome romantic warrior-king who cares about his people in W. Scott's novel "Ivanhoe". King Richard III is portrayed in W. Shakespeare's historical tragedy "King Richard III" as a cruel usurper and an unscrupulous criminal, whose moral ugliness is associated with physical ugliness.

Keywords: Richard I the Lion Heart, Richard III, literary image, historical figure, fiction, historical works.

Классическая литература способна творить чудеса, она влияет на разумы читателей и формирует всеобщее мнение. Подтверждений этому мы видим множество: образы персонажей, даже если они являются реальными историческими лицами, закрепленные в художественных произведениях и зачастую являющиеся художественным вымыслом автора, влияют на реальное восприятие данной личности. Насколько художественный образ может заслонить реальный, исторический?

Мало королей Англии могут похвастаться таким романтическим ореолом, окружающим их образ в художественной литературе, как Ричард I Львиное Сердце. Он прославился как герой многих английских баллад, и выписан идеальным правителем в известном романе сэра Вальтера Скотта «Айвенго». Образ монарха проходит через цикл произведений В. Скотта – «Айвенго», «Обрученная», «Талисман». Памятник Ричарду I Львиное Сердце украшает площадь перед Вестминстерским дворцом, зданием британского парламента.

Ричард I Львиное Сердце, представитель династии Плантагенетов, правил в Англии с 1189 по 1199 год. Будучи английским монархом на протяжении всего лишь десяти лет, большую часть этого времени он провел в крестовых походах и войнах за пределами своей страны.

В романах сэра Вальтера Скотта образ короля идеализирован, он изображается защитником своего народа, своих подданных. В главе XX романа «Айвенго» Ричард заявляет: «Едва ли найдётся человек, – отвечал рыцарь, – которому Англия и жизнь каждого англичанина была бы дороже, чем мне» (Скотт, 1980: 169).

В романе описывается противостояние норманнов с англосаксами, а король Ричард выступает в этом плане как апологет единого государства, где не должно быть вражды между народами. Именно с таким посылом в главе XLII романа звучат его слова: «Заветное моё желание заключается в том, чтобы все сыны Англии жили между собою в мире и согласии» (Скотт, 1980: 280).

В романе король описывается в один из своих кратких визитов после очередного крестового похода. И даже здесь делается акцент на том, что он рыцарь и не более того. Об этом говорится в главе XLI: «Ричард Плантагенет и не ищет иной славы, – отвечал король, – ему всего дороже та слава, которую он добывает своим мечом и копьём» (Скотт, 1980: 272).

В уста одного из персонажей – Сакса, автор вкладывает следующие слова во время пира: «... я хочу назвать такого норманна – первого среди храбрых и высшего по званию, лучшего и благороднейшего представителя своего рода. Если же кто-нибудь откажется признать со мною его вполне заслуженную славу, я назову того лжецом и бесчестным человеком и готов ответить за это моей собственной жизнью. Подымаю мой кубок за Ричарда Львиное Сердце!» (Скотт, 1980: 134).

А вот как описывает знаменитого монарха немецкий поэт Генрих Гейне в своем стихотворении «Ричард Львиное Сердце» (Heinrich Heine “König Richard” в пер. П. И. Вейнберга):

«Он закован в панцирь, крепкий как железо,
Но железа крепче дух его свободный.
То Ричард, что в свете прозван Львиным Сердцем,
Рыцарь знаменитый, воин благородный» (Русское слово», 1865, № 1, отд. : 150).

Такой образ короля создается в произведениях Вальтера Скотта и Генриха Гейне, а каким же был Ричард I Львиное Сердце на самом деле, что пишут о нем историки? Не очень красивая правда о монархе описывается многими. Так, Айзек Азимов в работе «История Англии. От ледникового периода до Великой хартии вольностей» отмечает: «Ричард кажется совершенно несостоятельной личностью. Он был плохим сыном и братом и редко видел дальше собственного носа. В его понимании роль короля ограничивалась глупыми рыцарскими странствованиями. Он был Дон Кихотом на троне» (Азимов, 2007: 272-273).

Другой английский историк Кристофер Дэниел так характеризует этого прославленного монарха: «Имя Ричарда окружено романтическим ореолом, он

является своеобразной легендой английской истории. Из поколения в поколение передаются рассказы о его героизме, о славных подвигах, которые Ричард совершал на полях сражений в Европе и в Святой Земле. При этом часто забывают о других его качествах, таких как эгоизм, жестокость и тщеславие. Его призванием была война, а не государственное управление. Англию он рассматривал как бездонную копилку, из которой можно черпать деньги для финансирования европейских авантур и крестовых походов. За свое десятилетнее правление он едва ли провел пять месяцев в Англии» (Кристофер, 2007: 107).

Английский специалист по британской истории Дэвид Макдауэлл подчеркивает, что, несмотря на то, что Ричард I всегда был одним из самых популярных английских королей, даже его прозвище *Coeur de Lion* указывает на его принадлежность к французской культуре: “Richard I has always been one of England’s most popular kings, although he spent hardly any time in England. He was brave, and a good soldier, but his nickname *Coeur de Lion*, “lionheart”, shows that his culture, like that of the kings before him, was French.” Автор резюмирует, что монарх был лишь всеобщим представлением об идеальном короле-феодале: “Richard was everyone’s idea of the perfect feudal king” (David McDowall, 2006: 23).

Историки отмечают и его второе прозвище – Ричард Да-Нет, что говорит об отсутствии твердости характера, и о готовности менять свои решения в любой момент. А. Азимов однозначно пишет о том, что король был гомосексуалистом. Однако для британского народа король остался героем, несмотря на то, что судьба страны и народа его на самом деле не интересовала, они были просто неплохим источником дохода: «Что же касается Англии, для которой он в итоге стал национальным героем, она его мало заботила, и он редко её посещал. Единственное, чем он реально был для Англии – это источником огромных расходов» (Азимов, 2007: 273).

У. Черчилль также много пишет о реальной личности короля в своей работе «Рождение Британии»: «Немногим обязан английский народ этому монарху, и тяжело заплатил он за его приключения. За 10 лет своего правления он лишь дважды побывал на родине, задержавшись там на несколько коротких месяцев» (Черчилль, 2010: 132).

Действительно Ричард I Львиное Сердце был душою рыцарем дальних стран, большую часть своей жизни он посвятил войнам, походам, освобождению Святой Земли, куда он отправился в Третий Крестовый поход. В результате этого похода он рассорился со всеми своими союзниками, которые взяли его в плен и потребовали выкупа, равного более чем годовому бюджету всей Англии.

«Англичанам намного больше пришелся бы по нраву король, который занимался бы делами государства, дал им мир и порядок, заботился об их растущем благополучии и вершил правосудие по всей стране... Король, ради освобождения Гроба Господня, буквально выставил королевство на продажу. Для его кампании в далекой Палестине нужно было любой ценой добыть деньги. Все должности в государстве продавались и перепродавались. Он вводил новые, тяжелые и неслыханные прежде налоги. Он требовал выплаты скутагия (налога, заменяющего военную службу), а затем восстановил плуговой

сбор – налог на каждую сотню акров земли. Так Ричард наполнял сундук для священной войны» (Черчилль, 2010: 133-134).

Последние годы своей жизни Ричард прожил на территории Франции, защищая свои французские земли, здесь он умер, и здесь же похоронен.

Удивительно, что монарх, не сделавший для страны ничего хорошего, только вытягивал из нее деньги, остается в сердцах ее жителей. Именно этот факт отмечает У. Черчилль: «Однако память о нем до сих пор волнует сердца англичан и доносит через века представление об образце воина» (Черчилль, 2010: 132).

Одним из исторических персонажей, чей образ очень ярко описан как отталкивающая личность, является английский король Ричард III. Ричард III, последний король династии Плантагенетов, правил Англией недолго, с 1483 по 1485 годы. Его смертью завершился период войны Алой и Белой розы. Ричард III получил большую известность благодаря литературным произведениям, в которых его описывают коварным и лицемерным узурпатором, чей путь к английскому трону усыпан трупами родственников, включая юных племянников, таинственным образом исчезнувших в Тауэре. Его однозначно отрицательный портрет складывается из произведений поэтов и писателей, и, казалось бы, его образ незыблем.

Демонический образ короля на многие столетия заложен в восприятии читателей и зрителей двумя гениями английской культуры эпохи Тюдоров – Томасом Мором и Уильямом Шекспиром.

Томас Мор считается автором «Истории Ричарда III», опубликованной впервые в 1543 году через 8 лет после казни самого Т. Мора. Сам автор был слишком юн во времена правления Ричарда III, и бытует мнение, что свое видение событий Т. Мор излагает исходя из мнений других (Барг, 1979; Кузнецов, 1998). Т. Мор описывает монарха человеком невероятно скрытным и беспринципным, мастером изощрённых интриг, мечтавшим захватить власть. Зная историю войны Алой и Белой розы, можно уверенно утверждать, что любому политику того времени невозможно было сохранить свою репутацию незапятнанной. Однако в последние десятилетия все больше пишут о том, что правление Ричарда III – исторически необоснованно оболгано.

За свое короткое царствование Ричард III показал себя энергичным администратором, который расширил торговлю и реорганизовал войско. Во время своего правления он издал несколько самых просвещенных законов за всю историю XV века, провёл ряд реформ, ставших популярными в народе. Монарх приказал писать законы на английском, а не на латыни, как это было принято в средневековье. В целом он сделал многое для укрепления экономики страны (Бурова, 1997: 102).

У. Черчилль также отмечает значительный вклад монарха в развитие страны, что подтверждает тот факт, что король был хорошим государственным деятелем: «Ричард приступил к проведению серии реформ во всех сферах управления. Он возродил власть парламента, чье влияние Эдуард IV стремился свести к нулю. Он объявил незаконной практику обогащения под видом добровольных приношений. После долгого перерыва парламент снова с

усердием занялся законодательной деятельностью и быстро принял целую серию актов, направленных на защиту коммерции. Был принят закон, регулирующий передачу земли под опеку» (Черчилль, 2010: 275).

Какие сведения о монархе можно узнать из пьес-хроник У. Шекспира? Гений тюдоровской драмы исходит из того, что моральный урод, каким предстает Ричард III в произведениях тех лет, обладает и физическим уродством.

Впервые с описанием короля читатель встречается в пьесе «Генрих VI»:

«А ты не вышел ни в отца, ни в мать,
Но безобразный, мерзостный урод
Судьбой отмечен, чтоб тебя бежали,
Как ядовитых ящериц иль жаб» (Весь Шекспир, 2001: 115).

Таким предстает монарх в словах королевы Маргариты, жены Генриха VI. В подтверждение этих слов, сам Ричард дает себе характеристику в другой пьесе У. Шекспира «Король Ричард III»:

«Я в чреве матери любовью проклят.
Чтоб мне не знать её законов нежных,
Она природу подкупила взяткой
И та свела, как прут сухой, мне руку
И на спину мне взгромодила гору,
Где, надо мной, глумясь, сидит уродство,
И ноги сделала длины неравной,
Всем членам придала несоразмерность.
Стал я, как хаос» (Весь Шекспир, 2001: 193).

То есть, по описаниям художественных произведений формируется четкий образ человека с сильным, врожденным физическим уродством: горбатый, хромо́й, кривобокий.

Однако подтвержденных данных о физическом уродстве, по крайней мере, описываемых многими историками и литераторами, не существовало до начала XXI века. В сентябре 2012 года было обнаружено захоронение Ричарда III в бывшем монастыре Серых братьев в Лестере, Англия. Изучение останков монарха не подтвердило наличия многочисленных физических уродств, приписываемых ему писателями. Результаты проведенного исследования показали ярко выраженный правосторонний сколиоз, который не был врожденным. Более того, экспертиза выявила большое количество следов боевых ранений: многочисленные резано-колотые раны черепа, ребер, таза. Тем самым развеивается миф о горбуне с высохшей рукой, и появляется образ храброго воина, погибшего на поле боя.

Уже упомянутый английский историк Кристофер Дэниел в своей книге отмечает тот факт, что точка зрения о причастности Ричарда III к убийству принцев в Тауэре, которая разделяется многими историками, сформирована и «... сознательно поощрялась пришедшей к власти династией Тюдоров, которые положили немало сил, чтобы дискредитировать Ричарда». Ученый отмечает и роль В. Шекспира, который создал в своей драме «Ричард III» «... уродливого, властолюбивого монстра, который не остановился перед убийством принцев» (Кристофер, 2007: 157-158).

Таким образом, отрицательный, уродливый во всех отношениях литературный образ монарха Ричарда III – фигуры бесспорно противоречивой, исторической и мифической одновременно – превалирует в сознании английской нации.

Как показал анализ исторических источников реальные исторические деятели, вошедшие в британскую историю, и их образы, созданные в литературе, далеко не всегда отражают правдивую картину. Героизация, мифологизация и идеализация, или, наоборот, очернение реальных исторических личностей – это результат воздействия литературы на восприятие их образов в глазах английской нации. Редкий король вошел в историю, обладая таким романтическим ореолом героя, красавца, любимца народа, который запечатлен в литературе в романе В. Скотта в образе идеального короля. Ричард I Львиное Сердце вошел в историю и литературу как воинствующий герой-рыцарь, но бесспорным остается тот факт, что для своей страны как монарх он ничего не сделал.

Совершенно противоположная история с королем Ричардом III, который в произведениях описан как жестокий узурпатор с отталкивающей внешностью, однако, на деле он показал себя неплохим государственным деятелем, который интересовался своей страной и ее будущим.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ, созданный в литературном произведении, в большинстве случаев будет далек от истины. И, чтобы оценить реальный вклад человека в историю, нельзя полагаться на художественный вымысел писателя, для которого история является лишь гвоздем, на который автор вешает свою картину.

Список литературы

1. Азимов А. История Англии. От ледникового периода до Великой хартии вольностей. Москва: ЗАО «Центр-полиграф», 2007. 319 с.
2. Барг М.А. Шекспир и история. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979. 216 с.
3. Бесчестие или триумф Английские археологи нашли останки Ричарда III. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/02/06/richard/?ysclid=m8nc8njwwt169493856> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Бурова И. Английские монархи. СПб.: «Норинт», 1997. 240 с.
5. Весь Шекспир. В 2-х томах. Т.1. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. 896с.
6. Кристофер Даниэл. «Англия. История страны». М: Эксмо, СПб: Мидгард, 2007. 480 с.
7. Кузнецов Е. «История Ричарда III» Томаса Мора как исторический источник // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М.: Наука, 1998. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.ru/INOOLD/MOR/more0_3.txt (дата обращения: 27.03.2025).
8. «Русское слово», 1865, № 1, отд. I, с. 150.
9. Скотт В. Айвенго. М.: "Правда", 1980. 400 с.
10. Черчилль У. С. Рождение Британии. М.: Русич, 2010. 574 с.

11. Шохина А.Н. Образ короля Ричарда I как художественное воплощение мечты о «народном короле» (на примере исторического романа В.Скотта «Айвенго») 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-korolya-richarda-i-kak-hudozhestvennoe-voploschenie-mechty-o-narodnom-korole-na-primere-istoricheskogo-romana-v-skotta-ayvengo/viewer> (дата обращения: 27.03.2025).
12. David McDowall. An illustrated history of Britain. Longman, 2006. 188 p.

СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Мирошниченко Лариса Николаевна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный

национальный исследовательский

университет

E-mail: miroshnichenko_l@bsuedu.ru

Водолазская Арина Павловна

студентка 4-го курса

Белгородский государственный

национальный исследовательский

университет

E-mail: 1545784@bsuedu.ru

Аннотация: В статье исследуются стратегии речевого манипулирования в современном дипломатическом дискурсе на примере выступлений министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова и госсекретаря США Э. Блинкена (2021-2023 гг.). Проводится сравнительный анализ лингвистических инструментов, используемых в русско- и англоязычной дипломатической коммуникации, выявляя их культурно-обусловленные различия.

Ключевые слова: речевое манипулирование, дипломатический текст, политический дискурс, лексические инструменты речевой манипуляции.

STRATEGIES OF SPEECH MANIPULATION IN DIPLOMATIC TEXTS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH)

Miroshnichenko Larisa Nikolayevna

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State National Research University

E-mail: miroshnichenko_l@bsuedu.ru

Arina Vodolazskaya

4-year student

Belgorod State National Research University

E-mail: 1545784@bsuedu.ru

Abstract: The article studies the strategies of speech manipulation in modern diplomatic discourse on the example of speeches of the Russian Foreign Minister S.V. Lavrov and the US Secretary of State E. Blinken (2021-2023). A comparative analysis of linguistic tools used in Russian- and English-language diplomatic communication is carried out, revealing their culturally conditioned differences.

Keywords: speech manipulation, diplomatic text, political discourse, lexical tools of speech manipulation.

Современная дипломатия – это не только переговоры и официальные документы, но и тонкое искусство речевого воздействия, где каждое слово может иметь скрытый смысл и значительные последствия. В условиях усиления международной конкуренции языковые стратегии манипулирования становятся ключевым инструментом в достижении политических, экономических и социальных целей. Особый интерес представляет сравнительный анализ таких стратегий в русско- и англоязычных дипломатических текстах, поскольку они отражают не только лингвистические, но и культурно-исторические особенности коммуникации.

Цель статьи – выявить и сопоставить основные стратегии речевого манипулирования в русских и английских дипломатических текстах (2021-2023 гг.), проанализировав их языковые и стилистические особенности. В качестве материала исследования используются публичные выступления, официальные интервью и заявления для прессы Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова и Государственного секретаря США Э. Блинкена.

Речевое манипулирование, как механизм косвенного воздействия, позволяет дипломатам формировать нужные смыслы, сохраняя формальную нейтральность. Дипломатический дискурс как объект лингвистического исследования предполагает его жанровое распределение на две основные формы: письменный (официально-документальный) формат, включающий дипломатическую переписку, международные договоры и соглашения, официальные заявления и меморандумы, и устный (обиходно-деловой) формат, охватывающий переговорный процесс, дипломатические беседы, публичные выступления, пресс-комментарии (Попкова, 2023: 260-261).

Устная дипломатическая коммуникация разделяется на закрытую (переговорный процесс между двумя или более сторонами) и открытую (публичную), которая в свою очередь «требуется особого красноречия для убеждения широких масс в правильности своей позиции» (Попкова, 2023: 261).

В.Е. Чернявская в работе «Дискурс власти и власть дискурса» (2006) определяет речевое манипулирование как «речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно совпадают с интересами адресата» (Чернявская, 2006: 19).

Ключевым механизмом реализации коммуникативного воздействия выступают языковые средства, обеспечивающие применение конкретных стратегий и тактик общения. Под коммуникативной стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2009: 182). Лингвистические инструменты выполняют функцию «трансляторов смыслов», способных трансформировать когнитивные установки адресата, влиять на его эмоциональное восприятие и направлять поведенческие реакции. Через призму этих лингвистических механизмов

раскрывается сложная природа дипломатического общения, где каждое слово и синтаксическое построение выполняет не только номинативную, но и стратегическую функцию, балансируя между эксплицитностью и имплицитностью высказывания.

Феномен речевого манипулирования в дипломатических текстах реализуется с помощью комплекса языковых средств, функционирующих на всех уровнях языковой системы: лексическом, синтаксическом, грамматическом и стилистическом. Однако ключевую роль в реализации манипулятивных стратегий играют именно лексические единицы, поскольку они обладают уникальной способностью имплицитно трансформировать восприятие действительности у реципиента. О.С. Иссерс отмечает, что выбор «номинативной единицы, ее семантическая структура, стилистическая окраска, парадигматические и синтагматические связи определяют речевоздействующий потенциал слова» (Иссерс, 2009: 126).

В работе рассматриваются ключевые лексические приемы манипуляции, специфичные для устной дипломатической коммуникации.

Речевая манипуляция на лексическом уровне реализуется через использование отдельных слов и словосочетаний. К.В. Никитина предлагает классифицировать лексические инструменты речевой манипуляции (ИРМ) на три группы в зависимости от того, какой аспект лексической единицы как языкового знака задействуется в процессе манипуляции: лексико-семантические, лексико-синтаксические, лексико-прагматические (Никитина, 2006: 10).

Лексико-семантическая группа включает ИРМ, основанные на взаимосвязи между словом и выражаемым им понятийным содержанием: конверсивы, номинализация, перифразы и уточнения, оценочная лексика, собственно вторичная номинация, стилистические средства (метафора, метонимия), «слова-амебы» (лексика с размытой семантикой), софистицизмы, заимствованные слова, квантификаторы (приемы генерализации и создания неопределенности) (Никитина, 2006: 10).

Лексико-синтаксические ИРМ функционируют за счет специфических отношений между лексическими единицами. В данную группу входят такие лексические единицы, как «слова с особыми семантическими отношениями (синонимы, антонимы, гиперонимы), реактивация и инновация словообразовательных моделей, противопоставление и сравнение, комбинаторные изменения готовых выражений» (Никитина, 2006: 11).

Лексико-прагматические ИРМ оказывают воздействие преимущественно через выражение авторского отношения к описываемому объекту. Прагматическая составляющая лексических единиц в данном случае проявляется в экспрессивно-эмоциональной оценке и разнообразных коннотациях (дополнительных смысловых оттенках). К их числу относятся «дейктики, слова и выражения с модальным значением, слова с оценочной коннотацией и контекстные оценочные слова, слова с эмотивной, экспрессивной, стилистической и идеологической коннотациями, различные способы реализации негативной и позитивной вторичной номинации

(эвфемизмы, мелиоративы, прозвища, дисфемизмы, ярлыки, пейоративы, аноминация) (Никитина, 2006: 11).

В выступлении С.В. Лаврова на форуме «Примаковские чтения» в 2021 году геополитическое противостояние описывается через метафору: «Мы не играем в одни ворота, но и не позволим превратить диалог в монолог» (Выступление и ответы на вопросы ..., 2021). Спортивная метафора «играть в одни ворота», будучи простой и понятной широкой аудитории, эффективно упрощает сложные политические реалии до наглядной аналогии и формирует у слушателей устойчивое негативное восприятие действий противоположной стороны, вызывая чёткие ассоциации с неспортивным поведением и нарушением базовых принципов честной игры. Подобная образность позволяет выразить критику в завуалированной форме, избегая при этом прямых обвинений, но при этом создавая у аудитории однозначное понимание недопустимости «односторонней игры» в международных отношениях.

Применение антитезы через противопоставление понятий «диалог» и «монолог» служит эффективным риторическим приёмом для акцентирования собственной позиции. Данный контраст работает на манипулятивном уровне, создавая бинарную смысловую конструкцию: «диалог» с его положительными ассоциациями противопоставляется «монологу», несущему явно негативный оттенок. В таком контексте Россия позиционируется как приверженец равноправного взаимодействия, тогда как действия оппонента неявно характеризуются как односторонние и диктаторские. Этот приём позволяет сформировать у аудитории нужное восприятие политической ситуации без прямых обвинений, используя лишь силу контрастных смысловых оттенков.

Рассмотрим следующее высказывание С.В. Лаврова: «Красные линии в отношениях с зарубежными партнерами будем определять мы сами» (Выступление и ответы на вопросы ..., 2021).

Метафора «красные линии» – термин из дипломатического лексикона, изначально означающего «непереходимые границы», вызывает ассоциации с четкими, почти физическими ограничениями и задаёт тон безапелляционности и непререкаемости, рисуя в сознании слушателя образ четких границ, переступать которые недопустимо. Особую манипулятивную нагрузку несёт ироничное употребление слова «партнёры» по отношению к тем, кому фактически предъявляется ультиматум: создаётся когнитивный диссонанс – формально сохраняется видимость диалога, но по сути предлагается монологичная форма взаимодействия, где одна сторона единолично устанавливает правила игры. Такая двойственность позволяет одновременно сохранять видимость дипломатичности и демонстрировать жёсткую позицию. Внутренней аудитории это подаётся как проявление государственного суверенитета, внешней – как скрытое предупреждение зарубежным странам без прямых угроз.

В устных дипломатических текстах С.В. Лаврова нами выделены так же следующие лексические ИРМ:

- абстрактная лексика: «укрепляются позитивные тенденции», «демократизация межгосударственных связей» – сознательное применение

расплывчатых, но эмоционально положительных понятий, которые создают иллюзию конкретики при отсутствии измеримых показателей;

- оценочная лексика с позитивной коннотацией: «важное преимущество», «предсказуемость и устойчивость», «на благо развития сотрудничества», «активно способствовать», «мирные перемены» – создание положительного образа, намерение честного разговора;

- лексика с негативной коннотацией: «агрессивное нежелание», «привилегированное положение», «не готовы к честному диалогу», «подрывает доверие», «размывает возможности дипломатии», «развал договоренностей», «навязывание извне», «натовцы <...> просто забалтывают <...> предложения», «разграбление природных богатств» – дискредитация оппонентов;

- антонимы и противопоставления: ««начальники» и подчиненные», «комплекса неполноценности» – «комплекс полноценности»;

- эвфемизмы: «состояние повышенной турбулентности» (аналогия с хаосом), «т.н. узко сформулированные ценности»;

- пейоративы (слова и словосочетания, выражающие отрицательную оценку чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание, иронию или презрение): «хайли лайкли», ««демократизаторская» повестка», «советология», «русология», «русофилия», «состояние умов», ««послушные» члены западного клуба», «мессианский задор», «т.н. саммит демократий», «отсидеться в тихой гавани».

- метафоры и образные выражения: «китайская мудрость» (апелляция к авторитету), «многополярный мир» (концепт, подразумевающий упадок Запада), «полицентричность, основанная на коллективном лидерстве» (альтернатива «диктату Запада»), «индикатор состояния умов», «историческая миссия», «разрушили многие из договоров», «сверхдержавные амбиции», «естественные, Богом данные преимущества», «пропаганда, оглушающая в том числе и американскую элиту»;

- квантификаторы и обобщения (создание нужных акцентов без конкретики): «многие другие сталкиваются» (намек на широкую поддержку без указания конкретных стран), «примеров такого подхода множество» (без перечисления), «грядут некие «прорывы», «кто-то танцует брейк-данс»;

- устойчивые словосочетания и афоризмы: «истина в последней инстанции», «обратить вспять естественный ход истории», «для танго нужны двое».

Таким образом, лексические ИРМ в выступлениях С.В. Лаврова используются для формирования контролируемого восприятия политической реальности – создания позитивного образа России как ответственного и миролюбивого актора, одновременно дискредитируя оппонентов через эмоционально окрашенные ярлыки и упрощённые аналогии. Абстрактная лексика и квантификаторы позволяют избегать конкретики, сохраняя риторическую гибкость, в то время как метафоры, эвфемизмы и оценочные противопоставления переводят сложные геополитические процессы в плоскость моральных дихотомий («справедливость vs. диктат»).

В англоязычном дипломатическом дискурсе Э. Блинкена (2023 г.) ключевым инструментом формирования политического нарратива выступает эмоционально-оценочная лексика, сочетающаяся с юридической терминологией и апеллирующая к гуманитарным ценностям. Ярким примером является интервью Маргарет Бреннан, ведущей программы «Face the Nation» (22.10.2023), с Энтони Блинкеном, в котором госсекретарь США последовательно использует лексические паттерны, направленные на легитимацию позиции Израиля и системную дискредитацию ХАМАС.

Эмоционально окрашенная лексика служит для формирования негативного образа. Например, во фразе «*Hamas invaded Israel with its terrorist fighters and slaughtered... men, women, young children, babies*» (Transcript ..., 2023) глаголы «*invaded*» (вторглись) и «*slaughtered*» (зверски убили) не просто фиксируют события, но и драматизируют их, подчеркивая нарушение фундаментальных моральных норм. Перечисление категорий жертв («мужчины, женщины, дети, младенцы») усиливает эмоциональное воздействие, формируя у аудитории однозначное осуждение. Данный прием позволяет перевести обсуждение конфликта из политического поля в этическое, лишая оппонента возможности рационального обоснования своих действий.

Параллельно юридическая терминология используется для правовой легитимации позиции. В высказывании «*Israel has both the right and even the obligation to defend itself*» (Transcript ..., 2023) акцент на словах «*right*» (право) и «*obligation*» (обязанность) отсылает к статье 51 Устава ООН, закрепляющей право на самооборону. Наречие «*even*» (даже) усиливает категоричность, преобразуя допустимость ответных мер в моральный императив. Таким образом, лексический выбор не только оправдывает действия Израиля, но и исключает дискуссию о пропорциональности ответа, предупреждая потенциальную критику.

Лексика, репрезентирующая обвинение, структурируется путем бинарных оппозиций. Противопоставление «*terrorist fighters*» (террористические боевики) (применительно к ХАМАС) и «законная самооборона» (в отношении Израиля) формирует нарратив, где первая сторона репрезентируется как «нарушитель международных норм», а вторая – как «жертва, осуществляющая правомерные действия». Характерно, что даже упоминание о гибели палестинских детей сопровождается семантическим смещением акцентов уточнением «*deliberately put in the crossfire by Hamas*», что переводит фокус внимания с последствий конфликта на вину оппонента.

В отличие от русскоязычного дискурса, где доминируют абстрактные понятия и метафоры, в текстах Блинкена преобладают нормативные термины («*right*», «*obligation*», «*international law*») и эмоциональные маркеры («*slaughtered*», «*gut*»). Это соответствует культурной специфике западного политического дискурса, где сочетание юридической аргументации и эмоциональной риторики служит для достижения максимального убеждающего эффекта.

Анализ языковых средств из выступления Э. Блинкена демонстрирует системное использование лексических ИМР, направленных на конструирование однозначного политического нарратива, где позиция США и их союзников

подаётся как морально-правовая аксиома. В отличие от речевых стратегий С.В. Лаврова, опирающихся на метафоры, абстракции и иронию, дискурс Блинкена строится на двух взаимодополняющих столпах – эмоционального вовлечения и нормативной легитимации, что отражает особенности западного политического коммуникативного кода. Русскоязычная дипломатия использует имплицитные методы (метафоры, обобщения), сохраняя риторическую гибкость. Англоязычная дипломатия опирается на эксплицитные стратегии (эмоциональные и нормативные клише), обеспечивая быстрое воздействие.

Речевая манипуляция в дипломатии функционирует как инструмент мягкой силы, адаптированный под культурные коды аудитории. Русскоязычный дискурс использует метафоры и эвфемизмы для минимизации конфронтации, тогда как англоязычный делает ставку на нормативные рамки и эмоциональное восприятие. Дипломатам необходимо углублённое понимание того, как одни и те же концепции могут трактоваться через призму равенства сторон или в зависимости от политического контекста. Для лингвистов актуальной задачей становится разработка методик оперативного декодирования скрытых смыслов, особенно в условиях гибридных конфликтов, где информационная война ведётся через те же каналы, что и официальная дипломатия.

Список литературы

1. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на международном форуме «Примаковские чтения» в режиме видеоконференции, Москва, 9 июня 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1752157/ (дата обращения: 27.03.2025).
2. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
3. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе сми (на материале газет США). Специальность 10. 02.04 – германские языки. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 24 с.
4. Попкова Е.М. Дипломатический дискурс в современной парадигме подходов к преподаванию иностранных языков / Е.М. Попкова, О.М. Палагина. Казанский лингвистический журнал. 2023. № 6(2). С. 257-270.
5. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
6. Transcript: Secretary of State Antony Blinken on «Face the Nation». 2023 // CBS News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/antony-blinken-secretary-of-state-face-the-nation-transcript-2023-10-22/> (дата обращения: 27.03.2025).

СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ КОНГОЛЕЗСКИМ ЯЗЫКАМ

Нгатеёо Акони Шани Павел

ст. преподаватель

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: ngatheyo@bsuedu.ru

Аннотация: Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, в какой степени словарь может быть инструментом обучения конголезским языкам. В процессе обучения этих языков, словарь будет не только справочным документом, содержащим все слова языка и предоставляющим фонетические, морфологические, семантические и этимологические данные для каждого из них и т. д. Он также станет дидактическим инструментом, позволяющим студентам и школьникам овладеть необходимыми знаниями изучаемых языков.

Ключевые слова: Конголезские языки, словарь, обучающийся, лексикографические единицы, преподавание.

THE DICTIONARY AS A RESOURCE FOR TEACHING CONGOLESE LANGUAGES

Ngatheyo Akony Chany Pavel

Senior lecturer

Belgorod State University

E-mail: ngatheyo@bsuedu.ru

Abstract: The aim of this article is to show to what extent a dictionary can be a tool for teaching Congolese languages. In teaching these languages, a dictionary will not only be a reference document containing all the words of a language and providing phonetic, morphological, semantic and etymological data for each of them, etc. It will also be a didactic tool to enable students and pupils to acquire the necessary knowledge of the languages studied.

Keywords: Congolese languages, dictionary, learning, lexicographic units, teaching.

Вопрос изучения иностранных языков сохраняет свою значимость на протяжении длительного времени. В условиях усиления многополярного мира и расширения российско-африканских связей изучение африканских языков приобретает стратегическое значение. Эксперты в области международных отношений и лингвистики отмечают, что владение языками Африки открывает новые возможности для углубления политического, экономического и культурного взаимодействия.

Российские университеты и научные центры постепенно включают изучение африканских языков в образовательные программы, понимая их важность для подготовки специалистов по работе с континентом. Это соответствует курсу на укрепление позиций России в Африке, где знание местных языков способствует более эффективному диалогу с партнерами. Кроме того, поддержка изучения африканских языков в России способствует развитию гуманитарного сотрудничества, включая академические обмены, совместные исследовательские проекты и продвижение русского языка в африканских странах. Такой взаимовыгодный обмен укрепляет доверие и создает основу для долгосрочного партнерства. Таким образом, чтобы процесс

изучения конголезских языков и освоения основ межкультурной коммуникации был эффективным, важно использовать весь спектр справочных материалов, включая различные словари.

Под словарём понимается справочная книга, которая содержит слова (или словосочетания, морфемы, идиомы и т. п.), расположенные в определённом порядке (Большая российская энциклопедия, 2017). Также французский словарь Le Robert даёт следующее определение термина словарь: «сборник, содержащий слова, выражения языка, представленные в согласованном порядке и дающие определения, и информацию о них (Le Robert, 2020).

По мнению С.И. Ожегова, словарь – это «собрание слов (обычно в алфавитном порядке), устойчивых выражений, обычно расположенных по алфавиту и сопровождаемых пояснениями, значениями или переводами на другой язык (Ожегов, 2006: 782).

Каждый, кто изучает иностранный язык, помимо учебных материалов, рекомендованных в школе, вузе или на языковых курсах, неизбежно обращается к дополнительным источникам, в том числе к словарям.

В университетском образовании работе со словарём зачастую не уделяется должного внимания. Принято считать, что обучающиеся самостоятельно разберутся, как эффективно пользоваться словарём. Однако на практике педагоги часто сталкиваются с проблемой – студенты не умеют использовать это доступное и эффективное средство обучения. Большинство из них не рассматривают словарь как действенный источник получения знаний, предпочитая различные наглядные материалы, найденные в интернете. Многие воспринимают словарь лишь как хранилище значений слов, упуская его потенциал как инструмента для расширения словарного запаса, развития языковой интуиции и повышения уровня владения языком.

Словарь не только помогает расширить словарный запас, но и способствует развитию социокультурных и лингвострановедческих навыков. Как отмечает Е. Н. Соловова, «учебный словарь может использоваться не только в качестве справочного материала, но и как полноценное учебное пособие, способствующее развитию всех видов учебной деятельности и формированию коммуникативной компетенции» (Соловова, 2008).

На любом уровне владения языком, от начального до продвинутого, словари остаются важнейшим инструментом для изучающих. Он играет важную роль в современной культуре, отражая знания, накопленные обществом на протяжении веков. На самом деле словарь представляет собой ценный лингвистический инструмент, к которому обращаются не только для поиска значений неизвестных слов или новых значений уже знакомых, но и для уточнения правильного употребления, точного написания и точного толкования лексических единиц.

Республика Конго – это многоязычное государство, в котором сосуществуют многочисленные языки. Согласно исследованиям французского лингвиста Андре Жако, специалиста по языкам лаади (лари) и беembe, в Республике Конго насчитывается не менее 200 языков, включая языки банту и пигмеев. Их взаимодействие строится на принципе триглоссии – языковой

модели, при которой коммуникативные функции распределяются между этническим языком и двумя более развитыми языками, один из которых является импортируемым (французский язык). Официально признанными национальными языками в Конго являются мунукутуба и лингала. Французский язык обладает статусом официального языка и языка обучения в Конго.

Республика Конго активно проводит языковую политику, направленную на развитие национальных языков наряду с французским. В последние годы в стране наблюдается рост интереса к лингвистике, что отражается в появлении научных исследований, а также создании учебных и методических материалов для преподавания конголезских языков.

В контексте конголезских языков именно двуязычные словари могут играть ключевую роль в их сохранении и возрождении, особенно для тех, что оказались на грани исчезновения из-за малого числа носителей. Кроме того, он способствует стандартизации языков, лишённых или почти лишённых письменной традиции. Как верно отмечал Э. Азимов, использование двуязычного словаря в процессе обучения позволяет отнести его к числу учебных пособий, то есть к средствам, непосредственно используемым в целях изучения языка (Азимов, 2009).

Двуязычный словарь, безусловно, позволяет быстрее найти эквивалент. Основное предназначение двуязычного словаря заключается в том, чтобы ответить на вопросы о языке и его использовании, а также перевести элементы с исходного языка на целевой.

В Конго, где у многих языков слабо развита письменность, словари могли бы стать инструментом стандартизации. Будучи надежным дидактическим инструментом, словарь способен сыграть ключевую роль в стандартизации орфографии национальных языков. Основной целью, которую необходимо достичь в этом случае, является достижение и совершенствование институциональной коммуникации между представителями одного или разных языковых сообществ.

Если допустить возможность введения двуязычного словаря в процессе изучения и преподавания конголезских языков, то остается выяснить, на каком этапе можно было бы предусмотреть его использование. Например, эмпирическое исследование, проведенное Лауфером и Меламедом, продемонстрировало, что для начинающих использование двуязычного словаря дает лучшие результаты, чем одноязычное, как для производства, так и для восприятия (Лауфером и Меламедом, 1994).

Как правильно отмечает Снелл-Хорнби, разработка двуязычного словаря для обучающихся должна быть частью общей педагогической стратегии, которая учитывает не только грамматические, но и прагматические и семантические аспекты. Этот подход особенно актуален в контексте обучения конголезских языков, которые зачастую ограничены в плане письменных ресурсов и преобладают в устной традиции (С. Хорнби, 1987).

Согласно данной модели, процесс овладения языком, включая конголезские языки, должен быть структурирован в три последовательные фазы:

Фаза погружения без использования словаря

На первом этапе использование словаря откладывается чтобы сосредоточиться на восприятии языка через аутентичные тексты и типичные коммуникативные ситуации. Для конголезских языков это может означать использование народных сказок, пословиц, диалогов повседневной жизни или фрагментов социальных взаимодействий. Лексика представляется в контексте, в виде лексических единиц, применяемых в реальной ситуации, что способствует интуитивному и прагматическому освоению словарного запаса.

Фаза обобщения и системного анализа

После того как обучающийся осваивает определённый лексический запас, единицы лексики можно обобщать и сопоставлять с языковой системой целевого языка. На этом этапе становится уместным вводить справочные материалы, в первую очередь контрастную грамматику, которая сравнивает изучаемый конголезский язык с родным языком обучающегося (чаще всего с французским). Этот этап является важным в условиях многоязычия, характерных для Республики Конго, где взаимодействие местных языков и доминирующих языков сильно влияет на процесс обучения.

Рефлексивная фаза и использование двуязычного словаря

Как только обучающийся достигает достаточного уровня, чтобы проводить сравнение между своей родной (L1) и изучаемой конголезской (L2) языковой системой, становится целесообразным вводить словарь для обучения, который будет одновременно билингвальным (французский – лингала, например). Такой инструмент должен не только предлагать лексические эквиваленты, но и разъяснять контекстуальные использования, коллокации, регистры языка, а также включать примеры, взятые из устных и письменных корпусов.

Сложно дать точную статистику о распространённости и использовании печатных словарей лингала-французского языка. Тем не менее, некоторые словари выделяются благодаря их признанию и активному использованию среди изучающих лингала и его носителей. Ниже представлены наиболее авторитетные словари:

Изучение и преподавание конголезских языков представляет собой значительный научный и педагогический интерес, и в этом контексте особую ценность имеет уникальный словарь «*Dictionnaire Lingala/Falansé. Français/Lingala*», написанный Ашем Тем Кавата и опубликованный в 2014 году, является ключевым справочником в конголезской лексикографии. Благодаря своему двуязычному предназначению и объёму, превышающему 9 000 терминов, он представляет собой ценный ресурс для носителей языка, учащихся и исследователей. Эта работа является частью усилий по стандартизации лингала и продвижению африканских языков в письменности.

Основной интерес этого словаря заключается в его грамматической и фонологической строгости. Каждое слово сопровождается лексическим тоном, что является неотъемлемым элементом в лингала – тональном языке, где значение слов часто зависит от интонации. Автор задумал этот словарь не только как лексический сборник, но и как инструмент лингвистической педагогики. Словарь также особенно полезен для тех, кто слушает музыку на

лингале, так как помогает понять тексты песен и распространенные выражения. В словарь также включены объяснения некоторых идиоматических выражений и пословиц, что придает его лингвистическому охвату сильный культурный аспект.

Этимологический словарь лингала-французский / французско-лингальский язык «*Le Dictionnaire étymologique lingala-français français-lingala*» является важным трудом для лингвистов, преподавателей, студентов и интересующих африканских языков. Написанный Гампоко Дума Ди Була и опубликованный в 2019 году, словарь представляет собой монументальный труд на 744 страницах, который предлагает обширное исследование этимологии терминов на языке лингала. Сопровождаемый подробной грамматикой, этот словарь отличается своим лексическим богатством и методическим подходом, что делает его незаменимым для лингвистов, студентов-лингвистов и тех, кто увлечен языковой культурой. Словарь обогащен многочисленными примерами употребления, взятыми из литературы, средств массовой информации и повседневного общения. Эти примеры контекстуализируют слова и фразы, облегчая их запоминание и понимание.

Киконго-французский словарь Карла Ламана *dictionnaire Kikongo-Français* (1936). Выбор этого словаря обусловлен тем, что он и сегодня является одним из лучших справочников по языкам киконго и их производным. Словарь Карла Эдварда Ламана содержит около 60000 лексических единиц. Он является результатом полевых исследований, проведенных автором в период с 1891 по 1919 год, и анализа документов, собранных в период с 1919 по 1936 год, когда работа была опубликована. Карла Эдварда Ламана отмечает, что этот словарь преследует три цели. Во-первых, он должен способствовать повышению языковых навыков пользователя и позволять ему проверять свои технические и грамматические знания. Во-вторых, он должен служить мостом между двумя совершенно разными мирами. Наконец, в-третьих, он должен позволить провести научный анализ, проведенный в соответствии с немецкими лингвистическими методами, применявшимися после Первой мировой войны для развития письменности (Laman, 1936: 470).

Таким образом, словарь в контексте изучения конголезских языков предстает не просто как справочное пособие, а как важнейший инструмент формирования языковой и межкультурной компетенции. В условиях многоязычия и слабой письменной традиции ряда африканских языков, особенно в Республике Конго, именно двуязычные словари становятся связующим звеном между носителями и изучающими язык, между устной культурой и академическим знанием. Они играют ключевую роль в сохранении, стандартизации и преподавании местных языков, что делает их важным элементом языковой политики и образования. Интеграция словарной работы в процесс обучения способствует не только лексическому обогащению, но и развитию критического мышления, языковой рефлексии и уважения к культурному многообразию. В этом контексте словарь выступает как лингвистический и дидактический инструмент, способный обеспечить эффективное усвоение языка и сохранить его лексическое богатство.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов. М.: ИКАР, 2009. 336 с.
2. Большая российская энциклопедия. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru>, свободный (дата обращения: 10.10.2023).
3. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс: пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е. Н. Соловова. М.: АСТ: Астрель, 2008. 238, [1] с.: ил., табл.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
5. Le Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris: Le Robert, 2020. 1200 p.
6. Laman, K. E. Dictionnaire kikongo-français, vol. 1, A–L / K. E. Laman. Bruxelles: rééd. de The Gregg Press Incorporated, 1964. 470 p. (1-е изд. 1936 г.)
7. Snell-Hornby, M. Towards a learner's bilingual dictionary / M. Snell-Hornby // The Dictionary and the Language Learner: Papers from the EURALEX Seminar at the University of Leeds, 1–3 April 1985 / ed. by A. Cowie. Tübingen: Niemeyer, 1987. P. 159–170.
8. Laufer, B., Melamed, L. Monolingual, Bilingual and 'Bilingualised' Dictionaries: Which are More Effective, for What and for Whom? / B. Laufer, L. Melamed // Euralex 1994 Proceedings / ed. by W. Martin et al. Amsterdam: Vrije Universiteit, 1994. P. 565–576.

ГИПЕРТЕКСТОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ОТ ПРОСТЫХ СТРУКТУР ДО ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Олизько Наталья Сергеевна

*доктор филологических наук, профессор
Челябинский государственный университет
E-mail: olizko@yandex.ru*

Юдина Ксения Владимировна

*Студентка 3-го курса
Челябинский государственный университет
E-mail: yudinak14@gmail.com*

Аннотация: В данной статье рассматривается развитие жанра гипертекстовой интерактивной литературы от самых ранних детских печатных книг до разножанровых историй для любой аудитории, генерируемых с помощью технологий искусственного интеллекта. Материалом исследования послужила книга-игра Р. Л. Стайна серии «Give Yourself Goosebumps» под названием «Please Don't Feed The Vampire!», интерактивные новеллы онлайн-издательства Choice of Games, а также интерактивные истории, сгенерированные искусственным интеллектом на платформе AI Dungeon. В ходе анализа трех разных стадий проявления категории гипертекстуальности в интерактивной художественной литературе, мы определяем роли и перспективы искусственного интеллекта в данной сфере. На сегодняшний день такие платформы генерации историй, как AI Dungeon, имеют ряд недочетов, мешающих комфортному взаимодействию пользователя с платформой. Данные недочеты вызваны техническими особенностями генерации текста.

Однако ряд таких важных факторов, как доступность для массовой аудитории и максимальная адаптация под желания пользователя в создании историй повышают перспективность использования искусственного интеллекта в данном литературном направлении.

Ключевые слова: гипертекстуальность, гипернарратив, искусственный интеллект, интерактивная литература, генеративный сторителлинг.

HYPERTEXT FICTION IN DIACHRONIC ASPECT: FROM SIMPLE STRUCTURES TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Natalia Sergeevna Olizko

Doctor of Philological Sciences, Professor

Chelyabinsk State University

E-mail: olizko@yandex.ru

Ksenia Vladimirovna Yudina

3rd year student

Chelyabinsk State University

E-mail: yudinak14@gmail.com

Annotation: This article examines the development of the genre of hypertext interactive literature from the earliest children's printed books to multi-genre stories for any audience, generated with the help of artificial intelligence technologies. The material of the study was R. L. Stein's game book of the Give Yourself Goosebumps series, interactive short stories by Choice of Games, and interactive stories generated by artificial intelligence on the AI Dungeon platform. By analyzing three different stages of manifestation of the category of hypertextuality in interactive fiction, we identify the roles and perspectives of artificial intelligence in this field. To date, story generation platforms such as AI Dungeon have a number of shortcomings that hinder the user's comfortable interaction with the platform. These shortcomings are caused by technical peculiarities of text generation. However, a number of such important factors as accessibility for mass audience and maximum adaptation to the user's desires in the creation of stories increase the prospects of using artificial intelligence in this literary direction.

Keywords: hypertextuality, hypernarrative, artificial intelligence, interactive literature, generative storytelling.

Гипертекстовая художественная литература представляет собой новаторский жанр в области литературы, который активно реализуется в эпоху цифровых технологий. Гипертекстовая литература расширяет границы традиционного понимания литературы, переосмысливая роль автора и читателя. В настоящее время искусственный интеллект стал неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, он используется в абсолютно разных сферах, среди них – литературное творчество и сфера развлечений. Миллионы людей создают собственные истории благодаря платформе интерактивных историй с помощью технологий искусственного интеллекта.

Актуальность исследования обусловлена активным развитием как гипертекста в целом, так и его литературных форм в современном интернет-пространстве, а также недостаточным количеством исследований в данной области.

Материалом исследования послужила книга-игра Р. Л. Стайна серии «Give Yourself Goosebumps» под названием «Please Don't Feed The Vampire!»,

интерактивные новеллы онлайн-издательства Choice of Games, в частности истории «Choice of the Dragon» и «Crème de la Crème», а также интерактивные истории, сгенерированные искусственным интеллектом на платформе AI Dungeon. В работе используются следующие методы исследования: описательно-аналитический метод, включающий прием сопоставления, интерпретации и обобщения.

Термин «гипертекст» ввел Т. Нельсон в 1960-х годах, определяя его и как форму электронного текста, и как потенциально новый вид оформления информации. Под «гипертекстом» он в первую очередь понимает непоследовательный текст, который «разветвляется», предоставляя читателю множество вариантов на выбор и который лучше доступен в электронном виде (Nelson, 1965: 96).

Одним из основных определений «гипертекста» является описание «идеального текста» Р. Барта: «идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в бесконечной дали... этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка» (Барт, 2001: 33).

Р. Барт как сторонник течения постструктурализма связывает определение гипертекста с внутренней противоречивостью текста, нахождению в нем «скрытых смыслов». Данное определение соответствует современному определению «компьютерного гипертекста» – текста, представляющего собой блоки информации, соединенные между собой в электронном виде с помощью ссылок, сети и путей. Упомянутым выше блокам информации Р. Барт дает название – «лексия» (lexia).

В современной лингвистике активно проходят исследования в рамках так называемой теории интерактивного цифрового нарратива (Interactive Digital Narrative Theory). Среди определений данной формы нарратива можно выделить утверждение американских исследователей М. Ридла и В. Булитко: «интерактивное повествование представляет собой форму цифрового интерактивного взаимодействия, при котором пользователи создают или влияют на драматическую сюжетную линию посредством определенных действий или решений. Данное взаимодействие проявляется двумя способами: пользователь может либо принять на себя роль персонажа в вымышленном виртуальном мире и отдавать этому персонажу команды с помощью компьютерной программы, либо непосредственно управлять состоянием вымышленного мира в целом. Чаще всего интерактивное повествование рассматривается как форма интерактивного развлечения, однако оно может использоваться и для серьезных целей, таких как образование» (Riedl, Bulitko, 2012: 68).

Ученые изучают особенности цифрового сторителлинга в разных формах, в том числе интерактивные истории, генерируемые искусственным

интеллектом. Интерактивный цифровой нарратив (IDN) представляет собой форму повествования на платформах цифровых медиа, которая способна адаптироваться под задачи и желания пользователя. Так, главным отличием нового вида нарратива от традиционной линейной формы повествования является активное участие пользователя (читателя) в развитии повествования благодаря широкому выбору действий и интерактивных элементов: «такой сдвиг в парадигме сторителлинга увеличивает потенциал для творческого выражения, пользователи получают возможность для более активного и персонализированного взаимодействия с нарративом» (Interactive Digital ..., 2023: 6). Как отмечает Дж. Мюррей, интерактивный цифровой нарратив отличается такими факторами, как иммерсивность (полное погружение читателя в историю), способность читателя влиять на историю, а также способность к трансформации – проявления цифровой многоплановости и адаптации к запросам читателя (Murray, 1997: 71).

Опираясь на исследование форм гипертекстуального повествования Дж. Ландоу (Lindow, 2006: 218), можно выделить следующие критерии анализа гипертекстуальных произведений:

1. Степень вовлеченности читателя, его выбор и возможности для взаимодействия с текстом.
2. Структура гипертекста, организация лексий.
3. Наличие и характер экстралингвистических элементов, таких как изображения или звук.
4. Многообразие и вариативность литературных элементов, таких как сюжет, характеры персонажей, обстановка и другие аспекты повествования.

В данной работе мы рассмотрим, как изменился жанр художественной гипертекстовой литературы с начала XXI века и по сегодняшний день. Для анализа мы используем вышеуказанные критерии, приведенные на основе работ Дж. Ландоу.

Первый объект анализа – книги-игры серии «Give Yourself Goosebumps» Р. Л. Стайна. Это детские интерактивные книги жанра хоррор. Структура книг основана на концепте книг «Choose Your Own Adventure» Э. Пакарда, созданных в 1980-е годы.

Второй объект – интерактивные новеллы онлайн-издательства Choice of Games. Основатели компании Д. Фабулич и А. Стронг-Морс создали программу для написания интерактивных романов под названием ChoiceScript. С 2010 года компания опубликовала более 150 интерактивных новелл на платформе Steam, собственном веб-сайте, а также в мобильных приложениях.

Третий объект – «AI Dungeon» – текстовая онлайн-игра, где искусственный интеллект в режиме реального времени генерирует историю, реагируя на любые действия игрока. Создан разработчиком Latitude в 2019 году. Платформа работает только на английском языке.

Исследуя взаимодействие читателя с текстом, прежде всего, нужно выделить технические свойства анализируемых объектов.

Работы Стайна издаются в печатном и оцифрованном вариантах. В конце каждой лексии читателя либо перенаправляют на конкретную страницу, либо предоставляют выбор и прилагают к каждому варианту отдельную страницу:

«If you want to escape from this place, turn to PAGE 79» (Stein, 1997: 16).

«If you want to lick up the blood, turn to PAGE 110».

Можно заметить, что читать оцифрованную версию книги гораздо удобнее ввиду наличия гиперссылок. Причем электронные версии не были полностью адаптированы под такой формат. Если в бумажной версии «turn to page ...» выглядит логично, то в электронной это совсем не обязательно, ведь читатель переходит к нужной лексии, «кликая» на гиперссылку с анкором-номером страницы и необходимости переворачивать пролистывать книгу нет. Тем не менее, данный фактор понижает уровень иммерсивности.

С развитием технологий и появлением программы ChoiceScript, мы можем проследить ряд изменений и улучшений по данному критерию. Во-первых, формат интерактивной литературы компании Choice of Games полностью электронный. В связи с этим происходят изменения в оформлении анкорных ссылок и возможностей выбора для читателя. Авторы историй Choice of Games также стараются использовать в одной лексии не больше 170-190 слов. В конце лексии, где читателю необходимо перейти к следующему фрагменту без элемента выбора, используются два вида анкорных ссылок: в большинстве историй применяются ссылки с анкором «Next» – они не имеют смыслового отношения к истории и не дают представления о том, что ждет читателя в следующей лексии. В более поздних работах авторы сделали анкорные ссылки для каждой «безвыборной» лексии индивидуальными, но не превышающими трех-четырёх слов для удобства их восприятия: *«Thirty Minutes Later»*, *«The Door Slams»* или *«Step Forward»*.

Еще одно изменение в формулировке действий читателя на выбор: если в книгах Стайна используются условные предложения с указанием страницы (*«If you want to escape from this place, turn to PAGE 79»* (Ibid)), то в новеллах Choice of Games списку возможных действий может предшествовать вопрос от автора, например, *«How do you defend yourself, O mighty dragon?»* (Choice of the Dragon, URL), либо в конце лексии читателю сразу предлагаются действия или реплики на выбор, не прерывая ход истории на «голос автора».

Технологии искусственного интеллекта представили новый и во многом отличный от анализируемых ранее книг формат интерактивной литературы. Это касается роли читателя и его возможности выбора пути повествования. Начнем с того, что, в отличие от предыдущих работ, в историях AI Dungeon варианты выбора устанавливаются читателем, то есть ограниченный список заранее подготовленных вариантов действий персонажа не предоставляется. В конце фрагмента, сгенерированного искусственным интеллектом, читатель может описать дальнейшие действия или реплику своего героя. Так, читатель создает уникальный сюжет в режиме реального времени, являясь в то же время и автором истории – границы между автором и читателем, в сравнении с другими формами гипертекста, максимально децентрализованы. В случае, если читатель не хочет продолжать развитие конкретной ветки, он может либо использовать команду «Retry», чтобы искусственный интеллект изменил формулировку конкретной лексии, либо вернуться на нужное количество «шагов» назад с помощью кнопки «Erase» и сделать другой выбор в нужном моменте.

Таким образом, мы можем проследить степень размытия границ между автором и читателем: в работах Стайна роль автора четко определена или же централизована (ветви повествования и возможные концовки ясные и окончательные), в историях Choice of Games автор и читатель имеют практически равный вклад в создание истории (ветви повествования нечеткие и неокончательные за счёт дополнительных возможностей читателя), истории AI Dungeon показывают децентрализацию роли автора (читатель сам становится автором, а искусственный интеллект – инструмент создания повествования, вспомогательный элемент).

Говоря о взаимодействии читателя с текстом, в Choice of Games читатель может самостоятельно настроить цензуру в историях. Это касается как скрывания бранных слов, так и установления рейтинга и предупреждений о шок-контенте. В случае с AI Dungeon, данные настройки можно внести в «Author's Note», однако в ходе повествования искусственный интеллект может «забыть» о данном запросе или же неправильно интерпретировать формулировку инструкции пользователя. Проявление таких ошибок пользователи программы любят собирать в сообществе Reddit. Вот один из примеров, когда искусственный интеллект не просто игнорирует ограничения пользователя, но и саркастически их комментирует: *«As you head to your bedroom, you can't help but feel a sense of pride and accomplishment, even though the story explicitly states that such feelings are forbidden»* (AI Dungeon: URL). Искусственный интеллект посчитал необходимым описать чувства героя и не согласился с пожеланиями пользователя, о чём решил уверенно заявить в ходе повествования. Такие ограничения ставят из-за чрезмерного использования искусственным интеллектом литературных клише, в данном случае пользователь поставил под запрет фразу «you can't help but feel», но искусственный интеллект смог обойти это ограничение. Помимо «you can't help but feel», пользователи блокируют использование таких речевых клише, как «a sense of ...», «feel a pang of ...», «a wave of unease ...», «a shiver down your spine», «the air is thick with ...» и «suddenly» и даже формируют списки для помощи другим читателям в улучшении качества генерируемого текста.

Все анализируемые истории имеют лабиринтную структуру, из этого следует множественность концовок. Говоря о гипертексте AI Dungeon, история бесконечна, искусственный интеллект будет развивать любые сюжетные повороты и не сможет прийти к логическому завершению, так как сама возможность самостоятельного решения искусственным интеллектом определить финал истории не предусмотрена разработчиками.

Говоря об экстралингвистических элементах, в первую очередь стоит отметить, что в рассматриваемых источниках интерактивной литературы авторы и разработчики уделяют большое внимание возможностям для проявления собственного воображения читателя. Однако в некоторых историях от Choice of Games читателю может быть предоставлен выбор: показать портреты персонажей по мере их появления в истории, либо дать читателю возможность сформировать их облик в рамках собственной фантазии. Иногда можно встретить рисунки карты города, в котором находится персонаж

читателя, но в большинстве случаев иллюстрируется только обложка истории. В AI Dungeon также наличие изображений зависит от желания читателя. Однако возможность сгенерировать картинку есть на любом этапе истории.

Последний аспект нашего анализа – многообразие и вариативность литературных элементов, таких как сюжет, характеры персонажей, обстановка и другие аспекты повествования.

Для начала нужно вернуться к понятию «выбор» в контексте данных историй, которое значительно расширилось. В ранних примерах интерактивных книг, таких, как у Р. Стайна, любое описание или биографию персонажа, если необходимо, приводит автор. В AI Dungeon читатель может выбирать не только действия персонажа, но и его облик, имя, возраст, пол, а в некоторых историях даже биографию, черты характера, суперспособности, гендер и имена второстепенных персонажей, которые взаимодействуют с читателем по ходу истории и многое другое. В случае с именем персонажа, в конце предложенного списка есть возможность написать его самому, если ни один из предложенных вариантов не подошел.

Значительно меняется способ создания персонажа, оформления обстановки и подобных деталей. В новеллах Choice of Games авторы стараются вводить данные детали постепенно в ходе истории и представлять их в контексте диалога персонажей: «*Freddie turned to you, “What’s your name, by the way”*» (Crème de la Crème: URL), в ходе внутреннего монолога «*People always say tom and I look alike. Like her,...*» (далее варианты: *I have a fair complexion/I have a dark complexion/еще 4 варианта оттенка*) (Ibid) и другими креативными способами. В AI Dungeon большинство вышеупомянутых аспектов устанавливаются еще перед началом истории в форме опроса, без какого-либо художественного оформления, что не способствует полному погружению в историю. При желании читатель может самостоятельно добавить детали о своем персонаже по ходу истории, если по сюжету герой как-либо меняется, приобретает новый опыт или способности.

Анализируя развитие интерактивной литературы, важно обратить внимание и на растущее разнообразие литературных жанров в рамках этих гипертекстов. Так, первые книги-игры отличались историями в рамках жанров приключения и ужасов для детей и подростков. Choice of Games представляет огромный выбор жанров с разными рейтингами как для детской, так и для взрослой аудитории: фэнтези, научная фантастика, приключения, ужасы, детективы, любовные романы и многое другое. В AI Dungeon, помимо перечисленных ранее жанров, можно создавать истории, основываясь на уже существующих мирах из популярных книг, фильмов, компьютерных игр, аниме и так далее.

Таким образом, в условиях развития цифровых технологий и внедрения искусственного интеллекта, будущее гипертекстовой художественной литературы является достаточно перспективным. На сегодняшний день AI Dungeon считается одной из самых развитых и успешных платформ генеративного сторителлинга, однако все еще можно отметить ряд недостатков искусственного интеллекта в создании художественной литературы. Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что гипертекстовая литература,

созданная ИИ, хоть и является прорывом с точки зрения технической составляющей создания интерактивных историй, нуждается в редакции и контроле автора-человека для генерации качественного материала.

Хоть гипертекстовая художественная литература, созданная искусственным интеллектом, и представляет собой самый новаторский вид в своем жанре, действительно актуальным на данный момент остается формат электронной интерактивной литературы, представленный на платформе Choice of Games. Именно такая форма гипертекста является базой для многих популярных компьютерных игр.

В диахроническом аспекте гипертекстовая художественная литература продолжает динамически развиваться. Однако важно подчеркнуть, что эта инновационная литературная форма имеет свои ограничения и недостатки. Это подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и анализа гипертекстовых произведений.

Список литературы

1. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. ; под ред. Г. К. Косикова. 2-е изд., испр. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
2. AI Dungeon [Электронный ресурс]. URL: <https://play.aidungeon.com/> (дата обращения: 30.10.2024).
3. Choice of the Dragon [Электронный ресурс]. URL: <http://www.choiceofgames.com/dragon/> (дата обращения: 30.10.2024).
4. Crème de la Crème [Электронный ресурс]. URL: https://www.choiceofgames.com/creme-de-la-creme/#utm_medium=web&utm_source=ourgames (дата обращения: 30.10.2024).
5. Interactive Digital Narratives: Counter-Hegemonic Narratives and Expression of Identity // GAME : The Italian Journal of Game Studies / ed. by Ilaria Mariani, Mariana Ciancia, Judith Ackermann. No. 11/2023.
6. Landow, G. P. Hypertext 3.0: New Media and Critical Theory in an Era of Globalization / G. P. Landow. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006. 450 p.
7. Murray, J. H. Hamlet on the holodeck: The future of narrative in cyberspace / J. H. Murray. Cambridge: MIT Press, 1997. 336 p.
8. Nelson, T. H. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate / T. H. Nelson // Proceedings of the 1965 20th national conference (ACM '65): [текст]; Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 1965. P. 84–100.
9. Reddit: r/AIDungeon [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reddit.com/r/AIDungeon/> (дата обращения: 30.01.2025).
10. Riedl, M. O., Bulitko, V. Interactive Narrative: An Intelligent Systems Approach / M. O. Riedl, V. Bulitko // AI Magazine : [журн.]. 2013. Vol. 34. P. 67.
11. Stine, R. L. Please don't feed the vampire! / R. L. Stine. Scholastic Australia, 1997. 144 p.
12. Tosca, S. P. A Pragmatics of Links / S. P. Tosca // Journal of Digital Information: [журн.]. 2000. Vol. 1, No. 6.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ФЛАННЕРИ О'КОННОР «МУДРАЯ КРОВЬ»

*Погодина Алёна Алексеевна,
магистрант 2-го курса,
Южный федеральный университет,
E-mail: pogodina@sfedu.ru*
*Редкозубова Екатерина Анатольевна
д. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет,
E-mail: katedredkozubova@mail.ru*

Аннотация: Темпоральную модальность редко рассматривают как единую текстообразующую семантическую категорию, чаще выделяя модальную и темпоральные категории по отдельности. Однако темпоральная модальность является важным инструментом для глубокого анализа текста как с лингвистической, так и с филологической точки зрения. Данная статья посвящена изучению темпоральной модальности и способам её выражения на различных языковых уровнях. В качестве материала для анализа используется роман писательницы американского юга Фланнери О'Коннор «Мудрая кровь». Темпоральная модальность позволяет выявить отношения внутри системы персонажей и глубже понять их взаимодействия, а также выявить отношение внутри авторской модальности.

Ключевые слова: модальность, темпоральная модальность, авторская модальность, Фланнери О'Коннор, текстовая организация

TEMPORAL MODALITY IN FLANNERY O'CONNOR'S NOVEL “WISE BLOOD”

*Alyona Pogodina,
2nd year student of the Master's course,
Southern Federal University,
E-mail: pogodina@sfedu.ru*
*Ekaterina Redkozubova
Ph.D. of philology,
Southern Federal University,
E-mail: katedredkozubova@mail.ru*

Abstract: Temporal modality is rarely considered as a cohesive text-forming semantic category as modal and temporal categories are usually analysed separately. However, temporal modality serves as an important tool for in-depth analysis of the text from both linguistic and philological perspectives. This article is devoted to the study of temporal modality and its expression at various linguistic levels. The analysis is based on the novel "Wise Blood" by Southern American writer Flannery O'Connor. Temporal modality may be a tool to explore the relationships within the character system and provide a deeper understanding of their interactions, as well as reveal an estimation of author modality.

Key words: modality, temporal modality, author's modality, Flannery O'Connor, text organization.

Текст является одной из центральных тем изучения в лингвистике и смежных с ней наук: текстологии, дискурсологии и культурологии. Текст как продукт не только сознания автора, но и культурной среды, становится

центральной фигурой для изучения механизмов создания и влияния на сознание читателя. Одним из инструментов анализа текста является модальность.

Модальность рассматривалась многими исследователями, которые понятийно сходятся в определении категории как отношение сообщаемого к сообщаемому. Л. Г. Бабенко убедительно доказывает, что модальность внутри текста имеет более сложную систему, чем в речевом акте, таким образом, строгость дифференциации модальных значений, особенно в художественном тексте утрачивается (Бабенко, 2009). Также до сих пор спорным и неразрешенным вопросом остается объективная и субъективная модальности внутри художественного текста. Т.А. Сергунина дифференцирует эти понятия следующим образом: объективная модальность определяется отношением сложного сигнификата текста к картине мира, в то время как субъективная определяется авторским отношением к описываемому, что может проявляться в том числе на композиционном уровне (Сергунина, 1990). И. Р. Гальперин определяет авторскую модальность как индивидуальное понимание отношений между явлениями, которые имеют значимость в том числе в культурной сфере (Гальперин, 1981: 28).

В рамках художественного текста модальность рассматривают под разными углами. Обратимся к В.П. Рудневу, который наравне с алетической, аксиологической, деонтической и эпистемической модальностями также выделяет пространственную и темпоральную модальность. (Руднев, 2000: 92) Темпоральная модальность включает себя информацию, указывающую на события, которые происходили, происходят или будут происходить. В рамках художественного текста такая модальность влияет на сюжетно-фабульную организацию.

В данной статье рассматриваются способы выражения темпоральной модальности как части сложной авторской модальности.

Нужно отметить, что в тексте прошлое как выражение принадлежности к какому-то роду дано только двум персонажам: Хейзелу Моутсу, главному герою, и Эноху Эмери. В системе персонажей Энох является двойником главного героя: он последователь идей Хейзела, «отвергнутый» ученик. Именно в диалоге между ними возникает сложный образ «мудрой крови», который можно трактовать как чутье, которым объясняет свои поступки Энох, как выражение дихотомии добра и греха, а также как принадлежность к роду. Флешбеки выступают конструктором, достраивающим их неизвестное ранее происхождение.

Хейзел Мот отправляется на войну в восемнадцатилетнем возрасте: *It had not been that way when he was **eighteen years old** and had left it. Then there had been ten people there and he had not noticed that it had got smaller from his father's time. He had left it when he was **eighteen years old** because the army had called him* (O'Connor, 2007:20). Очевидно, что время в первую очередь маркируется грамматической категорией глагола: прошлое совершенное указывает на события, происходившие до времени настоящего (e.g. *had noticed*). В данном примере личное местоимение *it (he had left it)* указывает

на город Истрод, вымышленный город, который находится в штате Теннесси. Параллелизм и повтор (*he was **eighteen years old and had left it** – He **had left it when he was **eighteen years old*****) подчеркивает временную оценку – сознательно делается акцент на возрасте. Более того, далее абзац пестрит повтором. В первую очередь так выражена авторская ирония, однако взглянем на это с точки зрения модальности. Эноху на момент настоящего времени – то есть времени, в котором ведет нарратив – также восемнадцать лет. Он вечно одинок, и одиночество приводит его к Хейзелу Моуту и его Церкви Истины Христова Без Христа. *I'm **eighteen year old and I ain't been here but **two months***** (O'Connor, 2007: 46). Маркерами времени выступают количественные числительные. Итак, описывая Эноха как ребенка – такой вывод можно сделать из повторов в его речи, обилия простых предложений – автор делает акцент на возрасте Моутса, чтобы подчеркнуть его неопытность. Более того, именно в армии главный герой отрекается от Христа, что также говорит о его незрелости.

Примером темпорального маркера может послужить нарицательное существительное. В данном случае война не имеет собственного имени. Однако читатель предполагает, что речь идёт о Второй мировой войне, исходя из следующего: *he was gone **four years**; <...> the army sent him halfway **around the world and forgot him*** (O'Connor, 2007: 22). Более того, на такой временный промежуток намекает дата написания романа, 1952. Итак, для выражения субъективной модальности инструментом могут служить различные семантические единицы, а также внетекстовые реалии.

Наделяя персонажей родом, тем не менее, автор создает такую смысловую и языковую ситуацию, в которой семья полностью утрачивается, что видно в отношениях Хоукса и его дочери и становится очевидно из рассказа Мисс Флад. Остановимся на Моутсе: ***Now there were no more Motes*** (O'Connor, 2007: 23). В нарративе, относящемся к плоскости настоящего, Хейзел остается последним в своей семье. Автор избегает давать любую оценку в своем повествовании, наоборот, рассказ о семье не выходит за рамки прямой речи Эноха. Причем важно заметить, что Энох всегда говорит об отце в прошедшем времени: *Me and daddy we moved around; my daddy made me come* (O'Connor, 2007: 55). В повествовательной конве автор всё же выражает через прошедшее совершенное – *it was the only thing he owned now that his daddy **had touched*** (O'Connor, 2007: 155) – что отец Эноха «принадлежит» прошлому.

Благодаря таким связям между Хейзелом и Энохом мы можем проследить авторскую модальность, а именно: наделяя отрицательных персонажей присутствием семьи только в прошлом, О'Коннор констатирует упадок юга, несостоятельность героев, которая только подчеркивается отсутствием их связи с семьей. О'Коннор, иронизируя, в страшной картине пишет о своем сожалении.

Таким образом, автор, наделяя прошлым определенных персонажей, выражает отношение как с самим персонажем, так и к картине мира, которую она выстраивает. Авторская модальность выражается на различных уровнях:

морфологическом, грамматическом, семантическом. Примером послужило сближение образов двух на первый взгляд несвязанных персонажей в рамках темпоральной модальности. Категория времени становится важным текстообразующим элементом как в отдельных фрагментах текста, так и в системе взаимоотношений этих элементов.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 133–142.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография. М.: Наука. 1981. 140 с.
3. Руднев, В.П. Прочь от реальности [Текст] : исследования по философии текста / Вадим Руднев. Москва: Аграф, 2000. 428 с.
4. Сергунина Т.А. Роль модальности в определении семантики высказывания и текста // Русское языкознание. Киев, 1990. Вып. 20. С. 108–114.
5. O'Connor, F. *Wise Blood* / F. O'Connor. New York: FSG Classics. 2007. 236 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АНИМАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЗООМОРФНОГО ОБРАЗА ПЛУТОВСТВА

Пойменова Алиса Сергеевна

Ассистент,

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

E-mail: lukhanina_a@bsuedu.ru

Аннотация: В данной статье анализируется анималистическая лексика, формирующая зооморфный образ плута. В частности, будут рассмотрены семантические особенности лексем «fox», «catfish», «worm», «rook», «skunk» и «weasel». В качестве примеров создания образа хитреца приводятся отрывки из художественного и публицистического англоязычного дискурса. В результате анализа выявлено, что в большей степени плутовские характеристики воплощены в образе лиса («fox»), что объясняется фольклорными традициями. Лексемы «worm» и «weasel», используемые в качестве глагола, олицетворяют уклончивость и манипуляции. Лексемы «rook», «catfish» и «skunk» описывают разные аспекты деятельности плута. Среди данных лексем скунс «skunk» имеет наиболее ярко выраженную негативную коннотацию, в то время как сом «catfish» является современным термином и имеет опосредованное отношение к плутовству.

Ключевые слова: английский язык, семантика, анималистическая глагольная лексика английского языка, трикстер, лингвопсихологический тип «плут».

ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE ANIMALISTIC VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE SCOPE OF THE FORMATION OF A ROGUISH ZOOMORPHIC IMAGE

Alisa Sergeevna Poimenova

Assistant,

Belgorod State University

E-mail: lukhanina_a@bsuedu.ru

Abstract: This article analyzes the animalistic vocabulary that forms the zoomorphic image of a rogue. In particular, the semantic features of the lexemes "fox", "catfish", "worm", "rook", "skunk" and "weasel" will be considered. Excerpts from artistic and journalistic English-language discourse are given as examples of creating the image of a cunning man. As a result of the analysis, it was revealed that to a greater extent the roguish characteristics are embodied in the image of a fox, which is explained by folklore traditions. The lexemes "worm" and "weasel" used as a verb embody evasion and manipulation. The lexemes "rook", "catfish" and "skunk" describe different aspects of a cheat's activities. Among these lexemes, "skunk" has the most negative connotation, while "catfish" is a modern term and has an indirect relation to cheating.

Keywords: English language, semantics, animalistic verbal vocabulary of the English language, trickster, linguopsychological type "rogue".

Плутовство и обман – это явления, которые пронизывают человеческую культуру и язык, формируя уникальные образы и метафоры, отражающие сложные аспекты человеческой природы. Зооморфные образы олицетворяют человеческие привычки, достоинства и пороки в сказках и баснях, находят отражение в пословицах и идиомах. В ходе анализа мы рассмотрим, как эти зооморфные образы формируют представление о плуте и плутовстве в различных контекстах, а также как они влияют на восприятие обмана в обществе. Понимание этих метафор поможет глубже осознать механизмы восприятия манипуляции и обмана путем переосмысления образов животных.

В словаре Cambridge dictionary лексема fox как существительное помимо привлекательной женщины «a sexually attractive woman» метафорически обозначает кого-либо умного и успешного в обмане: «someone who is clever and good at deceiving people». В качестве глагола словарь закрепляет значение «to deceive someone in a clever way» (Cambridge, 2025, URL). Примеры использования данного глагола можно найти в художественной литературе, например, в романе английской писательницы Айрис Мердок «Замок на песке» в значении «обмануть»: «You wouldn't think it to look at her, would you? But I'm going to lead her up the garden. I've got her thoroughly foxed so far» (Murdock, 1978: 24). В романе Д. Дюморье «Моя кухня Рейчел» глагол to fox используется в значении «перехитрить, интеллектуально превзойти»: «They little knew I had a plot to fox them all» (Du Maurier, 2021: 245).

В английских фразеологических единицах закреплена идиома «sly as a fox», т.е. хитрый как лиса. «Exceptionally clever, cunning, or shrewd, especially in devious or underhanded ways». Среди прочих вариантов идиомы предлагаются варианты wily as a fox, as cunning as a fox, (as) crafty as a fox (The free dictionary by Farlex, 2025, URL).

Словосочетание *play the fox* можно перевести «хитрить, притворяться». Довольно любопытный пример можно найти в переводе «Капитанской дочки» А.С. Пушкина с русского на английский, в котором глагол «хитрить» был переведен именно при помощи данной фраземы: «“Yes, you are quite right, my little father,” rejoined she; “it is of no use your trying to play the sly fox. Send for the officers.”» (Pushkin, 2014: 46).

Лисица ассоциируется с хитростью и умением обманывать во многих культурах. В русских сказках популярным образом зооморфного трикстера является Лиса Патрикеевна. В баснях Эзопа, Ж. де Лафонтена и И.А. Крылова формируется представление о лисе как обманщице, воровке.

Помимо использования образа лиса в баснях, ассоциирование лисов с хитростью было во многом закреплено в западном фольклоре «Роман о Лисе», который представляет собой пародийно-сатирический эпос из 27 ветвей (частей). Подобно событиям куртуазного романа, в цикле произведений изображается королевский двор, состоящий из антропоморфных животных. Разные «ветви» были написаны на старофранцузском языке в разное время, и только впоследствии они стали собираться в цикл. В 1180 году эта версия была переработана и переведена на немецкий Генрихом Лицемером, а в XIII в. некий Виллем перевел роман на фламандский. Поэма И.В. ф. Гёте «Рейнеке-лис» (1793) была основана именно на этих переводах. Некоторые истории о Лисе из этих версий стали восприниматься как русские народные сказки (Самарин, 1984: 580).

Как бы ни звался Лис – Ренаром, Рейнеке или Рейнардом, он воплощает в себе трикстерские и плутовские черты, бунтуя против привычного порядка вещей, обманывая, хитря и проворачивая всевозможные интриги (иногда, впрочем, тоже попадаясь). Фольклорный персонаж Лис Рейнард до сих пор актуален и является важной составляющей плутовского культурного кода нескольких стран. «Роман о Лисе» оказал значительное влияние на восприятие лисов в европейской литературе как аллегория плутов и обманщиков.

Опосредованно к анималистической лексике английского языка, относящейся к плутовству, можно отнести прилагательное «*wolfish*», которое характеризует вид или взгляд, говорящий о желании обмануть или описываемый как «жадный», «голодный»: *looking or seeming as though you want to **trick** or harm someone, or to have sex with them* (Cambridge, 2025, URL). Тем не менее в других фразеологических оборотах не закреплены ассоциации и с хитростью и плутовством. Несмотря на связь с глаголом *trick* «обмануть, одурачить», образ волка как не имеет такой связи с архетипом трикстера как образ лиса.

Американский антрополог Пол Радин в работе «Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев» (*The Trickster: A Study in Native American Mythology*, 1956) описал таких мифических трикстеров индейцев Виннебаго, как койот, ворон, кролик, паук, сойка, норка и др. (Радин, 1999: 8).

Кролик как хитрый и плутоватый персонаж появляется в ряде сказок американского автора Джозеля Чандлера Харриса «Сказки дядюшки Римуса». Не смотря на это, в аномалистической лексике, связанной с зайцем и кроликом, не были закреплены подходящие для плутов качества.

Лексема «*raven*» (ворон) в современном английском языке не обладает семантикой, связанной с плутовством, в отличие от лексемы «*rook*» (грач).

Кроме принадлежности к анималистической лексике, данная лексема является частью шахматной номенклатуры, обозначая ладью. В словаре Cambridge dictionary зафиксировано значение «to cheat someone out of some money» с пометами «old-fashioned», «informal» (Cambridge, 2025, URL).

В романе Д. Дюморье «Ребекка» глагол «rook» приводится в значении обчитывать: «She has damn good taste, and she doesn't rook you.» (Du Maurier, 2018: 125). В романе М. Митчелл «Унесенные ветром» персонажа обвиняют в том, что он «выкачивает монету» у вдов и сирот, используя этот же глагол: «How clever of you to rook the helpless and the widow and the orphan and the ignorant» (Mitchell, 2024: 309)!

Глагол «weasel» (ласка, горноста́й) описывает уклончивое и хитрое поведение (юлить, вилить, уклончиво выражаться), в то время как существительное обозначает нечестного, неискреннего человека «a sneaky, untrustworthy, or insincere person» (Merriam-Webster Dictionary, 2025, URL). Горноста́й известен своей способностью избегать ловушек и маневрировать в сложных ситуациях. Использование этого образа для описания человека подчеркивает его способность уклоняться от прямых ответов. В британском таблоиде «The Sun» можно увидеть примеры употребления лексемы «weasel» в качестве глагола и существительного. В одном из примеров обратим внимание на выражение to **weasel** your way out of («выкрутиться»): «Now I look forward to watching you trying to **weasel** your way out of this bet like the rodent I know you are» (Hughes, 2025, URL).

В другом примере политиков сравнивают с ласками, подразумевая изворотливость и нечестный подход: «In the nearby village of Penysae, pub landlord Anthony Christopher expressed frustration with what he called “a bunch of **weasels**” in government» (Katib, 2024, URL).

Похожую семантику имеет лексема «skunk» (скунс), которая ассоциируется в английском языке с обманом и недобросовестным поведением. Скунс, известный своим неприятным запахом, символизирует людей, которые не выполняют свои обязательства, не платят по счетам или обманывают других. Этот образ подчеркивает, что плут может быть не только хитрым, но и недобросовестным. Использование данной лексемы в контексте плутовства акцентирует внимание на моральной стороне обмана, показывая, что такие действия могут иметь негативные последствия для репутации. Данная лексема переводится без использования анималистической лексики, акцент делается на негативную коннотацию. Так, в романе М. Митчелл лексема «skunk» близка к слову «мерзавец, негодяй»: «He's a skunk if ever there was one» (Mitchell, 2024, 10).

Глагол «worm» (червь) в контексте плутовства подразумевает постепенное и незаметное проникновение в доверие или окружение других людей: «to gradually achieve a position of trust, possibly by being dishonest» (Cambridge, 2025, URL). Червь, как правило, ассоциируется с чем-то мелким и незаметным, что может вызвать отвращение. Использование этого образа для описания манипулятивного поведения подчеркивает, что плут может действовать незаметно, постепенно завоевывая доверие, чтобы затем использовать его в своих интересах. Так, в названии статьи из журнала

The Guardian «Bugs and grubs worm their way into power», содержится игра слов, поскольку используется слова «Bugs» и «grubs» в буквальном значении, а словосочетание «worm the way into power» употребляется в фигуральном (Brown, 2003, URL).

Самым современным из перечисленных является сленговое значение лексемы «catfish» (сом), которая приобрела новое значение в эпоху цифровых технологий. Данный термин описывает людей, которые создают ложные профили в социальных сетях, чтобы обмануть других: «the practice of pretending on social media to be someone different, in order to trick or attract another person» (Cambridge, 2025, URL). Образ сома здесь символизирует скрытность и способность маскироваться. Как рыба, которая прячется в воде, мошенник «catfish» использует интернет как средство для манипуляции и обмана, создавая ложное представление о своей личности.

В первую очередь данная лексема используется в публицистических текстах. Несмотря на наличие обмана и введение в заблуждение, кетфишеров нельзя приравнивать к плутам, поскольку мотивация может исключать намерение извлечь выгоду или обмануть: «The state doesn't prosecute catfishers for lying about who they are (their name, marital status, profession, address and so on) or for the untold amounts of psychological suffering caused» (Proudman, 2022, URL).

Таким образом, анималистическая лексика подчеркивает разнообразие способов, которыми люди могут манипулировать и обманывать друг друга, а также моральные и этические аспекты таких действий. Каждый из этих глаголов несет в себе богатый символический потенциал, основанный на особенностях поведения соответствующих животных. Например, лексема «fox» олицетворяет хитрость и умение обманывать, в то время как «catfish» иллюстрирует современное явление обмана в цифровом пространстве. «skunk» и «rook» подчеркивают аспекты недобросовестного поведения, в то время как «worm» и «weasel» акцентируют внимание на уклончивости и манипуляциях.

Список литературы

1. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 286 с.
2. Самарин Р.М., Михайлов А.Д. «Животный» эпос и дидактико-аллегорическая поэма История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука. 1984. С.578-583.
3. Brown P. Bugs and grubs worm their way into power // The Guardian. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2003/aug/05/uk.greenpolitics> (дата обращения: 01.04.2025).
4. Cambridge Dictionary. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 01.04.2025).
5. Du Maurier D. Rebecca. London: Virago Press Ltd, 2018. 448 p.
6. Du Maurier D. My Cousin Rachel. London: Virago Press Ltd, 2021. 352 p.
7. Hughes K. Digital Sports Reporter Bank on it. Chris Eubank Jr accepts stunning seven-figure Eddie Hearn bet ahead of Conor Benn fight // The Sun. 2025.

- [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/sport/33892989/chris-eubank-jr-eddie-hearn-bet-conor-benn/> (дата обращения: 01.04.2025).
8. Katib M. Our beauty spot paradise is being clobbered by '£35 tourist tax' – it's utter insanity & will kill all trade // The Sun. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/32534932/britisg-beauty-spot-paradise-tourist-tax-kill-trade/> (дата обращения: 01.04.2025).
9. Merriam-Webster Dictionary. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 13.06.2024).
10. Mitchell M. Gone with the wind. Vol. 2. M.: ACT, 2024. 528 с.
11. Murdock I. The Sandcastle. London: Penguin Books, 1978. 322 p.
12. Proudman Ch. Swipe right – find misery and heartbreak. The law must get tough on online dating scams. // The Guardian. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/22/swipe-right-catfishing-crime-fraudsters-online> (дата обращения: 01.04.2025).
13. Pushkin A. The Captain's Daughter. New-York: NYRB Classics, 2014. 192 p.
14. The free dictionary by Farlex. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/sly+as+a+fox> (дата обращения: 01.04.2025).

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАЦИЙ С АППРОКСИМАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Пристинская Татьяна Михайловна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: pristinskaja@bsuedu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются эвфемистические функции субстантивных номинаций с аппроксимативным значением в текстах немецкоязычных СМИ на социально значимые темы (экономический кризис, ущерб от коронавируса, военные конфликты, политические меры и др.). С позиций прагматики анализируются номинации, в которых значение приблизительности выражается лексическим или словообразовательным аппроксиматором. Выявляется спектр эвфемистических функций номинаций с аппроксимативной семантикой в текстах немецкоязычной прессы.

Ключевые слова: эвфемизм, функция, аппроксимативные номинации, приблизительность, прагматический потенциал, коммуникативная стратегия, социальная тематика.

EUPHEMISTIC POTENTIAL OF NOMINATIONS WITH APPROXIMATIVE SEMANTICS

Tatiana Pristinskaya

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: pristinskaja@bsuedu.ru

Abstract: The article examines the euphemistic functions of substantive nominations with approximative meaning in the texts of German-language mass media on socially important topics

(economic crisis, damage from coronavirus, military conflicts, political measures, etc.). The author analyses nominations in which the meaning of approximation is expressed by a lexical or word-forming approximator from the pragmatic point of view. The study reveals the range of euphemistic functions of nominations with approximative semantics in the texts of German-language press.

Keywords: euphemism, function, approximative nominations, approximation, pragmatic potential, communicative strategy, social subject matter.

Эвфемизмы, получившие в последнее время широкое распространение в речи во всех сферах деятельности человека, являются индикаторами оценки в отражении актуальных, важных для социума явлений, инструментом смягчения представления информации, вызывающей в обществе неоднозначную или негативную реакцию, а также средством маскировки действительности или манипулирования общественным мнением.

Основные функции эвфемизмов – смягчение чего-то грубого или неприятного, минимизация неприятного впечатления на слушателя или возможных неприятных последствий для говорящего, маскировка действительности – отражены в определениях этого лингвистического феномена, прагматический потенциал которого отмечается всеми лингвистами. В последнее время всё чаще в работах, посвященных проблемам эвфемии, пишут о манипулятивной функции эвфемизмов в СМИ, суть которой заключается в воздействии на адресата, в выборе политкорректных слов и выражений «с целью повлиять на принятие адресатом такого решения, которое необходимо отправителю сообщения» (Прядильникова, 2009: 24).

Аппроксимативные номинации, являясь вторичными номинациями, имеют аналитический характер (в их структуру кроме знаменательного слова входит аппроксиматор), реализуют значение приблизительности, частичной неопределенности обозначаемого знаменательным словом понятия /денотата и способны выполнять эвфемистические функции, систематизированные в исследовании Г.Н. Мухамедьяновой как нормирующая, эстетическая и вуалирующая (Мухамедьянова, 2005: 5). Однако в текстах прессы на социально значимые темы аппроксимативным номинациям присуща и функция манипулирования сознанием. Объектом исследования в данной статье являются номинации с лексическими и словообразовательными аппроксиматорами с позиций прагматики с целью выявления их эвфемистических функций с учетом речевых стратегий.

Комплексный подход к объекту исследования позволяет объединить структурно-семантический метод исследования и метод контекстуального анализа. При этом учитываются антропоцентрический характер аппроксимативных номинаций, а также лингвистические и внеязыковые факторы, влияющие на их употребление.

Для выявления и описания эвфемистического потенциала номинаций с аппроксимативной семантикой в текстах немецкой прессы целесообразно сначала раскрыть суть процесса аппроксимации. Лингвистическая аппроксимация как универсальная категория и особый способ номинации элементов отражаемой реальности предполагает оценочное отношение автора высказывания к имени, к объекту номинации и адресату. Категория

аппроксимации, или приблизительности, тесно связана с прагматическими аспектами коммуникации, так как языковые средства ее выражения направлены не на «отражение реалий окружающей действительности, а на их оценку или интерпретацию говорящим субъектом в языке» (Болдырев, 2005: 33).

В любом естественном языке эта категория, имеющая модусный характер и опирающаяся на прототип (стереотипные представления носителей языка об именуемых фрагментах действительности), имеет набор средств выражения, среди которых исследователи выделяют универсальные средства, образующие ядро категории, и национально-специфические, характерные только для какого-то конкретного языка. Исследователь категории аппроксимации Е.Ю. Дубовицкая полагает, что все средства выражения значения приблизительности (качества, количества, субстанций, явлений) имеют единую ментальную основу – «концепт “приблизительность”». Этот объединяющий их концепт лежит в основе языковой категории “аппроксимация”» (Дубовицкая, 2006: 32). Согласно мнению Н.Н. Болдырева, средства выражения приблизительности объединяются в категорию по способу концептуализации и категоризации предмета мысли, т.е. они имеют концептуально-языковую природу (Болдырев, 2005: 22).

Необходимо отметить, что суть лингвистической аппроксимации, причины ее возникновения и средства ее выражения изучены достаточно хорошо на материале многих языков (Сахно С.Л. 1983; Пристинская Т.М. 1998; Никишенкова Ю.В. 2000; Бочарова Е.С. 2001; Дубовицкая Е.Ю. 2006; Ионова С.В. 2006; Сёмкина А.В. 2006; Арчакова Р.А. 2008; Адамович С.В. 2011; Александрова А.А. 2013; Меркантини С. 2016). В более детальном анализе нуждается функциональный аспект аппроксимативных номинаций, которые широко используются для обозначения приблизительного количества, приблизительной оценки качества, процессуальных признаков, а также приблизительного уподобления предметов и явлений.

В ходе исследования текстов немецкой прессы на социально значимые темы получила подтверждение идея о том, что аппроксимативные конструкции реализуют чаще всего не эстетическую эвфемистическую функцию, а вуалирующую, или манипулятивную, а также функцию создания смягченной негативной оценки. Возможно, такие выводы являются результатом выборки фактического материала исследования, которые освещают темы экономики и политики, а не темы культуры, искусства, спорта и здоровья.

Теоретическими положениями, положенными в основу анализа языкового материала, послужили работы, посвященные изучению эвфемизмов (Л.П. Крысина, С.Г. Тер-Минасовой, И.Г. Катеневой, В.А. Торопкиной). В них отмечается, что острые социально-политические темы в силу объективных причин воспринимаются в обществе негативно, вследствие чего журналисты вынуждены при освещении таких тем использовать эвфемизмы для смягчения и вуалирования неприятной информации, предотвращения коммуникативного дискомфорта, а часто и для изменения общественного сознания.

Причины такой цели эвфемизации речи как вуалирование, камуфляж сущности дела Л.П. Крысин видит в «лживости системы и обслуживающего ее

идеологического аппарата, в боязни огласки неблагоприятной или антигуманной деятельности» и в стремлении власти «смягчить удары, наносимые населению» в экономической сфере (Крысин, 2000 : 384-408). Благодаря использованию эвфемизмов негативная информация «размывается», воспринимается в обществе неоднозначно, формирует иной взгляд на события. Как отмечает И.Г. Катенева, «эвфемизмы позволяют создать эффект неопределенности и двусмысленности, являющийся основой манипулирования массовым сознанием» (Катенева, 2013: 106).

Использование эвфемизмов в текстах на социально-политические темы может быть обусловлено и эстетическими мотивами, соблюдением правил политкорректности. Журналисты проявляют осторожность в выборе языковых средств при освещении событий, которые могут вызвать социальную напряженность или протесты, так как многополярный мир по-разному реагирует на них по ряду причин (идеологические или религиозные взгляды, национальная принадлежность и др.). С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса» (Тер-Минасова 2000: 453).

Несмотря на то, что эвфемизмы не называют негативные явления прямо, знакомый с темой получатель информации на основании своего коммуникативного опыта ощущает их негативную оценку благодаря семантической связи с замещаемой прямой номинацией. В этом случае, как подчеркивает В.А. Торопкина, эвфемизм служит минимизации негативной коннотации (Торопкина, 2015: 569-573).

Остановимся подробнее на описании выявленных в ходе исследования эвфемистических функций аппроксимативных номинаций на материале немецкоязычных СМИ. Уточним, что в статье мы ограничимся анализом номинаций субстанциональных понятий (предметов, лиц, явлений, событий). В таких номинациях, используемых и в целях эвфемизации речи, аппроксиматоры *fast*, *beinahe*, *nahezu*, *eine Art* модифицируют значение имен существительных. Важно учитывать тот факт, что первые три аппроксиматора синонимичны, в то время как последний связан с ними лишь общей архисемой «приблизительность/неполнота подобия».

Наблюдения над языковым материалом показывают, что наречия с семантикой неполной меры *fast*, *beinahe*, *nahezu* можно считать лексическими аппроксиматорами в составе несколькихсловных номинаций (*beinahe Streit*, *fast ein Skandal*, *nahezu Gewissheit*) и словообразовательными аппроксиматорами в составе однословных номинаций – сложных слов, в которых они играют роль определительного компонента (*die Beinahe-Pleite*, *die Fast-Monopolstellung*, *der Nahezu-Aufschießer*).

В немецкоязычной прессе номинации с этими аппроксиматорами, ядерный компонент которых имеет оценочную сему (чаще негативную),

выполняют функцию смягчения оценки негативной ситуации, связанной с деятельностью политиков, вуалируя их просчеты или неэффективность мер. Следующие примеры заголовков статей свидетельствуют о том, что с помощью аппроксимативной семантики номинаций журналисты манипулируют сознанием читателя, создают у него эффект того, что ситуация, которая обозначается номинацией, еще не критична, находится под контролем:

1) *Die Fast-Pleite Griechenlands bedrohte die Eurozone in ihrer Existenz* (Die Zeit, 02.11.2010 (online).

2) *Beinahe Totalschaden, Kredite und Beharrlichkeit: Regionale Musikschaaffende leiden unter der Corona-Situation* (bz, 13.01.2021).

Существительные *die Pleite* (банкротство) и *der Schaden* (ущерб) относятся к лексике экономической сферы с негативной коннотацией. Аппроксиматоры меняют вектор их оценки, указывая на недостижимость состояния, которое обычно принято называть этими существительными. Однако реально эти номинации используются как эвфемизмы для успокоения масс, для снятия социальной напряженности (в пр. 1 в связи с состоянием экономики Греции, которая угрожает существованию ЕС, в пр. 2 – в связи с положением музыкантов в условиях коронавируса).

Интересным представляется пр. 3, в котором в заголовке статьи аппроксимативная номинация выполняет эвфемистическую функцию смягчения негативной оценки ситуации (едва не остановка производства на предприятии в период коронавируса), а в тексте ситуация характеризуется точно с помощью глагола с синонимическим значением без аппроксиматора, который и служит средством эвфемизации:

3) *Vier Wochen lang nahezu Stillstand*

Vier Wochen lang stand die Produktion still, seit Monaten werden in den Firmenhallen ... wieder Streumaschinen für den Ackerbau ...gefertigt (badisches-tagblatt.de, 19.08.2021).

Точная номинация в тексте служит для создания контраста, из контекста следует, что после месяца простоя производство снова возобновили.

Функцию смягчения негативной оценки событий реализуют номинации с аппроксимативной семантикой и в текстах на острые экономические или социальные темы:

4) *Die EU-Kommission prüft die staatlichen Hilfen nach dem Fast- Zusammenbruch des Konzerns* (Der Tagesspiegel, 18.12.2003).

5) *„Die Turbulenzen an den Weltbörsen führen in den Augen der Unternehmer zueinem Beinahe-Stillstand der wirtschaftlichen Aktivitäten“, fasste die französische Statistik-Behörde die Meinung der befragten Firmenbosse zusammen* (Der Tagesspiegel, 14.08.2002).

В пр. 4 аппроксимативная номинация смягчает информацию о крахе концерна, а в пр. 5 – о спаде экономической активности из-за нестабильности на мировых фондовых рынках.

Следует отметить, что функции эвфемизации присущи не всем номинациям с аппроксимативным значением. Для реализации этих функций важной оказывается прагматическая установка автора высказывания, или

коммуникативная стратегия, под которой, согласно определению О.С. Иссерс, понимают «планирование предстоящего акта коммуникации в зависимости от конкретных условий общения, а также реализацию этого плана, ориентированную на максимальную успешность предпринимаемых действий» (Иссерс, 2003: 10).

Достаточно часто в целях политкорректности в СМИ используются несколькословные номинации с аппроксиматором *eine Art* (например: *eine Art Grundlage*, *eine Art "Weltregierung"*, *eine Art Immunisierung*), выражающие оценку не прямо, а через латентное сравнение, ведь существительное с неопределенным артиклем *eine Art* способно в сочетании с другими существительными терять свое классификаторское родо-видовое значение и сближаться семантически и функционально с *fast*, *beinahe*, *nahezu*, так как в составе несколькословной номинации оно имплицитно несет семы «подобие» и «неотождествленность». Основным вариантом значения для *eine Art* становится значение приблизительной идентификации, зафиксированное в словаре G. Wahrig. Deutsches Wörterbuch: etwas Ähnliches (wie). Проанализируем несколько примеров:

6) *Es ist eine Art Comeback, genauer gesagt die Fortsetzung einer noch gar nicht recht begonnenen Karriere nach 35 Jahren Unterbrechung (Berliner Zeitung, 21.12.2005).*

В пр. 6 применение номинации с аппроксимативным значением *eine Art Comeback* (что-то вроде возвращения/своего рода возвращение) обусловлено номинативными затруднениями, связанными с желанием корреспондента не задеть достоинства лица при обозначении его деятельности, так как номинация без аппроксиматора также не соответствует его статусу, который раскрывается описательно в контексте: продолжение еще реально не начавшейся карьеры после 35-летнего перерыва.

Эвфемистическая функция номинаций с аппроксимативной семантикой проявляется в том, что получатель информации воспринимает негативную оценку именуемого явления или лица, несмотря на попытку автора публикации смягчить или завуалировать ее с помощью приблизительного уподобления:

7) *In der Zwischenzeit müssten wir dann eine Art «Waffenstillstand» vereinbaren (Rede von Ignazio Cassis, 15.06.2008).*

8) *Was geschieht, ist eine Art Krieg privatwirtschaftlich allein nicht versicherbar (Der Tagesspiegel, 26.10.2001).*

В пр. 7 политик пишет о необходимости договориться о мерах, которые он обозначает политическим термином «перемирие», маркируя использованием аппроксиматора осторожность в выборе номинации, выражающей лишь примерное сходство с теми мерами, которые предусматривает этот термин. В пр. 8 номинация *eine Art Krieg* (что-то вроде войны) является частью именного составного сказуемого. В этой синтаксической функции она представляет предикатный тип именования и реализует прежде всего функцию характеристики, а не идентификации. В условиях сложной экономической ситуации журналист опасается нести ответственность за некорректный выбор оценочной номинации и в целях политкорректности использует аппроксиматор,

снижая негативную коннотацию существительного *Krieg* (война). Данную номинацию можно рассматривать как образное сравнение, основой которого является объем признаков понятия, выражаемого ядерным компонентом несколькословной номинации.

Выбор номинаций с аппроксимативной семантикой может быть продиктован коммуникативной стратегией, избираемой автором высказывания, направленной на достижение определенного эффекта:

9) *Es wäre, wie gesagt, ein Anschluß, eine Art Annexion, nicht ein Zusammengehen von zwei Staaten (Deutscher Bundestag, Plenarprotokoll Nr.11/197 vom 15.02.1990).*

В анализируемом примере политический термин «аннексия» используется в составе аппроксимативной номинации как эвфемизм, значение которого известно не всем из-за его иноязычного происхождения. Автор высказывания, стремясь быть политкорректным относительно ситуации объединения двух германских государств, использует ряд синонимических существительных в функции предикатива, причем сначала с нейтральной коннотацией (*ein Anschluß* – присоединение), затем с отрицательной, смягчаемой аппроксиматором (*eine Art Annexion* – своего рода аннексия) и в заключение – нейтральной, но с отрицанием (*nicht ein Zusammengehen* – не объединение). Данный пример ярко иллюстрирует манипулятивную функцию формирования нужного общественного мнения, так как информация преподносится в размытом виде, неоднозначно, читатель не всегда может правильно её декодировать.

Таким образом, выбор номинаций с аппроксимативным значением неполной, приблизительной идентификации в немецкоязычной прессе при освещении экономических и социально важных тем обусловлен желанием журналистов избежать конфликта из-за прямолинейно выраженной оценки, их стремлением минимизировать ответственность за выбор некорректной номинации или смягчить негативную оценку именуемого денотата. Изменение семантики существительного за счет аппроксиматора ведет к сглаживанию неприятных для граждан социальных или экономических ситуаций.

Однако аппроксиматоры способны выполнять и функцию убеждения, или аргументации. По мнению О. Дюкро, номинация с аппроксимативной семантикой «легче настраивает противника в пользу собственного мнения, чтобы затем окончательно убедить его той же номинацией, но точной» (Цит. по Щербатых, 2013: 275). Поэтому в качестве второй ведущей эвфемистической функции номинаций с аппроксимативной семантикой в материале немецкоязычной прессы, который был проанализирован, была выявлена манипулятивная функция – функция влияния на формирование общественного мнения в нужном русле.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16-39.
2. Дубовицкая Е.Ю. Категория аппроксимации в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 181 с.

3. Иссерс О.И. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.
4. Катенева И.Г. Манипулятивный потенциал эвфемизмов на страницах современных периодических изданий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. № 6. Т. 12. С. 105-110.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца двадцатого столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384-408.
6. Мухамедьянова Г.Н. Эвфемия в общественно-политической лексике (на материале современного немецкого, русского и башкирского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 28 с.
7. Прядильникова Н. В. Эвфемизмы в современной речи: учебное пособие. Самара: Изд-во СГАУ, 2009. 59 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
9. Торопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Языкознание», 2015. № 2(2). С. 569-573.
10. Щербатых Е.Ю. Оценка в репликах журналиста (на материале современных англоязычных интервью) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия Филология и искусствоведение. Челябинск, 2013. № 12.2. С. 267-278.
11. Ducrot O. La preuve et le dire. Language et logique. France: Maison Mame, 1973. 290 p.
12. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch: Mit einem "Lexikon der dt. Sprachlehre". Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon, Cop. 1993. 1493 S.

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ: НЬЮ-ЙОРК В РОМАНЕ П. ОСТЕРА «CITY OF GLASS»

Пупынина Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: pupynina@bsuedu.ru

Аннотация: В данной статье излагаются результаты лингвистического анализа нью-йоркского текста на материале романа Пола Остера «City of Glass» («Стеклянный город»), входящего в состав его Нью-Йоркской трилогии. В ходе анализа определяется «сверх-семантический» слой текста, формируемый особыми для него языковыми средствами разного уровня, и, таким образом, выявляется литературный портрет города. Результаты исследования показывают, что он выстраивается через индивидуальное субъективное восприятие пространства героем на основе взаимопереходов противоположностей: реального и воображаемого, активного взаимодействия человека с городом и его пространственной и социальной изоляции, стабильного и изменчивого, насыщенного объектами и пустого.

Ключевые слова: городской текст, нью-йоркский текст, семантика пространства, художественный текст.

CITY NOVEL: NEW YORK IN “CITY OF GLASS” BY P. AUSTER

Elena Pupynina

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: pupynina@bsuedu.ru

Abstract: The research paper presents the results of the linguistic analysis of New York City representation in the novel by Paul Auster “City of Glass”, which is the first part of his New York Trilogy. The analysis uncovers extra-semantic layer of the text formed by linguistic means of different levels that are specific for this text. This way the analysis determines the literary portrait of the city. The research shows that the novel by Auster reveals the literary portrait of New York City through the individual subjective perceptions of the space by the heroes of the novel. Their perceptions are based on mutual influence between the real and the fantastic, the heroes’ active interaction with the city and their spatial and social isolation, the stable and the unstable, the overcrowded and the empty.

Keywords: literary urban studies, New York text, spatial semantics, literary text.

Исследование городского текста является актуальной научной задачей разных областей современного гуманитарного знания: филологии, семиотики, социологии, истории, культурологии, психологии, философии. Многообразие гуманитарных ракурсов рассмотрения данной проблемы влечет за собой многообразие трактовок понятия «городской текст». Данное понятие возникло в отечественном литературоведении. Фундаментом для его развития стали труды Н. П. Анциферова (Анциферов, 1991), Ю. М. Лотмана (Лотман, 1984), В. Н. Топорова (Топоров, 2003).

Так, благодаря В. Н. Топорову появилось понятие Петербургского текста как некоего «синтетического сверткестекста», который «может быть определен эмпирически указанием круга основных текстов русской литературы, связанных с ним...» (Топоров, 2003: 23). Автор отмечает, что конкретные тексты литературы выступают как субстратные по отношению к Петербургскому тексту. Кроме того, субстратными также являются элементы природной, материально-культурной, духовно-культурной, исторической сфер, состав и характер которых в тексте зависит от субъективных принципов отбора, в связи с чем реальность и ее отражение в тексте не могут совпадать (Топоров, 2003: 28-29). Вместе с тем, Петербургский текст обладает «сверх-семантической», его смысл «превышает эмпирически-возможное в самом городе и больше суммы этого «эмпирического» (Топоров, 2003: 28).

Таким образом, опираясь на Топоровское понятие Петербургского текста, можно определить городской текст как некий совокупный литературный портрет города. Небольшое исследование частотности использования данного термина в русскоязычных источниках Google Books с помощью инструмента Google Ngram Viewer показывает, что его первое упоминание приходится на 1985 год, то есть через год после выхода рассмотренной выше работы В. Н. Топорова, а пик употребления зафиксирован в 2006 году, после чего было снижение, и с 2015 года до настоящего времени наблюдается устойчивый рост. Приведенные данные свидетельствуют о возникновении нового интереса к

данной исследовательской теме, о ее актуальности как в теоретическом плане, связанном с необходимостью дальнейшей системной разработки понятия «городской текст», так и в практическом плане, определяемом потребностью анализа и описания нового эмпирического материала. Это справедливо в отношении литературоведческого направления, но в еще большей степени касается лингвистического, в котором данная проблема мало исследована.

Целью данной статьи является изложение результатов лингвистического анализа нью-йоркского текста на материале романа Пола Остера «City of Glass» («Стеклянный город»), входящего в состав его Нью-Йоркской трилогии. Применительно к городскому тексту лингвистический анализ как метод предполагает исследование его семантического, или, в соответствии с В. Н. Топоровым, «сверх-семантического» слоя, формируемого особыми для него языковыми средствами разного уровня, и, таким образом, выявление литературного портрета города.

Нью-Йорк считается одним из самых литературных городов. Однако не любой текст, в котором описан Нью-Йорк, можно считать нью-йоркским текстом. К последнему, на наш взгляд, целесообразно относить те произведения, в которых пространство – не просто фон, место, где находятся персонажи и происходят события, а в которых пространство само становится героем, персонажем произведения. Нью-Йорк – постоянный герой прозы Пола Остера. Журнал Brooklyn Magazine назвал писателя самым бруклинским романистом, постигшим смысл жизни в этом уголке мира: «...maybe the most-Brooklyn novelist of the last half century, a literary force who supremely captured the essence of life in our corner of the world...» (Canfield, 2024).

Такое прочтение пространства как героя произведения вообще характерно для постмодернистской литературы. Роман Пола Остера «Стеклянный город» обладает типичными чертами постмодернизма, такими как:

- множественность интерпретаций;
- размытость границ между реальностью и иллюзией;
- интертекстуальность;
- открытый финал, принцип сотворчества писателя с читателем.

В этом можно убедиться, узнав сюжет романа. Это детективная история, начинающаяся с телефонного звонка Дэниэлу Куину, который представлен читателю как писатель-автор детективов. Звонит незнакомец, принимающий Куина за частного детектива Пола Остера и просящий его провести расследование. После нескольких звонков Куин решает взяться за предлагаемое дело под именем детектива Остера. Дело заключается в том, чтобы следить за отцом Питера Стилмена, заказчика этого расследования, вышедшим из тюрьмы. В нее он попал после эксперимента над своим сыном Питером, которого он изолировал в темной комнате, где он не мог никого видеть, слышать, не мог говорить. Питер провел взаперти девять лет до тех пор, пока в доме не случился пожар, после которого он был отправлен в больницу, а его отец – в тюрьму. Эксперимент был направлен на то, чтобы Питер заговорил на божественном языке, о котором Стилмен-старший написал книгу, упоминающую в том числе миф о Вавилонской башне. Когда Куин следил за

Стилменом-старшим, он рисовал ежедневный маршрут, который графически сложился в его сознании в сочетание «Вавилонская башня». Нью-Йорк становится новым Вавилоном, в котором и должен возродиться божественный язык. Среди событий романа – самоубийство Стилмена-старшего, отъезд в неизвестном направлении Стилмена-младшего и исчезновение Куина.

Среди средств, формирующих семантический слой городского текста в романе, наиболее очевидными являются урбанонимы – имена собственные, называющие объекты-ориентиры внутри города. В романе их зафиксировано большое количество. Приведем некоторые примеры: Frick, Columbia [University], Columbia library, Grand Central, the World Trade Centre, 70th Street, 72nd Street, 107th Street, 110th Street, 112th Street, 69th Street, 83th Street, 42nd Street, 96th Street, 97th Street, 99th Street, 110th Street, Fifth Avenue, Madison Avenue, Broadway, the West Side, Riverside Park, Amsterdam Avenue, Union Square, the Hudson и др.

Использование названий реально существующих в Нью-Йорке объектов, с одной стороны, создает физическую реальность, в которой каждое название такого объекта – это компактно представленная информация о культуре, истории, индивидуально обусловленных ассоциациях.

С другой стороны, в романе эта физическая реальность подстраивается под героев, создавая «сверх-семантический» слой, в результате чего Нью-Йорк превращается в нечто бесконечное, текучее, в лабиринт, в котором легко потеряться:

New York was an inexhaustible space, a labyrinth of endless steps... (Auster, 1985: 4).

... no matter how well he came to know its neighborhoods and streets, it always left him with the feeling of being lost (Auster, 1985: 4).

Вследствие этого, само пространство города теряется, становится неразличимым, прозрачным, ничто:

...all places became equal... (Auster, 1985: 4).

New York was the nowhere he had built around himself (Auster, 1985: 4).

Другим средством формирования данных смыслов в романе является большое количество языковых единиц, передающих идею движения. Представим некоторые из них:

- глаголы движения: walk, wander, move, pace, totter, rattle through, retrace, cross, arrive, travel, reach, pass by и др.;

- существительные со значением движения: movement, motion, journey, navigation, pursuit и др.;

- слова, характеризующие свойства двигающегося субъекта: speed и др.

Только глагол walk встречается в романе 82 раза, а существительное street – 72 раза. Обилие языковых средств со значением движения лишает пространство, представленное в романе, привычной организации с центром и периферией. Кроме того, стирается противопоставление внутреннего и внешнего пространства, которое обычно выражается в полюсах дома и окружающего мира. Город предстает как живой организм, находящийся в вечном движении.

Движение, размывающее окружающее пространство, показано не только в перечислении сменяющих друг друга улиц и мест, но и в перечислении заполняющих его людей. Когда Куин приходит на вокзал, чтобы начать следить за Стилменом-старшим, он видит следующую картину:

There were men and women, children and old people, teenagers and babies, rich people and poor people, black men and white women, white men and black women, Orientals and Arabs, men in brown and gray and blue and green, women in red and white and yellow and pink, children in sneakers, children in shoes, children in cowboy boots, fat people and thin people, tall people and short people, each one different from all the others, each one irreducibly himself (Auster 1985: 54).

Перечисление создает эффект быстрой смены окружающих объектов, при которой теряется способность различать объекты, в результате чего все сливается в сплошную бегущую стену.

Это делает Нью-Йорк городом одиночества в толпе. Куин блуждает по улицам, окружающий мир вместе с людьми расплывается, исчезает. Вместе с пространством «исчезает» и сам герой. Движение в романе – это не только движение в физическом пространстве, но и движение внутрь собственного сознания, о чем свидетельствует соответствующая лексика:

Lost, not only in the city, but within himself as well (Auster, 1985: 4).

... he no longer existed for anyone but himself (Auster, 1985: 4).

Так, через пространство, определение себя в системе координат физического пространства, возникает проблема идентичности и самоидентичности.

В романе Нью-Йорк – не только сосредоточение самых разных людей, но и сосредоточение ненужного, мусора, создающего беспорядок, на что указывает негативно окрашенная лексика:

I have come to New York because it is the most forlorn of places, the most abject. The brokenness is everywhere, the disarray is universal. You have only to open your eyes to see it. The broken people, the broken things, the broken thoughts. The whole city is a junk heap. It suits my purpose admirably. I find the streets an endless source of material, an inexhaustible storehouse of shattered things (Auster, 1985: 77).

Таким образом, городской текст Пола Остера в романе «City of Glass» представляет пространство города через индивидуальное субъективное восприятие его героем, наделяющее текст «сверх-семантичностью». Этот индивидуальный портрет города формируется во взаимодействии, взаимопереходах реального и воображаемого, правды и вымысла, активного взаимодействия человека с городом и его пространственной и социальной изоляции, стабильного и изменчивого, насыщенного объектами и пустого.

Список литературы

1. Анциферов Н.П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / сост. М.Б. Вербловская. Спб.: Лениздат, 1991. 335 с.
2. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984. С. 30-45.

3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003. 616 с.
4. Auster, P. City of Glass // The New York Trilogy. New York: Penguin Books, 1985. P. 1-130.
5. Canfield N. A New York Folly: Remembering Paul Auster // Brooklyn Magazine. May 2, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bkmag.com/2024/05/02/a-new-york-folly-remembering-paul-auster/> (дата обращения: 25.03.2025).

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: СЕМИОТИКА, СТРУКТУРА, МЕТОДОЛОГИЯ

Ревякина Н.П.

*кандидат филологических наук, доцент
Донской государственной
технической университет (ДГТУ),
E-mail: nadinrev@yandex.ru*

Аннотация: Изучение текста городской культуры приобретает актуальность в современных научных исследованиях, в том числе лингвистических. Актуальность темы обусловлена необходимостью междисциплинарного синтеза для анализа городского пространства, в котором пересекаются культура, семиотика, литературоведение, социология и урбанистика. Она также продиктована стремлением рассмотреть текст городского пространства не только как функциональное образование, но и как семиотический аспект. Семиотический подход к изучению города как текста предполагает его анализ как культурного пространства, включающего не только литературные произведения, но и архитектурные сооружения, мемориалы, городские обряды, планировку и другие материально-культурные элементы. Целью данной статьи является анализ «локального текста» города Ростова-на-Дону. Выделены наиболее значимые элементы данного текста города: маркерные категории исследования города, присущие ему текстологические образы и лейтмотивы, определяющие восприятие города и отношение к нему.

Ключевые слова: город как текст, семиотика, диалог, социокультурный феномен, метафора, семиосфера, текстологические образы

URBAN TEXT AS A THEORETICAL PROBLEM: SEMIOTICS, STRUCTURE, METHODOLOGY

Nadezhda Revyakina

*PhD in Philology,
Associate Professor
Don State Technical University
E-mail: nadinrev@yandex.ru*

Abstract: The study of the text of urban culture is becoming relevant in modern scientific research, including linguistics. The relevance of the topic is determined by the need for interdisciplinary synthesis for the analysis of urban space, in which culture, semiotics, literary criticism, sociology and urban studies intersect. It is also due to the frequency of reference to this problem. The semiotic approach to the study of the city as a text involves its analysis as a cultural space, including not only literary works, but also architectural structures, memorials, urban rituals, planning and other material and cultural elements. The purpose of this article is to analyze the “local text” using the example of the city of Rostov-on-Don. The most significant elements of this

city text are highlighted: marker categories of the city research, textual images and leitmotifs inherent in it, determining the perception of the city and the attitude towards it.

Key words: the city as a text, semiotics, dialogue, sociocultural phenomenon, metaphor, semiosphere, textological images.

Современный город, будучи сложным социокультурным феноменом, всё чаще интерпретируется через метафору «текст», что позволяет изучать его как систему знаков, подлежащих прочтению и декодированию. Актуальность темы продиктована необходимостью междисциплинарного синтеза для анализа городского пространства, в котором пересекаются культура, семиотика, литературоведение, социология и урбанистика. Цель статьи – систематизировать теоретические подходы к понятию городской «локальный текст», выделить его структурные компоненты и проанализировать методологические проблемы.

Городской текст можно рассматривать как структурно-семиотическую категорию, включающую различные знаки и коды, которые постоянно генерируют смыслы исторического прошлого. Прослеживается несомненная связь прошлого с настоящим, предусматривающим посыл в будущее. Город представляет собой «котел текстов и кодов, принадлежащих разным языкам и уровням» (Лотман, 2000). Это разнообразие кодов и текстов делает городской текст гетерогенным и сложным для интерпретации. Текст города характеризуется внутренней диалогичностью и иерархичностью урбанистических знаков. Он включает в себя как природные (климатические и ландшафтные), так и материально-культурные элементы: планировка, застройка, архитектура (Де Серто, 2013). Эти элементы взаимодействуют друг с другом, создавая сложную семиотическую систему.

Городская семиотика характеризуется интертекстуальностью, когда каждый отдельный текст в семиосфере города является интертекстом, сохраняющим память о предшествующих контекстах. Кроме того, городская семиотика интердискурсивна, поскольку в коммуникативном пространстве города сталкиваются разные семиотические системы, создавая новые связи и отношения (Lefebvre, 2011).

Горожане ежедневно взаимодействуют с множеством городских текстов, «написанных» на разных языках и требующих разного уровня семиотической подготовки. Это взаимодействие формирует индивидуальные стратегии категоризации пространства города, которые могут быть вербализованы в спонтанных высказываниях горожан.

В рассмотрении текста городского пространства автор исходит из сложившегося в современной лингвистике представления о том, что текст является открытой структурированной системой, связанной с другими смысловыми системами посредством семиотических связей.

Понятие «городской текст» восходит к работам семиотиков Тартуско-московской школы. Юрий Лотман рассматривал город как «семиосферу», в которой архитектура, топонимика и ритуалы формируют культурные коды. (Лотман, 2000). Мишель де Серто в «Изобретении повседневности»

акцентировал роль практик горожан в создании смыслов (Де Серто, 2013), а Кевин Линч в «Образе города» выделил элементы ментального картографирования (пути, границы, узлы) (Lynch, 2006). Городской текст определяется как совокупность знаковых систем, включающих материальные (архитектура, планировка) и нематериальные (мифы, нарративы) слои. Его ключевая особенность – полифоничность: город «читается» по-разному в зависимости от культурного, исторического и индивидуального контекста. Для более полного понимания данной проблемы необходимо исследовать отдельные направления этой полифоничности.

Рассмотрим структуру и элементы городского текста:

1. *Топонимика и символы*: названия улиц, памятники, мемориалы кодируют историческую память (например, Ст.-Петербург с его «петербургским текстом» в русской литературе).
2. *Архитектурный код*: стили зданий отражают эпохи (готика, модерн, хай-тек), как в Париже или Венеции.
3. *Повседневные практики*: рынки, транспорт, граффити формируют «живой» текст, изучаемый этнометодологами, как во многих современных городах.
4. *Литературные и медийные репрезентации*: города мифологизируются в искусстве (Нью-Йорк в кино у различных авторов), Москва (у М. А. Булгакова), Ростов-на-Дону (у М.А. Шолохова).

Динамичность городского текста проявляется в его постоянной трансформации: редевелопмент районов, миграция, цифровизация переписывают его слои.

Изучение городского текста требует сочетания различных методов:

- *Семиотический анализ*: выявление кодов и коннотаций;
- *Дискурс-анализ*: рассмотрение медиа репрезентаций и литературных источников;
- *Картографирование*: анализ ментальных и цифровых карт (на платформах типа OpenStreetMap) (Проект VR-Rostov, 2023);
- *Этнографические методы*: наблюдение, интервью. Сложность заключается в многомерности данных: количественные (Big Data о перемещениях), качественные (субъективные восприятия) требуют интеграции подходов.

Анализ исследовательского материала показывает, что города можно типологизировать и классифицировать. Приведем примеры:

- *Петербург*: классический образец, из которого следует, что городской текст строится на оппозиции «реальное vs мифологическое» (от А.С. Пушкина до Ф.М. Достоевского).
- *Токио*: сочетание традиционных символов (храмы) и неоновых рекламных кодов.
- *Собор Святого Петра в Риме*: культурный текст мирового значения;
- *Здание Московского государственного университета*: создает мировой культурный контекст, являющийся символом цивилизации;
- *Цифровые города*: геотеги в Instagram создают «параллельный» текст, влияющий на туристические маршруты.

Глобализация и цифровизация ставят новые вопросы:

1. Исчезает ли локальная идентичность в «умных городах»;
2. Дополняется ли виртуальная реальность физическим контекстом;
3. Ограничивается ли семиотический подход в критических исследованиях (Lefebvre H., 2011).

Концепция городского текста остаётся продуктивной для анализа культурных и социальных процессов, однако требует переосмысления в контексте технологических и методологических инноваций. Перспективы связаны с синтезом семиотики, digital humanities и критической урбанистики, что позволит учесть многослойность и конфликтность городских смыслов.

Рассмотрим в этом ракурсе «локальный» текст города Ростова-на-Дону. Этот южный мегаполис с богатой историей и культурной многогранностью предоставляет уникальный материал для декодирования «городского текста». Рассмотрим его ключевые элементы через призму семиотики, культурных практик и современных трансформаций.

5. Топонимика и историческая память.

Ростовская топонимика отражает сложную палитру семиотики текстовых идентичностей:

- *Улица Большая Садовая* – центральная артерия, название которой отсылает к дореволюционному периоду, когда здесь располагались сады и дачи. В советское время улица носила имя Ф. Энгельса, а возвращение исторического названия в 1990-е годы стало символом переосмысления прошлого.
- *Площадь Советов и Площадь Карла Маркса* сохраняют следы советской эпохи, тогда как *Армянская улица* в Нахичевани-на-Дону (данный город вошел в состав города Ростова-на-Дону) напоминает об армянской диаспоре, основавшей этот район в XVIII веке.
- *Памятник «Тачанка-Ростовчанка»* на въезде в город кодирует текстологическую мифологизацию Гражданской войны, связывая Ростов-на-Дону с образом «ворот Кавказа».

6. Архитектурные коды: от купеческих домов до хай-тека:

- *Купеческий Ростов*: символическое прочтение здания Городской думы (эkleктика с элементами модерна) и доходных домов на улице Пушкинской (например, дом *Маргариты Черновой*) воплощает дух торгового города конца XIX – начала XX веков.
- *Конструктивизм*: «дом-трактор» на Театральной площади (*драмтеатр им. М. Горького*), построенный в 1935 г., отражает понимание утопической индустриализации.
- *Современность*: ЖК «Амарант» и бизнес-центры в стиле хай-тек контрастируют с исторической застройкой, создавая текст диалога эпох.
- *Православные символы*: кафедральный собор *Рождества Пресвятой Богородицы* (неовизантийский стиль) доминирует в силуэте города, подчёркивая религиозное «считывание» постсоветской идентичности.

7. Повседневные практики и «живой текст»:

- *Ростовский центральный рынок* – место межкультурного взаимодействия, где звучит русская, армянская, азербайджанская, украинская, грузинская речь, а

прилавки с южными фруктами и специями создают «вкусовой текст» города и региона в целом.

- *Левбердон* – набережная реки Дон, которая летом превращается в зону отдыха с кафе, музыкой и прогулками. Это пространство мифологизировано в местном фольклоре как «Ростовская Ривьера».
- *Граффити и стрит-арт*: рисунки в подземных переходах (например, изображения казаков) и муралы на фасадах (например, работа «Ростов-папа» у кинотеатра «Ростов», а также мурал, который ростовчане называют «Мурка», изображающий женщину заливчатского вида, разбрасывающую вокруг себя золотые монеты) становятся неофициальными маркерами городской текстовой идентичности.

8. Литературные и медийные репрезентации:

- *Литература*: Ростов-на-Дону фигурирует в романе А. И. Солженицына «Красное колесо» (Солженицын, 2016) как ключевой пункт Белого движения, а в современной прозе (например, у *Сергея Минаева*) – как город контрастов.
- *Кинематограф*: в сериале «Спящие» (2022 гг.) Ростов-на-Дону показан через призму криминальных 1990-х годов, тогда как в фильме «Грозные ворота» (2006 г.) – как прифронтовой город в годы Великой Отечественной войны.
- *Соцсети*: Хештеги #Ростовпапа и #Левбердон в Instagram формируют цифровой фольклор, а геолокации «Ростовского подземелья» (заброшенные катакомбы) привлекают stalkеров и блогеров.

9. Конфликты и переписывание текста:

- *Споры о наследии*: снос исторических зданий в центре (например, дом Супрунова) ради новых ТЦ вызывает дискуссии о балансе между прагматическим прочтением памяти и прогрессом.
- *Памятники и политика*: монумент «Освободителям Ростова-на-Дону» на Театральной площади и недавние инициативы по установке памятников казакам отражают борьбу за исторический нарратив.
- *Миграция и многоязычие*: районы, заселенные выходцами из Кавказа и Средней Азии, создают «гибридные» тексты вывесок (например, сочетание кириллицы и арабской вязи).

10. Цифровой слой: от навигаторов до метавселенных:

- *Дублирование текста в цифре*: такие сервисы, как «ЯндексКарты», фиксируют народные названия районов («Парамоны» – район Парамоновских складов), а приложение «Active Citizen» вовлекает горожан в обсуждение благоустройства.
- *Виртуальные экскурсии*: проекты «VR-Ростов» реконструируют утраченные здания (например, *Александр-Невский собор*), создавая альтернативную историческую память.

Ростов-на-Дону демонстрирует, как городской текст становится полем борьбы смыслов: купеческое прошлое, советские символы, миграционная динамика и цифровизация формируют многослойный палимпсест, в котором прослеживается многомерность городского текста Ростова-на-Дону. Под термином «палимпсест» понимается «многослойная структура, в которой все ярусы являются видимыми и сохраняют свое значение для общего целого»

(Данилова, Бакшутова, 2022). Палимпсест выступает как своего рода альтернатива не только предметам модерна, но и объектам цифровой культуры, транслирующим виртуальные образы в реальное пространство.

«Прочтение» города требует учёта локальных особенностей – от казачьей идентичности до роли реки Дон как природно-культурной оси. Практика анализа Ростова-на-Дону как «локального текста» подтверждает, что концепция «городского текста» остаётся инструментом для раскрытия уникальности места в эпоху глобализации. Город как текст обладает множеством измерений. На примере Ростова-на-Дону продемонстрируем, как разные слои и их взаимодействие формируют сложную семиотическую систему. При этом необходимо учитывать, что текст города по сути является последовательностью знаков и символов, органически и семантически организованную своей принадлежностью к данному феномену – городу.

Новые смысловые слои создает цифровизация: «искусственный интеллект отчетливо выступает против естественного, создавая новые слои». Рассмотрим уровни городского текста, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Уровни городского текста

Слой	Элементы	Примеры (из Ростова-на-Дону)
Исторический	Архитектура, памятники, топонимика	Дом Черновой, Парамоновские склады, улица Большая Садовая
Культурный	Мифы, литература, фольклор	Миф «Ростове-папа», романы А.И. Солженицына, В.Д. Фоменко, М.А. Шолохова, локальные анекдоты о Левбердоне
Социальный	Миграция, языки, повседневные практики	Армянская диаспора Нахичевани, многоязычные рынки, граффити, муралы, казачья тематика
Цифровой	Геотеги, VR-проекты, соцсети	Хештег #Ростовпапа, VR-реконструкция Александро-Невского собора
Природно-ландшафтный	Река Дон, парки, климат	Набережная Левбердон, Ботанический сад ЮФУ

Данная таблица показывает не только сами уровни, но и раскрывает их взаимодействие. Обозначим пересекающиеся слои городского текста:

- *Пересечение исторического и культурного слоев:* памятник «Тачанка-Ростовчанка» как символ Гражданской войны, мифологизированный в местном фольклоре.
- *Пересечение социального и цифрового уровней:* флешмобы в соцсетях с геотегами у Парамоновских складов, объединяющие горожан.
- *Пересечение всех слоёв:* Набережная Дона – историческое место торговли, зона отдыха (социальный уровень), объект цифрового краеведения (проекты 3D-реконструкций).

Интерес представляет и рассмотрение цифрового уровня. В первую очередь, речь идет об инфографике. Данную проблему лучше всего исследовать по схеме «Цифровые проекты Ростова»:

- *Ядро:* городской портал «Активный гражданин» (платформа для обсуждения благоустройства).

- *Периферия*:
- VR-реконструкции утраченных зданий.
- TikTok-аккаунты о локальной культуре (например, «Ростовские легенды»).
- Карты OpenStreetMap с народными названиями районов («Парамоны»).

Многомерность Ростова-на-Дону как текста проявляется также в:

1. *Наложении временных слоёв* (купеческие дома vs хай-тек).
2. *Культурной гибридности* (казацкие символы + армянское наследие + цифровые практики).
3. *Динамике конфликтов* (снос исторических зданий vs сохранение памяти).

Исследование показывает, что город – не статичный нарратив, а живой палимпсест, где слои взаимодействуют друг с другом, создавая новые смыслы.

Локальное восприятие и самоидентификация городского «локального» текста Ростова-на-Дону глазами ростовчан проявляется в контексте многомерности. Это сложный семиотический организм, который воспринимается жителями через призму исторической памяти, повседневных практик и современных вызовов. Городской текст здесь – это не абстрактная теория, а живой диалог между прошлым и настоящим, который формирует уникальную идентичность и создает условия для развития города в будущем.

Таким образом, городской текст представляет собой сложную теоретическую проблему, требующую комплексного подхода, сочетающего семиотические, прагматические, лингвистические, филологические, экстралингвистические методы. Понимание городского текста как культурного пространства, включающего в себя различные знаки и коды, позволяет глубже проникнуть в суть городской культуры и ее семиотических особенностей.

Идентификация городского текста Ростова-на-Дону проявляется в контексте многомерности. Это сложный семиотический организм, который воспринимается жителями и гостями города в фокусе исторической памяти, современных практик и вызовов.

Городской текст – это живой диалог между прошлым и настоящим, который формирует уникальную идентичность и создает условия для развития города в будущем.

Городской текст Ростова-на-Дону – это:

1. *Палимпсест смыслов*, где каждый слой (история, миграция, цифра) взаимодействует с другими структурными уровнями.
2. *Поле конфликтов* между глобализацией и локальной идентичностью.
3. *Живой организм*, текст которого постоянно редактируется горожанами, властью и технологиями.

Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать развитию более тонкого понимания городского текста и его роли в формировании городской идентичности.

Список литературы

1. De Certeau, M. (2011). *The Practice of Everyday Life*. University of California Press.

2. Lefebvre H. *The Production of Space*. Blackwell, 2011.
3. Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. MIT Press.
4. VR-Ростов (2023). *Реконструкция Александро-Невского собора*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vr-rostov.ru/cathedral> (дата обращения: 23.03.2025).
5. Данилова А.А., Д.В. Бакшутова. – *Концепция палимпсеста в современной архитектуре*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiqyI-ysKKMAxUG3QIHNdjbD-sQFnoECBkQAQ&url=https%3A%2F%2Farchi.ru%2Felpub%2F96093%2Fkonceptiya-palimpsesta-v-sovremennoi-arkhitecture&usq=AOvVaw1f1A8xsAVMNnFa6A5qJYMB&opi=89978449> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Де Серто М. *Изобретение повседневности*. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013.
7. Лотман, Ю.М. (2000). *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПБ., 2000
8. Ростовская электронная газета (2022). *Топонимика как инструмент власти*. [Электронный ресурс]. URL: rostov-gazeta.ru/toponymy (дата обращения: 23.03.2025).
9. Солженицын, А.И. (1993). *Красное колесо*. М.: Время. 2016.

СООТНОШЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА И ВНЕТЕКСТОВОГО КОМПОНЕНТА В УЧЕБНИКЕ

Сопова Ирина Валентиновна
канд. филол. наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
E-mail: sopova@bsuedu.ru
Таранова Елена Николаевна
канд. филол. наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
E-mail: taranova_e@bsuedu.ru

Аннотация: В представленной статье рассматриваются характеристики подачи материала в текстовой форме как основного источника информативности. Помимо текста в учебнике присутствуют и внетекстовые сопутствующие компоненты, которые направлены на усвоение и закрепление знаний. Анализируется соотношение учебного текста, формирующего базу для дальнейшей логической и творческой переработки информации, и внетекстовых форматов заданий, способствующих формированию речевых навыков и применению их в дальнейшей деятельности.

Ключевые слова: текст, внетекстовый компонент, учебник, процесс обучения, иностранный язык.

THE RATIO OF THE MAIN TEXT AND THE EXTRA-TEXTUAL COMPONENT IN THE TEXTBOOK

Irina Sopova

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: sopova@bsuedu.ru

Elena Taranova

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: taranova_e@bsuedu.ru

Abstract: The presented article examines the characteristics of the presentation of the material in a text form as the main source of information content. In addition to the text, the textbook also contains extra-textual related components that are aimed at assimilation and consolidation of knowledge. The article analyzes the relationship between the educational text, which forms the basis for further logical and creative processing of information, and extra-textual task formats that contribute to the formation of speech skills and their application in future activities.

Keywords: text, extra-textual component, textbook, learning process, foreign language.

Процесс обучения всегда осуществляется систематизировано, исходя из общих положений об образовании, закреплённых в соответствующих документах. Структура подачи материала, выбор средств и методов, подбор дополнительной информации, новшества в педагогике находятся в сфере ответственности педагога.

Основной информативной единицей в процессе обучения является текст как источник данных в рамках той или иной дисциплины, гармонично связанный с планируемой тематикой. Как гуманитарные, так и естественно-научные предметы опираются на текстовые конструкторы как основу, к которой в качестве дополнения привлекаются внетекстовые компоненты, делая процесс обучения и познания комплексным и продуктивным.

Основой обучения иностранным языкам в школе, колледже, вузе должны являться учебные материалы в виде основного учебника или учебно-методического комплекса, имеющего одобрение министерства образования Российской Федерации или же изданного в стране изучаемого языка и предназначенного для иностранных обучающихся.

Составление учебника представляет собой аккумуляцию уже готовых знаний человечества на данном этапе развития и их трансляцию в доступной форме для подрастающего поколения, приобщение тем самым к общекультурным и историческим ценностям. «Воспроизводство культуры тесно связано с процессом образования, не только с его структурно-организационной, но и с содержательной стороной, которая, в свою очередь зеркально, но не всегда явно отражает особенности мышления эпохи» (Учебник, 2021: 10).

Помимо упомянутого УМК, учитель/преподаватель может использовать другие связанные с основной темой материалы, которые дополняют основной и представляют визуальные средства, аудиозаписи, видео, постеры, таблицы, схемы и другие графические и мультимедийные обучающие и аутентичные образцы подачи информации, включая и СМИ. А в современном

образовательном пространстве процесс обучения немыслим без использования информационно-коммуникационных технологий.

Причём, учебники должны постоянно обновляться (каждые 3-5 лет), поскольку «обучение по устаревшим книгам неизбежно приводит к тому, что выпускники школ владеют устаревшими и неэффективными знаниями, зачастую непригодными для применения их в практической деятельности» (Геддис, 2019: 84).

По всему миру наблюдается снижение интереса к обучению у подрастающего поколения молодых людей, поскольку прямой зависимости от качества и количества знаний, приобретённых в период обучения, и успешного достижения достойного социального статуса в дальнейшей жизни не наблюдается.

Анализ школьных учебников в диахроническом аспекте представила в своём исследовании Е.Ю. Ромашина, утверждающая, что «в настоящее время в среде молодёжи и подростков активно формируется когнитивный стиль, ориентированный на визуальные стратегии переработки информации. Это требует обновления способов и механизмов трансляции знания в рамках образовательного процесса» (Ромашина, 2014: 135).

Учебные тексты по иностранным языкам бывают описательные и объяснительные. Встречаются также тексты смешанного характера. Это тексты, где описательные, например, культурно-исторические тексты, содержат объяснение терминов, слов, которых нет в языке обучающегося, но они встречаются в изучаемом языковом пространстве. Так же необходимо объяснение реалий культуры и менталитета носителей языка, их нравственных ценностей, традиций, норм поведения, отношения к окружающей реальности.

Пояснения, примечания, разъяснения и введения в учебнике так же, как и основной текст, выполняют организационную функцию знаний. Учебный текст формирует базу для дальнейшей логической и творческой переработки информации. Для индивидуализации знаний всегда есть рекомендованные дополнительные материалы текстового характера для углубленного изучения материала при проявлении особого интереса и желания обучающегося.

Что касается внетекстовых компонентов, то в их число входят все методические материалы, которые подбираются с учётом последовательного, полного усвоения знаний и умений, а также приобретения необходимых навыков и способностей применения изученного.

Текст может быть интерпретирован обучающимися по-разному. Задача педагога заключается в том, чтобы сориентировать ученика/студента и направить его мыслительную деятельность на смысловое понимание текстовой информации с заданной целевой установкой для приобретения компетенций.

Среди внетекстовых компонентов принято условно выделять:

1. Наглядные материалы: иллюстрации, рисунки, диаграммы, графики, схемы, таблицы, планы, инструкции, фотографии, карты и другие.

2. Материалы для организации процесса усвоения: вопросы и задания, подписи под рисунками, фото, выделенные важные моменты, формулировка последовательности выполнения задания.

3. Компоненты для ориентировки по учебнику/УМК: слово от авторов, содержание, указатели по работе с учебником, индикаторы-символы для

выполнения разного вида заданий (аудирование, письмо, работа в парах, индивидуальная работа, домашнее задание).

В процессе обучения иностранным языкам в НИУ «БелГУ» рекомендованы в качестве основных учебно-методических комплексов для студентов неязыковых факультетов и институтов УМК, изданные в странах изучаемого языка. Так, для студентов, изучающих немецкий язык в качестве иностранного, используется УМК «Menschen: Deutsch als Fremdsprache» (Kursbuch+Arbeitsbuch+Audio+CD), для англоязычных обучающихся используется УМК «Face2face: second edition» (Student's book+Workbook+Audio+CD).

В представленных учебниках в составе УМК текст в каждом уроке занимает достаточно мало места. Основная часть каждого отдельно взятого урока/лекции (Lektion/Lesson) занимает как раз внетекстовый формат. Даже в самом тексте выделены лексемы, которые отражают грамматический, лексический материал, присутствующий в данном тематическом блоке.

В содержание внетекстового компонента входят различные задания на усвоение лексики: слова и фразы выделены в рамке или же представлены в картинках с подписью (Bildlexikon) и неоднократно повторяются в лексико-грамматических дотекстовых и послетекстовых упражнениях. Упражнения составлены с учётом нарастающих трудностей с каждым последующим заданием. Сопровождение аудиоматериалами и видеороликами способствует более яркому представлению об особенностях звукового и интонационного формата звучания речи.

Яркий цветной фон текстов и всех страниц, интересная и востребованная тематика каждого урока отражают современные требования молодого поколения к знакомству с культурно-историческими ценностями, традициями и устоями стран изучаемых языков. Наглядная визуализация, разноцветные выделения и подчёркивания призваны вызывать заинтересованность у современных обучающихся и быстро ориентироваться в материале, поскольку всё больше времени выделяется на самостоятельное обучение.

Среди упражнений, предполагающих задания перед прочтением содержания текста, выделяются задания на знакомство с новой лексикой, грамматической темой, встречающейся в основном тексте, просмотр наглядного материала, отражающего тематику текста и угадывание, предположение (по картинкам, заголовку, надписям, ключевым словам, датам, вопросам, на которые нужно найти ответы в тексте), о чём пойдёт речь в тексте.

Таким образом, данные упражнения готовят обучающихся к работе с текстом и облегчают его понимание. Сами тексты учебников также соответствуют правилам подачи информации, так как содержат до 10-15% незнакомой лексики, о значении некоторых слов можно догадаться, призвав на помощь чутьё языка, известные словоформы, а повторяющийся грамматический материал подводит читающего к пониманию грамматических категорий с опорой на контекст.

После знакомства с текстом, который может неоднократно быть представлен в разных форматах (чтение, аудио, видео, полностью или частями), для закрепления

необходимы послетекстовые задания, которые варьируются в зависимости от педагогической задачи и сложности темы. Это могут быть как простые ответы на вопросы по содержанию и упражнения «верно/неверно», так и усложнённые творческие задания типа: исправьте ошибки в утверждениях, выразите своё согласие/несогласие, задайте проблемный вопрос по теме услышанного/прочитанного, представьте, как могла бы закончиться история и так далее.

В отличие от учебных материалов на родном языке, учебники иностранных языков должны выполнять более сложную задачу. Обучающиеся не только знакомятся с новой информацией, но и познают речевые образцы в разных сферах и ситуациях употребления, изменяя готовые фразы с разной степенью идиоматичности, применяя их в моделируемых ситуациях общения. Формированию данного навыка помогают упражнения по типу: составьте предложения, историю, диалог, ситуацию, рассказ, сочинение, описание картинки и другие с данными словами/фразами.

Таким образом, в процессе обучения иностранным языкам основной текст занимает не более 10% материала в учебнике и времени на занятии. Гораздо больше внимания уделяется именно внетекстовому компоненту, который призван сформировать языковые компетенции у обучающихся. Правильно составленный учебник отражает общественную жизнь во всей её многогранности и помимо приобретения предметных умений помогает обучающемуся формировать мировоззрение, ценностные установки и социально-культурные навыки.

Список литературы

1. Геддис Е.В. Современный школьный учебник как средство построения процесса обучения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. № 193. С. 84-91.
2. Ромашина Е.Ю. Взаимосвязи текста и визуального ряда в российских школьных учебниках рубежа XIX–XX вв. // Проблемы современного образования. М.: МПГУ, 2014. № 6. С. 135-148.
3. Учебник как модель мира и общества: Коллективная монография / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Издательство «Политехника Сервис», 2021. 446 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

Степашкина Оксана Ивановна

канд. пед. наук, доцент

*Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского*

E-mail: stepaschkina.oxana@yandex.ru

Максимова Алина Николаевна

студентка 4-го курса

*Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского*

Аннотация: На примере рекламных текстов из англоязычных соцсетей в статье рассматриваются языковые средства, функционирующие на разных уровнях воздействия на

потребителя. Авторы описывают средства в соответствии с имеющейся классификацией на каждом из четырех уровней – когнитивном, аффективном, суггестивном, конативном. Воздействующая функция рекламного текста реализуется с помощью лингвистических средств, действующих в комплексе с экстралингвистическими. Изучение функционирования языковых средств на разных уровнях воздействия может представлять интерес для более глубокого понимания рекламного текста как феномена.

Ключевые слова: рекламный текст, уровень воздействия на потребителя, воздействующая функция, языковые средства

IMPLEMENTATION OF THE INFLUENCE FUNCTION OF ADVERTISING TEXT AT DIFFERENT LEVELS OF INFLUENCE ON THE CONSUMER: LINGUISTIC ASPECT

Oksana I. Stepashkina

Candidate of Pedagogy, Associate Professor

Lipetsk State Pedagogical

P. Semenov-Tyan-Shansky University

E-mail: stepaschkina.oxana@yandex.ru

Alina N. Maksimova

4th year student

Lipetsk State Pedagogical

P. Semenov-Tyan-Shansky University

Abstract: Using advertising texts from English-language social networks as an example, the article examines linguistic means that function at different levels of influence on the consumer. The authors describe the means in accordance with the existing classification at each of the four levels – cognitive, affective, suggestive, conative. The influencing function of the advertising text is realized with the help of linguistic means acting in combination with extralinguistic ones. The study of the functioning of linguistic means at different levels of influence may be of interest for a deeper understanding of the advertising text as a phenomenon.

Keywords: advertising text, level of influence on the consumer, influencing function, linguistic means.

Реклама является неотъемлемым, всепроникающим и вездесущим атрибутом жизни человека, уникальным феноменом современной культуры. Её роль и значение сложно переоценить. Реклама не просто предоставляет информацию о различных товарах и услугах, но влияет на отношение человека к определённым явлениям и событиям (Добрикова, 2013). Как утверждает российский исследователь Е.П. Голубков, реклама «способна создавать и формировать различные образы и идеалы, влияя на предпочтения и установки людей» (Голубков, 1998: 23). Реклама переплетается с культурой потребления, стимулирует желания и стремления, отражает общественные ценности, способствует формированию идентичности и образа жизни.

Реклама содержит целый комплекс приёмов и средств, направленных на достижение конечной цели. Одним из важнейших элементов рекламы является рекламный текст. Его основная функция – воздействующая. А.А. Дедюхин отмечает, что «смысл рекламного текста заключается в прагматическом эффекте, т.е. в уяснении и активном восприятии адресатом путем декодирования содержания текста той прагматической установки, которая лежит в его основе»

(Дедюхин, 2017). Е.В. Медведева обращает внимание на то, что «главная задача рекламного текста – убеждение». (Медведева, 2003: 68). Эффективность реализации воздействующей функции рекламы обеспечивается за счет умелого применения лингвистических и экстралингвистических средств, затрагивающих в сознании потребителя психические процессы на разных уровнях.

По поводу количества и наименований уровней существуют разные точки зрения. В учебнике под редакцией В.В. Тулупова выделяются четыре уровня рекламного воздействия: когнитивный, мотивационно–потребностный, эмоциональный и психоаналитический (Тулупов, 2006). В работах А.А. Дедюхина и А.Н. Овчаренко упоминаются следующие наименования для уровней реализации воздействующей функции рекламного текста: когнитивный, аффективный, суггестивный, конативный (Овчаренко, 2006). Р.И. Мокшанцев отмечает обязательное наличие трех уровней: когнитивного (познавательного), эмоционального (аффективного) и поведенческого (конативного) (Мокшанцев, 2003).

Представляется интересным проанализировать применение средств на каждом из уровней воздействия. В данной статье рассмотрим языковые средства, применяемые на разных уровнях воздействия на потребителя, на примере рекламных текстов из англоязычных соцсетей, воспользовавшись классификацией уровней, приведенной А.А. Дедюхиным и А.Н. Овчаренко.

Наличие первого уровня воздействия – **КОГНИТИВНОГО** (информационного, рационального, познавательного) – при всем многообразии обозначений отмечается всеми авторами. На данном уровне воздействия реклама должна донести до потребителя информацию о предлагаемом товаре или услуге. Предполагается, что такая информация должна быть воспринята потребителем сознательно. Реклама в данном случае «обращается» не к чувствам, а к разуму потребителя.

Первостепенная роль на данном уровне воздействия отводится фактической информации. Основная цель автора рекламы – обеспечить понятность и авторитетность представляемой информации. Характеристики товара/услуги могут быть представлены в форме необразных сравнений, характеризующих эпитетов. Для придания авторитетности, убедительности и конкретности используются цифры. Часто появляется профессиональная лексика, подчёркивающая экспертность и надежность предлагаемой информации. Важной особенностью данного уровня является наличие простых и понятных формулировок, которые легко усваиваются аудиторией. Простота и доходчивость достигаются за счет соответствующих синтаксических конструкций, использования общеупотребительной лексики, отсутствия средств образности и выразительности.

Ниже рассмотрим особенности когнитивного уровня воздействия на примере нескольких рекламных текстов.

Рекламный текст iPhone XR: *12 MP camera with OIS and 7MP TrueDepth front camera. Studio-quality photos and 4K video. More secure with Face ID. Longest battery life ever in an iPhone. Water and splash resistant. Dual Sim available with Airtel & Jio.*

В данном рекламной тексте много фактической информации (*12 MP camera, 4K video, Water and splash resistant*). Приведенные числительные ассоциируются с хорошими потребительскими свойствами товара, отражают современные потребности покупателей, являются знаковыми для потребителей, ищущих новый современный девайс. Также встречаются логические аргументы (*More secure with Face ID, Longest battery life ever in an iPhone*), построенные на сравнении с предыдущими моделями этой марки телефона; профессиональная лексика (*Studio-quality photos, Dual Sim*), подчёркивающая уникальные характеристики новой модели айфона.

Рекламный текст Notepad: *With Apple Pencil, you can easily take notes, organize your thoughts and mark up screenshots, email and more. And with iPadOS 14, your handwriting becomes as powerful as typed text. Convert your sketches into perfect shapes, turn handwritten notes into typed text and write in any text field with Scribble.*

В данном рекламном тексте фактическая информация передается через глаголы *take, organize, mark up, convert, turn into, write*. Они отражают возможности, которые получает клиент с покупкой продукта. Аргументы в пользу покупки переданы через наречие *easily* и эпитеты *powerful, perfect*. Они описывают возможности продукта с выгодной стороны. В тексте нет сложных формулировок, которые могли бы оттолкнуть потенциального клиента.

Рекламный текст Bosch: *WashForward with Speed Range. Get pristine cleaning results under 60 minutes without damaging your new and expensive clothes.*

В этом примере мы можем видеть простые формулировки, которые, тем не менее, являются действенными. Они описывают важную характеристику товара – безопасность, особый акцент сделан на «новую» и «дорогую» одежду, которой не грозит повреждение от стирки, что, безусловно, важно для любого покупателя. Рекламодатель использует числительное, которое является важным мерилом для процесса стирки, а также эпитеты (*new and expensive*) для слова одежда, чтобы потребитель задумался о ней и в страхе испортить одежду, выбрал бы «безопасный» товар.

Рекламный текст компании, производящей корм для собак Nom Nom: *Not only is our fresh food better for your dog, it's convenient too. We pre-portion meals based on your pet's unique dietary needs and deliver right to your door. All you do is peel, pour and serve.*

Автор этого текста делает акцент на качестве продукции, выделяя его особенности: эпитет *unique* связан с особой диетой питомца, которая учитывается при разработке рациона, также отмечается удобство доставки (прямо к двери). Безусловно, хозяин, привязанный к своему питомцу, обратит внимание на деликатный подход к приготовлению корма, а также на удобство для него самого, переданное с помощью однородных членов предложения: остаётся только открыть, насыпать и подать (*is peel, pour and serve*).

Аффективный (эмоциональный) уровень воздействия предполагает формирование у потребителя благоприятных ассоциаций. Рекламный текст действует напрямую на чувства и эмоции людей. На этом уровне необходимо вызвать яркую эмоциональную реакцию, связанную с товаром/услугой. Для

этой цели используется эмоционально-окрашенная лексика с эксплицитной или имплицитной мелиоративной оценочностью, вызывающая положительные чувства. Нередко здесь встречаются стилистические средства выразительности, такие как метафоры, украшающие эпитеты, образные сравнения, гиперболы и т.п. Они создают яркие образы товара или услуги и усиливают эмоциональное воздействие на человека. Иногда рекламодатели используют юмор и игру слов, что делает рекламу не только более запоминающейся и привлекательной, но также вызывает положительные эмоции.

Ниже рассмотрим особенности аффективного уровня воздействия на примере рекламных текстов.

Рекламный текст Apple Watch: *Measure your blood oxygen level with a revolutionary new sensor and app. Take an ECG anytime, anywhere. See your fitness metrics at a glance with the enhanced Always-On Retina display. With Apple Watch Series 6 on your wrist, a healthier, more active, more connected life is within reach.*

Используемая в этом тексте лексика (*revolutionary, a healthier, more active, more connected life*) вызывает положительные чувства, связанные со здоровым образом жизни и инновациями в сфере технического прогресса. Рекламодатель подчёркивает удобство нового продукта с помощью наречий (*anytime, anywhere*): можно носить часы «куда угодно и когда угодно». Таким образом, данная реклама апеллирует к чувствам потребителя, основываясь на его потребности ощущать комфорт и заботиться о своём здоровье.

Рекламный текст IKEA: *Chatting. Dining. S'moresing. We make it affordable to get your outdoor space ready to celebrate with your favorite people.*

В начале рекламного текста мы видим парцелляцию, которая выделяет привычные для каждого потребителя действия, создавая эмоциональную связь: общение, обед, посиделки. Затем автор упоминает непосредственно услугу организации пространства, при этом делая акцент на праздновании с близкими людьми (*favorite people*), вызывая у потенциального клиента тёплые чувства, связанные приятным времяпрепровождением в кругу семьи.

Рекламный текст Best Self: *Connect with your partner in new and intimate ways through the Intimacy Deck. If you've been together for fifteen minutes or fifty years, these prompts can help you communicate better and enjoy quality time.*

Рекламодатель в этом тексте использует эмоционально-окрашенную лексику (*connect, communicate, enjoy*), воздействуя на чувства потребителя к близкому человеку, обещая улучшить отношения с помощью предложенного товара. С помощью сравнения (*for fifteen minutes or fifty years*) временных рамок отношений, автор подчёркивает уникальность своего продукта, убеждая потребителя в том, что, сколько бы пара не была вместе, его товар будет актуален. Таким образом, рекламный текст воздействует на большую аудиторию, так как люди практически в любом возрасте хотят улучшать контакт между собой.

Рекламный текст парикмахерской: *Are you a redhead or a wanna be a redhead? Turn heads with our color line. the Goldwell red series –it does red hair like no other!*

В начале данного рекламного сообщения использовали риторический вопрос, который сразу же привлекает внимание потенциальных клиентов,

имеющих рыжие волосы или желающих покраситься в этот цвет. Затем автор подчёркивает высокое качество продукта с помощью идиомы *Turn heads*, убеждая в «головокружительном» результате. Ещё большего эффекта добавляет гипербола *red hair like no other*, обещая клиенту такой цвет, который будет лучше, чем у других, взывая к чувству превосходства в человеке.

Рекламный текст фитнес-блогера: *You know how it is... it's easy to get stuck in the routine, always doing the same exercises week after week, and after a while that will negatively affect the motivation... The best you can do is to spice it up a bit just by switching out an exercise or two in every routine, every week. So here's a few examples for you to use.*

В этом примере автор обращается к аудитории, заставляя вспомнить неприятные ощущения от «рутинных упражнений», подчёркивая это с помощью идиомы *week after week*, которые со временем «негативно влияют на мотивацию» (наречие *negatively* добавляет эффект неприязни). Обращение от первого лица создаёт эмоциональную связь между рекламодателем и целевой аудиторией, словно ведётся диалог. Это можно заметить благодаря использованию разговорной лексики, присущей неформальному общению: *You know how; to get stuck in the routine*. Очевидно, что человек, испытавший подобный опыт тренировок, прислушается к эксперту, описавшему его проблему и предложившего путь её решения.

Рекламный текст McDonalds: *It's as good as it is big. Under scoops of our own secret sauce are two lean patties of 100% beef. There's a slice of melty cheddar-blend cheese; some fresh, crisp lettuce; and crunchy dill pickle slices. All wrapped up in a freshly toasted sesame seed bun.*

Этот рекламный текст включает в себя простые существительные, «приправленные» качественными прилагательными, подчёркивающими особенности ингредиентов: *a slice of melty cheddar-blend cheese; fresh, crisp lettuce; dill pickle slices; freshly toasted sesame seed bun*. Подобный трюк позволяет добиться чувственных ощущений потребителя, который читая текст, представляет себе вкус предлагаемого продукта.

Суггестивный (подсознательный) уровень представляет собой уровень внушения, он направлен на незаметное воздействие. Рекламный текст влияет на бессознательное человека, зачастую действуя без логических доказательств. Цель данного уровня – внушить определенные идеи, ассоциации, желания.

Рассмотрим на примерах несколько основных средств, оказывающих воздействие на данном уровне.

Использование слов, смысл которых конкретен, а содержание легко себе представить, существенно повышает эффект внушения. Напротив, абстрактные понятия его снижают (Бессонов, 2001). Например, в рекламном тексте: *We asked people to draw ketchup. They draw Heinz* используются простые слова, которые легко представить (кетчуп, нарисовать). К тому же рекламодатель создаёт связь продукта с названием бренда (*Heinz*), что вызывает прямую ассоциацию в сознании потребителей: кетчуп = Heinz.

Использование качественных признаков не менее важно для успешного суггестивного воздействия. Определенные слова могут вызывать у человека

осязательные, вкусовые и другие ощущения, подспудно формируя ассоциации. Например, *Coffee Classic. Soft taste. Exquisite aroma; Enjoy it. The tasty cheese. The fine cheese. The perfect cheese.*

Важным является не только подсознательное формирование положительных ассоциаций, но и противодействие подсознательному формированию отрицательных ассоциаций. Избегание упоминания проблемы с отрицательными частицами в ряде случаев является средством, препятствующим формированию нежелательных ассоциаций на подсознательном уровне. Так, например, при рекламе антивозрастных средств или средств, направленных на лечение определенных болезней и т.п., лучше не упоминать с отрицанием названия соответствующих проблем. Каким бы замечательным не был продукт, прежде всего в этом случае потенциальный клиент снова испытает болезненные эмоции, связанные со своей проблемой. В таких случаях обычно указывается сразу на решение проблемы: *Free shipping and clear skin guaranteed.*

Примером языкового средства, функционирующего на данном уровне воздействия, является антитеза. С ее помощью создается иллюзия выбора, так как в действительности выбор осуществляется между двумя продуктами одного и того же производителя. Например, *Right Twix stick. Left Twix stick. Try it and decide which side you are on.* Данный рекламный текст на подсознательном уровне подвигает потребителя купить продукт, чтобы убедиться в том, что обе палочки одинаковые.

Замена повелительного наклонения, представляющего собой прямую команду, на более завуалированный вариант в виде глаголов *can, may, would* препятствует появлению отторжения и сопротивления. Так, например, ключевая для потребителя команда «Покупайте» может быть представлена следующим образом: *Every parent would buy Hot Wheels for their child.* Данное средство часто сочетается с обобщением: *Everyone chooses BOSCH.*

Замена прямой команды может осуществляться также за счет использования вопроса, адресованного потребителю. Например, *Did you know that by taking our course, you will improve your business skills in a week?* В данном вопросе содержится информация, подчёркивающая преимущество предлагаемого курса (скорость обучения).

С помощью условных предложений или предложных групп с соответствующими предлогами прямую команду можно подать как предварительное само собой разумеющееся действие или условие для выполнения какого-либо другого действия. Например, *Buy a T-shirt after checking the sizes!* В этом рекламном тексте проверка размера футболки менее важное действие, чем покупка самой футболки, но на подсознательном уровне человек воспринимает все как раз наоборот.

Психологическое отторжение от прямого приказа купить товар/услугу может быть преодолено/минимизировано также за счет использования оборота «чем... – тем...». Например, *The longer you read this, the faster you will understand what kind of interior you need!* В этом рекламном тексте автор ловко

внушает потребителю идею дочитать текст, чтобы понять, какой же интерьер ему нужен.

Конативный (поведенческий) уровень состоит в стимулировании акта покупки. Чаще всего здесь используются призывы к действию, состоящие в основном из повелительного наклонения, а также наречий, определяющих рамки во времени. Для создания ощущения дефицита и/или срочности могут использоваться эпитеты, гиперболы, наречия. Возможным средством являются также вопросительные предложения, обращенные к потенциальному клиенту.

Например, следующие рекламные тексты:

Rates are Low, Now is The Time to Buy! – призыв к действию с временными рамками; *Try HoneyBook for free today!* – призыв к действию с предложением «попробовать бесплатно»; *Learn more about the offer and our service on the link below* – призыв к действию с указанием ссылки; *Get 30% discount at our new salon today!* – ограниченное по времени предложение скидки вызывает чувство срочности; *Hurry before July 25th!* – ощущение срочности, реализованное с помощью временных рамок; *5 spots left!* – ощущение дефицита, реализованное с помощью ограниченного предложения посредством числительного; *Are you ready to change your body for summer?* – риторический вопрос, который заставляет человека сказать «да», тем самым переходя к покупке.

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что рекламный текст представляет собой сложное многоплановое явление, реализующее свою основную функцию на разных уровнях с помощью языковых средств, действующих в комплексе с экстралингвистическими. Изучение функционирования языковых средств на разных уровнях воздействия может представлять интерес для более глубокого понимания рекламного текста как феномена, хотя логично предположить, что в силу комплексности воздействия не существует прямой зависимости между эффективностью реализации воздействующей функции рекламных текстов и примененными автором рекламы языковыми средствами на каждом уровне.

Список литературы

1. Бессонов, Б.Н. Пропаганда и манипуляция // Реклама: Внушение и манипуляция: медиа-ориентированный подход: учебное пособие / сост., отв. ред. Д. Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах-М», 2001. 746 с.
2. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика. М.: Финпресс, 1998. 414 с.
3. Дедюхин А.А. Психология воздействия и восприятия рекламы: прагматический аспект. Краснодар, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://izron.ru/articles/osnovnye-problemy-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-prakt/sektsiya-22-teoriya-yazyka-spetsialnost-10-02-19/psikhologiya-vozdeystviya-i-vozpriyatiya-reklamy-pragmaticheskiy-aspekt/> (дата обращения: 13.11.2024).
4. Добрикова Т.С., Ковалева А.М. Роль рекламы в современном обществе // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 201-203. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/47/5912/> (дата обращения: 13.11.2024).

5. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: Едиториал УРСС. 2003. 280 с.

6. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы: Учеб. пособие / Науч. ред. М.В. Удальцова. М.: ИНФРА-М, Новосибирск: Сибирское соглашение, 2003. 230 с.

7. Овчаренко А.Н. Основы рекламы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 350700 «Реклама». М.: Аспект Пресс, 2006. 494 с.

8. Теория и практика рекламы. Учебник / Под ред. Тулупова В.В. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2006. 528 с.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СХОДСТВО КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА С СЕРБСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Стоянович Войислав

ассистент,

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*

E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Аннотация: Форма языка является следствием различных факторов: от врожденных предрасположенностей и обстоятельств, до того, как мы воспринимаем себя. Однако, перевести, то есть «перенести» целую мысль из одной языковой структуры в другую, может оказаться большим вызовом. Перевод смысла, духа выражения и полноты мысли, при соблюдении принципа «слово в слово», приводит к утопическим устремлениям, в которых одно или несколько из вышеперечисленного страдают. Причиной этого является тот факт, что не все выражения сформированы одной и той же лингвистической философией. Хотя форма двух слов или выражений практически одинакова, их значения могут быть разными, и даже противоположными.

Ключевые слова: язык, сходство, понимание, логика, перевод.

LEXICAL SIMILARITY AS A SEMANTIC DIFFERENCE: THE PROBLEM OF TRANSLATION FROM SERBIAN INTO RUSSIAN

Vojislav Stojanović

Assistant

Belgorod State University

E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Abstract: The form of language is the result of various factors, from innate predispositions and external circumstances to the way we perceive ourselves. However, translating, that is, «transferring» an entire thought from one linguistic structure to another, can be a great challenge. Translating the meaning, the spirit of expression, and the fullness of thought, while observing the principle «word for word» leads to utopian aspirations in which one or more of the above suffers. The reason for this is the fact that not all expressions are shaped by the same linguistic philosophy. Although the form of two words or expressions is almost the same, their meanings can be different and even opposite.

Keywords: language, similarity, understanding, logic, translation.

Язык – это сложный и не до конца изученный феномен. Об этом свидетельствует, помимо прочего, тот факт, что некоторые из величайших

лингвистов XX века, Эдвард Сепир и Ноам Хомский, являются создателями, противоположных в некоторой степени теорий о фундаментах языка. Сепир выносит утверждение, что именно общество является главным источником влияния на развитие языка (Sapir, 1921), а Хомский утверждает, что люди уже обладают определенной внутренней структурой, которая предопределена для развития языка (Chomsky, 1965). Таким образом, здесь нет чёткого консенсуса относительно основ языка, то есть главного «виновника» его развития и формы. Соответственно, любая другая тема, связанная с языком, является новым вызовом в широком поле уже существующих вопросов, не имеющих окончательного ответа с поставленной точкой в конце предложения. Итак, многие ответы строятся на основе теории. Многие вещи связанные с ней – только предположение.

Теория о универсальной грамматике является одним из столпов лингвистическо-философской мысли XX века, где Хомский, среди прочего, говорит о грамматике, независимой от семантики (Chomsky, 2002). Их разделённость должна, в какой-то мере оправдать нашу заминку, исключительно в рамках семантики и человеческого понимания себя, как фактора создания определённой формы языка. Сразу надо подчеркнуть лингвистическую точность, как очень важный фактор в коммуникации и переводе.

Лингвистическая точность. При любой попытке найти в интернете ответ на вопрос «Как понимание влияет на форму языка?» браузер, каким-то образом, автоматически «исправляет» запрос, предлагая ответы на вопрос о том, *как форма языка влияет на понимание*. Эти «автоматические», предлагаемые ответы чаще всего касаются теории лингвистической относительности, также известной как «теория Сепира-Уорфа» («Sapir-Whorf Theory»). В одной из ранее опубликованных мною статей указано на необходимость расширения этого утверждения. Если наше понимание самих себя зависит от нашего понимания языка, то существует большая вероятность того, что форма языка также зависит от нашего понимания самих себя. Это уже представлено через феномен *платформальной перцепции* (Stojanović, 2022). Состояние, в котором мы познаём себя посредством чувств (прежде всего зрения и слуха), где лицо является платформой, которую мы понимаем как себя (личность, «я», выражение и олицетворение себя), не является полностью объективным. В качестве примера точности конкретной теории приведено выражение «говорить за спиной», которое не является лингвистически точным. Говорить за спиной, на самом деле – это говорить «перед» спиной и «за» лицом. Понимание себя, своего «перед» и «за», которое под влиянием нашего субъективного восприятия реальности, не является лингвистически точным в том смысле, что точность выражения не охватывает точность того, что имеется в виду.

Утверждение, что платформальная перцепция имеет влияние на форму выражения, приобретает своё значение через тот факт, что выражение «за спиной» связано не исключительно с одним или больше славянских языков, но и с целым рядом других, неславянских, в которых предлог «за» используется в качестве обозначения места, которое он по своей логической сути не

определяет. Среди прочих можно упомянуть английский, французский, немецкий и так далее.

Логическая схема. Ещё одним случаем, нарушающим лингвистическую точность, является идентификация слова со значением, которому оно логически не соответствует. Можно сразу привести пример неточного использования слова «доктор». Отождествление его со значением «врач» может привести к неправильному пониманию границы между учёной степенью и профессией. Эта ошибка постоянно скрывается за завесой оправдания «так принято». Однако «принято» не обязательно является правильным, точным или корректным. Это подводит нас ко второму важному пункту темы – логической схеме.

Родной язык понимается автоматически посредством безусловного принятия. Когда нам говорят, «как сказано» – это значит так, как и должно быть. В начале онтогенеза это аксиома, которая практически «выгравировается» (врезается, впечатывается) в необременённый разум, как в пустую панель. Это не подвергается сомнению, а просто принимается. Однако, «логический инстинкт» является первым препятствием в процессе принятия лингвистической философии иностранного языка. Эта проблема возникает из-за попыток понять и принять определённые правила иностранного языка посредством логической интуиции своего собственного языка. Мы – существа разума (разумные, рациональные существа), и поэтому часто в процессе понимания иностранного языка стремимся понять и причину его формы. Так, например, в русском языке «красивое» в превосходной степени может принимать форму «прекрасное». Если рассматривать конкретный случай логически, то, первый вопрос, который возникает – это «почему не прекрасное?», в значении «очень красивое». В таком случае, «красное» в превосходной степени должно приобретать форму «прекрасное», означая «очень красное». Таким образом, можно сделать вывод, что принятое правило может быть не самым логичным, если рассматривать с морфологической причинно-следственной позиции.

Различия схожих форм. Сходство языка – палка о двух концах. При переводе логически важнее всего полностью передать смысл текста. Однако, форма текста представляет собой вызов, требующий, например, от переводчика стихов Есенина на сербский язык, быть сербским Есениным. Тут необходимо передать каждый нюанс, каждый «тон». Для того чтобы перевод был максимально полным, то есть, чтобы текст был как можно точнее передан на другую языковую систему, необходимо переводить не текст, а автора.

Во-вторых, не все выражения в одном языке имеют полный аналог в другом языке, поэтому часто приходится прибегать к использованию похожих форм с целью приближения к оригиналу, и, тем самым, снижается присутствие целостности духа исходного текста в переводе. Таким образом, использование целого списка слов для описания одного слова, приводит к потере нюансов исходного выражения. Если есть язык, в котором нет определённого слова для обозначения какого-либо явления, то есть языки, в которых существует целый ряд слов, обозначающих это явление. Это автоматически ставит под сомнение

возможность полного перевода с одного языка на другой, если в словаре отсутствует данное слово.

Проблема в переводе возникает также в том случае, если в одном языке есть два слова, обозначающие две похожие, но не одинаковые вещи, а в другом языке есть только одно слово, обозначающее обе вещи. Таким примером при переводе, конкретно с сербского языка на русский, является слово «религиозно». В сербском языке термин «религиозно», в общем смысле, используется для обозначения состояния, поведения, способа, а «религијско» – для притяжательного прилагательного слова «религия». Согласно словарю Матицы Сербской, слово «религијскй» относится к религии, а «рѐлигиѓзно» – к способу (2011: 1133). В русском языке в обоих случаях употребляется один и тот же термин «религиозно».

Подходим к эпицентру нашей темы и упомянем два ярких, лексически схожих, но семантически различных примеров. Когда спрашиваешь у людей, для которых русский язык является родным, «Какое впечатление у них складывается, когда они слышат на сербском языке выражение «вредан човек», позитивное или негативное?», получил бы ответ, что, это, вероятно, что-то негативное. Однако в сербском языке, в отличие от русского, оно имеет значение «трудолюбивый человек» и поэтому воспринимается как положительное. Это классический пример, когда по форме похожие слова весьма различаются по своему значению.

Другой случай имеет одинаковую форму, разное значение, но не обязательно противоположное по степени позитивности или негативности. Например, сербское слово «мајка» обозначает родителя (мать), а в русском языке «майка», фонетически идентичное по звучанию, обозначает предмет одежды. Конечно, существует множество похожих или идентичных выражений, относящихся к одному и тому же объекту, но очень часто они звучат по-разному из-за акцентуации и самой мелодики языка.

Случай двусмысленности. Чтобы максимально точно перевести то или иное литературное произведение, необходимо понимать дух слова. Сарказм, например, является универсальным тоном всех языков. Однако имеет ли язык потенциал переходить из одной формы в другую, передавая и смысл, и тон во всей полноте? Афоризм – одна из литературно-философских форм, которую трудно перевести, сохранив при этом весь смысл и структуру предложения. В конечном счёте, некоторые афоризмы можно полностью перевести, а некоторые – нет.

Переводчики часто сталкиваются с афоризмами, которые не могут перевести, не потому, что слова сложны, мысль неполна, или они как переводчики некомпетентны, а из-за неоднозначности, которая существует в одном языке и отсутствует в другом. Лишь одним из таких является афоризм сербского афориста Деяна Тофчевича, который в оригинале имеет следующую форму: «*Naš sud ne drži vodu jer je od njega ostalo samo dno.*» (Tofčević, 2014). Если бы мы попытались перевести этот афоризм на русский язык, то заметили бы, что слово «дно», как и в русском языке, означает моральное дно, следствие морального краха. Хотя это сходство очевидно, но чтобы достучаться до него,

придётся сначала столкнуться с проблемой перевода слова «суд», которое делает данный афоризм двусмысленным. В сербском языке оно имеет значение, которое не относится исключительно к суду, как институту или осуждению, но также обозначает один неопределённый элемент посуды, но в русском языке это не так. Попытка перевода этого афоризма: «Наш элемент посуды (в сербском языке это слово означает и суд тоже) не выдерживает воды, потому что от него осталось только дно». Здесь, на примере элемента посуды, который не может держать воду, потому что от него осталось только дно (всё остальное пропало, сломалось, уничтожено), подчеркивается, что суд – это институт, который потерпел моральный крах, и от которого осталось только дно.

Так, в сербском языке афоризм имеет двусмысленное значение, и в нём много места для сарказма. В русском он недвусмысленен, поскольку слово «суд» относится только к одной концепции. Поэтому этот афоризм не имеет одинакового значения и потенциала в обоих языках. Точнее, на сербском это, безусловно, имеет смысл, но на русском звучит странно и неполно.

В заключении следует отметить, что «перенести мысль», пронизанную лингвистической философией одного языка на другой – задача с множеством препятствий. В данной статье представлены лишь некоторые примеры, которые делают перевод, в нашем случае, с одного славянского языка на другой, комплексным лингвистическо-философским путешествием. Автоматическое принятие логики одного языка может замедлить процесс принятия логики другого. Причиной этого является попытка логически принять иноязычную лингвистическую философию через призму уже сформированной логики родного языка. Постоянная трансформация языков представляет собой серьёзный вызов для учёных. Ситуация становится ещё сложнее, когда речь заходит о переводе текста, в котором есть сходства, поскольку сходства иногда могут быть чем угодно, но только не сходствами.

Список литературы

1. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Massachusetts: THE M.I.T. PRESS, 1965. X, 251 p.
2. Chomsky N. Syntactic Structures / N. Chomsky; Introduction by David W. Lightfoot. 2nd ed. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. XVIII, 117 p.
3. Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. New York: Harcourt, Brace and Company, 1921. VIII, 258 p.
4. Stojanović V. Human understanding (toward a hermeneutic of the norm) // Research Result. Social Studies and Humanities, 8 (3), 2022. Pp. 137-151.
5. Točević D. Aforizmi sa Etne // Etna – časopis za satiru. Beograd, 2014. Broj 137, Godina XIV, 1. novembar. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aforizmi.org/etna/etna137/etna1.htm> (datum pristupa: 17.04.2025).
6. Речник српског језика / [израдили Милица Вујанић и др.; редиговао и уредио Мирослав Николић]. Измењено и поправљено издање. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.

ОСВЕЩЕНИЕ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Трунова Елена Геннадиевна

канд. пед. наук, доцент

Липецкий государственный

педагогический университет

имени П.П.Семенова-Тян-Шанского

E-mail: lena05-79@mail.ru

Ясная Анна Сергеевна

Студентка 4-го курса

Липецкий государственный

педагогический университет

имени П.П.Семенова-Тян-Шанского

E-mail: yasnaya03@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные группы лексических средств, используемых в англоязычных печатных СМИ для освещения природных катастроф как новостных событий. Языковым материалом для исследования выступают материалы англоязычной прессы, посвященные ураганам Хелен, Милтон и Катрина. Авторы поясняют причины высокого интереса СМИ к подобной тематике, выявляют и описывают средства, номинирующие сам феномен природной катастрофы. Также авторы характеризуют качественный и количественный состав лексико-семантических групп глаголов прямой номинации, служащих для описания действий, осуществляемых стихийными силами природы.

Ключевые слова: природная катастрофа, освещение природных катастроф в СМИ, новостное событие, средства прямой номинации, лексико-семантические группы.

NATURAL DISASTER COVERAGE IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA: LEXICAL ASPECT

Elena Trunova

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Lipetsk State Pedagogical University

Email: lena05-79@mail.ru

Anna Yasnaya

4- year student

Lipetsk State Pedagogical University

Email: yasnaya03@yandex.ru

Abstract: The article examines some groups of lexical units used in English-language print media to cover natural disasters as news events. The linguistic material for the study is represented by materials of the English-language press devoted to the hurricanes Helen, Milton and Katherine. The authors explain the reasons why media interest is so high in such topics, identify and describe the means that nominate the phenomenon of natural disaster. The authors also characterize the qualitative and quantitative composition of lexico-semantic groups of verbs of direct nomination, which serve to describe actions carried out by the spontaneous forces of nature.

Keywords: natural disaster, media coverage of natural disasters, news event, means of direct nomination, lexico-semantic groups.

Наряду с геополитикой, экологическая тематика, в частности тема природных катастроф, вызывает неизменно стойкий интерес СМИ, который, в свою очередь, активно поддерживается и со стороны потребителей их контента.

Такой взаимный интерес, безусловно, не случаен. Ученые во всем мире фиксируют увеличение числа природных катастроф, происходящих на нашей планете, а также масштаба их последствий, что позволяет вести речь о качественно новом феномене, получившем название «неокатастрофизм» («newcatastrophism») (Urry J, 2011: 217).

В то же время природные катастрофы, проявляя свою масштабную разрушительную сущность, позволяют журналистам создать востребованный современной аудиторией контент: сенсационный, подчас шокирующий, будоражащий воображение и щекочущий нервы даже самых искушенных читателей и зрителей, что делает этот контент гарантированно привлекательным. Весьма любопытным наблюдением делится немецкий социолог У. Бек: «то, что раньше казалось невозможным и невообразимым, теперь разворачивается в каждой гостиной в мире благодаря трансляции СМИ» (цит. по Перова, 2017: 49).

Природные катастрофы словно созданы для формирования новостного контента, ведь новость есть не что иное, как «новый фрагмент реальности, меняющий привычный ход вещей и потому требующий в той или иной степени общественного внимания» (Лазутина, 2011: 28). Для подтверждения этой мысли обратимся также к критериям, используемым американскими работниками СМИ для дифференциации новостей от другого рода информации. Итак, согласно их представлениям понятие «новость» подразумевает 1) конфликт (напряжение удивление); 2) развитие (триумф достижение); 3) катастрофа (поражение разрушение); 4) последствия (воздействие общество); 5) знаменитость (социальная или политическая величина); 6) новизна (необычное, даже чрезвычайно необычное); 7) человеческий интерес (эмоциональный фон); 8) своевременность (новизна свежесть); 9) близость (местная проблематика) (Деннис Э., 1997). Очевидно, что подавляющее большинство этих критериев применимо к природной катастрофе. Некоторые из них (3, 4, 7) вполне очевидны и не нуждаются в пояснениях. В то время как критерии 1, 2 и 5 менее очевидны, но также вполне применимы к ней, если рассмотреть эти критерии с несколько иного ракурса, который совершенно не меняет их сущность.

Так, природную катастрофу возможно интерпретировать как своеобразный конфликт природной стихии и человека (критерий 1). Природа и человек выступают своего рода антогонистами, находящимися в отношениях состязательности – человек пытается сдерживать бушующую стихию, противостоять ей, минимизировать наносимый ею ущерб. Природа, напротив, раскрывает свою истинную мощь, стирая с лица земли человека и объекты, созданные им. Одновременно, природная катастрофа – это процесс, развертывающийся во времени (критерий 2), подразумевающий несколько стадий развития, включая точку пика – кульминацию, демонстрирующую наивысшие проявления силы и мощи природы. Наконец, подобно тому, как люди из разных профессиональных сфер обретают знаменитость благодаря появлению в СМИ, природные катастрофы наделяются именами людей, и становятся широко известными из-за частого упоминания в прессе и иных средствах информации (критерий 5).

Современные исследователи отмечают огромную ответственность, которую несут на себе СМИ, освещая природные катастрофы в своих материалах, и авторитетно заключают, что «деятельность СМИ придает любому стихийному бедствию общественный резонанс, который либо усиливает катастрофичность последствий, либо способствует скорейшему их преодолению» (Королева, 2020: 68). Очевидно, что сила воздействия материалов СМИ на аудиторию и их психологический эффект во многом предопределяется выбором языковых средств, используемых журналистами для освещения подобного рода событий. В рамках данной статьи мы сфокусируем свое внимание лишь на лексическом аспекте и рассмотрим наиболее часто встречающиеся лексические средства в печатных материалах англоязычных СМИ, посвященных природным катастрофам, а именно ураганам Хелен, Милтон и Катрина.

Исходными и наиболее концептуально важными лексическими единицами, в дальнейшем определяющими лексический репертуар текстов СМИ по данной тематике, выступают средства, номинирующие сам феномен природной катастрофы. Это ряд существительных и словосочетаний, репрезентирующих прямую номинацию: «*disaster*», «*calamity*», «*catastrophe*», «*natural disaster*», «*a force of nature*», «*tornado*», «*storm*», «*hurricane*» и др.

Согласно словарным дефинициям, три первых существительных представляют собой событие, несущее ущерб, разрушения, бедствия, смерть, причем в случае «*disaster*» и «*catastrophe*» в больших масштабах. Источник бедствий при этом не уточняется.

- *Disaster* – *an event that results in great harm, damage, or death, or serious difficulty*;
- *Calamity* – *a serious accident or bad event causing damage or suffering*;
- *Catastrophe* – *a sudden event that causes very great trouble or destruction*.

(Словари и энциклопедии: Кембриджский словарь онлайн)

Для передачи более специализированного значения, приписывающего разрушительную мощь именно силам природы в новостных материалах, используются словосочетания: *force of nature*, *natural disaster*, *nature calamity*.

Находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях с выше рассмотренными лексическими единицами существительные «*hurricane*», «*tornado*», «*storm*» четко указывают на тип природной катастрофы и разрушительную роль ветра в ней.

- *Hurricane* – **a violent wind** that has a circular movement, especially in the West Atlantic Ocean;
- *Tornado* – **a strong, dangerous wind** that forms itself into an upside-down spinning cone and is able to destroy buildings as it moves across the ground;
- *Storm* – *an extreme weather condition with very strong wind, heavy rain, and often thunder and lightning*.

Помимо данных номинативных средств в анализируемых нами материалах были обнаружены и иные прямые номинации. Приведем примеры некоторых из них:

- Over the past three decades, **extreme weather** has caused \$48bn in crop damage legislation that sets aside \$31 billion in economic and disaster relief for farmers.
- Many regions in Florida saw their worst storm surge ever as Helene made landfall that didn't stop Helene from becoming another multibillion-dollar **superstorm**.
- «...four deaths have been reported from **severe weather**».

Нельзя также обойти вниманием традиционную практику присвоения метеорологами женских и мужских имен ураганам и тайфунам, которая имела место в середине прошлого столетия. В текстах прессы можно увидеть, как изолированное использование имени собственного, так и его сочетание с нарицательным существительным для наименования природного явления. Рассматривая эти два варианта в процентном соотношении, отметим, что имена собственные с нарицательным существительным и изолированные имена собственные встречаются в текстах с одинаковой частотностью.

- «Wherever **Milton** makes landfall, storm surge will come ashore»;
- «The area surrounding Cedar Key is still dealing with the effects of **Hurricane Helene**».

В целом, можно констатировать, что в случае прямой номинации преобладают такие лексические единицы как *disaster*- 37%, *hurricane* – 26%, *storm*- 23%.

Действия, производимые ураганами, описываются в текстах СМИ преимущественно глаголами, представляющими несколько лексико-семантических групп, к основным из которых можно отнести следующие: 1) глаголы разрушения; 2) глаголы движения и перемещения; 3) глаголы приведения в эмоциональное состояние. Кратко опишем глаголы, составляющие эти группы.

Итак, группа глаголов разрушения является наиболее многочисленной. В ней порядка 27 лексических единиц, передающих самые разные аспекты разрушения. Так, среди этих глаголов можно обнаружить лексемы, передающие следующие идеи:

1. Идея отрыва (*to derail, to uproot, to tear off* и др.)
 - «Areas have been left vulnerable to floods, fires and extreme heat after Hurricane Helene **uprooted** thousands of trees».
2. Идея ущерб(*to ravage, to devastate, to inflict* и т.п.)
 - «The remnants of Hurricane Helene **ravaged** western North Carolina».
3. Идея смерти(*to kill, to decimate, to take life* и др.)
 - «While the hurricane **decimated** communities and **killed** more than 230 people across the Southeast».
4. Идея удара (*to strike, to hit, to pound, to thrash* и т.п.)
 - «...when the tropical storm **struck** the mountainous region of North Carolina and Tennessee».
5. Идея исчезновения(*to wipe out, to level, to raze* и др.)
 - «Several waterfront towns there, along the Big Bend, **were** essentially **razed** by the third hurricane to hit that region in 13 months».

Как мы видим из приведенных примеров, большинство приведенных глаголов разрушения не просто фиксируют факт прекращения целостности того или иного объекта, но и подчеркивают интенсивность и масштабность происходящего действия. Эти глаголы эмоционально заряжены и звучат весьма устрашающе.

Группа глаголов перемещения и движения представлена 18 лексическими единицами. Глаголы движения можно разделить на 3 подгруппы:

1) фиксирующие движения как перемещение объекта (*to travel, to pass through, to move* и др.)

- «... *as it [hurricane] **travels** through the Caribbean and Gulf of Mexico—extremely warm surface waters and just the right atmospheric conditions*».

В случае необходимости придания характеру движения особых свойств авторы используют наречия образа действия.

- «*Helene **moved fast and carried** its warm, moist air hundreds of miles inland into the Carolinas*».

2) подчеркивающие силовой характер движения (*to slam, to churn* и т.п.)

- «*When Hurricane Helene **slammed** into Florida on Thursday night...*».

3) Акцентирующие скорость движения (*to barrel, to forge, to rush, to run through* и др.). Отметим, что это самая многочисленная подгруппа глаголов.

- «*The hurricane **barreled** into Florida on Sunday...*».

Также к этой группе можно отнести многочисленные глаголы, описывающие действия урагана по перемещению различных объектов. Это глаголы *to carry, to scatter, to bring, to blow off* и т.п.)

- «*Helene **scattered** the remains of those homes along the waterfront*».

Группа глаголов приведения в эмоциональное состояние описывает психологическое воздействие стихии на очевидцев, некоторые из которых от нее серьезно пострадали (*to shock, to distress, to affect, to bewilder, to frustrate* и т.п.)

- «*In the aftermath of hurricane Katrina, Americans have been **shocked** to realise that they still don't have enough lifeboats for all of our citizens*».

Как мы можем видеть, глаголы этой группы описывают негативные эмоции высокой степени интенсивности, возникшие при встрече с новым и одновременно ужасающим опытом. Эти глаголы передают идею неожиданности, сильного негативного влияния, невозможности нормально мыслить и действовать.

Несомненно, помимо средств прямой номинации, некоторые из которых были рассмотрены нами в рамках данной статьи, журналисты также активно используют широкую палитру образных выразительных средств, которые способны создать у читателей еще более яркую и впечатляющую картину, иллюстрирующую масштаб и мощь природной стихии. Но, даже оставаясь в рамках прямой номинации и двух частей речи, рассмотренных нами (существительного и глагола), можно сделать вывод о том, что авторы текстов, посвященных природным катастрофам, стремятся придать своим материалам уникальность, эпичность и сенсационность. В связи с этим они не столько

информируют читателя и фиксируют факты действительности, сколько задают рамки очень эмоционального восприятия и оценки события, что явно проявляется в выборе лексики. Между тем специалисты отмечают, что такая эмоциогенная подача материала весьма опасна, она оказывает «сильное дезорганизующее и деморализующее влияние на человека», что в свою очередь приводит «к апатичному или паническому поведению людей непосредственно во время катаклизмов» (Королева, 2020: 68).

Список литературы

1. Деннис Э., Мэррилл Д. Беседы о массмедиа. М.: Вагриус, 1997. 384 с.
2. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М.: Аспект Пресс, 2011. 320 с.
3. Королева М. Н. Параинформационные приемы и стратегии СМИ в освещении катастроф природного характера / МГУ, Москва. 2020. С 68-78.
4. Перова А.Е. Роль СМИ в освещении «новых» экологических катастроф: нарративы и риски / МГИМО (университет) МИД РФ, Москва, Российская Федерация, 2017. №5. С. 48-58.
5. Словари и энциклопедии Кембриджский словарь онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/catastrophe> (дата обращения 06.03.2025).
6. Urry J. Climate Change and Society. Malden, Polity Press, 2011. 217 p.

THE TEXTUAL AND EXTRA-TEXTUAL DIMENSIONS OF STAND-UP COMEDY

Polina Trushnikova

Postgraduate Student

RUDN University

E-mail: polina.trushnikova@primakov.school

Abstract: Stand-up comedy operates at the intersection of linguistic performance and socio-cultural engagement, where textual content (jokes, narratives) and extra-textual elements (delivery, audience interaction, gestures) merge to create the meaning. This study examines how comedians employ verbal and non-verbal strategies to construct humor, emphasizing the dynamic interaction between scripted material and spontaneous improvisation. By analyzing performances of outstanding comedians, the article highlights how stand-up comedy functions as a discursive practice, reinforcing or subverting social norms. This analysis may contribute to broader discussions on performance studies by framing stand-up as a unique site of live textual negotiation. The study concludes that humor emerges from the complex interplay of linguistic, performative, and situational dimensions.

Keywords: humour, stand-up, verbal, non-verbal, comedy, text, culture.

Stand-up comedy is a type of a performing art in which a comedian interacts with an audience using verbal and non-verbal means of expression. This interaction is fundamental to the creation of humor, as it relies on real-time negotiation between performer and spectators. As Tsakona and Chovanec (2023: 10) argue, “interactional humor includes face-to-face as well as mediated humor, authentic/spontaneous as

well as scripted humorous texts and, in general, any form of humor based on sequentiality of utterances that are interactively produced and negotiated. For instance, in cases of oral humorous discourse, it is difficult to imagine how humor could be created in texts such as stand-up comedy or oral anecdotes, if the stand-up comedian or the narrator did not try to elicit or did not receive any kind of feedback from their audience.” This perspective underscores the co-constructed nature of stand-up comedy, where audience reactions—laughter, silence, or interruptions—actively shape the performance’s trajectory.

This research investigates the mechanisms of humor in stand-up comedy through linguistic analysis, identifying key discursive patterns and rhetorical strategies that lie at the heart of the genre. Understanding these mechanisms is essential for exploring how humor operates in different contexts, such as stand-up comedy, which utilizes various elements to create comedic effects.

The textual and extratextual aspects analyzed in this study are primarily illustrated through selected performances by Kevin Hart, a prominent contemporary stand-up comedian. The examples are extracted from his widely recognized comedy specials, notably *Laugh at My Pain* (2011) and *Irresponsible* (2019), which represent key stages of his artistic evolution. These works were chosen due to the cultural resonance and diverse techniques Hart uses in his speech. Kevin Hart's comedic style is a dynamic fusion of high-energy storytelling, self-deprecating humor, and exaggerated physicality, delivered with sharp wit and charismatic relatability. Rooted in observational comedy, his routines transform everyday personal experiences into uproarious narratives through hyperbolic escalation and absurdist logic, which makes this authentic language material suitable for the research.

The selection adheres to the principles of purposeful sampling. According to Patton (Patton, 1990:169), the “logic and power of purposeful sampling lies in selecting information-rich cases for study in depth. Information-rich cases are those from which one can learn a great deal about issues of central importance to the purpose of the research, thus the term purposeful sampling.”

Textual aspects of stand-up comedy

The textual elements of stand-up include linguistic tools, narrative structure, and stylistic techniques. These types of devices are familiar; however, it is worth mentioning their usage in the conversational genre.

Linguistic features

Colloquial vocabulary and slang comedians often use informal language to establish trusting contact with the audience, e.g. *God dammit, London y'all can do better than that. Y'all better make some fucking noise.*

Irony and sarcasm are the basic techniques for creating a comic effect, e.g. *"That's a good code son. That's a good code. Is it Y-O-U or the letter U? How you spell it?"*

This is dripping with sarcasm after his son reveals the phone password is "Fuck you." The exaggerated praise for the code is clearly insincere.

Hyperbole and grotesqueness are exaggerations of situations to enhance a laughing reaction, e.g. “It mainly serves to exaggerate familiar situations, to make the audience appreciate the joke telling, and to enhance its laughter. The stand-up

comedian often starts relating a rather simple story and then makes it increasingly funny by telling of overstated situations and occurrences which always result in hearty laughter.” (Schwarz, 2010: 133) *"If you're a parent here tonight, and you don't think your kids curse, you're a stupid parent. You're stupid."* The blunt, hyperbolic delivery here is sarcastic, mocking parents who are in denial about their kids' behavior.

Pun intended is the basis of many jokes based on ambiguity or sound similarity, e.g. *"Emergency period kits"*. According to Freud (1905/1960:39), the double meaning which arises from the literal and the metaphorical meanings of a word is "one of the most fertile sources for the technique of jokes." Kevin compares preparing for his daughter's first period to preparing for an earthquake, humorously exaggerating the situation.

The structure of the joke. The classical structure of a stand-up joke, described in works on the theory of humor (Attardo, 1994; Raskin, 1985), traditionally includes three main elements: a set-up that creates expectation, a punchline that violates this expectation, and a tag that develops a comic effect. However, in Kevin Hart, this scheme is often expanded by long narrative sketches (storytelling), which is typical for modern comedy focused on detailed stories with many comic layers (Double, 2014; Brodie, 2014).

Extra-textual aspects of stand-up comedy

Extra-textual components play a key role in successful performance, as stand-up is a performative art. Within the framework of this study, we carry out a comprehensive analysis of the extralinguistic components of stand-up performance, using Kevin Hart's performances as a case study.

Paralinguistic tools. Intonation and pauses are commonly used to accentuate key points in the performance. The comedian often uses sudden transitions from a whisper to a scream (*"And then I SCREAMED..."*) to emphasize emotions. In addition, imitation of the voices of other characters (for example, his father or wife). He uses sharp, exaggerated *pitch changes*—switching from a deep, stern voice to a high-pitched, frantic tone—to highlight emotions like fear or disbelief. His *pauses* are expertly timed, often holding a moment of silence before a punchline to build anticipation or letting a reaction linger for maximum impact. Additionally, he employs *rhythmic repetition* and sudden vocal bursts to create a dynamic, engaging performance that keeps audiences laughing.

Kinetic elements. “Conversational facial expressions are not just a reflection of emotions but also a means of communication, which involves configurations of the face, eyes, and/or head synchronized with words and other gestures.” (Sharkov, Silkin, Kireeva, 2022: 388). Gestures and facial expressions – emphasize the meaning of the joke. Kevin Hart often widens his eyes, raises his eyebrows, or drops his jaw to emphasize shock, disbelief, or mock outrage. These expressions make his stories more relatable and hilarious. Posture and movement around the stage create the dynamics of the performance as well as that, eye contact is a way to engage the audience. Moreover, wide-open eyes in moments of "fright" or "bewilderment" became Hart's calling card.

Socio-cultural context. As John Limon argues (Limon, 2012: 3), stand-up comedy makes a defining contribution to contemporary culture, providing a valuable locus for the affective and reflective interplay of public culture and private intimacy. Kevin Hart often weaves relatable, real-world experiences into his routines, making his humor feel fresh and relevant. While he generally avoids heavy political commentary, he touches on social dynamics, relationships, parenting, and race in a way that resonates with broad audiences. For example, he jokes about: parenting struggles (e.g., dealing with stubborn kids, differences in generational discipline), relationship humor (e.g., arguments with his wife, misunderstandings between men and women) and everyday absurdities (e.g., airport security, gym etiquette, social media trends).

Cultural Codes. Kevin Hart's comedy thrives on cultural codes, drawing heavily from shared experiences within Black culture, celebrity life, and internet trends to create instant connections with his audience. He frequently references relatable family dynamics, like strict parenting or humorous church encounters, while also weaving in pop culture nods—such as his playful feud with Dwayne "The Rock" Johnson—and viral memes that resonate with younger crowds. By tapping into these familiar touchstones, Hart ensures his humor feels both personal and widely accessible, making his jokes land with a sense of authenticity and timely relevance. His ability to blend everyday realities with broader cultural references keeps his material fresh, engaging, and deeply rooted in the collective consciousness of his fans.

Audience Feedback & Improvisation. Hart is a master at reading the room and adapting his performance based on crowd reactions. He often engages in call-and-response (e.g., asking rhetorical questions, prompting the audience to react) and improvises on-the-spot if a joke lands differently than expected (e.g., extending a bit if the crowd loves it or pivoting if a reference falls flat). These live, interactive elements make each of his performances unique and heightens the audience's connection to him.

The study demonstrates that stand-up comedy constitutes a complex discursive practice where humor emerges through the dynamic interplay of textual construction and extra-textual performance elements. In stand-up comedy, both verbal and non-verbal communication function as complementary dualities, each playing a crucial role in the overall communicative process. The comedian's words—their timing, tone, and phrasing—work in tandem with their body language, facial expressions, and gestures to shape the delivery of the material. These elements not only influence how the joke is presented but also how it is interpreted and received by the audience. The interplay between what is said and how it is expressed can amplify humor, create irony, or even subvert expectations, making the performance a dynamic exchange between the comedian and the crowd. This research may serve as a starting point for further research of the genre.

References

1. Attardo S. Linguistic Theories of Humor // Mouton de Gruyter, 1994. 338 s.
2. Double O. Getting the Joke: The Inner Workings of Stand-Up Comedy // Methuen Drama, 2014. 320 s.

3. Macrury I. Humour as 'social dreaming': Stand-up comedy as therapeutic performance. *Psychoanalysis Soc*17, 185-203// Available at: URL: https://www.researchgate.net/publication/263332989_Humour_as_'social_dreaming'_Stand-up_comedy_as_therapeutic_performance (accessed Mar 30 2025).
4. Patton M.Q. Qualitative Evaluation and Research Methods // 2nd edn. Sage, Newbury Park *Sampling in Qualitative Research. Purposeful and Theoretical Sampling; Merging or Clear Boundaries*. Available at: URL : https://www.researchgate.net/publication/13850880_Sampling_in_Qualitative_Research_Purposeful_and_Theoretical_Sampling_Merging_or_Clear_Boundaries#fullTextFileContent (accessed Mar 30 2025).
5. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor // Springer Dordrecht, 1985. 284 s.
6. Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Non-verbal signs of personality: Communicative meanings of facial expressions // *RUDN Journal of Sociology*. 2022. Vol. 22. № 2. S. 387-403.
7. Schwarz J. Linguistic aspects of verbal humor in stand-up comedy // Zugl. im Buchhandel: Göttingen, 2009. 451 s.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ НЕЯЗЫКОВОЙ НАГЛЯДНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА 9 КЛАССА ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

Филиппова Людмила Борисовна

канд. пед. наук, доцент

Орловский государственный

университет имени И.С. Тургенева

E-mail: ljusjaph@mail.ru

Сущевский Николай Константинович

студент 5-го курса

Орловский государственный

университет имени И.С. Тургенева

E-mail: ns98x23@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы использования средств неязыковой наглядности в обучении иностранному языку на примере учебника немецкого языка. Наглядность является одним из основных общедидактических принципов, а также средством обучения любому предмету, в том числе и иностранному языку. В статье рассматриваются виды наглядности: языковая и неязыковая наглядность. Особое внимание при этом уделено средствам неязыковой наглядности и её классификациям по различным основаниям: по виду анализатора, по характеру отражения окружающей действительности, по дидактическим функциям. На примере одной из тем учебника И.Л. Бим и Л.В. Садовой «Немецкий язык». 9 класс проводится анализ использования средств неязыковой наглядности в процессе обучения.

Ключевые слова: принцип обучения, средство обучения, языковая (вербальная) наглядность, неязыковая (невербальная) наглядность, классификация средств неязыковой наглядности, обучение иностранным языкам.

USING NON-LINGUISTIC VISUAL AIDS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING (DRAWING ON THE CASE OF A 9TH GRADE GERMAN TEXTBOOK FOR GENERAL EDUCATION ORGANIZATIONS)

Liudmila Filippova

PhD in Pedagogics, Associate Professor

Orel State University

named after I. S. Turgenev

E-mail: ljusjaph@mail.ru

Nikolay Sushchevsky

5-year student

Orel State University

named after I. S. Turgenev

E-mail: ns98x23@yandex.ru

Abstract: The article discusses the use of non-linguistic visual aids in foreign language teaching as exemplified by a German textbook. Use of visual aids is one of the main general didactic principles, as well as a teaching resource for any subject, including a foreign language. The article discusses the types of visual aids: linguistic and non-linguistic visual aids. Special attention is paid to non-linguistic visual aids and their classification on various grounds: by the type of analyzer, by the nature of the reflection of the surrounding reality, by didactic functions. Analysis of the non-linguistic visual aids in the learning process is conducted based on the example of one of the topics of the textbook by I.L. Bim and L.V. Sadomova "German language". Grade 9.

Keywords: didactic principle, teaching resource, linguistic (verbal) visual aids, non-linguistic (non-verbal) visual aids, visual aids classification, foreign language teaching.

Ещё в XVII в. знаменитый чешский педагог Я.А. Коменский называл наглядность «золотым правилом дидактики». В современной педагогике наглядность является одним из основных общедидактических принципов обучения, на котором строится обучение любому предмету, в том числе и иностранному языку.

Вслед за А.Н. Щукиным мы будем понимать под наглядностью как принципом обучения «специально организованный показ языкового и экстралингвистического материала, с целью его лучшего понимания, усвоения и использования в речевой деятельности» (Щукин, 2015: 59).

Для осуществления такого показа необходимы соответствующие средства обучения. Под средствами обучения А.Н. Щукин понимает «комплекс учебных пособий и технических приспособлений, с помощью которых осуществляется управление деятельностью преподавателя по обучению иностранному языку и деятельностью учащегося по овладению иностранным языком» (Щукин, 2015: 26). Таким образом, наглядность в обучении иностранному языку можно рассматривать и как принцип, и как средство обучения.

В методике обучения иностранному языку выделяют языковую (вербальную) и неязыковую (невербальную) наглядности.

Целью данной статьи является рассмотрение средств неязыковой наглядности и анализ их применения в учебнике для общеобразовательных организаций И.Л. Бим «Немецкий язык». 9 класс.

Прежде чем мы обратимся непосредственно к анализу учебника, необходимо выяснить, что относится к средствам неязыковой наглядности.

Существует несколько классификаций средств неязыковой наглядности, выделяемых по разным основаниям: по виду анализатора, по характеру отражения окружающей действительности, по дидактическим функциям и т.д.

Так, В.А. Носова различает средства наглядности по виду анализатора и выделяет: слуховую, зрительную и двигательно-моторную наглядность (Носова, 2015).

Н.М. Шевченко классифицирует неязыковую наглядность по характеру отражения окружающей действительности и различает:

1. натуральную (естественную) наглядность, т.е. реальные предметы или процессы, с которыми учащиеся знакомятся на занятиях (объекты и явления, демонстрируемые учителем, раздаточный материал) или вне занятий (во время экскурсий), коллекции, приборы, аппараты;

2. объемную наглядность (геометрические фигуры и тела, муляжи, глобус);

3. изобразительную наглядность (карты, плакаты, таблицы, чертежи, рисунки, схемы, графики, картины, диаграммы);

4. проекционно-интерактивную наглядность (кинофильмы, видеофильмы, слайды, обучающие игры, электронные приложения к учебникам) (Шевченко, 2016).

Наиболее подробную классификацию, в основании которой лежат дидактические функции наглядности, приводит А.С. Гиль. Так же как Н.М. Шевченко она различает объемную и естественную неязыковую наглядность, выделяя из последней как отдельный вид наглядность экспериментальную. Изобразительная и проекционно-интерактивная наглядность по классификации Н.М. Шевченко разделяются у А.С. Гиль на три вида:

- 1) картинная и картинно-динамическая (картины, рисунки, фотографии, диапозитивы, кино);

- 2) звуковая (грамзаписи, магнитофонные записи, радио);

- 3) символическая и графическая (чертежи, схемы, карты, таблицы) (Гиль, 2016).

Кроме того, А.С. Гиль выделяет такой вид наглядности как смешанная, примером которой может служить учебный звуковой кинофильм, сочетающий в себе и языковую, и неязыковую наглядность.

Современный урок иностранного языка позволяет применять огромное разнообразие технических средств и приспособлений для донесения информации. Это могут быть как старые, проверенные годами средства, например, бумажные изображения, карты, фотографии, и естественные предметы и модели, так и современные электронные средства, как компьютерные изображения, аудио- и видеофрагменты, воспроизводимые при помощи телевизора, аудио- и видеокассет, CD-дисков, либо же при помощи компьютерных систем и проекторов.

Стоит отметить, что, как правило, в рамках обучения иностранному языку, педагог не ограничивается каким-то одним средством наглядности, но использует комбинацию её различных видов. Учебник иностранного языка как

основное средство обучения также представляет собой сочетание языковой и разных видов неязыковой наглядности. Рассмотрим подробнее, какие средства неязыковой наглядности применяются, например, в учебнике И.Л. Бим и Л.В. Садовой «Немецкий язык». 9 класс. Данный учебник входит в федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством просвещения России к использованию в общеобразовательных организациях. При анализе средств наглядности мы будем опираться на классификацию А.С. Гиль, как наиболее подробную.

Учебник состоит из пяти разделов: курса «Повторение» и четырёх глав. Оглавление учебника представляет собой таблицу (графическая наглядность), в последнем столбце которой перечисляются приёмы обучения по каждому разделу. Уже в первом разделе, курсе «Повторение», мы видим такие приёмы как чтение подписей к рисункам, составление высказываний по схеме, работа с картой, чтение текста с опорой на рисунки, работа с ассоциограммами, комментирование схемы, изображающей систему школьного образования в Германии (Бим, 2017: 223). Таким образом, по анализу лишь оглавления учебника, мы уже можем говорить о том, что в нем используются разные виды наглядности: рисунки относятся к картинной наглядности; схемы, карта – к символической и графической; ассоциограммы можно определить как смешанную наглядность, сочетающую в себе элементы неязыковой графической и языковой наглядности.

Каждый раздел учебника также начинается с рисунков и/или фотографий, функцией которых является иллюстрация содержательного плана данного раздела.

Остановимся подробнее на анализе одного из разделов – курса «Повторение». Курс называется “Ferien, ade!” и начинается с трех фотографий, иллюстрирующих различные виды активностей на летних каникулах. Анализ раздела показывает, что в учебнике широко используются средства изобразительной наглядности: картинной, символической и графической. Всего в разделе содержится 16 фотографий, 23 рисунка, 2 карты, 10 схем (преимущественно в разделе грамматика), 3 ассоциограммы, 1 диаграмма. Рисунки используются в качестве условных обозначений заданий в рабочей тетради, работы в парах и группах, заданий на аудирование. Так же мы видим использование смешанной наглядности: например, рисунок + рамка + текст. Таким образом в учебнике выделяются вопросы (Fragen), советы обучающимся (Lerntipps), лингвострановедческие комментарии (Kommentar), словарный минимум (Wortschatz).

Поскольку учебник является печатным изданием, то естественно отсутствие в нем натуральной и объемной наглядности и преобладание картинной, символической и графической, а также смешанной наглядности. Тем не менее, мы можем говорить о том, что учебник предполагает использование средств звуковой и проекционно-интерактивной наглядности. В УМК входят аудиокурс, дополнительные электронные материалы и интернет-ресурсы. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в данном учебнике наглядность широко применяется.

Проведённый анализ учебника немецкого языка показывает, что наглядность играет большую роль в обучении иностранным языкам. Эффективность обучения зависит от степени привлечения к восприятию всех органов чувств человека. Следовательно, чем более разнообразны чувственные восприятия учебного материала, тем лучше он усваивается.

Список литературы

1. Бим И.Л., Садомова Л.В. Немецкий язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. 6-е изд. М.: Просвещение, 2017. 245 с.
2. Гиль А.С. Современные наглядные средства в учебном процессе: методическое пособие для педагогов // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/nprospo/gumanitarnye-nauki/library/2016/09/30/sovremennye-naglyadnye-sredstva-v-uchebnom-protsesse> (дата обращения: 11.02.2025).
3. Носова В.А. Роль наглядности в обучении иностранным языкам: методическая разработка по английскому языку // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2015/01/24/rol-naglyadnosti-v-obuchenii> (дата обращения: 3.02.2025).
4. Шевченко Н.М. Значение принципа наглядности в обучении // Международный педагогический портал. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/znachenie-principa-naglyadnosti-v-obu-3/?ysclid=m8uqhw7e8q165596191> (дата обращения: 30.03.2025).
5. Щукин А.Н., Фролова Г.М. Методика преподавания иностранных языков: учебник для студ. учреждений высш. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2015. 288 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Фисунова Наталья Викторовна
канд. пед. наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
E-mail: Fisunova@bsuedu.ru

Аннотация: В статье речь идет об использовании креолизированных текстов на уроках иностранного языка со студентами лингвистических направлений подготовки. Особенности работы с такими учебными материалами как реклама и комиксы соответствуют мышлению современных молодых людей, т.к. современная молодежь быстро воспринимает краткую, яркую, запоминающуюся информацию, визуальные образы. Задача современных преподавателей при обучении иностранным языкам заключается в том, чтобы в процессе обучения уделить больше внимания технологиям визуализации.

Ключевые слова: креолизированные тексты, современные формы и технологии обучения иностранным языкам, реклама, комиксы, цифровые средства коммуникации

CREOLIZED TEXTS AND THEIR ROLE IN COMMUNICATIVE COMPETENCIES FORMATION AMONG STUDENTS OF LINGUISTIC SPECIALTIES

Natalya Fisunova

PhD in Pedagogical Science, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: Fisunova@bsuedu.ru

Abstract: The article deals with the use of creolized texts in foreign language lessons with students of linguistic training aspects. The features of working with educational materials such as advertising and comics correspond to the thinking of modern young people, because modern youth quickly perceive short, vivid, memorable information and visual images. The challenge of modern teachers in teaching foreign languages is to pay more attention to visualization technologies in the learning process.

Keywords: creolized texts, modern forms and technologies of teaching foreign languages, advertising, comics, digital means of communication.

Скорость изменения современной жизни и ежедневное увеличение информации ставит перед преподавателями высших учебных заведений проблему выбора современных форм и технологий обучения иностранным языкам студентов лингвистических направлений. Современная молодежь сегодня быстрее воспринимает краткую, яркую, запоминающуюся информацию, визуальные образы, поэтому современные преподаватели при обучении иностранным языкам должны уделить больше внимания технологиям визуализации.

В статье речь пойдет о роли использования креолизованных текстов на уроках иностранного языка. Под креолизованными текстами имеются ввиду комиксы, афиши, плакаты, интернет-мемы, рекламы на иностранном языке в электронном или напечатанном виде, т.е. поликодовые тексты, которые имеют яркие визуальные опоры, что способствует быстрому запоминанию информации. Использование таких текстов на уроках иностранного языка должно носить регулярный характер как для организации совместной работы студентов на уроке иностранного языка, так и для самостоятельных заданий с целью быстрого запоминания информации инициации дальнейших активных коммуникативных действий (Цзоу Х., 2020: 127).

Интерес к креолизованным текстам появился достаточно давно еще в 90-е годы 20 века в период появления новых форм коммуникации и использования их на уроках иностранного языка. За последнее десятилетие среди ведущих, современных методистов, занимающихся вопросами организации работы с креолизованными текстами на уроках иностранного языка можно отметить следующих: Головушкина М.В., Цзоу Х., Вашунина И.В., Трубина З.И., Яковлева В.В., Ворошилова М.Б., Верина К.А. и др.

Примеры креолизованных текстов нас сопровождают ежедневно в повседневной жизни, однако существует дефицит современных методических разработок и рекомендаций в вопросе по методической организации на уроках иностранного языка с креолизованными текстами.

Современная молодежь – «это цифровая молодежь», которая стремится использовать цифровые средства коммуникации для получения дополнительной информации по различным вопросам. Сегодня все чаще говорят о наличии клипового мышления у современного человека. Поэтому, например, поддерживать сегодня клиповое мышление на уроках иностранного языка можно за счет комиксов, основной упор которых делается на эмоциональном содержании. В данном случае эти яркие визуальные образы и минимальные по содержанию тексты оказывают мощную функцию воздействия на обучающихся и обеспечивают быстрое запоминание текста на уроках иностранного языка, что служит мотивом для развития коммуникативных навыков. Комиксы содержат невербальный компонент, предметы и образы, что может являться платформой для быстрого развития воображения студентов и запоминания новой информации. За счет комиксов расширяется активный словарь обучающихся, происходит формирование грамматических и лексических навыков. По мнению А.В. Осияновой, В.Л. Темкиной вербальные опоры комикса стимулируют развитие умений выражать собственное мнение, выбирать адекватные способы решения коммуникативно-речевых задач. Комикс представляется средством повышения мотивации к изучению иностранного языка, формирования лингвострановедческой и социокультурной компетенции, стремления учащихся к самообразованию (Осиянова, 2022: 156).

С точки зрения целей коммуникации креолизованные тексты существуют на трех уровнях – лексическом, синтаксическом и композиционном (Анисимова, 2003: 128). Поликодовые тексты могут выполнять на уроке иностранного языка различные функции. Например, при помощи комиксов можно упростить объяснение некоторых выражений на иностранном языке. Сегодня при помощи искусственного интеллекта можно самостоятельно или совместно со студентами создать комиксы для конкретной темы. Преподаватель может использовать креолизованные тексты как смысловые опоры, как необходимый материал для формирования мотивации и дальнейшего развития коммуникативных навыков. Картинки можно быстро чередовать, соотносить с выражениями, подбирать выражения и правильно их использовать в разных жизненных ситуациях. Креолизованные тексты могут служить хорошими помощниками учителю иностранного языка на этапе контроля и закрепления пройденного материала.

Креолизованные тексты способны за короткий промежуток времени передать большое количество информации. Ярким примером креолизованного текста на уроке иностранного языка может являться реклама. Создание ярких эмоциональных, рекламных текстов позволяет решать коммуникативные задачи, находить ответы на вопросы, побуждающие к действиям. На уроках можно использовать как телевизионную, так и текстовую рекламу. Рекламный ролик оказывает яркое эмоциональное воздействие, является аутентичным материалом, здесь демонстрируются разные средства выразительности, поговорки и устойчивых выражений, слоганов, лозунгов. Короткую рекламу на уроке иностранного языка можно предложить обучающимся в качестве

тренировочных упражнений при переводе с русского языка на иностранный и наоборот. Слоганы легко запоминаются, для экономии времени на уроке можно составить упражнение с пропущенными словами или подобрать синонимы (Головушкина, 2019: 138).

Рекламные ролики содержат много прилагательных в сравнительной и превосходной степени, что также может являться тренировочным материалом на уроках иностранного языка и расширением словарного запаса. Рекламные видеоролики могут служить хорошим материалом для аудирования на уроках иностранного языка по разным разговорным темам «В магазине», «В аптеке», «Покупка дома или квартиры» и т.д. Если предложить студентам выполнить тест с заданиями к просмотренному рекламному ролику, можно очень быстро проконтролировать, например, словарный запас по устной теме или отдельную грамматическую тему. Кроме того, нестандартные уроки привлекают внимание обучающихся, повышают их интерес к изучению иностранного языка и способствуют развитию творческих способностей (Жакупова, 2016: 126).

Несмотря на то, что сегодня существует большое количество креолизованных текстов, следует подчеркнуть тот факт, что в образовательных программах, учебно-методических комплексах по-прежнему рекомендовано использование традиционных материалов: тексты с аудиоматериалами и визуальным сопровождением, опорные таблицы. Однако, как показывает практика, при соблюдении ряда методических условий работа с креолизованными текстами на уроках иностранного языка, дополнительная разработка собственных заданий с использованием интернет-возможностей и искусственного интеллекта позволяют студентам лингвистических специальностей повышать мотивацию к изучению иностранного языка и совершенствовать коммуникативные навыки.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) учеб. пособие для студ. фак. иностр. вуз. – М. Academia, 2003. - 128 с.)
2. Головушкина, М.В. Социолингвистический анализ английских рекламных слоганов // Наука. Общество. Государство. 2019. №2 (26). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolingvisticheskiy-analiz-angliyskih-reklamnyh-sloganov> (дата обращения: 09.04.2020).
3. Жакупова, А.И. Грамматические приемы англоязычного рекламного слогана // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2016. Т. 5. №1. С. 162-165.
4. Осияновой А.В., Осиянова О.М., Темкина В.Л. Креолизованные тексты в современном языковом образовании: дидактический аспект. Вестник Оренбургского государственного университета. 2022. №4 (236).
5. Цзоу Х. Теоретические аспекты изучения поликодового текста в современно языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т.13. № 1. С. 295. [Электронный ресурс]. URL:<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.58>.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Шеенко Иван Игоревич,
ассистент кафедры дополнительного
и среднего профессионального образования
и аккредитации,
Российский государственный
социальный университет
E-mail: ysheenko@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия «прецедентный текст», даются основные его характеристики. Гипотезой работы является предположение о том, что в современном информационном пространстве продолжают функционировать прецедентные фразы великого русского поэта XIX века Ф.И. Тютчева. Отдельным аспектом изучения являются факторы зарождения и функционирования прецедентных текстов в информационной среде современности. Материалом для анализа послужили русские газетные источники последних двадцати лет.

Ключевые слова. прецедентный текст, цитата, прецедентный феномен, интертекст.

PRECEDENT TEXTS IN F.I. TYUTCHEV'S WORKS AND THEIR FUNCTIONING IN THE MODERN INFORMATION SPACE

*Ivan I. Sheenko,
Assistant lecturer of the Department
of Additional and Secondary
Vocational Education and Accreditation,
Russian State Social University
E-mail: ysheenko@mail.ru*

Annotation. The article reveals the essence of the concept of "precedent text", gives its main characteristics. The central issue of the article is the assumption that intertextual expressions of the great poet of the 19th century F.I. Tyutchev continue their functioning in the modern information space. The factors of the origin and functioning of precedent texts in the information environment of our time are considered as a separate aspect of the work. Russian newspaper sources of the last twenty years were taken as the material of the analysis.

Keywords. precedent text, quotation, precedent phenomenon, intertext.

В лингвистике существует такое понятие как «прецедентный текст». Общепринятой является трактовка данного термина, изложенная на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году Юрием Николаевичем Карауловым. Ученый дал следующее определение: «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности», называются прецедентными (Караулов, 2019: 216).

Прецедентный текст часто зарождается из цитаты. «Первое объяснение феномену цитации можно предложить, исходя из представления о существовании в поэтическом языке "слов-тем" (Б. Томашевский), "поэтических формул" (А. Веселовский), которые в течение известного времени вызывают известные группы образных ассоциаций и которые, по мнению Веселовского, являются "нервными узлами" текста» (Козицкая, 1999: 58). Другими словами, если некий структурный элемент текста более художественно значим, уникален, характерен, то более вероятно, что он может в дальнейшем использоваться как цитата, а в дальнейшем может вырасти в функционирующий прецедентный текст.

Вопросами функционирования и развития теории прецедентных текстов занимались многие отечественные ученые: Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин и др.

Термин «прецедентный текст» имеет высокую степень употребления в научной среде, в связи с чем понятие обрело множество «терминов-собратьев», включающих в свой состав определение «прецедентный». Мы будем использовать лишь некоторые из них. Термин «прецедентный текст» оказался весьма плодотворным в плане создания множества производных терминов, среди которых «прецедентное имя» (Красных, 1998; Гудков, 1999; Вацковская, 2008;); «прецедентное высказывание» (Красных, 1998; Гудков, 1999; Прохоров, 2004), «прецедентная ситуация» (Красных, 1998; Гудков, 1999; Прохоров, 2004), «прецедентные феномены» (Красных, 1998; гудков, 1999; Прохоров, 2004), «прецедентный образ» (Чумак-Жунь, 2005) и другие. Близким к терминологической синтагме «прецедентный феномен» является термин «интертекст» и его производные: «интертекстуальный», «интертекстуальность».

Как правило, прецедентные тексты всегда присущи определенной нации, культуре и этносу. Проще говоря, прецедентные высказывания употребляются и понятны только носителям языка. Прецедентные тексты демонстрируют уровень культуры и знания традиционных ценностей говорящего. Носители языка могут цитировать классическую литературу, мифологические или церковные источники и другие материалы. Прецедентными могут быть не только цитаты, носители изменяют содержание первоисточника, наделяя его новыми смыслами. Данный факт тоже будет рассматриваться как прецедентный феномен. Термин «прецедентный феномен» является более общим понятием, нежели «прецедентный текст».

В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева в своем исследовании, опираясь на дефиницию центрального термина Ю.Н. Караулова, предложили выделить в прецедентных феноменах прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентное имя, которое выступает в качестве символа прецедентного феномена (Красных, 1997: 64).

Говоря о структуре прецедентного текста, исследователи выделяют следующие составляющие:

«1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов прецедентного высказывания, формирующих его лексико-грамматическую структуру;

3) системный смысл, представляющий собой «сумму» глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций» (Караулов, 2019: 95).

Функционирование в определенной языковой среде прецедентных текстов отражают уровень культурного сознания нации. Данные тексты передаются из уст в уста, при этом исходный смысл фраз меняется. Вместе с этим, прецедентные тексты могут трансформироваться из поколения в поколение. Представители современного поколения используют те прецедентные тексты, которые предшественники могут не понять. Некоторые современные литературные произведения, сериалы, интервью носители языка «разрывают на цитаты» и активно используют их в речи, демонстрируя свой уровень языковой культуры и в целом национального сознания современного языка. Например, современный мультипликационный фильм студии «Мельница» «Алёша Попович и Тугарин Змей» в буквальном смысле был «разорван на цитаты». Каждый русский человек знает фразы *«Отведай-ка силушки богатырской!»*, *«Не смешите мои подковы»*, *«Ах, так?! А тогда я косы обрежу и в монастырь уйду... В мужской!»*, *«Мне нравится этот парень! Он опять выиграл!»*, *«Вдруг завтра бой, а я – уставший?»*.

Активно используются прецедентные тексты в современной публицистике (газетах и журналах) и в цифровой среде. Мы уверены, что русские классические прецедентные тексты формируют национальное сознание.

Этот факт рассматривается не только российскими учеными, но и авторами из-за рубежа, что констатирует достоверность высказанного выше тезиса. Так, в исследовании Е.С. Данн говорится, что прецедентные тексты в русском литературном дискурсе служат когнитивными и идеологическими якорями. Произведения Тютчева, обладающие философской глубиной, функционируют как хранилище памяти культуры народа, постоянно изменяемой современной интерпретацией (Dunn, 2011: 58).

В данном исследовании мы проанализировали использование в современных журналах и газетах интертекстуальных феноменов великого поэта XIX века Ф.И. Тютчева. Поэтические тексты Тютчева – обязательный элемент школьной программы по литературе. Школьники современного поколения учат наизусть такие его стихотворения, как «Весенняя гроза», «Зима недаром злится...», «Умом Россию не понять» и др. Каждый русский школьник XXI века с младшего школьного возраста знает строку «Люблю грозу в начале мая...».

В данной статье мы поставили целью проверить, функционируют ли в современном цифровом пространстве интертекстуальные феномены Ф.И. Тютчева и какова специфика употребления в дискурсе журналистов тех или иных прецедентных высказываний.

Чтобы рассмотреть функционирование прецедентных текстов Ф.И. Тютчева именно в современной цифровой среде, мы ограничились последними 20 годами. Поиск и анализ был проведен на сайте Национального корпуса русского языка в газетном подкорпусе.

В ходе анализа нами были выявлены как так называемые «вневременные» интертексты, так и прецедентные феномены, употребляемые только в современном обществе.

Обратимся к великому стихотворению Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять» (1866). Каждый русский человек знает известные строки о родной стране и о ее людях. Нами было найдено 69 публицистических текстов, в которых авторы ссылаются на это прецедентное выражение. В газетах современности таких, как *lenta.ru*, 2019, 2018, 2017; Московский комсомолец, 2019; Комсомольская правда, 2014; Известия, 2016 и других, авторы в статьях пишут «Умом Россию не понять». Например, *«Умом Россию не понять, арином общим не измерить» — этой цитатой президент Российской ассоциации международного права (РАМП) Анатолий Капустин прокомментировал критику действий России в Крыму на конференции Европейской ассоциации международного права в Таллине.* (Архаичный язык российской дипломатии // Ведомости, 2014.08). Специфика функционирования здесь выступают тематика (соответственно, межкультурная коммуникация между странами), сфера функционирования — политика. Специфика функционирования прецедентного текста обусловлена здесь тематикой, соответственно, межкультурной коммуникацией, сфера функционирования — политика.

Представленный далее интертекст взят из стихотворения Ф.И. Тютчева «Нам не дано предугадать...» (1869). Авторы таких журналов, как *Vesti.ru*, 2008; Комсомольская правда, 2012; Известия, 2018, употребляют выражение *«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»* 21 раз за последнее время. Например, *«Антипечатать»*: ликбез или руководство к действию *Газетчики в поисках темы для материала забывают крылатую фразу: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».* («Антипечатать»: ликбез или руководство к действию // *Vesti.ru*, 2008.02). Специфика использования цитаты в данной серии газет чаще всего обусловлена бытовыми ситуациями из жизни.

Нередко журналисты современности используют строки из стихотворения «Цицерон» (1830) *«Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!»*. Нами обнаружено 11 статей с использованием данного прецедентного феномена. Например, *«В русской интерпретации Тютчева («Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые») все не так мрачно, но в наши дни китайские коллеги кажутся прозорливее. Зрители проекта Сокурова, наблюдающие сегодня одновременно и сирийскую войну, и политический кризис в Белоруссии, и затяжной украинский прыжок в Европу без парашюта, вряд ли разделят тютчевский оптимизм.* (Без единого каракуля // Ведомости, 2020.09). В большинстве текстов особенностью использования указанного прецедентного текста служат отсылка ко времени и знаковым событиям данной эпохи. В статьях авторы соотносят данное

выражение с исторически важными событиями нашей страны, нередко трансформируя содержание первоисточника.

Следующий текст является цитатой великого поэта: *«Русская история до Петра Великого – сплошная панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело»*. Данное высказывание стало афоризмом и было использовано для одной рекламной компании в Москве. Цитата была размещена на билбордах города, но не прошла мосгорцензуру и была снята, что вызвало «поток» газетных публикаций по данному инциденту. Нами было найдено 7 случаев употребления данного прецедентного феномена в газетных ресурсах. Например, *«Рекламная кампания «Московских новостей» не прошла мосгорцензуру. В минувшую субботу с улиц Москвы исчезли два рекламных щита с цитатой из Тютчева: «Русская история до Петра Великого – одна Панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело»* (Рекламная кампания «Московских новостей» не прошла мосгорцензуру // Ведомости, 2011. 03). Фактором, обуславливающим употребление данного интертекста выступает событийность, что может означать инцидент или ситуацию, которые «спровоцировали» зарождение прецедентного выражения.

Выше нами были представлены прецедентные феномены, функционирующие в газетном дискурсе довольно часто. Некоторые интертексты в цифровой среде используются реже. Несмотря на это, в соответствии с определением Ю. Н. Караулова, мы также можем обозначить их как прецедентный текст.

Например, строки из стихотворения «Напрасный труд» (1867) *«Напрасный труд – нет, их не вразумишь, – / Чем либеральней, тем они пошлее»*. Авторы газетных статей обращаются к данному прецедентному тексту 3 раза за последние два десятилетия. Для примера возьмем онлайн журнал dzen.ru, в котором написали *«В 1867 году Тютчев пишет коротенькое стихотворение о Европе и ее вечном, неизменном отношении к России, трезвое, мудрое, пророческое. Напрасный труд – нет, их не вразумишь, – Чем либеральней, тем они пошлее... Но стихотворение поэта прозвучало как глас вопиющего в пустыне. И доныне к нему мало кто прислушивается! Большинство предпочитает набивать собственные шишки на личном опыте»* (Самое трезвое видение взаимоотношений Европы и России. Федор Тютчев – "Напрасный труд // dzen.ru, 2022.05). Средой использования данного интертекста выступает политический контекст.

Приведенные выше прецедентные тексты Ф.И. Тютчева – это лишь малая часть его культурного и поэтического наследия. В ходе анализа нами был найден 271 газетный источник, в котором упоминалось имя поэта и, соответственно, его прецедентные тексты.

В результате нашего исследования был выявлен важный фактор, благодаря которому прецедентные тексты зарождаются и функционируют – актуальность прецедентного феномена. Предварительно важное для конкретного языкового и культурного сообщества событие может укорениться в коллективной памяти носителей языка.

В современном информационном пространстве любая цитата, высказывание или литературный текст могут стать прецедентными текстами «в один клик». Этот процесс стал более активным в последние годы благодаря развитию сети Интернет.

Цифровая среда способствует ускорению темпа закрепления и функционирования прецедентных текстов Ф.И. Тютчева. Газетные источники нередко обращаются к вопросам политики, а тексты статей должны соответствовать традиции и культуре России и иметь яркий и запоминающийся язык. Для этого авторы газетных статей и обращаются к русской классической литературе. Выбранный нами автор долгое время жил за границей и имеет большое число стихотворений с политическим подтекстом, где поэт переживает за будущее России или же, наоборот, восхищается её мощью. Данный факт не может не привлекать внимание журналистов, и они активно цитируют известного поэта XIX века.

Таким образом, мы с уверенностью можем утверждать, что прецедентные тексты Ф.И. Тютчева активно функционируют в современном информационном пространстве. Спецификой использования его текстов выступает политическая тема, а условием – актуальность феномена в данный момент.

Список литературы

1. Вацковская, И. С. Прецедентное имя в политическом дискурсе / И.С. Вацковская // *Studia Linguistica* XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. СПб.: Политехника-сервис, 2008. С. 338-342.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентное / Д. Б. Гудков. Москва: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.
4. Козицкая, Е. А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. 140 с.
5. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева// *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1997. №3.
6. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю.Е. Прохоров. Москва: Флинта: Наука, 2004. 222 с.
7. Чумак-Жунь, И. И. Функционирование прецедентного образа в поэтическом дискурсе / И.И. Чумак-Жунь // *Художественный текст и языковая личность: материалы IV Всерос. науч. конф. (Томск, 27-28 октября 2005 г.)*. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2005. С. 83-87.
8. Dunn, E. C. Precedent Phenomena in Russian Poetic Discourse: Intertextuality and Cultural Memory // *Slavic Review*. 2011 . T.70, №1. P. 57-79.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКИ РУССКИХ И БРИТАНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Юрина Е.Ю.

ассистент

*Белгородский государственный
национальный исследовательский*

университет

E- mail: yurina@bsuedu.ru

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу русских и британских волшебных сказок. Сказки отражают культуру народа и содержат колоссальное количество знаний о его мировоззрении, этических и моральных нормах. Источники народного творчества позволяют нам лучше понять особенности мышления и психологию народа, что является важным шагом к взаимопониманию между этносами.

Ключевые слова: этнос, народное творчество, волшебные сказки, сходства и различия.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ARTISTIC SPECIFICITY OF RUSSIAN AND BRITISH FAIRY TALES

Elena Yurina

assistant

Belgorod State University

E- mail: yurina@bsuedu.ru

Abstract: The article is focused on the comparative analysis of Russian and British fairy tales. Fairy tales mirror the culture of the people and contain an enormous amount of knowledge about their worldview, ethical and moral principles. Sources of folk art allow us to gain a better understanding of the thinking and psychology of the people, that is an important step towards mutual understanding between nations.

Key words: ethnos, folk art, fairy tales, similarities and differences.

Сказки служат зеркалом, отражающим душу народа, его характер, мировоззрение, историю, систему ценностей и особенности языка. В фольклоре каждой культуры можно найти свои сказки, которые имеют много отличий, как и народы-авторы этих произведений. Но в то же время в сказках некоторых этносов можно проследить и сходства, которые также обусловлены историческими событиями, географическим положением и так далее.

Изначально народное творчество помогало людям найти объяснения различным природным явлениям, передать народную мудрость и основы моральных ценностей. Важно подчеркнуть, что сказки носят не только развлекательный или воспитательный характер, в них также кроется метафорический смысл, особенно это касается волшебных сказок.

Мораль волшебной сказки заключается в противостоянии добра и зла, а также в народных представлениях об идеалах, которые олицетворяют положительные герои, одерживающие победу над злом и несправедливостью.

Волшебные сказки повествуют о самых необыкновенных, невероятных и удивительных событиях, где главными героями являются выдуманные персонажи.

Одной из основных особенностей волшебной сказки является вымысел. Слушатели не задумываются о правдоподобности услышанного, а рассказчик не ожидает полного доверия от аудитории, поскольку в таких сказках всё крайне необычно. Волшебство, связь с потусторонним миром или воздействие природных сил и подобные элементы являются неотъемлемой частью каждой волшебной сказки.

Кроме того, сюжеты волшебных сказок отражали все неосуществимые мечты народа, такие, как возможность всегда быть сытым – например, скатерть-самобранка или горшок, который по приказу может приготовить любое количество каши.

Сюжет волшебной сказки начинается с захватывающей завязки, связанной с каким-то необычным событием. Эта завязка акцентирует внимание на удивительности происходящего и указывает на то, что речь пойдет о вымышленных событиях.

Еще одной характерной особенностью волшебной сказки является наличие множества событий. В таких сказках обычно рассказывается о длительном периоде напряженных и драматичных событий в жизни главного героя, который сталкивается с различными испытаниями и выполняет сложные задания.

Сюжеты волшебных сказок редко повторяются, однако их мотивы часто эпизодичны и всегда следуют в определенной последовательности. Каждый новый поворот в сюжете объясняет следующий и подготавливает к кульминации. Обычно наиболее важный мотив может повторяться, чтобы акцентировать внимание на ключевом моменте.

В каждой сказке события сосредоточены вокруг главного героя. В волшебной сказке этот персонаж на первый взгляд представляет собой обычного человека, который оказывается втянутым в конфликт.

Волшебным сказкам свойственен композиционный повтор, а также триумф в конце, который главный герой достигает с помощью волшебных помощников. Главный герой всегда является сильным и добрым, и даже если он совершает ошибки, то исправляет их в ходе преодоления испытаний. Таким образом, сказка предлагает слушателям четкую систему ценностей и определенное восприятие реальности.

Основное значение волшебных сказок заключается не только в развлекательной, но и поучительной функциях.

Например, многие сказки показывают, какие темы для народа табуированы, и чего стоит избегать. Например, нельзя употреблять неизвестную пищу или пить из неизвестных источников («Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»), нельзя покидать дом поздно ночью («Гуси-лебеди», «Ночные пляски») или брать неизвестные предметы («Иван-царевич и серый волк»). Многие сказки отражают принятые нормы морали и поведения, а также показывают последствия их нарушения.

Русский и английский народы имеют много отличий, но в то же время можно наблюдать и сходства. Главным отличием русских волшебных сказок от английских является то, что главный герой в английских народных сказках

всегда достигает успеха самостоятельно, а герою в русских сказках содействуют помощники, в результате чего он преодолевает все препятствия и совершает подвиг.

Главным сходством волшебных сказок двух народов является то, что добро всегда противопоставляется злу. Протагонист, характеризующийся максимально положительно, является прямой противоположностью антагониста, все действия которого несут только вред, в связи с чем порицаются.

В основе волшебной сказки лежит образ перехода из одной социальной роли в другую. В ней возникает образ «иногo царства», в которое герой должен попасть и преодолеть все трудности, чтобы завоевать невесту или получить волшебные дары, после ему предстоит вернуться домой с победой и новыми знаниями. Сюжет такой сказки полностью выходит за рамки реальности.

У многих сказок существуют вариации, так как это устное народное творчество, из названия которого понятно, что оно передавалось из уст в уста. Волшебные сказки не являются исключением. В связи с этим, у разных народов можно встретить схожие по сюжету сказки, или наоборот, при распространении одной сказки внутри народа, персонажи, места повествования или даже события изменялись рассказчиками для адаптации под определённую аудиторию. Так, например, бытует мнение, что антагонисты Змей Горыныч, Чудо-юдо и Кощей Бессмертный – это одно и то же существо.

Также, характерной особенностью русского эпоса является то, что главными героями выступали не только мужчины. Например, наряду с богатырями, народ воспевал не только красивых или умных женщин, но и смелых, обладающих силой как физической, так и духовной. Одной из таких героинь является старшая дочь богатыря Микулы Селяниновича – Василиса Микулишна. Она не только сильна, но также хитра и мудра. Можно сделать вывод, что эти качества больше всего ценились в женщинах.

Кроме того, к числу отличий русских волшебных сказок от британских можно добавить образы героев и злодеев, и качества, которыми наделены протагонисты и антагонисты.

В культурах двух народов отрицательные персонажи изображаются по-разному. Например, в британских народных сказках зло олицетворяют: Гиганты (волшебная сказка «Джек и бобовый стебель») и Тролли (часто представлены в шотландских народных сказках, в качестве противника главного героя). Они являются большими и сильными, в этом и заключается их наибольшая опасность.

Обычно, в таком случае, наделённому большой силой антагонисту, противопоставляется слабый физически, но умный и хитрый главный герой. Например, в сказке «Molly Whuppie» (Молли Вуппи) главная героиня – маленькая, но умная девочка Молли, обманывает великанов-людоедов, тем самым побеждая их и добиваясь поставленной цели. Также и Джек в сказке «Jack and the Beanstalk» (Джек и бобовый стебель) при помощи хитрости побеждает и добывает счастье для себя и своих близких.

В русских волшебных сказках антагонистом часто выступает Кощей Бессмертный, он описывается не как самый большой и сильный, но тем не

менее наводит страх и ужас, являясь практически непобедимым и неубиваемым, что можно понять уже из его имени.

Считается, что прототипом Кощея является святой Касьян, который проповедовал добро, но, когда происходили несчастья, он не помогал, не вмешивался, лишь наблюдал, за что народ прозвал его «злыднем». В древности чествовали Касьяна в конце зимы, и верили, что конец февраля (28 – 29 в високосный год) – День Кощея. Народ полагал, что в этот день Кощей крадёт молодых девушек, которые олицетворяют жизнь, весну, красоту и любовь, пытаясь таким образом задержать зиму. Чтобы предотвратить задержку весны, люди наряжались в устрашающие наряды из костей, чтобы отпугнуть зло.

Есть и другие предположения, например, что в древности «кощунном» называли колдунов, которым выступает Кощей в сказках, отрицая законы природы: желает жить вечно, может обратить в камень целое царство, обратиться вороном, превратить девушку в лягушку и так далее. Анализируя «имя» Кощея, можно также предположить, что оно пошло от устаревшего глагола «кастить» – вредить, пакостить.

На этих примерах можно проследить, что несмотря на то, что каждая волшебная сказка повествует не только о физическом путешествии героя, но и о духовном изменении в лучшую сторону, не всегда главные герои демонстрируют только положительные качества. Зачастую они демонстрируют далеко не самое образцовое поведение, что делает их человечнее. Часто главные герои в английском фольклоре проявляют свои негативные качества, чтобы преодолеть все трудности на своём пути они обращаются к обману и плутовству, но проявляют находчивость и предприимчивость, что ценилось в эпоху капитализма в Англии.

Кроме того, можно заметить, что в британских сказках главный герой всегда полагается только на себя и достигает успеха в одиночку. В этом отражается характерное для англоязычной культуры явление как «человек, который сделал себя сам», в то время, как главному герою в русских сказках всегда встречаются на пути помощники, которые приближают его к победе.

Одним из самых распространённых главных героев в русских сказках является юноша по имени Иван, это распространённое имя, которое указывает на то, что это на первый взгляд обычный парень, такой же, как один из слушателей, тем самым заставляя сопоставлять себя с главным героем, а в дальнейшем беспокоиться за него и сопереживать. Обычно – это третий, младший сын, который превосходит братьев не по силе, а по уму и смекалке. Старшие братья изначально не считаются с младшим, взваливают на него все самые трудные задачи, а при дележе наследства уверены, что Иван обойдётся малым в силу своей «неумности». Сам младший брат в свою очередь со старшими не спорит, лишь подчиняется своей участи и соглашается с братьями. Но в этом и заключается суть волшебной сказки с его участием, что по итогу именно он станет «баловнем судьбы» и главным героем, заполучившим награду (будь то женитьба на богатой девушке или могущество). Поэтому стоит отметить, что «круглый» Иван – дурак и Иван в волшебной сказке имеют мало общего.

В образе Ивана из волшебной сказки, олицетворяющего лучшие человеческие качества по мнению народа того времени, воплощена идея осторожного круга: столкнувшись с проблемами в родном доме Иван отправляется в путь, преодолевает все трудности (не без помощи окружающих), часто даже покидает мир живых (Явь), при помощи Бабы Яги, которая является волшебным проводником попадает в потусторонний мир (Навь), а затем с победой возвращается домой. Из этого можно сделать вывод, что по мнению народа силен тот человек, который, выйдя из дома, совершив определённый путь, имеет возможность и силы вернуться домой, пройдя образный круг, который определила человеку изначально природа.

Например, как в волшебной русской сказке «Иван – крестьянский сын и чудо-юдо». Сказка рассказывает о том, как в некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха (часто-встречающийся зачин в русских народных сказках), и было у них три сына, младший – Иван. По царству – государству разнеслась весть, что чудо-юдо собирается на их землю напасть. Старшие сыновья решили этого не допустить, поехать сразить чудо-юдо, а младшего брата хотели оставить дома, но он не согласился. Отправились они втроем к реке Смородине на калиновый мост. Решили по очереди ночью переправу через мост сторожить. Старшие братья отнеслись к этому не серьёзно, раз землю вокруг моста осмотрели, и спать легли. Ночью приходило чудо-юдо, и если бы не бдительность младшего брата, разорило бы оно соседние земли. Бился два раза Иван с чудо-юдом сам, на третий (волшебное число в сказках) велел братьям отдыхать, но когда на помощь позовёт о откликнуться. И снова братья чуть всё не проспали, а Иван чуть головы не лишился, если бы не его смекалка и сила воли. Победили они врага и собирались возвращаться домой, только Иван решил разведать всё ли тихо в каменных палатах врага на другой стороне моста. Прокрался и подслушал, как мать и жёны поверженного врага собираются за него мстить. И снова спас Иван братьев от неприятелей, и благодаря ему все чудеса-юда да змеи в том краю вывелись, а братья вернулись домой помогать отцу и матери. Сказитель этой волшебной сказки воспевал ум, смекалку, ответственность и отвагу, ставя Ивана в пример.

В этой сказке встречается большая часть функций волшебной сказки, выделенных В.Я. Проппом. Все те же функции выполняют и герои английских народных сказок. Например, персонажи волшебной сказки «Adventures of Jack the Giant-Killer» (Джек – победитель великанов).

Английские волшебные сказки также крайне разнообразны: сказки с участием вымышленных персонажей, нечистой силы, великанов-людоедов и борьбе с ними положительного героя, обычно представителя простого народа, такого как крестьянский сын «Jack» (Джек). Во многих сказках английского эпоса возносятся такие качества как трудолюбие, честность, благородство и смелость. Главные герои, обладающие этими качествами, становятся настоящими народными героями.

Так, в сказке «Adventures of Jack the Giant-Killer», главный герой Джек, крестьянский сын, вначале вступает в борьбу с великанами-людоедами только с одним мотивом – получить награду. Затем он, пройдя не только физическое

испытание в виде битвы, но и моральный путь – изменяется и становится истинным борцом за освобождение своего народа от злодеев-великанов.

Ещё одним сходством в волшебных сказках двух народов является отношение к власти простого народа, расстояние между классами и мера их близости. В целом, Иванов-царевичей народная мудрость холила и лелеяла. Народ с сочувствием относился к их страданиям, с гордостью описывал, как царевичи сражались с разорителями, с радостью рассказывал о благополучном исходе всей истории, когда царевич получал и жену царевну, и как минимум полцарства в придачу. Волшебные сказки часто заканчиваются всеобщим пиром в честь триумфа Ивана-царевича, и пирует по этому случаю весь народ, радуясь тому, что добро победило. Но судьба царевича на этом не заканчивается. Дальше уже идёт рассказ не о царевиче, а о царе – первом лице «тридевятого царства, тридесятого государства». Как он правит и решает дела государственные – народ редко рассказывает, больше делится бытовыми, семейными делами, а также его желаниями и мечтами. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» деятельность царская описывается одним предложением: «Поехал царь по чужим землям, дальним сторонам, долгое время домой не бывал». В «Волшебном яблочке» царь очень добрый, искренне хлопочущий вокруг больной дочери. Из признаков власти – лишь владение казной, жизнь во дворце и возможность царский клич во все стороны царства послать о болезни дочери.

А вот в сказках «Жар-птица и Василиса-царевна» и «Иван-царевич и Серый Волк» царь в плену у своих желаний. Он вдруг хочет Жар-птицу, которая питается молодильными яблочками. Слуга, стрелец-молодец, или сыновья, которым он даёт поручение добыть Жар-птицу, не вправе ослушаться. Царь поручает им это дело, не потому, что это важно для его царства-государства, а лишь затем, что просто хочет владеть Жар-птицей.

Ранее, будучи царевичем, свои желания он исполнял сам, а теперь его царское дело – пожелать что-нибудь и ждать, пока кто-то другой выполнит его желание. Хотя в некоторых сказках написано, что Жар-птицу только тот поймать сможет, кто душой и помыслами чист. Возможно, царь, сидя на троне, уверен, что ему Жар-птица в руки никогда не дастся как раз потому, что не совсем чисты его устремления. Но ведь хочется же Жар-птицей любоваться и пользоваться, вот и добывает её или младший царевич Иван, или слуга-стрелец.

Ещё интереснее образ царя в сказке «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Увидел однажды царь Марью-царевну, такую прекрасную, «что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать», и решил мужа её, своего слугу Андрея-стрельца, известить. В загробный мир к батюшке своему посылал – справился Андрей, воротился к жене. За котом Баюном, которому в радость человека убивать, отправлял – Андрей и здесь оказался молодцом. Трудно было Андрею «пойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что», но он, пообщавшись с Бабой Ягой и волшебной лягушкой, приобрёл верного невидимого друга – свата Наума, который помог ему справиться со всеми невзгодами, в том числе и с самим царём.

Здесь мы видим, что благородного царевича испортил трон, он стал алчен и коварен. Уже не герой, а скорее антигерой. Он не с народом, а против него.

Единственное, что царя интересует, его личный интерес – не государства и не народа, а свой собственный. Так, можно проследить изменение отношения народа к царю, и увеличение расстояния между правителем государства и народом, по мере того, какой титул он имеет.

Таким образом, можно сделать вывод, что сказки сохранили в себе черты прежних представлений и жизненных явлений народа своего времени. Кроме того, можно отметить, что волшебные народные сказки Англии и России имеют мало общего в темах и характеристиках персонажей, однако в них все же встречаются схожие типы героев, выполняющих аналогичные функции и обладающих похожей структурой.

При сравнении главных героев и тематических элементов русских и британских волшебных сказок, становится очевидным, что они обладают подобными чертами, включая общие сюжеты и героев. Сказки с подобными сюжетными линиями встречаются на различных языках, поскольку часто они основаны на единых идеях или концепциях. Это явление можно объяснить схожестью исторического развития народов, общими аспектами повседневной жизни и аналогичным восприятием мира, а также процессом «перемещения» сказок между разными культурами.

Однако, различий в фольклоре двух народов гораздо больше, чем сходств. Это прослеживается в особенностях повествования и структуре, жанровом и сюжетном разнообразии, а также в характерных чертах главных героев.

Список литературы

1. Cundall J. A Treasury of Pleasure Books for Young / J. Cundall, J. Absolon, H. Weir. Palala Press, 2016. 298 p.
2. English Fairy Tales / J. Jacobs – Пальмира, 2022. 285 с.
3. Jacobs J. More English Fairy Tales / J. Jacobs. London: D. NUTT, 1894. 215 p.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. Ростов-на-Дону, 1996. 320 с.
5. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 2-х томах / Т.1. Москва: Концептуал, 2020. 240 с.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 2-х томах / Т.2. Москва: Концептуал, 2020. 272 с.
7. Нечаев. А. Русские народные сказки / издание 3-е, дополнительное / А. Нечаев, Н. Рыбакова. Москва: Детская литература, 1966. 395 с.
8. Померанцева Э. В. О русском фольклоре / Э. В. Померанцева. Москва Наука, 1977. 120 с.
9. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. Москва: Лабиринт, 1998. 512 с.
10. Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. Москва: Лабиринт, 2000. 413 с.
11. Пропп В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. Москва: Изд-во Ленинградского университета, 1976. 325 с.
12. Соболева, Е. К. Национальные особенности английской сказки / Е. К. Соболева, О. В. Коренькова. [Электронный ресурс]. URL: <http://volpi.ru/files/publications/articles=657483> (дата обращения: 03.03.2025)

13. Толкин, Дж. Р. Р. О волшебных сказках / Дж. Р. Р. Толкин. [Электронный ресурс]. URL: <http://fairypot.narod.ru/story/Tolkien.htm> (дата обращения: 03.03.2025).

ЧЭНЬЮЙ С КОМПОНЕНТОМ, НОМИНИРУЮЩИМ 盾 (ЩИТ)

Яковлева Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: yakovleva_e@bsuedu.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос изучения чэньюй, содержащих лексему, номинирующую защитное оружие 盾 (щит). В результате исследования выявлено, что фразеологические единицы с компонентом 盾 (щит) в китайском языке преимущественно эксплицируют негативную коннотацию. Уделено внимание происхождению чэньюй и их месту в предложении.

Ключевые слова: чэньюй, древнее оружие, фразеологические единицы военной тематики, щит, 军事成语, 成语, 盾

CHENGYU WITH A COMPONENT NOMINATING A SHIELD

Elena S. Iakovleva

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State University

E-mail: yakovleva_e@bsuedu.ru

Annotation: The article considers the issue of studying chengyu with a defensive weapon component (shield). It is revealed that idioms with the 盾 (shield) component in the Chinese language predominantly explicate negative connotation. Attention is paid to the origin of chengyu and their place in the sentence.

Keywords: chengyu, ancient weapons, military idioms, shield, 军事成语, 成语, 盾

Фразеологические единицы, содержащие в качестве одного из компонентов лексики, номинирующие оружие, продолжают оставаться актуальным предметом исследования, в связи с тем, что оружие как артефакт объективной реальности отражает национально-культурную специфику. Так, например, щит (盾), относящийся к древнему типу защитного вооружения, в Китае уже был известен в период династии Шан (1600-1046 до н. э.), о чем свидетельствуют археологические находки. Известно, что щит использовался в Китае до XIX в., постепенно теряя свою актуальность в связи с появлением огнестрельного оружия.

В предлагаемом исследовании будут рассмотрены фразеологические единицы, принадлежащие к классу чэньюй – «устойчивых фразеологических словосочетаний (чаще четырехсловных), построенных по нормам древнекитайского языка, семантически монолитных, с обобщенно переносным значением, носящих экспрессивный характер, функционально являющихся

членом предложения» (Войцехович, 2007: 18). (Классификацию китайских фразеологических единиц подробно см.: (Войцехович, 2007)).

В процессе работы из словарей чэньюй (см. список использованной литературы) с помощью сплошной выборки было найдено 6 единиц, содержащих лексему 盾 (щит), что относит компонент к непродуктивным (менее 10 фразеологических единиц).

Таблица 1

Чэньюй, включающие компонент «盾 (щит)»

Чэньюй	Пиньинь	Перевод	Источник происхождения	Член предложения
自相矛盾	zìxiāng máodùn	букв. своим копьём пробить свой щит; обр. противоречить самому себе, впасть в противоречие, противоречивый	战国·韩非《韩非子·难一》 («период Сражающихся царств, трактат «Хань Фэйцзы»)	谓语、定语 (сказуемое, определение)
磨盾之暇	mó dùn zhī xiá	на досуге натирать щит обр.свободное время во время войн	清·江藩《汉学师承记·王昶》 (Династия Цин, Цзянь Фань «Записки учителя Ван Чаня»)	宾语 (дополнение)
以子之矛，攻子之盾	yǐ zǐ zhī máo, gōng zǐ zhī dùn	[а если] вашим копьём ударить по вашему щиту? обр. поразить врага его же оружием, обратить оружие врага против него самого, за чужой счет	战国·韩非《韩非子·难一》 («период Сражающихся царств, трактат «Хань Фэйцзы»)	谓语、宾语 (сказуемое, дополнение)
矛盾重重	máodùn chóngchóng	обр. конфликт интересов, разные точки зрения	《北洋军阀统治时期史话》 («Беседы о времени Бэйянской группировки войск»)	谓语、定语 (сказуемое, определение)
矛盾相向	máo dùn xiāng xiàng	обр.резко противоречить друг другу	出自宋·钱易《南部新书》。 (династия Сун, Цянь И «Наньбу Синь шу»)	宾语、定语 (дополнение, определение)
鬻矛誉盾	yù máo yù dùn	букв. продавать копьё, хвалить щит, обр. противоречить	战国·韩·韩非《韩非子·难一》 («период Сражающихся	谓语、定语 (дополнение, определение)

			царств, трактат «Хань Фэй- цзы»)	
--	--	--	--	--

Представленная таблица делает вполне очевидным национально-культурную особенность изучаемых чэньюй: половина (3 примера) связаны с историей о купце, который продавал оружие в царстве Чу (государство в южном Китае во время эпохи Чуньцю и Чжаньго). У него были на продажу копья, которые могли пробить любой щит, и щиты, которые не могли пробить никакие копья. Однажды, ему предложили ударить выставленный на продажу щит копьем из его лавки. (Т, 1998, с. 335-336). Такое противоречие осталось в веках и послужило источником для таких фразеологических единиц как 以子之矛, 攻子之盾 (обр. поразить врага его же оружием) 、 鬻矛誉盾 (обр. противоречить)、 自相矛盾 (обр. противоречить самому себе) (在线成语词典, URL). Чэньюй 矛盾相向 (обр. резко противоречить друг другу), относящийся к эпохе династии Сунь, более поздний и, следовательно, можно отметить, что, вероятно, также имеет отсылку на приведенную легенду периода Сражающихся царств.

Как известно, «семантика фразеологических единиц базируется на метафорическом переосмыслении значения компонентов, входящих в их состав» (Яковлева, 2019, с.8). Так семантика чэньюй времен династии Цин 磨盾之暇 (обр. свободное время во время войн) переосмысливает то, что во время отдыха солдаты обыкновенно занимались приведением в порядок своего вооружения, в частности как говорится в чэньюй «полировали щит» (БКРС, URL).

Рассматриваемые чэньюй могут выступать в роли различных членов предложения, однако чаще всего выступают в роли определения (定语) и дополнения (宾语).

Например, в произведении Лю Чжэньюнь чэньюй 以子之矛, 攻子之盾 выступает в роли дополнения: 加上他还欠着曹哥鸭棚的赌债; 让曹哥去找这u 盘和钱, 他从中提成; u 盘找到, 再与曹哥结账; 也算以子之矛, 攻子之盾。К тому же за Синемордым еще числился долг. Но если брат Цао найдет заветную флешку, то свои деньги он за нее получит сполна. Таким образом, Синемордый вернет долг брату Цао, решив эту проблему за его счет. (РКПП, 刘, URL, 2007). Как можно отметить из рассматриваемого контекста, коннотация фразеологической единицы негативная.

В переводе на китайский язык романа Л.Толстого «Анна Каренина» чэньюй 自相矛盾 выступает в роли определения: 将近黄昏的时候, 孤零零一个人, 安娜为了想他而胆战心惊, 就写了弗龙斯基已经收到的那封自相矛盾的信。Анна почувствовала такой страх, ...написала то противоречивое письмо, которое получил Вронский... (РКПП, URL, 2025). В рассматриваемом примере коннотация чэньюй 自相矛盾 негативная.

Употребление чэньюй, содержащих лексему, номинирующую древнее оружие преимущественно несут негативную окраску. Как было отмечено в

примерах, приведенных выше: *也算以子之矛，攻子之盾。 за его счет.* (РКПП, 刘, URL, 2007); *自相矛盾的信* *противоречивое письмо* (РКПП, URL, 2025).

Следует отметить, что чэньюй 磨盾之暇 (обр. свободное время) эксплицирует нейтральную коннотацию: *在紧张的战斗间隙，士兵们利用磨盾之暇，抓紧时间修理破损的装备，确保下一次战斗能够顺利进行。 Во время напряженных боевых действий солдаты использовали свободное время, как можно скорее приводя в порядок экипировку, чтобы быть готовыми выполнять следующую задачу* (成语大全, URL, 2025).

Таким образом, было рассмотрено 6 фразеологических единиц в китайском языке, включающих лексему, репрезентирующую защитное вооружение щит, относящихся к классу чэньюй. Было выявлено, что большинство единиц характеризуются отрицательной коннотацией, наиболее часто чэньюй выступают в роли дополнения и определения.

Перспективы дальнейшего изучения фразеологических единиц с компонентом «盾 (щит)» видятся в сопоставительном аспекте с привлечением материала русского, английского и других языков. Понимание чэньюй, включающих лексему «盾 (щит)». и их происхождения обогащает знания об особенностях репрезентации национально-культурной специфики на материале фразеологических единиц.

Список литературы

1. БКРС – Большой китайско-русский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 28.02.2025).
2. Войцехович, И.В, Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник. АСТ: Восток-Запад, 2007. 509 с.
3. РКПП – Русско-китайский параллельный подкорпус НКРЯ. [Электронный ресурс]. URL: https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese (дата обращения: 28.02.2025).
4. Яковлева, Е. С. Национально-культурная специфика компонентов-зоонимов, репрезентирующих домашних, диких и мифологических животных во фразеологическом фонде китайского и английского языков. Автореф. дис. ... кандид. филолог. наук. Белгород, 2019. 22 с.
5. 丁义诚等主编. 常用字音·形·义·用 第 2 分册[M]. 北京. 国防工业出版社. 1998. 页 335-336.
6. 新华词典 [Электронный ресурс]. URL: <http://xh.5156edu.com> (дата обращения: 28.02.2025).
7. 成语大全 [Электронный ресурс]. URL : <https://www.hanyuguoxue.com/chengyu/> (дата обращения: 28.02.2025).
8. 在线成语词典 [Электронный ресурс]. URL : <http://cy.5156edu.com/> (дата обращения: 28.02.2025).

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУЧНОГО И МАШИННОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА У. С. МОЭМА «БРЕМЯ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ»)

Яцына Надежда Викторовна

магистрант

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

E-mail: nadezhda.yatsyna@mail.ru

Яценко Юлия Николаевна

канд. филол. наук, доцент,

Белгородский государственный национальный исследовательский

университет

E-mail: Yatsenko_yu@bsuedu.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнению русскоязычных переводов (ручного и машинного) романа английского писателя У. С. Моэма «Бремя страстей человеческих». Цель исследования заключается в выявлении и систематизации ошибок, допущенных искусственным интеллектом в процессе художественного перевода. В качестве методов изучения были выбраны сравнительный анализ, а также предпереводческий лингвистический анализ художественного текста. Полученные результаты являются актуальными, поскольку в настоящее время в научном мире проходит дискуссия относительно способности искусственного интеллекта заменить профессионала, а также определения сфер перевода, в которых возможно применение машины. Теоретической основой исследования послужили труды И. С. Алексеевой, В. Н. Комиссарова, Л. К. Латышева, Я. И. Рецкера, А. Л. Семенова, П. С. Кузнецова и других.

Ключевые слова: машинный перевод, ручной перевод, художественный перевод, личность переводчика, адаптация.

THE ROLE OF THE TRANSLATOR IN THE PROCESS OF TRANSLATING THE WORK OF FICTION: A CASE STUDY BASED ON MANUAL AND MACHINE TRANSLATIONS OF W. S. MAUGHAM'S NOVEL "OF HUMAN BONDAGE"

Nadezhda Yatsyna

graduate student

Belgorod State National Research University

E-mail: nadezhda.yatsyna@mail.ru

Yuliya Yatsenko

PhD in Philology,

Associate Professor

Belgorod State National Research University

E-mail: Yatsenko_yu@bsuedu.ru

Abstract: This article is dedicated to the comparative analysis of manual and machine translations of the English literary work "Of Human Bondage" by W. S. Maugham. The primary objective of the study is to identify, classify, and systematize errors generated by artificial intelligence during the process of literary translation. The research employs comparative analysis and pre-translational linguistic analysis of the original text as its methodological framework. The results obtained are highly relevant in the current scientific discourse, where there is ongoing debate regarding the potential of artificial intelligence to replace professional translators and the determination of specific

translation domains where machine translation can be effectively applied. The theoretical foundation of the study is grounded in the works of prominent scholars such as I. S. Alekseeva, V. N. Komissarov, L. K. Latyshev, Ya. I. Retsker, A. L. Semenov, P. S. Kuznetsov and others.

Key words: machine translation, manual translation, literary translation, translator's personality, adaptation.

Уильям Сомерсет Моэм – один из известнейших английских писателей XX века, чьи произведения затрагивали проблемы нравственности и морали в современном ему обществе. Многие из его работ были созвучны идеологии нашей страны в XX веке и поэтому неоднократно переводились на русский язык. Узнаваемый стиль Сомерсета Моэма, точность и лаконичность созданных им образов, глубокий философский смысл произведений, актуальная проблематика вызывают интерес у современного поколения читателей. Произведения У. С. Моэма по-прежнему издаются и, следовательно, в профессиональном сообществе переводчиков есть интерес к работе над литературными трудами Моэма.

Художественный перевод – это особый вид перевода. Так, Т. А. Казакова определяет художественный перевод, как «инокультурное подобие исходного художественного текста, отвечающее литературно-коммуникативным требованиям и представлениям общества на определенном историческом этапе» (Казакова, 2002: 7). При этом важно понимать, что из перевода невозможно удалить личность самого переводчика, являющегося «продуктом» определённой эпохи.

Как отмечает Модестов В. С., любой подлинник обязательно должен быть осмыслен и определённым образом истолкован переводчиком. Необходимо учитывать, что переводчики живут в конкретное время и являются частью народа (Модестов, 2006: 44). Следовательно, любой перевод несёт на себе отпечаток времени, в которое он был выполнен и личности переводчика, который его создавал.

В последние годы переводчики всё чаще стали обращаться к искусственному интеллекту на различных этапах работы с текстом, особенно при переводе технических текстов, которые являются примарно-когнитивными и не предполагают наличие ярко выраженного авторского стиля. Однако вопрос о возможности привлечения машины для перевода художественного текста остаётся спорным, хотя бы потому, что машина не обладает личностью.

Среди переводчиков, которые адаптировали произведения У. С. Моэма для русскоязычной аудитории, следует назвать Нору Галь, Михаила Александровича Загота, Галину Арсеньевну Островскую и других. В 1959 году советским читателям был представлен перевод романа “Of Human Bondage”, выполненный Е. М. Голышевой и Б. М. Изаковым.

Мы осуществили сопоставительный анализ машинного перевода, созданного онлайн-переводчиком DEEPL и ручного перевода, созданного профессиональными переводчиками Б. Р. Изаковым и Е. М. Голышевой с целью определения того, какой из двух видов перевода является наиболее точным, и можно ли считать машинный перевод полноценной альтернативной

человеческому переводу. Нами были систематизированы основные ошибки, допускаемые машиной при переводе авторского текста. Рассмотрим наиболее типичные из них.

Так, было установлено, что при выборе лексико-семантического варианта многозначных лексических единиц машина ориентируется на статистические данные, то есть делает выбор в пользу наиболее частотного варианта. Искусственный интеллект учитывает формальный параметр, а не смысл, задаваемый окружением лексической единицы и более широким контекстом:

Оригинал: *"You've sent for Mrs. Carey's brother-in-law, haven't you?"*

"Yes, sir."

"D'you know at what time he'll be here?"

"No, sir, I'm expecting a telegram." (Maugham, 1942: 2).

DEEPL: *«Вы ведь послали за зятем миссис Кери?»*

«Да, сэр».

«Вы знаете, в котором часу он будет здесь?»

«Нет, сэр, я жду телеграмму».

Б. Р. Изаков, Е. М. Голышева: *« – Вы послали за деверем миссис Кэри?*

– Да.

– Как вы думаете, когда он придет?

– Не знаю, я жду телеграмму.» (Моэм, 2022)

Английским словом *"brother-in-law"* могут описываться различные виды родственных связей – это может быть и зять, и деверь, в то время, как в русском для каждого из названных родственников имеется своя собственная лексема. Для профессиональных переводчиков не составило труда выбрать тот вариант, который отражает специфику русскоязычной категоризации. Искусственный интеллект сделал выбор в пользу более частотного значения слова и, тем самым, допустил логическую ошибку.

В качестве другой распространённой ошибки можно рассматривать фактические ошибки, затрагивающие историю, культуру народа и национальную специфику языка. В частности, были проанализированы случаи передачи на русский язык человеком и машиной авторских аллюзий – отсылки к другим произведениям и историческим событиям.

Оригинал: *"You've got a new dress on."*

It was in eighteen-eighty-five, and she wore a bustle. ... She wore a black bonnet with velvet strings" (Maugham, 1942).

DEEPL: *«У тебя новое платье».*

Это было платье восемнадцатого-восемьдесят пятого года, и на ней был бюст. ... На голове был черный чепец с бархатными завязками.

Б. Р. Изаков, Е. М. Голышева: *« – У тебя новое платье.*

Шел 1885 год, и женщины подкладывали под юбки турнюр. ... Капор тоже был черный и завязывался бархотками.» (Моэм, 2022)

Сравнительный анализ показал, что онлайн-переводчик выбирает вариант «бюст» при переводе слова *"bust"*. Профессиональные переводчики учли эпоху, описываемую в произведении и собрали информацию о модных тенденциях того времени. Выбрав слово *«турнюр»*, они сумели передать дух того времени

и историческую точность, поскольку в конце девятнадцатого века данный предмет женского туалета назывался именно словом «турнюр». Лексическая замена «капор», которая встречается в том же описании, также оправдана, поскольку обращение к энциклопедическим данным позволило обнаружить историческую точность, которую сохранили переводчики-профессионалы. На рубеже XIX века в Европе появился головной убор, который изначально носили служанки, а позднее и их хозяйки. И этот головной убор назывался именно «капор». Таким образом, профессиональным переводчикам и в этом случае удалось избежать фактической ошибки и сохранить в тексте перевода «дух» времени, в то время как машина не сумела сохранить историческую достоверность, хотя и достаточно точно воспроизвела на русском языке описание головного убора.

Наибольшее количество ошибок было допущено искусственным интеллектом при передаче образных средств, то есть авторских изобразительных и выразительных приёмов. Использование тропов и фигур речи является важнейшим признаком художественного литературного произведения. Хотя для стиля Уильяма Сомерсета Моэма характерны лаконичность сдержанность, отсутствие многообразия средств художественной выразительности и изобразительности, тем не менее, человек-переводчик способен раскрыть авторский замысел и целесообразно привнести в систему образов произведения что-то от себя, делая перевод более художественным и гармоничным.

Обратимся к примеру передачи эпитетов средствами русского языка:

Оригинал: *““The room was filled with massive furniture, and on each of the sofas were three big cushions. There was a cushion too in each arm-chair””* (Maugham, 1942: 3).

DEEPL: *«Комната была заставлена массивной мебелью, и на каждом из диванов лежало по три большие подушки. В каждом кресле тоже было по подушке.»*

Б. Р. Изаков, Е. М. Голышева: *«Комната была заставлена громоздкой мебелью, и на каждой оттоманке лежало по три больших пуфа. В креслах тоже лежали подушки.»* (Моэм, 2022)

Выбор искусственным интеллектом определения «массивная» при описании мебели вполне оправдан. Однако, на наш взгляд, слово «громоздкая», отобранное профессионалами, добавляет коннотацию «неудобный, мешающий», что вполне соответствует авторскому замыслу, поскольку мебель в комнате была чрезмерно большой для маленькой комнаты. Благодаря лексеме «громоздкая» читателю легче представить не только то, как выглядела мебель, но и как она смотрелась в конкретном пространстве и даже ощущения человека, оказавшегося в этой комнате.

Наконец, машина не в состоянии учесть человеческий фактор, то есть адаптировать перевод для русского реципиента, а также привнести что-то «от себя» в перевод для сохранения авторского замысла и уточнения отдельных образов.

Оригинал: *““Oh! Does your mother wash?”*

"My mother's dead, too." (Maugham, 1942).

Philip thought this answer would cause the boy a certain awkwardness, but Venning was not to be turned from his facetiousness for so little.

"Well, did she wash?" he went on.

"Yes," said Philip indignantly.

"She was a washerwoman then?"

"No, she wasn't."

"Then she didn't wash." (Maugham, 1942).

DEEPL: ««А твоя мать моется?»»

«Моя мать тоже умерла».

Филипу показалось, что такой ответ вызовет у мальчика некоторую неловкость, но Веннинга было не отворотить от его лицедейства из-за такой малости.

«Ну, она помылась?» – продолжил он.

«Да», – возмущенно ответил Филипп.

«Значит, она была прачкой?»

«Нет, не была».

«Значит, она не стирала.»»

Б. Р. Изаков, Е. М. Голышева: « – Ага... А мать твоя любит поесть?

– Мама тоже умерла.

Филип надеялся, что его ответ смутит мальчика, но Веннинга не так легко было унять.

– Но раньше любила? – настаивал он.

– Наверно, – с возмущением сказал Филип.

– Значит, она была обжора?

– Нет, не была.

– Значит, она померла с голоду» (Мозм, 2022).

Мы можем наблюдать в примере профессионального перевода, как для сохранения эффекта, достигаемого игрой слов в тексте оригинала, авторы делают замену лексемы «прачка» лексемой «обжора». Машина не способна на такую «вольность» и, соответственно, не в состоянии передать ироничный тон диалога.

Таким образом, в результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что художественный перевод – это один из самых сложных видов перевода. Личность переводчика имеет большое значение именно в данном виде перевода. Многие из ошибок, которые допускает машина в настоящее время (оформление текста, выбор лексико-семантического варианта, фактические ошибки др.) в процессе обучения машины, возможно, будут в будущем устранены. Однако создать связный, целостный, структурированный, законченный вторичный текст на основе текста оригинала, который при этом отражал бы творческую личность не только автора, но и индивидуальность переводчика, машина не сможет никогда. На это способен только человек.

В заключение необходимо отметить, что очевидным является то, что искусственный интеллект с каждым годом всё активнее будет внедряться во все сферы человеческой жизнедеятельности. Решая рутинные задачи, он позволит

профессионалам сосредоточиться на чистом творчестве. На данном этапе важно понять, как можно применять искусственный интеллект в процессе перевода, не исключая человека, являющегося незаменимой уникальной личностью

Список литературы

1. Казакова, Т. А. Художественный перевод: Учебное пособие / Т.А. Казакова. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. 112 с.
2. Модестов, В. С. Художественный перевод: история, теория, практика/ В.С. Модестов. Москва: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006. 457 с.
3. Моэм, Сомерсет. Бремя страстей человеческих: [роман] / Сомерсет Моэм; [перевод с английского Е. Голышевой, Б. Изакова]. Москва: Издательство АСТ, 2022. 800 с.
4. Maugham, W. S. Of Human Bondage / W. S. Maugham. New York: The modern library, 1942. 700 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/ofhumanbondage0000wsom/page/700/mode/2up?view=theater> (дата обращения 12.12.2024).

*Научное электронное издание
сетевого распространения*

**ТЕКСТ И ВНЕТЕКСТОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
10–11 апреля 2025 года

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 27.06.2025.
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 3,9 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48